ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК
Института востоковедения РАН

5

2018

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН 2018 №5

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2018

5

Журнал выходит шесть раз в год

Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302 Серийное издание

К 200-летию Института востоковедения РАН

To the 200th Anniversary of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Журнал учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

Дизайн обложки – *С. В. Ветохов*; макет и верстка – *С. Е. Малых*

На обложке: статуя Майтрейи в монастыре Тикси, Ладакх, северная Индия (*фото А. М. Шустовой*)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2018

5

Published bimonthly

Founded in February, 2018

Moscow
IOS RAS

The Journal was founded by the Academic Council
of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Вестник Института востоковедения РАН. № 5. – М.: ИВ РАН, 2018. – 242 с.

ISSN 2618-7302

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ОТ РЕДАКЦИИ

Номер, осеняемый гигантским ликом Майтрейи – будды грядущего, выделяется двумя крупными блоками статей: один посвящен различным проблемам изучения буддизма, а второй представляет собой разноголосый сборник филологических материалов в честь выдающегося лингвиста, руководителя Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения Зои Михайловны Шаляпиной.

Но прежде – как мы делаем в этом году постоянно – вспомним собственную историю. Л. Б. Алаев с аргументами в руках объясняет Анастасу Микояну, почему его шутка про дремлющее востоковедение – не более чем острое словцо. Правда, острие это было направлено в самое сердце Института, пытавшегося сохранить науку несмотря на причудливые изгибы линии партии (об этом – в исчерпывающих материалах об арабских исследованиях и изучении Афганистана в ИВ РАН).

Дискуссионная рубрика «Вестника» снова отдана актуальной ныне теме общины на Востоке, и недаром: в своем исследовании-эссе ветеран индологии А. А. Куценков как будто создает метафору любого сообщества, связанного схожими интересами и «строительной площадкой», – возможно, стартовые позиции членов этого сообщества и разнятся, но люди делают общее дело. Третий остро дискуссионный материал из «общинной» серии А. Л. Рябинина (в соавторстве с И. А. Рябининой) посвящен попытке развенчания некоторых китаеведческих представлений о китайской общине и ее непростым отношениям с никогда не дававшим ей покоя государством.

Вторая инсталляция о тонкостях вопросов юриспруденции в отдельно взятом средневековом японском уделе перекликается с блоком материалов по буддизму; разбираются права и обязанности монахов и взятых ими (в услужение) женщин. Можно ли развязывать шнурки монашеского одеяния при чужой жене и что за это будет всем участникам сцены? Какое наказание ожидает «нелюдей» за распитие веселящих напитков при высокородных самураях? И причем здесь, наконец, кожаные сандалии?

Институтские исследователи современного Востока продолжают разбор полетов военных самолетов над Сирией, прогнозируют дальнейшее развитие отношений между Россией и Индией и дают взвешенные советы путешественникам на Филиппины.

И если стороннему наблюдателю вроде Микояна совместная работа ученых Института может показаться работой на строительстве Вавилонской башни после разделения языков, исследования институтских филологов помогут разобраться с различиями и найти сходства там, где, казалось бы, четко разграничены интересы и области исследований.

Редакция «Вестника» от души присоединяется к добрым словам и пожеланиям члена-корреспондента РАН В. М. Алпатова и его коллег-филологов Зое Михайловне Шаляпиной и желает всем читателям этого выпуска журнала увлекательных востоковедных путешествий, оригинальных исследований и даже откровений, мысль о которых приходит на ум при взгляде на статую будды грядущего.

Редакция журнала «Вестник Института востоковедения РАН»

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В 1950-Е – 1970-Е ГГ.: ГАФУРОВСКИЙ ПРИЗЫВ И ВОЗДУХ МОЛОДОСТИ

Л. Б. Алаев*

От редакции: Статья выдающегося российского историка и индолога посвящена истории Института востоковедения в 1950–1970-х гг., когда у руля Института встал Furthermore Бободжан Гафурович Гафуров. Автор вписывает процессы и события, происходившие в стенах института, в широкий исторический контекст эпохи, разъясняя, в частности, ошибочность легендарной и зловещей шутки А. И. Микояна об Институте. Воспоминания касаются многих выдающихся деятелей Института, знакомых автору лично.

Ключевые слова: Б. Г. Гафуров, советские востоковеды, история востоковедения, Институт востоковедения РАН, ИВ РАН, марксизм, мемуары, Оттепель.

INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES IN THE 1950s – 1970s.: GAFUROV'S DRAFT AND A YOUTHFUL AIR

Leonid B. Alaev

Editorial: This article by a prominent Russian historian and Indologist covers the history of the Institute of Oriental Studies in 1950s–1970s, when the Institute was led by Bobodzhan G. Gafurov. The author inserts some of the processes and events that took place within the Institute walls in the broader historical context, commenting, among other things, on Anastas Mikoyan's near-legendary malevolent joke concerning the Institute. The author's recollections cover many of the Institute's outstanding scholars whom the author knew personally.

Keywords: Bobodzhan G. Fafurov, Soviet Orientalists, history of Oriental studies, Institute of Oriental Studies RAS, IOS RAS, Marxism, memoir, Kruschev's Thaw.

Рубежным в жизни СССР стал 1956 г. XX съезд КПСС и то, что называлось «разоблачением культа личности» Сталина, встряхнули всю страну. Она начала оттаивать от сталинской заморозки. Время после XX съезда КПСС впоследствии назвали «Оттепелью». Определение оказалось точным, поскольку нас ждали еще несколько морозных периодов. Малой частью этой Оттепели стало преобразование Института востоковедения АН СССР, по сути, второе его рождение.

Заявление А. И. Микояна в речи на XX съезде «Восток проснулся, а Институт востоковедения все еще спит» было несправедливым, поскольку работа Института всегда направлялась властями, и его несоответствие задачам того момента объяснялось изменениями в концепции внешней политики Советского Союза. Если в Коминтерновские времена ставка в отношении колоний и полуколоний (так предпочитали называть страны Востока, сохранившие к тому времени независимость) делалась на классовую борьбу в этих странах и скорую революцию («пролетарскую» или «буржуазную»), а, следовательно, на возникшие к тому времени группы революционеров, объявивших себя «Коммунистическими партиями», то сразу после смерти Сталина прицел стал меняться. Под союзниками «первого в мире социалистического государства» стали пониматься не столько революционеры разных стран, сколько эти страны в целом, в том числе, в первую очередь, их правящие круги, которые,

* Леонид Борисович АЛАЕВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alaev_leonid@mail.ru

Leonid B. ALAYEV, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alaev_leonid@mail.ru

по принятой тогда фразеологии, были «буржуазией». К 1956 г. стало ясно, что националистические вожди, пришедшие к власти в результате деколонизации, имеют гораздо больший «антиимпериалистический» потенциал, чем левые силы, и нужно ориентироваться на союз с ними. На самом деле, не Институт востоковедения «заснул», а политика Советского правительства на Востоке (вообще в отношении неевропейского мира) изменилась. А успевать за зигзагами советской политики было всегда сложно.

В стране стал ощущаться дефицит не «аграрников» и специалистов по рабочему движению, разоблачителей «предательства» правящих классов, а специалистов, глубоко знающих зарубежные страны. Советский вариант строительства внешней политики объективно выдвигал востоковедение на одно из первых мест среди идеологических дисциплин.

Счастливо для востоковедов сложились и другие факторы, не имевшие отношения к науке и внешней политике. В рамках замены партийных кадров Сталинского периода в Москву был вызван Первый секретарь КП Таджикистана Бободжан Гафурович Гафуров. Не найдя ему подобающего места в номенклатуре столичного ЦК, власти предложили Гафурову возглавить Институт востоковедения, который при этом должен был получить небывалый прежде статус. Институту востоковедения и всему отечественному востоковедению, скажем прямо, исключительно повезло. У Гафурова были большие возможности (он оставался членом ЦК КПСС) и настоящий, глубокий интерес к восточным цивилизациям. Он имел отношение к науке (являлся в то время академиком Академии наук Таджикской ССР, впоследствии стал академиком и АН СССР) и был хорошим организатором. Как восточный человек он понимал значимость Востока для всего мира и, выполняя партийный заказ на развертывание современных экономических и политологических исследований, в то же время проявил серьезную заботу о так называемом *традиционном цикле*, о развертывании или, по крайней мере, поддержании изучения древней и средневековой истории, языков, литератур, культуры в самом широком смысле.

Он согласился стать директором Института востоковедения, выговорив ряд привилегий, которых, кажется, не имел в то время ни один институт Академии. Во-первых, он добился кардинального увеличения штата Института. Трудно сейчас сказать, был ли он ограничен в праве принимать людей на работу. Создавалось впечатление, что он брал в Институт всех, кого хотел. Во-вторых, при Институте были основаны сразу два «собственных» журнала: «толстый», как мы его называли, а именно, *Советское востоковедение* (потом он стал *Проблемами востоковедения*, а затем *Народами Азии и Африки* и, наконец, *Востоком*) [Алаев, 2018; Захаров, 2018; Куценков, 2018], и «тонкий» – *Современный Восток*, ныне *Азия и Африка сегодня*. Первый был предназначен для серьезных научных статей по всем проблемам, которыми занимался Институт, а второй публиковал материалы о современности, более облегченные, рассчитанные на широкого читателя.

В-третьих, Институт обзавелся собственным издательством, которое специализировалась на публикации востоковедных, прежде всего – институтских работ. В нем издавались и другие книги, связанные с востоковедением, но наши книги всегда имели приоритет. Не было проблемы финансирования издания книг, потому что издательство было «*планово-убыточным*», т. е. всегда могло попросить дополнительные средства на издания плановых работ, поскольку, как известно, планы надо выполнять. Гениальной кадровой находкой Б. Г. Гафурова оказался директор издательства Олег Константинович Дрейер (1919–1997). Он сумел собрать высококвалифицированный коллектив редакторов, рецензентов, корректоров; наладить издание памятников на восточных, а том числе древних, языках в соответствующей графике (напомним, что в то время современных способов воспроизведения текстов не существовало), основать несколько серий популярных книг («Рассказы о странах Востока» и др.), имевших значительный спрос и отчасти покрывавших убытки при издании научных книг. Руководители издательства Академии наук (позже наименованного издательством «Наука») не могли примириться с появлением более

удачливого конкурента, и со временем добились присоединения «Издательства восточной литературы» к «Науке» в качестве одной из своих *Главных редакций*. О. К. Дрейер стал носить титул «Главный редактор Главной редакции восточной литературы издательства “Наука”». Однако все же по факту у Института сохранилось «собственное» издательство вплоть до Перестройки, когда вся система организации науки в стране стала разрушаться.

Гафуров получил небольшой, но укомплектованный видными специалистами институт. В нем уже значились такие ученые, как Игорь Михайлович Рейснер (1898–1958) – один из основателей советской индологии, Евгений Александрович Беляев (1895–1964) – один из тогдашних корифеев в области арабистики и исламоведения, Василий Матвеевич Бескровный (1908–1978) – ведущий специалист по индийским языкам урду и хинди и литературе на этих языках, академик Владимир Александрович Гордлевский (1876–1956) – специалист по тюркским языкам, Александр Андреевич Губер (1902–1971), ставший позднее академиком, – основатель изучения истории стран Юго-Восточной Азии в нашей стране, Анатолий Филиппович Миллер (1901–1973) – специалист по новой и новейшей истории Турции (он стал сотрудником Института чуть позже – в 1966 г.), турколог-медиевист Анна Степановна Тверитинова (1910–1973), основавшая так называемый *Семинар по феодализму*, который стал в Институте центром дискуссий по проблемам всей истории Востока, монголовед мирового уровня Нина Павловна Шастина (1898–1980), Алексей Михайлович Дьяков (1896–1974) – индолог-энциклопедист, Евгений Михайлович Жуков (1907–1980) – японист, впоследствии ставший одним из руководителей исторической науки в СССР, Абдурахман Фасляхович Султанов (1904–?) – зав. отделом арабских стран, Иосиф Самуилович Брагинский (1905–1989) – специалист в области персидской культуры, ставший главным редактором журнала «Советское востоковедение» и по существу заложивший основу его редакционной политики, Сергей Николаевич Ростовский (1903–1981) – специалист по истории национально-освободительного движения, индолог-экономист Софья Моисеевна Мельман (1896–1978), Кока Александровна Антонова (1910–1907) – в те годы единственный отечественный индолог-медиевист, Людмила Рафаиловна Гордон (Полонская) (1922–1996), в то время изучавшая общественные отношения пуштунов Пакистана, а затем возглавившая направление исламоведческих исследований.

В Ленинградском отделении, ставшим органической частью Института востоковедения, работали такие корифеи, как Нина Викторовна Пигулевская (1894–1970) – специалист по средневековой истории Ближнего Востока; Евгений Эдуардович Бертельс (1890–1957), заведовавший отделом Ирана; Михаил Николаевич Боголюбов (1918–2010) – специалист по иранским и тюркским языкам, академик Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951) – крупнейший арабист; академик Василий Васильевич Струве (1889–1965) – неформальный глава отечественных специалистов по Древнему Востоку. Гафурову удалось установить тесные деловые и дружеские отношения с Иосифом Обгаровичем Орбели (1887–1961), который был в тот период директором ЛО ИВ АН, и со всеми другими «петербургскими» корифеями, которые были «выше» его в академической табели о рангах. Они с пониманием встретили назначение на должность директора ЛО ИВ АН Юрия Ашотовича Петросяна (1930–2011). Он тоже оказался кадровой находкой Гафурова. На протяжении многих лет Юрий Ашотович очень умело и дипломатично проводил руководящую линию.

Авторитет Бободжана Гафуровича позволил ему «перетащить» в Москву нескольких ученых из Средней Азии, с которыми он там сотрудничал и высоко ценил их знания и способности. Это, прежде всего, Борис Анатольевич Литвинский (1923–2010) – археолог, в то время уже член-корреспондент Таджикской Академии наук; его жена Елена Абрамовна Давидович (1922–2013) – признанный авторитет в области нумизматики Средней Азии и всего Ближнего и Среднего Востока, Нафтулла Аронович Халфин (1921–1987) – специалист по новой истории Афганистана и сопредельных стран, Григорий Львович Бондаревский (1920–2003) – знаток международных отношений на Востоке, Юрий Николаевич

Завадовский (1909–1979) – специалист по культуре Среднего Востока, Алексей Давыдович Литман (1923–1992) – специалист по индийской философии. Перевод ученых в Москву в то время был трудной операцией. Надо было не только получить для них *ставки*, но еще и московскую *прописку*. Надо было *выбить* для них квартиры. И надо было в полной мере использовать их потенциал, поручив им руководство научными коллективами. Г. Л. Бондаревский возглавил совершенно новый для востоковедения отдел – Международных отношений. Б. А. Литвинский стал во главе сектора археологии, а впоследствии – Отдела истории и культуры Древнего Востока. Е. А. Давидович начала работать в Отделе публикации памятников, а затем стала руководить этим Отделом. Н. А. Халфин возглавил сектор истории Средней Азии.

Отдельно надо сказать о том, что в это время в Москву стали возвращаться люди из лагерей и ссылок, в том числе востоковеды. Период *Оттепели* – это еще и «появление» коллег как бы из небытия. Многие из них внесли солидный вклад в развитие советского востоковедения в последующие годы.

Среди них Николай Иосифович Конрад (1891–1970) – специалист по культуре Китая и Японии, впоследствии академик АН СССР, Михаил Александрович Коростовцев (1900–1980) – египтолог, известный во всем мире, позднее тоже избранный в академики; Ростислав Александрович Ульяновский (1904–1995) – востоковед широкого профиля, ставший зам. директора ИВ АН в 1958–1961, а впоследствии зам. заведующего Международным отделом ЦК КПСС, признанный лидер в изучении эволюции освободившихся стран; специалист по арабо-мусульманской культуре Исаак Моисеевич Фильштинский (1918–2013), Юрий Владимирович Ганковский (1921–2001), ставший основателем отечественной школы пакистановедения.

В этом же ряду оказался и Юрий Николаевич Рерих (1902–1960), хотя он вернулся не из заключения, а из-за границы. Его недолгая работа в ИВ АН (1957–1960) позволила начать восстановление отечественных санскритологической и буддологической школ, практически разгромленных в период репрессий.

Заметим также, что Институт востоковедения «проснулся» в том смысле, который придал этому понятию А. И. Микоян, несколько раньше XX съезда. Большой «десант», который должен был *укрепить* (тогдашняя фразеология) востоковедный *фронт*, высадился на паркете Института (который тогда располагался в особняке на улице Кропоткина – ныне Пречистенка) уже в 1953 г. Среди «мобилизованных» в то время «новых» востоковедов были корееввед и специалист по проблемам освободившихся стран Георгий Федорович Ким (1924–1989), японист Александр Львович Гальперин (1896–1960), арабисты Малюта Фазлеевич Гатауллин (1924–1988), Николай Алексеевич Иванов (1928–1994), Аврора Ивановна Фалина (1923–1986), тюркологи Абдулла Марданович Шамсуддинов (1907–1998) и Борис Михайлович Поцхверия (1919–2015), египтолог Татьяна Николаевна Савельева (1916–1999), индолог-древник Григорий Федорович Ильин (1914–1985), индологи-историки Нового и Новейшего времени Владимир Васильевич Балабушевич (1900–1970), Тамара Филипповна Девяткина (1918–2003), Маргарита Николаевна Егорова (1924–2011) и Александр Михайлович Мельников (1922–2005), индолог-аграрник Григорий Григорьевич Котовский (1923–2001), индолог-экономист Алексей Иванович Левковский (1924–1985), специалист по внешней политике Республики Индия Юрий Петрович Насенко (1916–1976), специалист по истории и культуре одного из районов Индии – Анхры – Зоря Николаева Петруничева (1926–1995), тибетолог Юрий Михайлович Парфионович (1921–1990), впоследствии успешно подготовивший к изданию тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями, над которым до своей смерти работал Ю. Н. Рерих, иранистка Елена Алексеевна Дорошенко (1920–1998), Георгий Ильич Левинсон (1918–1988), вместе с А. А. Губером заложивший основы изучения истории стран Юго-Восточной Азии, китаист, специалист по тайпинам, ставший впоследствии крупным теоретиком истории Василий Павлович Илюшечкин (1915–1996), специалист по древнему Китаю Татьяна Васильевна

Степугина (1923–2017), китаист и историограф, теоретик исторического процесса Владимир Николаевич Никифоров, историк Китая новейшего времени Татьяна Николаевна Акатова (р. 1923), монголовед Илья Яковлевич Златкин (1898–1990), японисты Петр Павлович Топеха (1905–1985), Игорь Александрович Латышев (1925–2006) и Седа Багдасаровна Маркарьян (р. 1928), корееведы Фанни Исааковна Шабшина (Куликова) (1906–1998) и Галина Давыдовна Тягай (1922–2006), историк-афганист Роман Тимофеевич Ахрамович (1923–1989), историк-бирманист Владимир Федорович Васильев (1924–2010), бирманист Антон Никифорович Узянов (1916–2004), аграрник Петр Павлович Моисеев (1922–2001), специалист по японскому языку Николай Александрович Сыромятников (1911–1984), китаист-лингвист Георгий Петрович Сердюченко (1904–1965), возглавивший позже Отдел языков, о деятельности которого еще пойдет речь; специалист по языку хинди Алексей Степанович Бархударов (1927–2001), специалист по персидской литературе Андрей Евгеньевич Бертельс (1926–1995), исследователь духовных процессов в странах Востока в Новое и Новейшее время Залман Исаакович Левин (р. 1923).

Коллектив Института продолжал пополняться и в 1954–1955 гг., расширялся спектр его исследований. В эти годы в Институт пришли Магомет-Нури Османович Османов (1924–2015) – исследователь Корана и впоследствии создатель его нового перевода на русский язык, Эрик Наумович Комаров (1927–2013) – индолог широкого профиля (духовные процессы средневековой Индии; творчество Рабиндраната Тагора; М. К. Ганди и гандизм; политический процесс в современной Индии), кореевед Виктор Иванович Шипаев (1928–1994), Людмила Михайловна Чевкина (р. 1929) – специалист по бенгальскому языку, Надежда Ивановна Тяпкина – китаист, изучавшая проблему сельской общины в Китае Нового времени, арабист Наталия Сергеевна Луцкая (1916–1984), китаист Леонард Сергеевич Переломов (р. в 1928), впоследствии перешедший в Институт Дальнего Востока, индолог-аграрник Виктор Георгиевич Растянников (1928–2015), специалист по средневековой истории Таиланда Нина Васильевна Ребрикова (р. 1920), специалист по истории Цейлона Эра Давидовна Талмуд (1927–1993), египтолог Иосиф Александрович Стучевский (1927–1989), китаист Григорий Дмитриевич Сухарчук (1927–2006), индолог-медиевист Клара Зармайровна Ашрафян (1924–1999), специалист по бенгальскому языку Евгения Михайловна Быкова (1917–?), специалист по японскому языку Игорь Фридрихович Вардуль (1923–1998), афганист Георгий Федорович Гирс (1928–1994), специалист по литературе хинди Нина Дмитриена Гаврюшина (р. 1928), специалист по культуре Японии Лидия Диомидовна Гришелева (1926–1993), специалист по предыстории и древней истории ираноязычных народов Эдвин Арвидович Грантовский (1932–1995).

Значительный отряд выпускников Истфака МГУ и Московского института востоковедения (МИВ) пришел в Институт в 1956–1957 гг. Почти все они были выпускниками 1953–1955 гг., не нашедшими после окончания института работы по специальности. Среди них упомянем арабиста Евгения Александровича Лебедева (1921–2000), индолога-древника Григория Максимовича Бонгард-Левина (1933–2008), ставшего академиком АН СССР, афганиста Александра Давидовича Давыдова (1928–2001), санскритолога Татьяну Яковлевну Елизаренкову (1919–2007), специалиста по литературе на урду Алексея Сергеевича Сухочева (1928–2000), япониста и экономиста Анатолия Иосифовича Динкевича (1923–2011), возглавившего вскоре вновь созданный Отдел экономических проблем, историков Юго-Восточной Азии Эдуарда Оскаровича Берзина (1931–1997) и Владимира Александровича Тюрина (1933–2015), специалиста по персоязычной литературе Газанфара Юсиф-оглы Алиева (1930–1984), индолога-медиевиста Леонида Борисовича Алаева (р. 1932), ираниста Артема Завеновича Арабаджяна (1922–2004), афганиста Марианну Рубеновну Арунову (р. 1929), кореиста Игоря Степановича Казакевича (1920–1997), ставшего заведующим Отдела социалистических стран Азии, Исидора Саввича Кацнельсона (1910–1981) – основателя изучения древней Нубии и Мероэ, Льва Рафаиловича Концевича (р. 1930) – текстолога, лингвиста, публикатора памятников, создателя

подробнейших справочников по истории Кореи, Китая и Японии, Владимира Петровича Липеровского (р. 1927) – специалиста по языку хинди, Михаила Семеновича Лазарева (р. 1930) – основателя курдоведения в Институте, Александра Моисеевича Пятигорского (1929–2012) – изучавшего труды южноиндийских мыслителей и ставшего впоследствии видным философом, Льва Игоревича Рейснера (1928–1990) и Глерия Кузьмича Широкова (1930–2005) – индологов-экономистов, ставших авторитетными специалистами по экономике развивающихся стран; специалиста по персидскому языку Юрия Ароновича Рубинчика (р. 1923), специалиста по социально-экономической истории арабских стран Ирину Михайловну Смилянскую (р. 1925), китаиста и лингвиста широкого профиля Вадима Михайловича Солнцева (1928–2000), бывшего в 1965–1986 гг. заведующим Отделом языков в ИВ АН, а затем ставшего директором Института языкознания АН СССР, Нину Ивановну Чегодарь (р. 1924) – специалиста по японской литературе, Роберта Григорьевича Ланду (р. 1931) – специалиста по истории арабского мира и проблем исламоведения, Святослава Игоревича Потабенко (1923–2011) – специалиста по индийскому изобразительному искусству, Илью Бецальевича Редько (1923–1991) – историка Непала, Всеволода Сергеевича Семенцова (1941–1986) – исследователя индийской классической философской литературы, издавшего научный перевод *Бхагавадгиты* и объяснившего функцию *Упанишад*, китаиста Наталью Ивановну Фомину (1932–2012), Фанни Александровну Тодер (1911–2000), начавшую изучение истории Тайваня, Михаила Сергеевича Андронова (1931–2008), исследователя дравидийских языков, монголоведа Марка Исааковича Гольмана (р. 1927), искусствоведа Китая Евгению Владимировну Завадскую (Виноградову) (1930–2002), Игоря Всеволодовича Можейко (1934–2003) – бирманиста, ставшего более известным, правда, в качестве писателя-фантаста под именем Кир Булычев.

В 1961 г. в Институт востоковедения влилась группа китаистов, которые работали в Институте китаеведения с 1957 г., а после его расформирования предпочли перейти не в новый Институт Дальнего Востока, создававшийся для изучения проблем современных Китая, Японии и Кореи, а в ИВ АН, где сохранялись исследования «традиционного цикла».

Среди них были Всеволод Сергеевич Таскин (1917–1995), будущий академик Сергей Леонидович Тихвинский (1918–2018), Рудольф Всеволодович Вяткин (1910–1995), выполнивший первый полный перевод хроники Сыма Цяня *Ши Цзи* (закончил подготовку этого труда к печати его сын Анатолий Рудольфович Вяткин, 1946–2015), литературовед Марк Евсеевич Шнейдер (1921–1981), Нина Михайловна Калюжная (р. 1924) – специалист по восстанию ихэтуаней, медиевисты Наталья Павловна Свистунова (р. 1930) и Алексей Анатольевич Бокщанин (1935–2016), исследовательница духовных процессов в Новое время Лилия Николаевна Борох (р. 1933), специалист по периоду Цин Олег Ефимович Непомнин (р. 1935) и другие.

После 1957 г. пополнение штата Института продолжалось. Пришли индолог-искусствовед Семен Иванович Тюляев (1898–1993), специалист по истории Ближнего и Среднего Востока Владимир Васильевич Цыбульский (1908–1992), индолог-литературовед Игорь Дмитривич Серебряков (1917–1968), индолог-литературовед Евгений Петрович Челышев (р. 1921), возглавивший Отдел литератур и ставший впоследствии академиком-секретарем Отделения филологических наук АН СССР, специалист по тайскому языку и общим проблемам языкознания Юрий Яковлевич Плам (1921–1994), индолог Петр Михайлович Шаститко (1923–2009), изучавший также теоретические проблемы национально-освободительного движения, специалист по китайской литературе Леонид Евсеевич Черкасский (1925–1998), специалист по истории древней Южной Аравии Глеб Михайлович Бауэр (1925–1989), Ким Владимирович Малаховский (1925–1999), возглавивший Отдел Тихоокеанских проблем, что еще больше расширило тематику Института, специалист по турецкой литературе Светлана Николаевна Утургаури (р. 1927), политолог-международник Грация Павловна Колыхалова (1927–2004), турколог Николай Гаврилович Киреев (р. 1929), историк-бирманист Марина Георгиевна Козлова (1929–2014), кореевед-медиевист Юрий

Васильевич Ванин (р. 1930), китаист Юрий Владимирович Чудодеев (р. 1931) – исследователь либерально-демократической мысли в Китае, проблем Синьхайской революции, особенностей китайской ментальности; теоретик национально-освободительного движения и закономерностей революционных процессов Нодари Александрович Симония (р. 1932), ставший впоследствии академиком, директором ИМЭМО и академиком-секретарем Отделения мировой экономики АН СССР; исследователь португальской колониальной политики и международных отношений в целом Анатолий Михайлович Хазанов (р. 1932), Александр Иванович Чичеров (1932–1999), исследовавший и экономическое развитие Индии в позднее средневековье, и политический процесс в современной Индии, и проблемы международных отношений, специалист по языку синдхи Раиса Петровна Егорова (р. 1932), Татьяна Львовна Шаумян (р. 1938) – специалист по международным отношениям, особенно по тибетскому вопросу, исследователь роли буддизма на Цейлоне Елена Сергеевна Семека (р. 1931), Лина Ивановна Шкарбан (р. 1937), изучавшая тагальский язык, Юлия Олеговна Левтонова (р. 1934), специалист по истории Филиппин, политолог-пакистановед Владимир Николаевич Москаленко (р. 1932), политолог широкого профиля Владимир Федорович Ли (р. 1930), Владимир Иванович Корнев (1931–2006) – специалист по буддизму в странах Юго-Восточной Азии, индологи-экономисты Михаил Александрович Дробышев (1933–1982), Олег Васильевич Маляров (1935–2013) и Александр Петрович Колонтаев (р. 1936), санскритолог Виктория Викторовна Вертоградова (р. 1933), экономист Юрий Георгиевич Александров (р. 1933), специалист по истории Пакистана и международным проблемам Ближнего и Среднего Востока Вячеслав Яковлевич Белокреницкий (р. 1941), специалист по истории тюркских народов Дмитрий Дмитриевич Васильев (р. 1946).

Конечно, набор новых сотрудников продолжался и в конце 1960-х гг. Стоит упомянуть, что с 1967 г. в Институте работает польский ученый Станислав-Роберт Кучера (р. 1928) – один из крупнейших специалистов по археологии и древней истории Китая.

В среде этого молодого поколения существовало некоторое соперничество между выпускниками МГУ и МИВ'а. Интересно, что МИВовцы чаше всего были либо филологами (лингвистами), либо экономистами, МГУшники – историками и политологами (такого слова тогда еще не было, называем так их «по факту»; политология как отдельная дисциплина утвердилась в Институте позже, при Е. М. Примакове). Забавно, что при Примакове соперничество между МИВовцами и МГУшникми несколько усилилось, потому что Примаков был из МИВа, но это соперничество носило дружественный и часто юмористический характер.

Всех сотрудников Института в «эпоху Гафурова» перечислить невозможно. Приведенные выше списки, по крайней мере, показывают, что амплитуда исследований работников Института была необычайно широка. Она охватывала всю историю многочисленных стран Азии и ряда стран Африки, языки населявших и населяющих их народов, даже самых немногочисленных; литературу, искусство, культуру этих народов; современные политические и экономические проблемы. Явно просматривалась тенденция охватить **все** страны, **все** языки, **все** литературы, **все** проблемы. На общеинститутских партсобраниях, где обсуждались так называемые *производственные вопросы*, слышались сетования, что наши сотрудники все еще не охватили всех проблем востоковедения, что по тем или иным языкам у нас еще нет специалистов и т. п.

Началась структурная перестройка Института. Кроме страноведческих и регионоведческих отделов, на которые традиционно, еще со времен Азиатского музея, подразделялся Институт, появились отделы *отраслевые*. Лингвисты из страноведческих отделов были собраны в Отдел языков; литературоведы – в Отдел литератур. Появился Отдел международных отношений во главе с Г. Л. Бондаревским, Отдел экономических проблем во главе с А. И. Динкевичем; Отдел общетеоретических проблем Востока во главе с Г. Ф. Кимом.

Институт в 1950-е гг. стал площадкой общения молодых людей, устремленных на поиски истины и при этом полных энергии. Коридоры второго и третьего этажей здания в Армянском переулке в присутственные дни (которых тогда было значительно больше, чем сейчас), кипели громогласными разговорами сотрудников. В обеденный перерыв (строго с 13.00 до 14.00!) и после рабочего дня (строго после 17.45!) проводились турниры по настольному теннису и по шахматам (блиц). В Тишкове на берегу водохранилища Институт имел спортивную базу, куда можно было приехать, например, с ребенком, поудить рыбу, взять палатку и побродить по окрестностям. Проводились олимпиады по нескольким видам спорта, когда соревновались отдельские команды. Был учрежден переходящий кубок, который, правда, никуда не переходил, потому что Отдел Индии выиграл его два раза подряд, а затем эта инициатива как-то заглохла. Возникла было киностудия. Она выпустила один сатирический фильм по типу «Ералаша», но дальше дело не двинулось. Инициативная группа во главе с П. М. Шаститко с участием А. И. Чичерова, Г. М. Бауэра, Л. Б. Алаева, В. А. Тюрина, В. И. Можейко, В. Н. Москаленко и других подготавливала капустники на темы институтской жизни к праздникам: Новому году, 8 марта, и иногда по другим датам.

Дискуссии на заседаниях и в коридорах вспыхивали постоянно. Это был особый период эволюции советских гуманитарных наук. В востоковедении этот рубеж проявился особенно выпукло. Созданию дискуссионной атмосферы, выдвижению новых идей способствовало, прежде всего, то, что нас было много. Почти каждой из стран профессионально занимались несколько человек. Почти каждый из сотрудников имел нескольких близких коллег, с которыми он мог общаться «на одном языке». Исключительное значение имели обсуждения рукописей на секторах и в отделах. Большинство сотрудников соответствующего сектора **читали** рукопись и выступали с крупными или мелкими замечаниями. Истоком такого внимания к рукописям служила еще советская привычка во всем искать крамолу. Именно для того чтобы пресечь крамолу, были изобретены обсуждения на секторах, фигура «ответственного редактора» и, наконец, редактора издательства. Но этот *обычай* имел и положительную сторону: он создавал **коллективы,** *референтные группы* коллег, заинтересованных в работе соседа.

Второй фактор, способствовавший развертыванию дискуссий, состоял в сохранявшемся еще тогда убеждении, что истина одна, и она содержится в трудах Маркса и Энгельса, а также Ленина. Надо только правильно ее понять. И так как в трудах основоположников марксизма встречались самые разнообразные формулировки, то каждый создавал себе «своего Маркса», которого и отстаивал в жарких спорах.

Советский марксизм представлял собой сплав собственно **теории** (исторического материализма) и **идеологии** (представление о том, что в стране строится социализм, или даже коммунизм, и Советский союз идет впереди всего остального человечества). Если *теория* противоречила *практике* так называемого социалистического строительства, она тихо отбрасывалась. Но были «*творческие марксисты*», которые пытались уйти от идеологии, но остаться на почве теории, в которую верили. *Теория* тоже нередко вредила объективному исследованию, так как в целом была направлена на *упрощение* исторической реальности. По теории – все движения – это движения классовые, революция предпочтительнее эволюции, колонизаторы всегда зверствуют, а колонизуемые народы всегда мужественно сопротивляются. (Ну а те, которые не сопротивляются, – те предатели, «пошли на сговор» и т. п.).

Но в рамках теории можно было многое сделать. И даже возникали трения между советскими марксистами (без кавычек) и советскими империалистами (тоже, наверное, без кавычек – те, кто «стояли на передовой идеологического фронта»). Поэтому так не любило академическое начальство «творческих марксистов». Засилье марксистского метода имело то достоинство, что ограничивало пространство поиска. В естественных науках есть константы (абсолютный нуль, скорость света, удельный вес того или иного элемента и т. д.). В гуманитарных науках таких констант нет. В принципе можно выдвинуть любое положение, и

оно никогда не будет окончательно опровергнуто. Марксизм давал некую твердь, которая позволяла спорить по конкретным проблемам. И ограничивал тематику исследований:
- общественный строй мог определяться только экономикой;
- политический строй мог объясняться только соотношением классов.

При этом наши убеждения **заставляли** нас отстаивать свои идеи среди коллег, потому что каждый считал, что его идеи правильные, и его **долг** убедить в этом других. Я вовсе не утверждаю, что научная работа должна строиться именно так: опираться на абсолютные истины, которые приобретают черты священных установлений. Я только хочу понять, почему сейчас дискуссионность как черта нашего обихода исчезает. И вижу одну из причин в том, что сейчас нет границ любым теоретическим положениям, а это уменьшает стимул спорить.

Тогдашняя тематика дискуссий:
- азиатский способ производства;
- проблема формаций на Востоке в целом (рабовладение и так называемый «восточный феодализм» (частью этого вопроса стала концепция «восточного Возрождения);
- уровень развития стран Востока к началу колониального подчинения;
- роль национальной буржуазии в национально-освободительном движении;
- роль государственного сектора в освободившихся странах;
- возможные «пути развития» освободившихся стран; невозможность «третьего пути»;
- что такое «социалистическая ориентация» – может быть, сейчас устарела. Но те дискуссии оканчивались, как правило, изданием сборников и иных публикаций, в которых подводились итоги, т. е. **фиксировались** разные точки зрения, выяснялась фактологическая база этих концепций – и тем самым происходило некоторое продвижение науки, хотя бы в том отношении, что закладывался фундамент для будущих дискуссий.

Заметим по ходу: не было дискуссий по поводу **колониализма.** Тут все было ясно: колонизаторы грабят, туземцы страдают. Такая ситуация, когда выводы исследования известны еще до его начала, весьма характерна и для других периодов отечественного востоковедения и для ряда других тем. В математике есть две позиции: «дано» и «требуется доказать». В гуманитарных дисциплинах бывает обратная ситуация:

Дано: вывод.

Требуется: добыть материал для подтверждения этого вывода.

Эта ситуация означает, что науки в данном случае нет. Так что и дискутировать здесь нечего. Это относится и к изучению современных проблем. Я не понимаю политологию. Я не понимаю, на каких источниках работают политологи. Политолог должен быть либо гением, способным проникать через черепные коробки в мозги политических деятелей, либо политическим журналистом, разъясняющим неосведомленной публике, что написано в газетах. И здесь тоже выводы известны до исследования.

Я не ставлю под сомнение необходимость государственной пропаганды и важность журналистского подкрепления внешней политики страны. Но это не сфера науки. А у политической журналистики есть тенденция вторгаться в сферу науки и подчинять ее себе.

«Советская наука» – это имя собственное. Она так же похожа на науку, как зверь в зоопарке похож на зверя в джунглях или как «молочный напиток» на молоко. И этот период нельзя изучать по документам, как привык историк изучать другие периоды в других странах, потому что документы врут! Врут сознательно и целенаправленно. Все названия в Советское время были искажены. Страной управлял не президент, не царь, не премьер-министр, а «секретарь». Сажали не за то, что написано в обвинительных заключениях, а совсем по другим причинам. Думали одно, говорили другое. И все были уверены, что так и надо, – все время говорить неправду.

Развитие науки в СССР – вообще захватывающая тема. Как уживались поиски истины – и жесткие методологические схемы? Советский гуманитарий **мыслил** – и в этом смысле был свободен; он был зашорен постулатами – и не воспринимал их в качестве шор. После XX

съезда шаг вправо и шаг влево уже не считались побегом, всего только выходом из строя, за который полагалось некоторое наказание, но уже не расстрел. Более того, даже несколько шагов в сторону можно было сделать без особых последствий, в худшем случае приобрести репутацию «путаника» и статус *невыездного*. Но все мы кожей чувствовали, что нашу расширившуюся дорогу с обеих сторон ограждают невидимые заборы, перепрыгнуть которые для большинства из нас было немыслимо. Мы выдвигали новые идеи на основе фактического материала и в то же время – «на основе» цитат из *классиков*. Сейчас, когда цитата из *основоположников единственно правильного учения* никого не может убедить, основанный на ней вывод порой кажется смешным. И все же в нашем «коридоре возможностей» было сделано много такого, за что не стыдно и что останется.

В 1950-е гг. Институт востоковедения резко расширился и стал институтом молодых людей, страстно желавших дойти до сути всех вопросов. Среди *мэтров*, тогдашних «стариков» шли дискуссии о путях развития освободившихся стран, о классовой природе власти в них, о роли государственного сектора экономики, Но и в среде младших научных сотрудников споры были не менее ожесточенными. Наиболее распространенным аргументом против оппонента был «Это не марксизм!» В отличие от дискуссий «на высшем уровне», где подобный аргумент мог привести к «оргвыводам», для нас это было чем-то вроде математического приема доказательства от противного: если рассуждение привело к абсурду, значит, весь его ход был неправильным, и его следует отбросить как нонсенс.

На одном из таких обсуждений Эдик Грантовский, которому почему-то часто бросали подобное обвинение, в сердцах воскликнул:

– Да что такое «марксизм» и «немарксизм»? По-моему, то, что правильно, то и марксизм!

Мне это очень понравилось и как практический метод, раскрепощавший мысль, и как логическое заключение. В самом деле, если марксизм – «единственно правильное учение», то логично и перевернуть эту формулу. Воодушевленный, я поделился этим открытием с Сашей Пятигорским, который не принимал участия в дискуссиях, а сидел в отделе и работал. Его реакция была для меня неожиданной.

– Э-э нет – сказал он раздумчиво и с едва различимым сарказмом, – **не все,** что правильно, то марксизм.

Литература / References

Алаев Л. Б. Моя десятилетка в журнале // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 36–41 [Alaev L. B. Moia desiatiletka v zhurnale // *Vestnik Insituta vostokovedeniia RAN*. 2018. 3. Pp. 36–41].

Захаров А. О. От «Советского востоковедения» к «Востоку»: очерк истории одного журнала // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 10–26 [Zakharov A. O. Ot "Sovetskogo vostokovedeniia" k "Vostoku": ocherk istorii odnogo zhurnala // *Vestnik Insituta vostokovedeniia RAN*. 2018. 3. Pp. 10–26].

Куценков А. А. Как это было // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 27–35 [Kutsenkov A. A. Kak 'eto bylo // *Vestnik Insituta vostokovedeniia RAN*. 2018. 3. Pp. 27–35].

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЦЕНТРА АРАБСКИХ И ИСЛАМСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИВ РАН

И. М. Смилянская, А. О. Филоник*

Статья представляет собой исторический обзор исследований Отдела арабских стран ИВ АН СССР (ныне – Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН) с момента его создания в 1956 г. и вплоть до наших дней. Дана характеристика основным публикациям о регионе, перечислены основные исследователи проблематики стран Арабского Востока, их важнейшие труды, проанализированы направления работы.

Ключевые слова: Институт востоковедения РАН, ИВ РАН, Центр арабских и исламских исследований, история науки, арабистика, история арабских стран.

TO THE HISTORY OF THE ESTABLISHING OF THE CENTER FOR ARAB AND ISLAMIC STUDIES IN IOS RAS

Irina M. Smilyanskaya, Aleksandr O. Filonik

The article gives historical outline of the studies of the Department of Arab Countries of the Institute of Oriental Studies of the Soviet Academy of Sciences (now the Center for Arab and Islamic Studies IOS RAS) from its foundation in 1956 to the present days. Main publications of Russian scholars in related field are reviewed; leading researchers, published works, and main research topics listed and analysed.

Keywords: Institute of Oriental Studies RAS, IOS RAS, Center for Arab and Islamic Studies, history of science, Arabic studies, history of Arab countries.

Как научно-исследовательское подразделение нынешний Центр арабских и исламских исследований, а тогда – Отдел арабских стран, был создан в Институте востоковедения АН СССР в 1956 г. после перевода Института в 1950 г. из Ленинграда в Москву.

Поставленные перед Отделом задачи и его персональный состав свидетельствовали о том, что акцент в работе сдвигался от присущего ленинградскому востоковедению историко-филологического направления, т. е. классической арабистики, к «новому востоковедению», рожденному в 1920-е гг. и развивавшемуся на московской почве. Основным предметом исследований этого направления были современные социально-экономические и политические процессы, происходившие на Востоке, и, прежде всего, антиколониальное национально-освободительное движение. Несмотря на крайнюю политизацию подобных исследований в духе марксистско-ленинской теории, многие ученые, пришедшие в науку преимущественно после войны, стремились обогатить анализ современных событий научно-исследовательскими подходами, заимствованными из социологии и политологии. Они глубоко знали восточные общества, их культуру и историю, что позволяло выходить за достаточно узкие и запрограммированные исследовательские рамки. В этом смысле при всех ограничениях, наложенных эпохой, востоковедение, в отличие от других общественных наук,

---

* Ирина Михайловна СМИЛЯНСКАЯ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ismilian@mail.ru

Irina M. SMILYANSKAYA, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ismilian@mail.ru

Александр Оскарович ФИЛОНИК, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; fao44@mail.ru

Aleksandr O. FILONIK, PhD (Economy), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; fao44@mail.ru

опиралось на глубокое научное знание, практически не поддававшееся давлению идейной догматики.

Самым старшим и авторитетным сотрудником возникшего Отдела был Е. А. Беляев[1], историк-медиевист и исламовед, соединивший в своей научной подготовке начала ленинградского и московского востоковедения: он в 1913–1916 гг. прошел курс восточного факультета Петроградского университета, а в 1922 г. закончил Московский институт востоковедения (МИВ). Высокообразованный, обладавший весьма широким научным кругозором, Евгений Александрович к тому же отличался большим остроумием, его острое словцо или меткая ироничная характеристика передавались в Институте из уст в уста. К поколению основателей Отдела, закончившему довоенный МИВ, принадлежала и известная своими догматическими взглядами Л. Н. Ватолина [Ватолина, 1949; 1952; 1962], а также скромный и интеллигентный лингвист В. П. Старинин [Старинин, 1963; 1967][2].

Послевоенными выпускниками МИВ стали участник Отечественной войны М. Ф. Гатауллин [Гатауллин, 1956; 1957; 1966; 1985], энергичная и отзывчивая на беды коллег Н. С. Луцкая [Луцкая, 1958; 1959; 1973], В. И. Киселев [Киселев, 1958; 1977; 1988], получивший между 1964 и 1968 гг. в Праге уникальный опыт работы в журнале «Проблемы мира и социализма» замечательный знаток арабского языка В. И. Соловьев. Еще до создания Отдела пришел в Институт востоковедения филолог и переводчик высокого класса Д. И. Юсупов – выпускник Военного института иностранных языков [Юсупов, 1958]. Талантливые ученики В. Б. Луцкого, прошедшие серьезную подготовку на историческом факультете МГУ, Н. А. Иванов[3] и Л. Н. Котлов [Котлов, 1962; 1958; 1975] ко времени создания Отдела уже закончили аспирантуру ИВ АН и защитили кандидатские диссертации. Наконец, к отцам-основателям Отдела принадлежали выпускники Высшей дипломатической школы МИД А. Ф. Федченко и В. М. Федоренко. Они предпочти науку дипломатической карьере. Все двенадцать человек, обладавших различными научными интересами и взглядами, составили первоначальный коллектив Отдела.

Очередная реорганизация Института, вызванная постановлением ЦК КПСС и связанная с приходом в 1956 г. нового директора, Б. Г. Гафурова, предполагала не только изменение структуры Института и организацию при нем Издательства восточной литературы, что, естественно, благоприятствовало публикации трудов по востоковедению, но и значительное увеличение кадрового состава. В результате также значительно выросла численность Отдела арабских стран, который в последующие десятилетия продолжал расширяться преимущественно за счет молодых кадров.

Заведующим Отдела в 1956 г. был назначен А. Ф. Султанов, выпускник МИВ, проведший долгие годы в арабских странах на советской дипломатической службе. В своей научной работе он сочетал рассмотрение филологических и социально-политических вопросов [Султанов, 1953; 1956]. Влившиеся в состав Отдела новые сотрудники, как и их предшественники, различались своей научной подготовкой. Ученики В. Б. Луцкого – Е. К. Голубовская [Голубовская, 1965; 1971; 1989], Б. Г. Сейранян, И. М. Смилянская и ученица Б. Н. Заходера Л. А. Семенова [Семенова, 1966; 1974; 1990] окончили Восточное отделение исторического факультета МГУ. На этом же факультете учились Н. И. Ворончанина [Ворончанина, 1978; 1986] и Э. В. Павлуцкая. Большинство новых

[1] Автор более 120 научных работ, в том числе [Беляев, 1957; 1965], переведенные также на англ. яз. (London, 1969; New York, 1969). Последняя монография стала классической и по сей день используется при преподавании средневековой истории арабских стран.

[2] Автор статей по языкознанию в первых двенадцати томах второго издания Большой советской энциклопедии (БСЭ).

[3] Автор множества работ по новой и новейшей истории арабских стран, один из основателей тунисских исследований в России. Среди его монографий, ставшие классическими: [Иванов, 1959; 1962; 1971; 1984; 2001]. Программные статьи Н. А. Иванова были собраны воедино в сборнике [Иванов, 2008].

сотрудников оказались выпускниками МИВ: С. Н. Алитовский[4], А. Г. Вирабов [Вирабов 1966; 1996], Р. Г. Ланда – талантливый ученик Е. А. Беляева, участники Великой Отечественной войны Н. В. Лифанов [Лифанов, 1966], Е. А. Лебедев [Лебедев, 1972; 1977а; 1977б; 1979], возглавлявший Отдел до начала 1990-х гг., и Г. С. Шахбазян [Шахбазян, 1974].

После объединения МИВ с восточными отделениями истфака и филфака МГУ в Институт восточных языков, позже переименованный в Институт стран Азии и Африки (ИСАА), выпускники этого учебного заведения, дававшего хорошее знание восточных языков и научную подготовку, продолжали пополнять Отдел арабских стран: В. А. Исаев, В. В. Озолинг [Озолинг, 1968; 1975] и А. О. Филоник пришли в Отдел со студенческой скамьи, а В. В. Наумкин, сменивший Е. А. Лебедева на посту заведующего Отделом, – уже сложившимся ученым, доктором наук.

В Отдел поступили также Л. В. Валькова [Валькова, 1968; 1979; 1987], Н. М. Горбунова, Г. Л. Гукасян, Л. П. Зудина [Зудина, 1976; 1983], И. П. Иванова [Иванова, 1987], С. Х. Кямилев, Э. П. Пир-Будагова [Пир-Будагова, 1978], Л. Н. Руденко, С. Н. Серебров, окончившие Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), а также выпускники Московского университета: Г. И. Смирнова и З. А. Соловьева (географический факультет), участник Великой Отечественной войны (сын полка) А. З. Егорин (факультет журналистики), С. Л. Стоклицкий [Стоклицкий, 1975; 1988; 1990] (экономический факультет). И. Д. Звягельская получила высшее образование на филфаке ЛГУ, В. К. Арискин [Арискин, 1972], Э. С. Ефимов [Ефимов, 1990] и Э. Н. Панфиленко – в пединститутах. Прошедший Отечественную войну Б. Н. Гашев [Гашев, 1978] затем закончил Институт внешней торговли, И. Л. Пиотровская [Пиотровская, 1981] – финансово-экономический заочный институт. Еще один участник Великой Отечественной, Д. Р. Вобликов[5], перед войной завершил высшее образование в ИФЛИ. Центром притяжения в повседневной дружеской отдельской жизни долгие десятилетия была секретарь-машинистка Отдела А. И. Кожаева.

Разнообразие специализаций, уровня подготовки, научных интересов, склонностей и способностей новых сотрудников создавали сложности в организации исследовательской работы коллектива, но благодаря организаторскому таланту Е. А. Лебедева эти трудности были в основном преодолены. Руководитель Отдела сумел, учитывая научные интересы каждого сотрудника (без чего невозможна плодотворная научная деятельность), удачно расставить и организовать их для выполнения исследовательских планов и заданий, поступавших из дирекции и партийно-правительственных органов. По существу его усилиями был создан сплоченный и работоспособный коллектив, обеспечена хорошая творческая атмосфера.

Структура Отдела выстраивалась исходя из необходимости охватить изучением по возможности все арабские страны, их политическое положение и экономическое развитие. Хотя экономисты и историки работали совместно, участвуя в обсуждении и даже написании общих работ, сотрудники были разделены на два сектора. Наиболее активная работа экономического сектора пришлась, пожалуй, на 1978–1986 гг., когда его возглавлял энергичный и креативный Р. Н. Андреасян.

Историков, не занимавшихся современными проблемами, кроме Е. А. Беляева, в первые десятилетия в Отделе было всего двое – медиевист Л. А. Семенова, человек молчаливый и замкнутый, но организованный и трудоспособный, закрывший своими трудами несколько белых пятен в отечественной арабистике, и обладательница, по словам Х. И. Кильберг, «живого общественного темперамента» И. М. Смилянская, специалист в вопросах новой истории Арабского Востока и истории отечественной арабистики. В течение нескольких лет, успев защитить диссертации и издать небольшие работы в области новой

---

[4] Автор трудов по социальной структуре, рабочему и крестьянскому движению в странах третьего мира, социально-экономическому развитию Ирака, в частности, [Алитовский, 1966].

[5] Основные труды: [Вобликов, 1957; 1961; 1968; 1970; 1978].

истории, в Отделе работали Н. Г. Хмелева [Хмелева, 1973] и Г. А. Удалова [Удалова, 1988], с начала 2000-х гг. сотрудником Института стала и Н. Г. Романова, увлеченная историей итало-ливийской войны 1911–1912 гг. и арабского сопротивления. Чуть раньше, в конце 1990-х гг., в Отдел пришел одаренный медиевист и полиглот Д. Е. Мишин, получивший современную научную подготовку.

Тематика отдельских исследований изначально во многом задавалась государственными органами и диктовалась развитием внешнеполитических взаимоотношений и экономического, культурного и военного сотрудничества с арабскими странами. Уже в постановлении ЦК КПСС 1956 г. указывалась необходимость исследований таких тем, как кризиса колониальной системы, национально-освободительных движений в странах Востока и их современного политического положения. Отдел вполне оперативно отозвался на эти задачи, и всего через год была издана коллективная работа под редакцией Е. А. Беляева и Л. Н. Ватолиной «Арабы в борьбе за независимость» (М., 1957). В последующие годы тема национально-освободительного движения стала разрабатываться специалистами-страноведами монографически на материалах почти всех арабских стран.

Рассмотрение вопросов национально-освободительной борьбы в работах арабистов постепенно дополнялось анализом проблем рабочего и коммунистического движения, социально-политических структур и особенностей становления независимой государственности. Со временем коллективный научный опыт был обобщен в нескольких изданиях «Новейшей истории арабских стран» [Новейшая история, 1968; Новейшая история, 1988; Новейшая история, 1990]. В ходе этой работы стала очевидной необходимость обратиться к историческим истокам исследуемых проблем. В разработке этих сюжетов, тем более привлекательных, что в сфере востоковедных исторических исследований значительно слабее ощущался идеологический гнет, явили высокий профессионализм Н. А. Иванов, Л. Н. Котлов, Р. Г. Ланда и Б. Г. Сейранян.

Н. А. Иванов, отдав дань современности, впоследствии сосредоточился на исследовании раннего нового времени – османском завоевании арабских стран.

По мере укрепления экономического сотрудничества СССР с арабскими странами народно-хозяйственным государственным органам потребовались сведения экономического характера, и экономисты Отдела должны были удовлетворять запросы по проблемам финансов, рабочих кадров, сырьевых запасов и их разработки и т. п. Возникла необходимость приобрести и систематизировать информацию обо всех сферах жизни арабских стран; к тому же в задачи Института входила популяризация научных знаний. Все эти сведения вошли в справочники по отдельным государствам; они пользовались спросом, а некоторые выдержали не одно издание. Одновременно и историки, и экономисты включались в общеинститутские исследовательские проекты, разрабатывали актуальные для того времени теоретические вопросы. В результате сотрудниками Отдела, преимущественно экономистами, был написан фундаментальный труд «Развитие капитализма в арабском мире» (М., 1988).

К 1980-м гг. заметно вырос профессионализм сотрудников Отдела. Об этом свидетельствовали и защиты докторских диссертаций: в 1970-е гг. после защиты получили звание доктора наук Н. А. Иванов и Р. Г. Ланда, в 1980-е гг. И. М. Смилянская и Л. А. Семенова, в 1990-е гг. И. Д. Звягельская, А. Л. Стоклицкий, В. А. Исаев, Б. Г. Сейранян.

Расширилась и усложнилась тематика исследований, в частности, за счет исламоведческих и культурологических проблем, истории востоковедения. Отдел жил активной научной жизнью: публиковались монографии и сборники, организовывались межинститутские чтения, симпозиумы, конференции и среди них большая Всесоюзная конференция по проблемам культуры к 100-летию академика И. Ю. Крачковского (1983 г.). Возникли новые направления работы – полевые исследования в составе Йеменской и Сокотрийской экспедиций.

Государственное финансирование науки позволило сотрудникам Отдела расширить контакты с арабистами Запада и арабских стран, организовать научные командировки в арабские страны, участвовать в международных научных проектах и мероприятиях разного уровня. Все это благоприятно отразилось на зарубежном авторитете исследователей Отдела, о чем свидетельствуют переводы и издания их трудов за рубежом.

О росте авторитета арабистов внутри Института говорят и кадровые перестановки: Р. Г. Ланда стал во главе Отдела общих проблем, Н. А. Иванов возглавил Отдел истории Востока. В. В. Наумкин, В. А. Исаев, А. З. Егорин занимали в разное время посты заместителя директора Института. Наконец, В. В. Наумкин стал директором Института востоковедения РАН.

Заметную роль сыграли сотрудники Отдела в крупных общеинститутских проектах. Так, в числе руководителей фундаментальных томов «Истории Востока» были Н. А. Иванов (Т. III), И. М. Смилянская (Т. IV), Р. Г. Ланда (Т. V), В. В. Наумкин и Б. Г. Сейранян (Т. VI).

В 1990-е гг. Отдел, как и все подразделения Института, пережил глубокий финансовый и кадровый кризис: по материальным причинам научные занятия должны были покинуть молодые ученые и зрелые исследователи среднего возраста. Болезненно сказались потери вследствие ухода из жизни или перехода на пенсию ряда ученых. Научная работа легла на плечи сотрудников пенсионного возраста, что отчасти отразилось в спаде темпов работы. Только с 2000-х гг. начался медленный подъем.

Обстоятельства, порождавшие общие трудности, никуда не делись, и кадровый голод не преодолен в полной мере до сих пор, хотя и не считается драматическим препятствием для научной работы даже на фоне нынешнего субъективного роста требований к труду ученых и мощного объективного расширения количества тем и предметов для исследования на Арабском Востоке.

И все же ситуация постепенно меняется. Происходит это в процессе естественной смены поколений, чему не мешает даже определенное падение интереса к науке в российском обществе. На смену уходящим приходят новые кадры с широким кругозором, хорошо подготовленные, выросшие в эпоху информационного бума и интернационализации научных знаний. Приход даже небольшого числа новых лиц обогащает работу Центра, придает новую динамику исследованиям и расширяет зону поиска тем, пока остающихся в тени множественных хронических проблем региона.

Образование молодежного ядра позволяет интенсифицировать деятельность всего коллектива научных сотрудников, создавать авангард, который реально доказывает свою дееспособность, подключаясь к разработке аспектов, которые признавались наболевшими, но имели немного шансов на то, чтобы стать прорывными при нехватке специалистов.

Во всяком случае, на протяжении всего периода Центру удается поддерживать форму настолько, что он способен выдерживать пиковые нагрузки за счет объединения усилий «старой гвардии» и энергии более молодого поколения. Конвергенция опыта и напора имеет в целом неплохие перспективы, и результаты, появляющиеся уже сейчас, в недалеком будущем явно смогут дать эффект.

За полтора десятилетия нового века в Центре создан немалый задел в виде фундаментальных трудов, индивидуальных и коллективных монографий, массы опубликованных материалов в форме сборников, ученых записок, брошюр по отдельным актуальным проблемам Ближнего Востока и т. п.

В это время сотрудники подготовили объемные фундаментальные труды по таким коренным проблемам современности и сквозным историческим темам, как внешняя политика России и Арабский мир, политическая трансформация Ближнего Востока в ходе Арабского пробуждения, сокотрийские исследования, проблемы конфликтов и религиозного экстремизма в арабских странах и др.[6]

[6] Среди опубликованных по этим проблемам работ стоит упомянуть: [Смилянская, Смилянская, Велижев, 2011; Ближний Восток, 2012; Ражбадинов, 2013; Наумкин, 2012]; доклады по ближневосточной проблематике

Отдельно стоит большой блок крупных исследований по проблемам ислама, его философии, истории, принципам межконфессионального диалога. Одна из книг этой категории – «Жизнь Пророка Мухаммада» [Ибрагим, Ефремова, 2010] заслуженно получила высокую оценку в виде множества премий, была признана Книгой 2010 г.

Новым начинанием стала публикация нескольких крупных работ по проблемам межцивилизационного общения[7], в том числе двух крупных работ, посвященных опыту и практике взаимодействия советских военных с их визави в Египте в годы арабо-израильских войн[Филоник, 2001; 2009]. Написаны и опубликованы также другие, не менее важные, исследования, посвященные конкретным темам – армии, процессам нациестроительства на Арабском Востоке, проблемам экономического роста и особенностям перехода от плановой экономики к рыночной и экономической либерализации в Египте, Иордании, Тунисе, Ливии и т. д.

Исторически российское востоковедение складывалось как отрасль знания, опирающаяся на страноведение. Нынешние арабисты поддерживают традицию. И не только ради нее как таковой, но учитывая необходимость погружения именно в национальную специфику конкретных стран во всех ее проявлениях для лучшего понимания тонких процессов и сложных обстоятельств, которые управляют арабским миром. По этой причине регулярно появляются работы, раскрывающие общее и особенное в развитии наиболее значимых государств региона, в частности, Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, Египта, Алжира и др., политика которых заметно сказывается на геополитических раскладах.

Вместе с тем превращение Отдела арабских стран в Центр – сначала арабских, а затем арабских и исламских исследований свидетельствовало как о его интеграции в международное научное пространство, так и о смене исследовательских приоритетов. Все большее место в них стали занимать исследования общерегиональных проблем, а затем и специфические исламоведческие сюжеты, выходящие за пределы собственно арабистического исследовательского поля.

Основное внимание центра в последние годы сосредоточилось на проблемах этнополитических конфликтов, демократизации, конфессионального устройства, терроризма, модернизации обществ на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Отдельное внимание уделяется особенностям экономического роста в арабских странах, которые определяются весьма животрепещущими для них ресурсными проблемами, как энергетическая, демографическая, продовольственная, экологическая, водная, земельная, а равно экономическая и социальная инфраструктура, индустриализация и деиндустриализация, транспорт, связь, коммуникации, высокие технологии и многое другое. Классический цикл исследований представлен работами по средневековому арабо-мусульманскому историописанию, политической и интеллектуальной истории средних веков и нового времени, а также большим комплексом работ по исламоведению.

В целом, можно констатировать, что работа Центра ведется по широкому спектру фундаментальных и прикладных исследований, охватывая основные тенденции и особенности развития арабского общества в прошлом и на современном этапе.

Помимо сочетания классической и современной проблематики, странового и регионального уровней анализа и постоянного поиска новых методологических подходов, специфика работы Центра определяется неизменным сочетанием академических и прикладных исследований, широкой полевой работой, активным участием сотрудников в разнообразных международных экспертных совещаниях и группах разного уровня, наличием

международного дискуссионного клуба «Валдай» и Российского совета по международным делам. Изданная в 2014 г. в Нидерландах монография сотрудников ЦАИИ, посвященная сокотрийским исследованиям, была названа BBC одним из десяти наиболее значимых научных достижений 2014 г.: [Naumkin et al., 2014].

[7] Напр., сборник статей «Всматриваясь друг в друга… Россия и арабский мир: взаимное восприятие» [Смилянская, 2013].

у ряда из них большого опыта практической работы, включенностью многих в общественную дипломатию.

Все это рождает уникальный сплав, позволяющий утверждать, что Центр арабских и исламских исследований на сегодняшний день не только занимает лидирующие позиции в России и на постсоветском пространстве, но и способен конкурировать с лучшими мировыми научно-аналитическими институтами, занимающимися ближневосточными исследованиями.

Литература / References

Алитовский С. Н. *Аграрный вопрос в современном Ираке*. М., 1966 [Alitovskii S. N. *Agrarnyi vopros v sovremennom Irake*. Moscow, 1966].

Арискин В. К. *Проблемы кооперирования сельскохозяйственного производства в Китае*. М., 1972 [Ariskin V. K. *Problemy kooperirovaniia sel'skokhoziaistvennogo proizvodstva v Kitae*. Moscow, 1972].

Беляев Е. А. *Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье*. М., 1965 [Beliaev E. A. *Araby, islam i arabskii halifat v rannee srednevekov'e*. Moscow, 1965].

Беляев Е. А. *Мусульманское сектантство*. М., 1957 [Beliaev E. A. *Musul'manskoe sektantstvo*. Moscow, 1957].

Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Отв. ред. Наумкин В. В., Попов В. В., Кузнецов В. А. М., 2012 [*Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiia: chto dal'she?* Naumkin V. V., Popov V. V., Kuznetsov V. A. (eds.). Moscow, 2012].

Валькова Л. В. *Английская колониальная политика в Адене и Аденских протекторатах (1945–1967)*. М., 1968 [Val'kova L. V. *Angliiskaia kolonial'naia politika v Adene i Adenskikh protektoratakh (1945–1967)*. Moscow, 1968].

Валькова Л. В. *Саудовская Аравия в международных отношениях (1955–1977)*. М., 1979 [Val'kova L. V. *Saudovskaia Araviia v mezhdunarodnyh otnosheniiah (1955–1977)*. Moscow, 1979].

Валькова Л. В. *Саудовская Аравия: нефть, ислам, политика*. М., 1987 [Val'kova L. V. *Saudovskaia Araviia: neft', islam, politika*. Moscow, 1987].

Ватолина Л. Н. *Борьба народов Ближнего Востока за мир*. М., 1952 [Vatolina L. N. *Bor'ba narodov Blizhnego Vostoka za mir*. Moscow, 1952].

Ватолина Л. Н. *Современный Египет*. М., 1949 [Vatolina L. N. *Sovremennyi Egipet*. Moscow, 1949].

Ватолина Л. Н. *Экономика Объединенной Арабской Республики*. М., 1962 [Vatolina L. N. *Ekonomika Ob'edinennoi Arabskoi Respubliki*. Moscow, 1962].

Вирабов А. Г. *Национализм и «национальный социализм» в арабских странах: теория и практика*. М., 1996 [Virabov A. G. *Natsionalizm i "natsional'nyi sotsializm" v arabskikh stranakh: teoriia i praktika*. Moscow, 1996].

Вирабов А. Г. *Очерки экономического и социального развития Алжира*. М., 1981 [Virabov A. G. *Ocherki ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiia Alzhira*. Moscow, 1981].

Вобликов Д. Р. *Государственный строй Эфиопии*. М., 1957 [Voblikov D. R. *Gosudarstvennyi stroi Efiopii*. Moscow, 1957].

Вобликов Д. Р. *Новейшая история арабских стран (1917–1966)*. М., 1968 [Voblikov D. R. *Noveishaia istoriia arabskikh stran (1917–1966)*. Moscow, 1968].

Вобликов Д. Р. *Республика Судан (1956 – май 1969 г.)*. М., 1978 [Voblikov D. R. *Respublika Sudan (1956 – mai 1969 g.)*. Moscow, 1978].

Вобликов Д. Р. *Сомали*. М., 1970 [Voblikov D. R. *Somali*. Moscow, 1970].

Вобликов Д. Р. *Эфиопия в борьбе за сохранение независимости. 1860–1960*. М., 1961 [Voblikov D. R. *Efiopiia v bor'be za sokhranenie nezavisimosti. 1860–1960*. Moscow, 1961].

Ворончанина Н. И. *Ислам в общественной жизни Туниса*. М., 1986 [Voronchanina N. I. *Islam v obshchestvennoi zhizni Tunisa*. Moscow, 1986].

Ворончанина Н. И. *Культурные преобразования в современном Тунисе*. М., 1978 [Voronchanina N. I. *Kul'turnye preobrazovaniia v sovremennom Tunise*. Moscow, 1978].

Гатауллин М. Ф. *Аграрная реформа и классовая борьба в Египте (конец 40-х – начало 80-х гг. М., 1985* [Gataullin M. F. *Agrarnaia reforma i klassovaia bor'ba v Egipte (konets 40-kh – nachalo 80-kh gg.* Moscow, 1985].

Гатауллин М. Ф. *Аграрные отношения в Сирии*. М., 1957 [Gataullin M. F. *Agrarnye otnosheniia v Sirii*. Moscow, 1957].

Гатауллин М. Ф. *Сирия*. М., 1956 [Gataullin M. F. *Syria*. Moscow, 1956].

Гатауллин М. Ф. *Экономика ОАР на новом пути.* М., 1966 [Gataullin M. F. *Ekonomika OAR na novom puti.* Moscow, 1966].

Гашев Б. Н. *Государственный сектор в экономике Арабской Республики Египет (1952–1972).* М., 1978 [Gashev B. N. *Gosudarstvennyi sektor v ekonomike Arabskoi Respubliki Egipet (1952–1972).* Moscow, 1978].

Голубовская Е. К. *Йемен.* М., 1965 [Golubovskaia E. K. *Yemen.* Moscow, 1965].

Голубовская Е. К. *Политическое развитие Йеменской Арабской Республики. 1962–1985 гг.* М., 1989 [Golubovskaia E. K. *Politicheskoe razvitie Iemenskoi Arabskoi Respubliki. 1962–1985 gg.* Moscow, 1989].

Голубовская Е. К. Р*еволюция 1962 г. в Йемене.* М., 1971 [Golubovskaia E. K. *Revoliutsiia 1962 g. v Iemene.* Moscow, 1971].

Ефимов Э. С. *Планирование и развитие экономики Египта (вторая половина XX в.).* М., 1990 [Efimov E. S. *Planirovanie i razvitie ekonomiki Egipta (vtoraia polovina XX v.).* Moscow, 1990].

Зудина Л. П. *Аграрные отношения в Тунисе (1956–1971).* М., 1976 [Zudina L. P. *Agrarnye otnosheniia v Tunise (1956–1971).* Moscow, 1976].

Зудина Л. П. *Аграрные преобразования и развитие сельского хозяйства в странах Магриба.* М., 1983 [Zudina L. P. *Agrarnye preobrazovaniia i razvitie sel'skogo khoziaistva v stranakh Magriba.* Moscow, 1983].

Ибрагим Т. К., Ефремова Н. В. *Жизнь Пророка Мухаммада.* М., 2010 [Ibragim T. K., Efremova N. V. *Zhizn' Proroka Mukhammada.* Moscow, 2010].

Иванов Н. А. *Государственный строй Туниса.* М., 1962 [Ivanov N. A. *Gosudarstvennyi stroi Tunisa.* Moscow, 1962].

Иванов Н. А. *Кризис французского протектората в Тунисе (1918–1939 гг.).* М., 1971 [Ivanov N. A. *Krizis frantsuzskogo protektorata v Tunise (1918–1939 gg.).* Moscow, 1971].

Иванов Н. А. *Османское завоевание арабских стран 1516–1574.* М., 1984. 2-е изд. 2001 [Ivanov N. A. *Osmanskoe zavoevanie arabskikh stran 1516–1574.* M., 1984. 2nd Ed. 2001].

Иванов Н. А. *Современный Тунис.* М., 1959 [Ivanov N. A. *Sovremennyi Tunis.* Moscow, 1959].

Иванов Н. А. *Труды по истории исламского мира.* М., 2008 [Ivanov N. A. *Trudy po istorii islamskogo mira.* Moscow, 2008].

Иванова И. П. *Особенности воспроизводства общественного продукта в арабских странах.* М., 1987 [Ivanova I. P. *Osobennosti vosproizvodstva obshchestvennogo produkta v arabskikh stranakh.* Moscow, 1987].

Киселев В. И. *Международный сионизм: история и политика.* М., 1977 [Kiselev V. I. *Mezhdunarodnyi sionizm: istoriia i politika.* Moscow, 1977].

Киселев В. И. *Палестинская проблема в международных отношениях.* М., 1988 [Kiselev V. I. *Palestinskaia problema v mezhdunarodnykh otnosheniiakh.* Moscow, 1988].

Киселев В. И. *Путь Судана к независимости.* М., 1958 [Kiselev V. I. *Put' Sudana k nezavisimosti.* Moscow, 1958].

Котлов Л. Н. *Иордания в новейшее время.* М., 1962 [Kotlov L. N. *Iordaniia v noveishee vremia.* Moscow, 1962].

Котлов Л. Н. *Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке.* М., 1958 [Kotlov L. N. *Natsional'no-osvoboditel'noe vosstanie 1920 goda v Irake.* Moscow, 1958].

Котлов Л. Н. *Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке (середина XIX – 1908 г.).* М., 1975 [Kotlov L. N. *Stanovlenie natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniia na Arabskom Vostoke (seredina XIX – 1908 g.).* Moscow, 1975].

Лебедев Е. А. *Актуальные проблемы Арабского Востока и Северной Африки.* М., 1977 [Lebedev E. A. *Aktual'nye problemy Arabskogo Vostoka i Severnoi Afriki.* Moscow, 1977].

Лебедев Е. А. *Арабский Восток и Магриб.* М., 1977 [Lebedev E. A. *Arabskii Vostok i Magrib.* Moscow, 1977].

Лебедев Е. А. *Великий Октябрь и актуальные проблемы арабского мира.* М., 1979 [Lebedev E. A. *Velikii Oktiabr' i aktual'nye problemy arabskogo mira.* Moscow, 1979].

Лебедев Е. А. *Демографические проблемы Иордании.* М., 1972 [Lebedev E. A. *Demograficheskie problemy Iordanii.* Moscow, 1972].

Лифанов Н. В. *Ливан.* М., 1966 [Lifanov N. V. *Livan.* Moscow, 1966].

Луцкая Н. С. *Марокко.* М., 1958 [Lutskaia N. S. *Morocco.* Moscow, 1958].

Луцкая Н. С. *Очерки новейшей истории Марокко.* М., 1973 [Lutskaia N. S. *Ocherki noveishei istorii Morocco.* M., 1973].

Луцкая Н. С. *Республика Риф.* М., 1959 [Lutskaia N. S. *Respublika Rif.* Moscow, 1959].

Наумкин В. В. *Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010).* М., 2012 [Naumkin V. V. *Ostrova arhipelaga Socotra (ekspeditsii 1974–2010).* Moscow, 2012].

Новейшая история арабских стран (1917–1966). М., 1968 [*Noveishaia istoriia arabskikh stran (1917–1966)*. Moscow, 1968].

Новейшая история арабских стран Азии, 1917–1985. М., 1988 [*Noveishaia istoriia arabskikh stran Azii, 1917–1985*. Moscow, 1988].

Новейшая история арабских стран Африки, 1917–1987. М., 1990 [*Noveishaia istoriia arabskikh stran Afriki, 1917–1987*. Moscow, 1990].

Озолинг В. В. *Саудовская Аравия*. М., 1968 [Ozoling V. V. *Saudovskaia Araviia*. Moscow, 1968].

Озолинг В. В. *Экономика Саудовской Аравии*. М., 1975 [Ozoling V. V. *Ekonomika Saudovskoi Aravii*. Moscow, 1975].

Пиотровская И. Л. *Страны Аравийского полуострова: нефть, финансы, развитие*. М., 1981 [Piotrovskaia I. L. *Strany Araviiskogo poluostrova: neft', finansy, razvitie*. Moscow, 1981].

Пир-Будагова Э. П. *Сирия в борьбе за упрочнение национальной независимости. 1945–1966*. М., 1978 [Pir-Budagova E. P. *Syria v bor'be za uprochnenie natsional'noi nezavisimosti. 1945–1966*. Moscow, 1978].

Ражбадинов М. З. *Анатомия египетской революции – 2011*. М., 2013 [Razhbadinov M. Z. *Anatomiia egipetskoi revoliutsii – 2011*. Moscow, 2013].

Семенова Л. А. *Из истории средневековой Сирии: Сельджукский период*. М., 1990 [Semenova L. A. *Iz istorii srednevekovoi Sirii: Sel'dzhukskii period*. Moscow, 1990].

Семенова Л. А. *Из истории фатимидского Египта. Очерки и материалы*. М., 1974 [Semenova L. A. *Iz istorii fatimidskogo Egipta. Ocherki i materialy*. Moscow, 1974].

Семенова Л. А. *Салах ад-Дин и мамлюки в Египте*. М., 1966 [Semenova L. A. *Salakh ad-Din i mamliuki v Egipte*. Moscow, 1966].

Смилянская И. М. *Всматриваясь друг в друга… Россия и арабский мир: взаимное восприятие*. М., 2013 [Smilianskaia I. M. *Vsmatrivaias' drug v druga… Rossiia i arabskii mir: vzaimnoe vospriiatie*. Moscow, 2013].

Смилянская И. М., Смилянская Е. Б., Велижев М. Б. *Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой*. М., 2011 [Smilianskaia I. M., Smilianskaia E. B., Velizhev M. B. *Rossiia v Sredizemnomor'e. Arkhipelagskaia ekspeditsiia Ekateriny Velikoi*. Moscow, 2011].

Старинин В. П. *Структура семитского слова*. М., 1963 [Starinin V. P. *Struktura semitskogo slova*. Moscow, 1963].

Старинин В. П. *Эфиопский язык*. М., 1967 [Starinin V. P. *Efiopskii iazyk*. Moscow, 1967].

Стоклицкий С. Л. *Ливан. Бремя событий*. М., 1990 [Stoklitskii S. L. *Livan. Bremia sobytii*. Moscow, 1990].

Стоклицкий С. Л. *Ливан. Тревоги и надежды*. М., 1988 [Stoklitskii S. L. *Livan. Trevogi i nadezhdy*. Moscow, 1988].

Стоклицкий С. Л. *Роль государства в мобилизации внутренних ресурсов в странах Магриба*. М., 1975 [Stoklitskii S. L. *Rol' gosudarstva v mobilizatsii vnutrennikh resursov v stranakh Magriba*. Moscow, 1975].

Султанов А. Ф. *Крестьянский вопрос в современном Египте*. М., 1953 [Sultanov A. F. *Krest'ianskii vopros v sovremennom Egipte*. Moscow, 1953].

Султанов А. Ф. *Хрестоматия арабских газетно-журнальных текстов*. М., 1956 [Sultanov A. F. *Khrestomatiia arabskikh gazetno-zhurnal'nykh tekstov*. Moscow, 1956].

Удалова Г. А. *Йемен в период первого османского завоевания (1538–1635)*. М., 1988 [Udalova G. A. *Yemen v period pervogo osmanskogo zavoevaniia (1538–1635)*. Moscow, 1988].

Филоник А. О. (ред.). *Командировка на войну: Советские военные в Египте*. М., 2009 [Filonik A. O. (ed.). *Komandirovka na voinu: Sovetskie voennye v Egipte*. Moscow, 2009].

Филоник А. О. *Тогда, в Египте (Книга о помощи СССР Египту в военном противостоянии с Израилем)*. М., 2001 [Filonik A. O. *Togda, v Egipte (Kniga o pomoshchi SSSR Egiptu v voennom protivostoianii s Izrailem)*. Moscow, 2001].

Хмелева Н. Г. *Государство Абд аль-Кадира алжирского*. М., 1973 [Khmeleva N. G. *Gosudarstvo Abd al-Kadira alzhirskogo*. Moscow, 1973].

Шахбазян Г. С. *Государственный сектор в экономике Ирака*. М., 1974 [Shakhbazian G. S. *Gosudarstvennyi sektor v ekonomike Iraka*. Moscow, 1974].

Юсупов Д. И. Творческий путь Омара Фахури. М., 1958 [Iusupov D. I. *Tvorcheskii put' Omara Fakhuri*. Moscow, 1958].

Naumkin V., Kogan L., al-Daarhi A., Cherkashin D. Bulakh M., Vizirova E. *Corpus of Soqotri Oral Literature*. Vol. 1. Leiden, 2014.

ИЗУЧЕНИЕ АФГАНИСТАНА В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

У. В. Окимбеков*

В представленном материале затрагивается история изучения Афганистана в Институте востоковедения РАН, история формирования сектора Афганистана, приведены имена ученых, занимавшихся исследованием этой страны, дано краткое описание их основных трудов.

Ключевые слова: сектор Афганистана, афганистика, Институт востоковедения РАН, ИВ РАН, история, экономика, пушту, пуштуны.

THE STUDY OF AFGHANISTAN AT THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES RAS

Ubaid V. Okimbekov

The material presented here touches upon the history of Afghan Studies in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, history of the Afghanistan Sector, the names of scientists involved in the study of this country, and a brief description of their main topics.

Keywords: Afghanistan sector, Afghanistan, Institute of Oriental Studies RAS, IOS RAS, history, economy, Pashto, Pashtun.

С начала 1950-х гг. отдельные ученые Института востоковедения АН начали изучать историю, экономику и языки Афганистана. Среди них были и те, кто частично занимался афганскими вопросами, и такие, кто защитили кандидатскую и докторскую диссертации на эту тему, написали десятки статей и монографий. Многие известные сотрудники Института начали свой научный путь с исследования Афганистана. Работы этих авторов, по сути, создали предпосылки для формирования афгановедения как самостоятельного исследовательского направления Института.

Одним из тех, кто специализировался на афганской тематике и исследовал вопросы политики и истории Афганистана, был Роман Тимофеевич Ахрамович. Он работал в Институте востоковедения с 1953 по 1975 гг. За этот промежуток времени написал и защитил кандидатскую и докторскую диссертации («Проблемы неафганских народностей в современном Афганистане» (1953 г.), «Общественные движения и государственная политика Афганистана после Второй мировой войны» (1968 г.). Р. Т. Ахрамович являлся автором многочисленных статьей и двух монографий по Афганистану: «Афганистан после Второй мировой войны: Очерк истории» [Ахрамович, 1961] и «Афганистан в 1961–1966 гг. Политическое положение. Конституционная реформа» [Ахрамович, 1967]. С 1962 по 1975 гг. Ахрамович работал заместителем директора ИВ АН СССР.

Значительный вклад в изучение языка пушту внес покинувший мир в самом рассвете сил Николай Александрович Дворянков. В 1950 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Семантика и функции служебных глаголов в современном афганском языке (пушту)», а в 1967 г. докторскую («Проблема народности в современной афганской (паштунской) поэзии»). Трудовую деятельность в ИВ АН он начал с 1957 г. в качестве научного сотрудника и вплоть до 1979 г. работал на разных должностях – заведовал секторами индийских, иранских и семитских языков, был заместителем директора института. Наряду с языком пушту

* Убайд Вафобекович ОКИМБЕКОВ, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ubayd@inbox.ru
Ubaid V. OKIMBEKOV, PhD (Economics), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ubayd@inbox.ru

Дворянков занимался изучением афганской поэзии, перевел стихотворения, книги пуштуязычных авторов на русский, руководил работами аспирантов.

С изучения Афганистана свою научную деятельность начал и Юрий Владимирович Ганковский, защитивший в 1958 г. кандидатскую диссертацию на тему «Очерки государственного строя и военной системы державы Дуррани (1747–1819)», а позже опубликовал монографию под названием «Империя Дуррани: очерки административной и военной системы» [Ганковский, 1958]. Это была первая отдельная, не потерявшая по сей день актуальность работа, посвященная изучению государственного строя и военной системы империи Дуррани. В книге затронут широкий спектр вопросов, связанных с периодом существования империи: земли и границы, армии со всей военной системой, структуры государственной власти, социально-экономическая жизнь крупных городов и фискальная система. Несмотря на то что в дальнейшем Ганковский сосредоточился на изучении соседнего Пакистана, он параллельно продолжил уделять внимание и Афганистану. Помимо публикации статей он также выступал в качестве ответственного редактора сборников статьей, монографий и справочных материалов по Афганистану. Одна из таких работ – «История Афганистана с древнейших времен до наших дней» [Ганковский, 1982], посвященная истории становления афганского государства, а также политическим, социальным и экономическим изменениям, происшедшим после леводемократического коммунистического переворота 1978 г. Перечень таких работ можно продолжить, но здесь ограничимся упоминанием лишь нескольких: «Афганистан, прошлое и настоящее» [Ганковский, 1982], «История вооруженных сил Афганистана, 1747–1977» [Ганковский, 1985], «Россия и Афганистан» [Ганковский, 1989], «Афганистан: история, экономика, культура» [Ганковский, 1989].

Основательным изучением вопросов экономики Афганистана занимался Наум Мануилович Гуревич. В 1967 г. он стал доктором экономических наук, написав диссертацию «Экономическое развитие Афганистана (финансовые вопросы)». Н. М. Гуревич исследовал вопросы общего экономического развития Афганистана, прежде всего финансовую сферу, развитие внешней и внутренней торговли, историю торгового капитала и социально-экономическое развитие в целом. Среди его монографий выделим: «Внешняя торговля Афганистана до второй мировой войны» [Гуревич, 1959], «Государственный сектор в экономике Афганистана» [Гуревич, 1962], «Экономическое развитие Афганистана (финансовые вопросы)» [Гуревич, 1966], «Очерки истории торгового капитала в Афганистане» [Гуревич, 1967], «Внешняя торговля Афганистана в новейшее время» [Гуревич, 1981], «Афганистан: некоторые особенности социально-экономического развития» [Гуревич, 1983].

Как будет показано ниже, основная масса исследователей традиционно специализировалась на изучении вопросов, связанных с политикой и историей Афганистана, и лишь немногие уделяли внимание изучению экономической и социальной жизни страны. Среди них особо выделим Александра Давыдовича Давыдова, внесшего весомый вклад в изучение социально-экономической жизни афганского аграрного сектора. А. Д. Давыдов в 1951 г. закончил Московский институт востоковедения в качестве специалиста по Афганистану и языку пушту. В 1956 г., после некоторого времени работы в МГУ, он перешел в Институт востоковедения и был одним из немногих, кто заинтересовался вопросами сельского хозяйства Афганистана и в 1976 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Социально-экономическая структура деревни Афганистана и особенности ее эволюции». Своими научными работами и трудовой деятельностью он оставил заметный след в истории не только сектора Афганистана, но и всей отечественной афганистики.

А. Д. Давыдов – автор и ответственный редактор монографий, сборников статей, справочников и многочисленных научных статей прежде всего по сельскому хозяйству и сельской общине Афганистана. Его работы охватывают проблемы использования природных ресурсов, вопросы водо- и землепользования, эволюции земельных отношений и

земельной собственности, а также другим сторонам экономической и социальной жизни деревни Афганистана. Среди монографий Давыдова, рассматривающих земельные отношения и структуру крестьянских хозяйств, можно выделить: «Развитие капиталистических отношений в земледелии Афганистана» [Давыдов, 1962], «Аграрный строй Афганистана» [Давыдов, 1967], «Афганская деревня (сельская община и расслоение крестьянства)» [Давыдов, 1969], «Социально-экономическая структура деревни Афганистана (особенности эволюции)» [Давыдов, 1976]. Дальнейшие исследования афганской проблематики Давыдов продолжил в рамках образованного в 1978 г. в ИВ АН нового Отдела стран Ближнего и Среднего Востока (БСВ), став ведущим сотрудником сектора Афганистана (в этом же году в Афганистане произошел «коммунистический» переворот). В новых политических условиях, возникших в Афганистане после революции 1978 г., Давыдов посвятил отдельную работу изучению преобразований, введенных Народно-демократической партией Афганистана (НДПА) в аграрной сфере. Анализ этого вопроса дан в книге «Аграрное законодательство Демократической Республики Афганистан (социально-экономический анализ)» [Давыдов, 1984]. Монография «Мелкотоварное крестьянское хозяйство в странах Ближнего и Среднего Востока» [Давыдов, 1989] выходит за рамки традиционно исследуемого автором объекта, поскольку затрагивает также процессы в Турции и Иране.

Книгу А. Д. Давыдова «Афганистан: войны могло не быть (крестьянство и реформы)» [Давыдов, 1993] можно назвать неким переосмыслением и новым взглядом на экономические реформы, проведенные НДПА в 1980-х гг. В ней он отказывается от взгляда на оправданность этих реформ, показывая к каким трагическим последствиям они на деле привели. Последняя индивидуальная монография Давыдова «Традиционный рынок Афганистана (возникновение и модернизация промтоварных базаров)» [Давыдов, 1999] в отличие от всех остальных затрагивает исключительно вопросы развития внутреннего рынка потребительских товаров и его эволюции. Давыдов – автор ряда совместных трудов с другими специалистами по Афганистану. Первая из них совместно с Н. И. Черняховской «Афганистан» [Давыдов, Черняховская, 1973], вторая называется «СССР и развивающиеся страны (поддержка освободительной борьбы и значение опыта преобразований в советских среднеазиатских республиках на примере советско-афганских отношений)», была издана в Ташкенте в 1984 г. и выполнена в соавторстве с Д. Я. Очильдиевым [Давыдов, Очильдиев, 1984]. Многие исследователи написали и защитили кандидатские диссертации под руководством Давыдова, опубликовали результаты собственных исследований в виде отдельных монографий.

Во второй половине 1990-х гг. по инициативе Давыдова были составлены серии сборников статей. К их числу относятся «Афганистан: проблемы войны и мира» (1996, 1998, 2000 гг.). Одной из итоговых работ А. Д. Давыдова можно считать вышедший под его редакцией в 2000 г. справочник «Афганистан» [Давыдов, 2000]. Необходимо подчеркнуть и организаторские качества Давыдова. По его инициативе были созданы серии научно-практических семинаров, посвященные памяти видных афганских общественных деятелей и поэтов, а также военно-политической и социально-экономической ситуации в Афганистане, где выступали не только сотрудники сектора, но и представители афганской диаспоры. В частности, была издана небольшая книга произведений основателя классической литературы пушту Хушхальхана Хаттака на языке оригинала.

Возвращаясь к формированию сектора Афганистана как самостоятельного исследовательского звена в 1978 г., отметим, что первым заведующим сектора в течение примерно десяти лет был Ю. В. Ганковский, возглавлявший также отдел БСВ. С 1987 по 1994 гг. сектором по совместительству, наряду с выполнением обязанностей руководителя Отдела, заведовал Вячеслав Яковлевич Белокреницкий, а с 1994 по 2000 гг. – А. Д. Давыдов. Затем руководство перешло к Виктору Григорьевичу Коргуну (2000–2014 гг.). В настоящее время сектором руководит Рамазан Джагафарович Дауров. За эти годы в рамках сектора

Афганистана исследованием афганской проблематики кроме упомянутых выше А. Д. Давыдова, В. Г. Коргуна и Р. Д. Даурова занимались многие другие ученые и специалисты, такие как Марианна Рубеновна Арунова, Виктор Николаевич Спольников, Владимир Никитович Пластун, Владимир Владимирович Басов, Руслан Романович Сикоев, Хадия Хашимбекович Хашимбеков, Мавлон Махкамович Махкамов, Убайд Вафобекович Окимбеков, Омар Мухаммад Нессар и др. Область их исследований охватывала различные аспекты жизни афганского общества: вопросы истории, внешней и внутренней политики, экономики, языка и культуры. Каждый из них внес свой вклад в развитие отечественного афгановедения.

Хотя хронологические рамки основной массы работ ограничились периодом XX в., в отдельных трудах затрагивались и вопросы более раннего периода истории Афганистана и народов этой страны. Большая часть сотрудников сектора были не просто наблюдателями со стороны за происходящими социально-экономическими и политическими преобразованиями в Афганистане, но и были близко знакомы с самой страной, становились свидетелями политических событий и потрясений, поскольку десятилетиями работали там. Некоторые из них также, как и другие вышеупомянутые ученые, еще до образования сектора занимались исследованием Афганистана, посвятили статьи и монографии различным вопросам жизни этой страны. Основная масса публикаций сотрудников сектора приходится на период двух последних десятилетий XX в. В рамках сектора авторы из других академических учреждений, регионов страны и республик бывшего СССР обсуждали, защищали диссертации и публиковали работы. Изданы десятки монографий, большое число сборников и сотни статей в журналах и периодических изданиях.

Исследования сотрудников сектора по истории и политической жизни Афганистана ограничиваются главным образом периодом после обретения страной полной политической независимости в 1919 г. Большой вклад в изучение истории Афганистана в XX в., особенно политической, из числа сотрудников сектора внес В. Г. Коргун, посвятивший этим вопросам ряд монографий и свыше полутора сотен научных статьей. В 1974 г. Коргун защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-политический кризис конца 20-х годов XX в. в Афганистане», а в 2000 г. докторскую – «Формирование и эволюция политической системы современного Афганистана, 1919–1999 гг.». Первая его монография «Афганистан в 20–30-е годы XX в.: страницы политической истории», вышедшая в свет в 1979 г., охватила период первых двух десятилетий после обретения Афганистаном независимости. Другая работа «Интеллигенция в политической жизни Афганистана» [Коргун, 1983] рассказывает об особенностях формирования афганской интеллигенции, ее роли в общественной и политической жизни страны. Еще одна книга «Афганистан: политика и политики», изданная в 1999 г., посвящена развитию государственной власти – начиная с периода правления короля Амануллы-хана и до становления и формирования Исламского эмирата Афганистана. Комплексное изучение исторических, политических и социальных процессов в Афганистане представлено в книге «История Афганистана. XX век» [Коргун, 2004].

Немалый вклад внес В. Г. Коргун и в изучение истории развития российско-афганских отношений. Самый крупный результат его труда в этом направлении – монография «Россия и Афганистан: исторические пути формирования образа России в Афганистане» (2008). Отметим, что история взаимоотношений Афганистана с СССР во всех сферах деятельности (экономике, культуре, политике, социальной сфере) была представлена в работах Леонида Борисовича Теплинского, тесно сотрудничавшего с сектором коллеги, доктора исторических наук, сотрудника Дипакадемии МИД. Его книги «СССР и Афганистан. 1919–1981» [Теплинский, 1982] и «История советско-афганских отношений, 1919–1987» [Теплинский, 1988] дают подробный анализ взаимодействий между двумя странами. Отметим, что В. Г. Коргун долгие годы работал в Афганистане и Иране, принимал участие во многих международных конференциях, посвященных этой стране. После свержения власти режима «Талибан» он неоднократно участвовал в конференциях в Кабуле и

Панджшере, посвященных памяти Ахмад-шаха Масуда, в ходе которых встречался и беседовал со многими видными лидерами различных афганских политических движений и партий.

Исследованием истории развития политической жизни Афганистана занимались также М. Р. Арунова и Р. Р. Сикоев. Перу этих авторов принадлежат многочисленные и значимые научные труды. М. Р. Арунова главным образом занималась изучением внутриафганских политических процессов и воздействия на них внешних факторов, являясь автором и соавтором нескольких монографий. Ее работа «Границы России с Афганистаном (исторический очерк)» в соавторстве с О. М. Шумиловым [Арунова, Шумилов, 1998] – первая попытка комплексного изучения истории формирования границ России с Афганистаном. К числу других трудов относятся «Афганская политика США в 1945–1999 гг. (краткий очерк)» [Арунова, 2000], «Очерки Средневековой и Новой истории Афганистана» [Арунова, Лалетин, 2010], «ШОС и афганская проблема» [Арунова, 2012], «Афганская политика США в 1945–2014 гг.» [Арунова, Иваненко, 2015]. Марианна Рубеновна является составителем и ответственным редактором справочников и серий сборников статей по Афганистану и других стран региона. К их числу относятся следующие работы: «Афганистан (Справочник)» [Арунова, 1964], «Демократическая Республика Афганистан. Справочник» [1981], «Современный Афганистан и сопредельные страны (сборник статей)» [Арунова, 2011], «Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития (по материалам рабочего совещания, состоявшегося в Центре изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН 2 апреля 2012 г.)» [Арунова, 2012].

Немаловажный вклад в развитие российской афганистики внес и Р. Р. Сикоев. Область его научных интересов была широкой, но основное внимание он уделял исследованию политической идеологии радикальных исламистских партий и группировок, истокам появления религиозного радикализма и экстремизма, конституционным реформам. Этим и другим вопросам Сикоев посвятил ряд статей и монографий. В дополнение к политическим темам Руслан Романович занимался изучением жизни афганских диаспор в России и странах Запада. На основе материалов газет и журналов, изданных эмигрантами из Афганистана в странах Азии, Европы и Америки, он изучал политические процессы внутри самих диаспор. Этой теме была посвящена работа под названием «Пресса афганской эмиграции» [Сикоев, 1999]. Его работа «Талибы (религиозно-политический портрет), вышедшая в свет дважды [Сикоев, 2002; 2004], является ценным источником по изучению истории становления и прихода к власти движения «Талибан», внешней и внутренней политики, социально-экономической структуры Исламского эмирата талибов. Параллельно с исследованием феномена «Талибан» Сикоев занимался изучением истоков появления исламского радикализма. Этой теме посвящена отдельная крупная работа «Панисламизм: истоки и современность. Джамаллуддин Афгани и его религиозно-политические последователи» [Сикоев, 2010]. В ней исследуется жизнь и деятельность основоположника учения панисламизма Джамаллуддина Афгани, а также таких деятелей, как Хасан аль-Банна, Абдул Ала Маудуди, Саед Кутб. Отдельный раздел в работе посвящен религиозным взглядам вождя исламской революции Ирана Рухолле Хомейни. Работы Р. Р. Сикоева, как и других сотрудников сектора Афганистана, отличаются тем, что он свободно и широко использует источники на языках пушту и дари.

В XXI в. афганисты Отдела стран Ближнего и Среднего Востока, переименованного в 2010 г. в Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока, подготовили ряд сборников статей и серию журнальных публикаций. В них анализируются вопросы политической и социально-экономической жизни Афганистана после свержения режима талибов. Стоит отметить такие сборники, как «Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)» (2002) и «Афганистан в начале XXI века» (отв. ред. В. Г. Коргун, 2004). Труды других афганистов охватывают историю народов, компактно проживающих в отдельных регионах Афганистана. В частности, небольшая работа Х. Хашимбекова «Узбеки Северного

Афганистана» [Хашимбеков, 1994] и монография М. Махкамова «Таджикский Северо-восток Афганистана» [Махкамов, 2002] являются примером такого подхода.

Афганистан – многонациональная страна, в которой весьма значима роль этнического фактора. Анализ развития национальных отношений дается в книге «Афганистан: полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте» пера Ю. В. Босина – преподавателя ИСАА МГУ, работавшего по совместительству в Институте востоковедения [Босин, 2002]. Вопрос нации и роли племенного фактора в Афганистане изучен в статьях В. В. Басова. В. Я. Белокреницкий посвятил отдельные статьи исследованию демографии пуштунов. Он опубликовал большую работу под названием «Пуштуны Афганистана и Пакистана: демографическая динамика и политическая роль» в упомянутом сборнике «Афганистан на переходном этапе». Работа отличается тем, что в ней сделан подробный анализ динамики численности пуштунов, их политической роли и расселения пуштунских племен как на афганской территории, так и в зоне племен соседнего Пакистана. Это не единственная отчасти посвященная Афганистану работа автора. В. Я. Белокреницкий в соавторстве с Р. Р. Сикоевым написали две монографии, охватывающие афгано-пакистанский ареал. Это «Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана» [Белокреницкий, Сикоев, 2013] и «Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана» [Белокреницкий, Сикоев, 2014].

Исследованием литературы пушту занималась Алевтина Сергеевна Герасимова, написавшая монографии «Литература Афганистана на языке пушту, 40–80-е годы» [Герасимова, 1986] и «Русская литература в Афганистане: открытие и признание» [Герасимова, 2015]. За последние два года в рамках сектора были обсуждены и опубликованы две работы по экономике и политическому развитию Афганистана после свержения режима талибов. Это «Экономика Афганистана (производственная инфраструктура)» У. В. Окимбекова [Окимбеков, 2016] и «Политическое развитие Афганистана: оценки и прогнозы (2001–2014) М. О. Нессара [Нессар, 2017].

Перечисленные работы являются лишь небольшой частью того, что было исследовано, издано и сделано сектором Афганистана и афганистами других отделов Института. Подводя итоги, добавим, что по традиции в рамках сектора аспиранты и докторанты из других регионов страны и стран СНГ продолжают обсуждать и представлять на защиту диссертации, публиковать монографии. Только докторские диссертации после 2000 г. защитили В. Н. Пластун «Деятельность экстремистских сил и организаций в странах Востока (последняя треть XX – начало XXI в.» (2003) из Новосибирска, В. С. Бойко «Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг.» (2012) из Барнаула, М. Рахматшоев «Процессы этнополитического и социокультурного развития таджиков Афганистана (середина XVIII – начало XX вв.)» (2011) из Республики Таджикистан и Ю. Н. Паничкин «Пакистано-афганские отношения: эволюция, проблемы, решения (1947–2014 гг.)» (2015) из Рязани. Из числа сотрудников самого сектора О. М. Нессар защитил кандидатскую диссертацию на тему «История политического развития современного Афганистана (2001–2014 гг.)» (2014).

Литература/References

Арунова М. Р. (ред.). *Афганистан (Справочник).* М., 1964 [Arunova M. R. (ed.). *Afganistan (Spravochnik).* Moscow, 1964].

Арунова М. Р. (ред.). *Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития (по материалам рабочего совещания, состоявшегося в Центре изучения стран Ближнего и Среднего Востока. ИВ РАН, 2 апреля 2012 г.).* М., 2012 [Arunova M. R. (ed.). *Afganistan i Pakistan: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia (po materialam rabochego soveschaniia, sostoyavshegosya v Tsentre izucheniia stran Blizhnego i Srednego Vostoka. IV RAN, 2 aprelya 2012 g.).* Moscow, 2012].

Арунова М. Р. (ред.). *Демократическая Республика Афганистан. Справочник.* М., 1981 [Arunova M. R. (ed.). *Demokraticheskaia Respublika Afganistan. Spravochnik.* Moscow, 1981].

Арунова М. Р. (ред.). *Современный Афганистан и сопредельные страны (сборник статей).* М., 2011 [Arunova M. R. (ed.). *Sovremennyi Afganistan i sopredelnye strany (sbornik statei),* Moscow, 2011].

Арунова М. Р. *Афганская политика США в 1945–1999 гг. (краткий очерк).* М., 2000 [Arunova M. R. *Afganskaia politika SSHA v 1945–1999 gg. (kratkii istoricheskii ocherk).* Moscow, 2000].

Арунова М. Р. *ШОС и афганская проблема.* М., 2012 [Arunova M. R. *SHOS i afganskaia problema.* Moscow, 2012].

Арунова М. Р., Иваненко В. И. *Афганская политика США в 1945–2014 гг.* М., 2015 [Arunova M. R., Ivanenko V. I. *Afganskaia politika SSHA v 1945–2014 gg.* Moscow, 2015].

Арунова М. Р., Лалетин Ю. П. *Очерки Средневековой и Новой истории Афганистана.* М., 2010 [Arunova M. R., Laletin Iu. P. *Ocherki Srednevekovoi i Novoi istorii Afganistana.* Moscow, 2010].

Арунова М. Р., Шумилов О. М. *Границы России с Афганистаном (исторический очерк).* М., 1998 [Arunova M. R., Shumilov O. M. *Granitsy Rossii s Afganistanom (istoricheskii ocherk).* Moscow, 1998].

Ахрамович Р. Т. *Афганистан в 1961–1966 гг. Политическое положение. Конституционная реформа.* М., 1967 [Ahramovich P. T. *Afganistan v 1961–1966 gg. Politicheskoe polozhenie. Konstitutsionnaia reforma.* Moscow, 1967].

Ахрамович Р. Т. *Афганистан после Второй мировой войны: Очерк истории.* М., 1961 [Ahramovich P. T. *Afganistan posle Vtoroi mirovoi voiny: ocherk istorii.* Moscow, 1961].

Ахрамович Р. Т., Белов И. Ф. *Пример добрососедства и дружественного сотрудничества.* М., 1956 [Ahramovich P. T., Belov I. F. *Primer dobrososedstva i druzhestvennogo sotrudnichestva.* Moscow, 1956].

Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. *Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана.* М., 2013 [Belokrenitsky V. Ia., Sikoev R. R. *Avtoritarizm i demokratiia v usloviiah Afganistana i Pakistana.* Moscow, 2013].

Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. *Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана.* М., 2014 [Belokrenitsky V. Ia., Sikoev R. R. *Dvizhenie Taliban i perspektivy Afganistana i Pakistana.* Moscow, 2014].

Босин Ю. В. *Афганистан: полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте.* М., 2002 [Bosin Iu. V. *Afganistan: poli'etnicheskoe obschestvo i gosudarstvennaia vlast' v istoricheskom kontekste.* Moscow, 2002].

Ганковский Ю. В. (ред.). *Афганистан: история, экономика, культура.* М., 1989 [Gankovskii Iu. V. (ed.). *Afganistan: istoriia, 'economika, kul'tura.* Moscow, 1989].

Ганковский Ю. В. (ред.). *Афганистан: прошлое и настоящее.* М., 1982 [Gankovskii Iu. V. (ed.). *Afganistan: proshloe i nastoiaschee.* Moscow, 1982].

Ганковский Ю. В. (ред.). *История Афганистана с древнейших времен до наших дней.* М., 1982 [Gankovskii Iu. V. (ed.). *Istoriia Afganistana s drevneishih vremion do nashih dnei.* Moscow, 1982].

Ганковский Ю. В. (ред.). *История вооруженных сил Афганистана, 1747–1977.* М., 1985 [Gankovskii Iu. V. (ed.). *Istoriia vooruzhionnyh sil Afganistana, 1747–1977.* Moscow, 1985].

Ганковский Ю. В. (ред.). *Россия и Афганистан.* М., 1989 [Gankovsky Y. V. (ed.). *Rossiia i Afganistan.* Moscow, 1989].

Ганковский Ю. В. *Империя Дуррани: очерки административной и военной системы.* М., 1958 [Gankovskii Iu. V. *Imperiia Durrani: ocherki administrativnoi i voennoi sistemy.* Moscow, 1958].

Герасимова А. С. *Литература Афганистана на языке пушту, 40–80-е годы.* М., 1986 [Gerasimova A. S. *Literatura Afganistana na iazike pushtu, 40–80-e gody.* Moscow, 1986].

Герасимова А. С. *Русская литература в Афганистане: открытие и признание.* М., 2015 [Gerasimova A. S. *Russkaia literatura v Afganistane: otkrytie i poznanie.* Moscow, 2015].

Гуревич Н. М. *Афганистан: некоторые особенности социально-экономического развития.* М., 1983 [Gurevich N. M. *Afganistan: nekotorye osobennosti sotsial'no-'ekonomicheskogo razvitiia.* Moscow, 1983].

Гуревич Н. М. *Внешняя торговля Афганистана в новейшее время.* М., 1981 [Gurevich N. M. *Vneshnyaya torgovlya Afganistana v noveishee vremia.* Moscow, 1981].

Гуревич Н. М. *Государственный сектор в экономике Афганистана.* М., 1962 [Gurevich N. M. *Gosudarstvennyi sektor v 'ekonomike Afganistana.* Moscow, 1962].

Гуревич Н. М. *Очерки истории торгового капитала в Афганистане.* М., 1967 [Gurevich N. M. *Ocherki istorii torgovogo kapitala v Afganistane.* Moscow, 1967].

Гуревич Н. М. *Экономическое развитие Афганистана (финансовые вопросы).* М., 1966 [Gurevich N. M. *'Ekonomicheskoe razvitie Afganistana (finansovye voprosy).* Moscow, 1966].

Давыдов А. Д. *Аграрное законодательство Демократической Республики Афганистан (социально-экономический анализ).* М., 1984 [Davydov A. D. *Agrarnoe zakonodatel'stvo Demokraticheskoi Respubliki Afganistan (sotsial'no-'ekonomicheskii analiz).* Moscow, 1984].

Давыдов А. Д. *Аграрный строй Афганистана.* М., 1967 [Davydov A. D. *Agrarnyi stroi Afganistana.* Moscow, 1967].

Давыдов А. Д. *Афганистан: войны могло не быть (крестьянство и реформы).* М., 1993 [Davydov A. D. *Afganistan: voyny moglo ne byt' (krest'ianstvo i reformy).* Moscow, 1993].

Давыдов А. Д. *Афганская деревня (сельская община и расслоение крестьянства).* М., 1969 [Davydov A. D. *Afganskaia derevnia (sel'skaya obschina i rassloenie krest'ianstva).* Moscow, 1969].

Давыдов А. Д. *Мелкотоварное крестьянское хозяйство в странах Ближнего и Среднего Востока.* М., 1989 [Davydov A. D. *Melkotovarnoe krest'ianskoe hoziaistvo v stranah Blizhnego i Srednego Vostoka.* Moscow, 1989].

Давыдов А. Д. *Развитие капиталистических отношений в земледелии Афганистана.* М., 1962 [Davydov A. D. *Razvitie kapitalisticheskih otnosheniy v zemledelii Afganistana.* Moscow, 1962].

Давыдов А. Д. *Социально-экономическая структура деревни Афганистана (особенности эволюции).* М., 1976 [Davydov A. D. *Sotsial'no-'ekonomicheskaia struktura derevni Afganistana (osobennosti 'evoliutsii).* Moscow, 1976].

Давыдов А. Д. *Традиционный рынок Афганистана (возникновение и модернизация промтоварных базаров).* М., 1999 [Davydov A. D. *Traditsionnyi rynok Afganistana (vozniknovenie i modernizatsiia promtovarnyh bazarov).* Moscow. 1999].

Давыдов А. Д., Очильдиев Д. Я. *СССР и развивающиеся страны (поддержка освободительной борьбы и значение опыта преобразований в советских среднеазиатских республиках на примере советско-афганских отношений).* Ташкент, 1984 [Davydov A. D., Ochil'diev D. Y. *SSSR i razvivaiushiesia strany (podderzhka osvoboditel'noy bor'by i znachenie opyta preobrazovanii v sovetskih sredneaziatskih respublikah na primere sovetsko-afganskih otnosheniy).* Tashkent, 1984].

Давыдов А. Д., Черняховская Н. И. *Афганистан.* М., 1973 [Davydov A. D., Cherniahovskaia N. I. *Afganistan.* Moscow, 1973].

Дворянков Н. А. (ред.). *Современный Афганистан (Справочник).* М., 1960 [Dvoryankov N. A. (ed.). *Sovremennyi Afganistan (Spravochnik).* Moscow, 1960].

Коргун В. Г. *Афганистан в 20–30-е годы XX в: страницы политической истории.* М., 1979 [Korgun V. G. *Afganistan v 20–30-e gody XX v.: sranitsy politicheskoi istorii.* Moscow, 1979].

Коргун В. Г. *Афганистан: политика и политики.* М., 1999 [Korgun V. G. *Afganistan: politika i politiki.* Moscow, 1999].

Коргун В. Г. *Интеллигенция в политической жизни Афганистана.* М., 1983 [Korgun V. G. *Intelligentsiia v politicheskoy zhizni Afganistana.* Moscow, 1983].

Коргун В. Г. *История Афганистана. XX век.* М. 2004 [Korgun V. G. *Istoriia Afganistana. XX vek.* Moscow, 2004].

Коргун В. Г. *Россия и Афганистан: исторические пути формирования образа России в Афганистане.* М., 2008 [Korgun V. G. *Rossiia i Afganistan: istoricheskie puti formirovaniia obraza Rossii v Afganistane.* Moscow, 2008].

Махкамов М. *Таджикский Северо-Восток Афганистана.* М., 2002 [Mahkamov M. *Tadzhikskii Severo-Vostok Afganistana.* Moscow, 2002].

Нессар М. О. *Политическое развитие Афганистана: оценки и прогнозы (2001–2014).* М., 2017 [Nessar M. O. *Politicheskoe razvitie Afganistana: otsenki i prognozy (2001–2014).* Moscow, 2017].

Окимбеков У. В. *Экономика Афганистана (производственная инфраструктура).* М., 2016 [Okimbekov U. V. *'Economica Afganistana (proizvodstvennaia infrastruktura).* Moscow, 2016].

Сикоев Р. Р. *Панисламизм: истоки и современность. Джамаллуддин Афгани и его религиозно-политические последователи.* М., 2010 [Sikoev R. R. *Panislamizm: istoki i sovremennost'. Dzhamaluddin Afgani i ego religiozno-politicheskie posledovateli.* Moscow, 2010].

Сикоев Р. Р. *Пресса афганской эмиграции.* М., 1999 [Sikoev R. R. *Pressa afganskoi 'emigratsii.* Moscow, 1999].

Сикоев Р. Р. *Талибы (религиозно-политический портрет).* М., 2002 [Sikoev R. R. *Taliby (religiozno-politicheskii portret).* Moscow, 2002].

Спольников В. Н. *Афганистан. Исламская оппозиция. Истоки и цели.* М, 1990 [Spol'nikov V. N. *Afganistan. Islamskaia oppozitsiia. Istoki i tseli.* Moscow, 1990].

Теплинский Л. Б. *История советско-афганских отношений (1919–1987 гг.).* М., 1988 [Teplinskii L. B. *Istoriia sovetsko-afganskih otnoshenii (1919–1987 gg.).* Moscow, 1988].

Теплинский Л. Б. *СССР и Афганистан: 1919–1981.* М., 1982 [Teplinsky L. B. *SSSR i Afganistan: 1919–1981.* Moscow, 1982].

Хашимбеков Х. *Узбеки Северного Афганистана.* М., 1994 [Hashimbekov H. *Uzbeki Severnogo Afganistana.* Moscow, 1994].

САКРАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ БОДХ-ГАИ И ТЕКСТОВАЯ ТРАДИЦИЯ

Н. В. Александрова*

В данной работе рассматривается комплекс паломнических центров, сложившийся вокруг Бодх-гаи, почитаемой в буддизме как место просветления Будды; автор прослеживает соотношение сакральной топографии этого небольшого региона со свидетельствами письменных источников разного характера. В первую очередь анализируется агиографическая буддийская литература, позволяющая воспринимать сакральные локусы в их смысловом окружении – в контексте раннебуддийской культуры, привлекаются также описания Бодх-гаи в китайской паломнической литературе, которые дают возможность сравнения структуры комплекса, выявляемой на разных временных срезах. В результате изучения житийных памятников, отражающих эволюцию предания, обнаруживается определенная корреляция нарратива с изменяющейся и развивающейся системой сакральных локусов. Автор ставит также проблему закономерностей развития этого буддийского комплекса и делает вывод о постепенном освоении добуддийских культовых мест.

Ключевые слова: буддизм, буддийская литература, жанр агиографии, китайские паломники в Индии, сакральный локус, археология Бодх-гаи.

THE SACRED TOPOGRAPHY OF BODH-GAYA AND BUDDHIST NARRATION

Natalia V. Aleksandrova

The paper reviews a complex of Buddhist pilgrimage centers in Bodh Gaya, revered in Buddhism as the place of the Buddha's enlightenment. The author traces the relationship between the region's sacred topography and the evidence found in various written sources, analyzing primarily the Buddhist hagiographical literature to interpret the sacred loci in their appropriate context of early Buddhist culture; descriptions of Bodh Gaya from the writings of certain Chinese pilgrims also make it possible to compare the structure of the complex throughout different time periods. The study of hagiographical texts reflecting an evolution of the legend reveals a certain correlation of the narrative with the changes in the system of the sacral sites. The author also examines the evolutionary trends of the Buddhist sacred complex and makes a conclusion about the progressive appropriation of pre-Buddhist places of worship.

Keywords: Buddhism, Buddhist literature, hagiographic genre, Chinese pilgrims in India, sacred site, archaeology of Bodh Gaya.

Культурно-исторический комплекс Бодх-гаи представляет огромный интерес для историка и как объект археологических исследований, начавшихся еще в середине XIX в., и как центр древнего буддизма, на котором сосредоточена вся буддийская текстовая традиция, и как место живого культа, сохранившего в себе тысячелетнюю историческую память.

Проблема формирования комплекса сакральных локусов, группирующихся вокруг Бодх-гаи, почитаемого как место просветления Будды, достаточно сложна и требует обращения к источникам разного характера. В первую очередь это литературные

* Наталия Владимировна АЛЕКСАНДРОВА – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; старший научный сотрудник Института классического востоковедения и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; surnevo@mail.ru

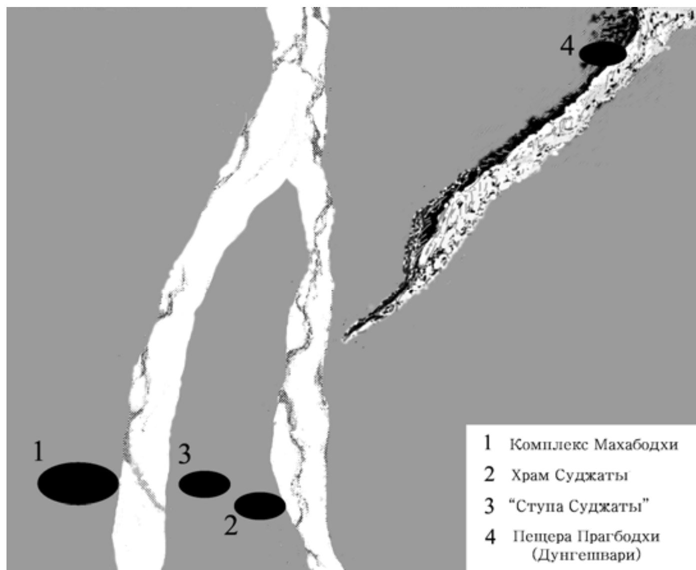
Natalia V. ALEKSANDROVA – PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Senior Research Fellow, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University – Higher School of Economics; surnevo@mail.ru

источники – и тексты паломнической традиции, в которых зафиксированы разновременные сведения об этих святынях, и агиографические сюжетные нарративы, содержащие соответствующие эпизоды жития. Обращаясь к текстам, мы сталкиваемся с противоречиями, с изменением представлений о локусах, с изменением самих связанных с ними сюжетов и таким образом получаем возможность в какой-то мере проследить пути развития этих сюжетов в соотношении с их локализацией. Иными словами, при таком рассмотрении выясняются определенные трансформации. Выявление подобных изменений представляет самостоятельный интерес, однако может служить и поводом для постановки более общих вопросов – о механизмах этих трансформаций, их направленности и их обусловленности разными факторами. Мы имеем в виду и соотношение текста с изобразительной традицией – по-видимому, достаточно сложное в период раннего буддизма, и соотношение с культом, и соотношение с буддийской топографией, связанной с паломничеством. В каком взаимодействии развивался весь этот комплекс проявлений буддийской культуры – наверное, основополагающий вопрос, для того чтобы понять, а не только проследить ее развитие, в том числе эволюцию текстовой традиции. В данном случае речь пойдет о проблемах, связанных с ранней стадией существования буддийской культуры, когда закладывались ее основы, и именно на этом фоне прослеживается вариативность сюжетов и неустойчивость их локализации, что мы и попытались показать на предлагаемом здесь материале.

История просветления Будды в развитой буддийской традиции, например, в наиболее развернутом повествовании санскритской «Лалитавистары» предстает в виде суммы эпизодов, соединенных в достаточно длинную последовательность. Именно к этой версии «Лалитавистары», где соответствующий набор эпизодов зафиксирован в развитом виде, можно обратиться как к исходному варианту для обсуждения. Это важнейшее произведение буддизма махаяны составлено в жанре сутры; верхняя граница датировки памятника определяется тибетским переводом, выполненном в начале IX в.

Общая схема последовательности эпизодов, предшествующих событию просветления, в версии санскритской «Лалитавистары» выглядит следующим образом. Будущий Будда Гаутама, покинув царский дворец, чтобы стать подвижником, в своих странствиях прибывает в лес Урубильва (Urubilvā), располагающийся на берегу реки Найранджаны (Nairañjanā), и, не будучи удовлетворен поучениями встреченных им по пути наставников, приходит к намерению совершить аскезу. В тексте его подвижничество представлено как āsphānaka – этот вид медитации предполагает крайне суровое самоистязание. Шесть лет аскезы превращают его тело в иссохший и потемневший остов, так что жители соседней деревни Сенапатиграма (Senāpatigrāma) принимают его за «духа пыли» (pāṃśupiśāca) и пренебрежительно бросают в него пыльную землю. Несмотря на уговоры демона Мары, пытающегося отвратить его от совершения подвига, Бодхисаттва стоит на своем. Однако по истечении шести лет он приходит к выводу, что это не тот путь, который ведет к просветлению, и решает принять пищу. Эпизоду приема пищи уделяется особое внимание: дочь деревенского старосты Суджата (Sujātā, в других текстах имя женщины варьируется) готовит ее с соблюдением множества ритуальных правил и приглашает Бодхисаттву в свой дом. Он принимает от нее золотую чашу с едой и, после омовения в реке, на берегу вкушает поднесенную пищу, а затем бросает пустую чашу в воду. Только после этих подготовительных действий он направляется к дереву *бодхи* и достигает просветления. Повествование в этом фрагменте «Лалитавистары» достаточно пространно, изобилует множеством подробностей и стихотворными вставками и занимает три главы – глава «Аскеза» (duṣkaracaryā), глава «Найранджана» (nairañjanā) и глава «Переход к месту просветления» (bodhimaṇḍagamana) [Lalitavistara, 1987, p. 204–239]. Сходную версию, хотя несколько менее последовательную в изложении, дает «Махавасту» [Mahāvastu Avadāna, 2003, p. 132–137, 150–156, 267–276].

Череда событий, выглядящая как некая последовательность ритуальных действий, в общих чертах представляет собой уже тот выработанный вариант предания, который лег в

Илл 1. Паломнические центры на реке Фалгу (Найранджана) в окрестностях Бодх-гаи (*рис. автора*)

основу представлений последующих поколений и разных направлений буддизма. Если же обратиться к предшествующей традиции, то эта картина последовательных эпизодов, оформляющих историю просветления, меняется в своих комбинациях, а иногда и в смысловом отношении. Для сравнения мы будем рассматривать более ранние версии «Лалитавистары», дошедшие до нас в китайских переводах, а также еще более ранние варианты биографии Будды, сохранившиеся лишь в переводах из китайского буддийского канона.

Однако прежде чем перейти к анализу нарративного материала, надо отметить еще одну его характерную черту – тесную связь эпизода с локусом. Все события совершаются с переходом из одного реально существующего места в другое, что дает непременную соотнесенность предания, выраженного в текстах и сакральной географии. Это создает необходимость представлять себе карту территории, на которой мыслится разворачивание событий. Расположение почитаемых мест можно наблюдать в том виде, в каком оно сложилось в новейшую эпоху и существует поныне, а также проследить на иных временных срезах, находя свидетельства в сохранившейся паломнической литературе.

В окрестностях Бодх-гаи в настоящее время располагается целый комплекс буддийских паломнических центров, увязываемых с теми эпизодами предания, которые группируются вокруг события просветления. Главное место отправления буддийского культа – дерево *бодхи*, почитаемое как место просветления Будды, и сопряженный с ним храм Махабодхи – находятся на левом берегу реки Фалгу, для которой в паломническом дискурсе также может употребляться санскритское название Найранджана (nairañjanā) или палийское Неранджара (nerañjarā). Поскольку мы предполагаем сосредоточить внимание на эпизодах, предшествующих событию просветления, также рассмотрим другие локусы – два на противоположном берегу левого притока реки, у деревни Бакраур, ассоциируемые в настоящее время (в сознании паломника) с эпизодом подношения пищи, и еще один – на другом берегу основного русла Фалгу, где почитается так называемая пещера Прагбодхи, которую посещают как место совершения аскезы (*илл. 1*).

Прежде необходимо обратиться к сюжету подношения пищи, поскольку локализация этого события предания и соответствующей святыни обнаруживает противоречия при сравнении свидетельств древней литературы и современной паломнической традиции.

Если характеризовать существующее в настоящее время расположение святынь, то нужно упомянуть два почитаемых места у деревни Бакраур. Хотя они находятся по ту сторону реки относительно Махабодхи, река представляет собой препятствие только в период наполнения ее водой, – зимой же, когда русло реки высыхает, в Бакраур легко можно перейти пешком из Бодх-гаи, даже не пользуясь расположенным на некотором отдалении мостом; таким образом, оба комплекса объединены общим пространством.

Одна из почитаемых святынь Бакраура находится в стороне от поселения, на невысоком холме среди полей, и представляет собой небольшой храм новейшего времени в виде ниши из ярко выкрашенных бетонных плит с помещенными внутрь фигурами. Здесь можно видеть сцену подношения пищи: в центре композиции находится изображение Будды

в аскезе, по сторонам – две женщины, подносящие дары (одна из них держит чашу), а ближе к зрителю изображена лежащая белая корова. По сторонам ниши, на створках закрывающих ее дверей, выполнены надписи на двух языках (хинди и английском), объясняющие посетителю смысл представленной сцены: «Здесь древнее место, на котором Суджата из деревни Сенани (Бакраур) поднесла молочную рисовую кашу Сиддхартхе у подножия баньянового дерева» (*илл. 2*). Позади храма находится дерево (баньян) и платформа для подношения даров. Таким образом, именно здесь в настоящее время происходит отправление культа, связанного с соответствующим эпизодом предания.

Илл. 2. Храм Суджаты в Бакрауре (*фото автора*)

Другое посещаемое место в Бакрауре, расположенное в северной части деревни, – выстроенная из кирпича буддийская ступа (*илл. 3*), почитаемая ныне как «ступа Суджаты» (место известно под названиями Суджата Кути, Суджатагарх или Суджата Кила). Этот археологический памятник был обследован К. М. Шриваставой в ходе раскопок 1974–1975 гг. Им были выявлены три периода строительства ступы – наиболее раннее сооружение было перекрыто более поздним куполом, охватившим предшествующую постройку вместе с окружавшей ее оградой, внутри которой проходила прадакшина-патха (дорожка для ритуального обхода ступы), во второй и в третий период ограда перестраивалась заново. Для первых двух периодов исследователь не предложил датировок, а третий период датировал по деталям отделки VIII–X вв., т. е. временем династии Палов [Indian Archaeology 1973–1974, 1979, p. 9–10; Srivastava, 1977, p. 133–137; Singh, 2002–2003, p. 209–221]. В числе прочих опубликованных находок Шриваставы представлены терракотовые пластинки с изображением Будды в образе bhūmisparśa («касание земли» – жест, обозначающий

«свидетельство божества Земли» о готовности к просветлению), и на одной из пластинок выявлена надпись, которую автор прочитал как «devapālarājasya sujātāgṛha» (по-видимому, имеется в виду «дом Суджаты, [относящийся ко времени правления] царя из божественных Палов»). Это прочтение, уже на первый взгляд поражающее своей искусственностью, оспаривается как совершенно неверное: как показано в работе Г. Бхаттачарьи, надпись читается «dharmāhetūprabhavā[te] <…> [Ta]thagato avada…», и, соответственно, ступа не имеет отношения к легенде о Суджате [Bhattacharya, 1981, p. 82–83]. Поскольку, по утверждению самого Шриваставы, раскопки были предприняты с целью найти «место, где жила Суджата» [Srivastava, 1977, p. 134], можно понять мотивацию, побудившую его к произвольному прочтению надписи.

Илл. 3. Ступа в Бакрауре (*фото автора*)

Однако вне зависимости от интерпретации этих находок в данном случае для нас важно соотношение конкретного места с актуальной для паломника сакральной топографией. В настоящее время это место в паломническом сознании прочно ассоциируется с сюжетом о Суджате и ступа почитается как памятный знак на месте, где жила Суджата, деревня же Бакраур отождествляется с Сенанигамой (Сенапатиграмой), что зафиксировано в надписи на деревенском храме, описанном выше.

Однако совершенно другой сюжет увязан с этой ступой в сочинении китайского паломника Сюань-цзана, посетившего это место в середине VII в. Соответствующий рассказ занимает видное место в его описании окрестностей Бодх-гаи, с него начинается IX глава «Записок» паломника. Связанная с этим повествованием ступа определенно тождественна нынешней «ступе Суджаты», на что указывают все данные китайским автором ориентиры: «Следуя на восток от дерева *бодхи*, переправился через реку Найранджану (尼連). Посреди большого леса есть ступа, к северу от нее – озеро». Объясняя создание этого священного места, Сюань-цзан рассказывает историю о благородном слоне Гандхе (香 Gandha), жившем в этом лесу и собиравшем пищу для слепой матери. Добрый слон оказал помощь и некоему человеку, заблудившемуся в лесу, но тот оказался неблагодарным и навел на него царскую охоту. Лишь узнав о том, что этот слон – необыкновенный подвижник, царь отпустил его в лес [Сюань-цзан, 2012, с. 237] (эта история соответствует палийской джатаке № 455).

Александр Каннингэм, автор «Древней географии Индии», который первым наиболее активно пользовался сведениями Сюань-цзана в археологических изысканиях, воспринимал

обозначенный ступой локус под углом зрения традиции, переданной китайским паломником. Следуя указаниям Сюань-цзана, Каннингэм, посетивший это место в середине XIX в., называл его «Гандхахасти» («Слон Гандха»), и в его «Географии» он фигурирует под этим именем [Cunningham, 1996, p. 387].

Как можно видеть, Сюань-цзан не связывал сюжет о подношении еды деревенской женщины с этой ступой. Однако для него, старательно искавшего все сакральные точки вокруг Бодх-гаи, история вкушения пищи Бодхисаттвой, готовившимся к просветлению, была одной из важнейших – и паломник видит соответствующую святыню совсем в другом месте: «За пределами ограды дерева бодхи, с юго-западной стороны, стоит ступа. Здесь было в старину жилище двух дочерей пастуха, которые преподнесли кашу на молоке. Рядом – ступа на том месте, где дочери пастуха варили кашу. Поблизости от этой ступы – место, где Татхагата принял кашу» [Сюань-цзан, 2012, с. 229].

Дальнейший текст также помогает определить место, на которое он указывает как на расположенное к западу от «озера Муччхалинды». Озеро, оформленное как квадратный водоем, и в наше время можно видеть у южных ворот современной ограды, однако отождествления древних объектов затруднены: археологическое обследование, начатое в XIX в. Мидом и Каннингэмом, было нарушено бирманской миссией 1877 г. [Mitra, 2005, p. 62–68], а в настоящее время здесь активно развивается культовая деятельность.

Таким образом, у Сюань-цзана топография предания о событиях просветления выглядит совершенно иначе, и мы имеем по крайней мере два варианта топографии для VII в. и для позднейшего времени. Однако настолько разные варианты расположения сакральных точек предполагают и разные версии сюжета, поскольку в буддийских нарративах о просветлении все развитие событий держится на передвижениях. Если жилище женщины, поднесшей пищу, мыслится паломником на том берегу реки, то это может соответствовать версии санскритской «Лалитавистары»: события разворачиваются пока еще в удалении от дерева бодхи, и лишь потом, после встречи с Суджатой, он отправляется к дереву. Если же почитатели отождествляют ее жилище с местом, расположенным непосредственно у ограды дерева бодхи, встает вопрос, о каком варианте предания идет речь.

Рассматривая этот материал в направлении ретроспективы, в первую очередь нужно обратиться к более ранним версиям «Лалитавистары», сохранившимся в китайских переводах, и особенно к переводу Фа-ху 法護, или Дхармаракши (佛說普曜經, начало IV в.[1]), сделанному на основе другой, более архаичной версии. Повествование Фа-ху именно в этой части обнаруживает совершенно другой вариант развития сюжета. Во-первых, женщина не приглашает Бодхисаттву к себе в дом, а сама отправляется на берег реки, и во-вторых, что наиболее важно, ситуация совершения приношения здесь совершенно иная: она намерена кормить духа дерева, совершая обычный благодарственный обряд – в благодарность за рождение мальчика, но на месте духа дерева оказывается Бодхисаттва[2]. Таким образом, главная особенность этой версии в том, что в тот момент, когда его ищут, будущий Будда сидит под деревом в облике духа. Этот рассказ можно сравнить с вариантом палийской «Ниданакатхи», где две женщины дают обещание совершить приношение духу дерева *ньягродха*, и вручают еду Бодхисаттве, сидящему под деревом, думая, что это дух [Nidāna-kathā, 1880, p. 184–187].

Более ранние агиографические тексты позволяют углубить ретроспективу развития сюжета. Варианты предания, сохранившиеся в китайских переводах и относящиеся ко времени, предшествующему переводу Фа-ху, дают возможность более объемно осветить обозначенные проблемы. Так, в китайском буддийском каноне присутствует сутра в переводе Чжи-цяня 支謙 (佛說太子瑞應本起經, Фо шо Тайцзы жуй ин бэньцзин; начало III в.),

[1] 中華電子佛典協會. Chinese Electronic Tripitaka Collection, 2006 // *Chinese Buddhist Electronic Text Association.* T. 186. URL: http://www.cbeta.org/ (дата обращения 21.09.2018).

[2] 中華電子佛典協會. Chinese Electronic Tripitaka Collection, 2006 // *Chinese Buddhist Electronic Text Association.* T. 186, 0511c18. URL: http://www.cbeta.org/ (дата обращения 21.09.2018).

которая по содержанию представляют собой житие Будды, однако значительно более короткое по объему, чем «Лалитавистара» в любой версии [Nattier, 2008, p. 118–121]. В этом коротком рассказе очевидна большая близость к варианту «Лалитавистары» именно в версии Фа-ху: женщины совершают благодарственное подношение лесному духу, на месте которого оказывается Будда[3]. Однако с точки зрения локализации эпизода в соотношении с локализацией окружающих событий эта версия наиболее интересна, поскольку в данном случае сидящий под деревом Будда находился здесь и в течение предшествующего времени аскезы, и в последующем эпизоде просветления. Таким образом, версия Чжи-цяня становится в один ряд с версией Фа-ху и версией «Ниданакатхи», но предлагает наиболее устойчивую привязку к месту действия. Эта версия может быть рассмотрена и с точки зрения ее соотношения с концепцией просветления [Александрова, 2017, с. 88–89], однако в данном случае интересно выраженное здесь представление о месте действия.

Возвращаясь к тем вариантам локализации этого эпизода, которые прослеживаются в паломнической традиции, можно видеть, что указанное Сюань-цзаном святое место (жилище «дочерей пастуха» и само место подношения) наиболее согласуется с тем вариантом сюжета, который предлагает ранняя сутра. В рассказе Чжи-цяня не происходит перехода от места подношения к месту просветления, действие развивается статично, и это соответствует расстановке святынь, предлагаемой паломником VII в., где памятные места, связанные с этими эпизодами, сосредоточены у Махабодхи. В этой связи можно также вспомнить о палийских версиях сюжета просветления, не предполагающих передвижений («Арияпариесана-сутта», «Махападана-сутта» [Majjhima-nikāya, 1993, p. 166–167; Digha-nikāya, 2008, 14.2.18]).

Предварительные выводы, которые можно сделать на основе сопоставления этого эпизода предания в формате житийного нарратива и в формате паломнической расстановки почитаемых локусов, касаются их «не-статичности»: сакральная топография «плавает», меняется с течением времени – надо заметить, что у Сюань-цзана и другие точки около Бодх-гаи не совпадают с современной традицией их почитания. Важно также подчеркнуть, что прослеживается вариант топографии, соответствующий версии сюжета, где все происходит в одном локусе, притом что эта версия представляет собой, по-видимому, наиболее архаичный из сохранившихся вариантов сюжета.

Последнее рассуждение побуждает вернуться к карте окрестностей Бодх-гаи, на которой мы выделили три современных локуса, связанных с житийными эпизодами «аскезы», «поднесения пищи» и «достижения просветления». Обсудив связанные с «подношением Суджаты» «разночтения» в паломнической и агиографической традиции, обратимся к предшествующему периоду жития, главным содержанием которого была аскеза, «совершение трудных дел» (duṣkaracaryā).

На карте современного расположения святынь этот эпизод увязан с так называемой пещерой Прагбодхи, расположенной на склоне удлиненной горы, находящейся на другой стороне основного русла реки Фалгу (*илл. 1*). Пещера почитается как место аскезы, и внутри нее стоит соответствующее изображение изможденного Бодхисаттвы.

Вновь обратившись к тексту Сюань-цзана, мы обнаружим другую «карту». Стараясь проследить перемещения Бодхисаттвы на пути к просветлению, паломник посещает место, называемое им «гора Прагбодхи» (鉢羅笈菩提, 前正覺). По его словам, «к востоку от места, где Гаякашьяпа поклонялся огню, переправился через большую реку, подошел к горе Прагбодхи. Татхагата шесть лет предавался аскезе, так и не достигнув состояния правильного просветления (正覺; чжэнцзюэ; saṃbodhi). После этого он оставил самоистязание и принял кашу на молоке. Затем пошел он на северо-восток и, странствуя, увидел, что на этой горе место уединенное и сокрытое. Намерившись здесь достичь правильного просветления, по северо-восточному склону взошел он на ее вершину». Затем он слышит голос с неба: «Это не

[3] 中華電子佛典協會. Chinese Electronic Tripitaka Collection, 2006 // *Chinese Buddhist Electronic Text Association.* T. 185, 0479a05–0479b01. URL: http://www.cbeta.org/ (дата обращения 21.09.2018).

то место, где суждено Татхагате достичь правильного просветления. На юго-запад отсюда в 14–15 *ли*, вблизи места, где происходило самоистязание, стоит дерево пиппала (卑鉢羅; бэйболо) и под ним – «алмазный трон». Все будды прошлого и будущего достигают правильного просветления на том месте…» [Сюань-цзан, 2012, с. 219–220].

Здесь даются все расстояния и направления, позволяющие определить расположение горы, и тот же А. Каннингэм отождествил гору на правой стороне реки с той самой Прагбодхи, которую посетил китайский паломник, а пещеру на склоне – с той каменной кельей, которая во времена Сюань-цзана почиталась как место, где Бодхисаттва пытался достичь просветления [Cunningham, 1996, p. 386–387; Pandey, 1963, p. 41–42]. Именно благодаря его отождествлению и гора, и пещера ныне почитаются буддистами под названием Прагбодхи. Таким образом, археолог Каннингэм возродил древнее место паломничества (как это произошло по следам его деятельности и во многих других местах) – ведь Сюань-цзан сообщает о регулярном посещении этого места монахами в VII в. Однако, как можно наблюдать, между тем поклонением, которое совершалось во времена Сюань-цзана, и современным культом есть большая разница в содержании. Согласно его передаче предания, Бодхисаттва приходит сюда как на первое место, выбранное им для достижения просветления, и его приход происходит уже после аскезы и принятия пищи – разъединенность с этими действиями подчеркивается его перемещением «на северо-восток», когда после аскезы он направился к этой горе. В настоящее же время, как уже говорилось, здесь почитается событие аскезы и помещены соответствующие изображения. Притом что вследствие отождествления с «горой Сюань-цзана» это место заново приобрело название Прагбодхи и обозначается именно таким образом (например, на дорожном указателе), это обозначение не соответствует нынешнему почитанию аскезы, поскольку предполагает другой смысл.

При таком противоречии возникает вопрос, какое место связывалось с событием аскезы в топографии Сюань-цзана. В уже приведенном выше тексте автор дает такие указания: «На юго-запад отсюда в 14–15 *ли* (*от горы Прагбодхи – Н. А.*), **вблизи места, где происходило самоистязание** (*выделено нами – Н. А.*), стоит дерево *пиппала*, и под ним – “алмазный трон”. Все будды прошлого и будущего достигают самбодхи на том месте…». Обратившись к тексту, отражающему посещение паломником главной святыни, связанной с событием просветления, можно, действительно, найти рассказ о месте почитания аскетических подвигов будущего Будды, которое автор описывает как находящееся вблизи ограды Махабодхи:

> К востоку от озера дракона Мучилинды есть изображение изможденного Будды… С древних времен и доныне как знатные, так и простые люди, страдающие от болезней, умащают изображение благовонным маслом, и многие получают избавление. Здесь – то самое место, где бодхисаттва предавался самоистязанию… Каждый день он ел одно конопляное зерно и одно пшеничное зерно. Обликом стал он изможден, кожа и плоть его иссохли… [Сюань-цзан, 2012, с. 230].

Таким образом, в VII в., согласно Сюань-цзану, расположение сакральных мест, соотнесенных с мыслимыми передвижениями героя предания, дает такую локализацию эпизодов: после аскезы и приема пищи, которое происходило рядом с деревом бодхи, он идет к горе Прагбодхи – на другой берег, и здесь боги призывают его идти к дереву бодхи, то есть обратно. Если же принять современный паломнический круг святынь у Бодх-гаи, то последовательность перемещений выглядит иным образом: аскеза совершается в пещере, потом, видимо, перейдя правое русло, Бодхисаттва идет к Суджате и принимает ее подношение, а затем переходит левое русло направляется к дереву – однако в этом ряду уже нет места событию Прагбодхи.

Различие этих двух «топографий» интересно прежде всего тем, что показывает картину подвижности локусов, меняющих со временем свои привязки к определенным сюжетам и вообще изменчивости всего их комплекса. Важно то, что в любом случае, на

любом временном срезе, такой комплекс сам по себе представляет своего рода «текст», который постигается передвижением паломника.

У нас нет свидетеля, который бы нам рассказал о расположении локусов в еще более раннем варианте, приближенном к той версии событий, которую дает сутра, переведенная Чжи-цянем. Однако сам текст сутры предполагает именно нерасчлененность локуса для событий, связанных с просветлением, – начиная с аскезы, затем само просветление, затем получение чаши с пищей и получение других даров – все происходит в одной точке, и эта точка обозначена деревом. «Единство места» в «Сутре о благом явлении царевича» подчеркивается и тем заявлением, которое герой произносит, лишь только подойдя к дереву, чтобы приступить к аскезе: «Я останусь здесь, пусть мои плоть и кости иссохнут и истлеют – не поднимусь, пока не стану буддой (得佛)!»

Суммируя проведенный сравнительный анализ, можно обозначить некоторые общие тенденции развития сакральной топографии, связанной с циклом преданий о просветлении Будды. Сравнивая два разновременных комплекса почитаемых мест, прослеживаемых в паломнической традиции, можно наблюдать значительные расхождения в их пространственном расположении и смысловых привязках. Примечательно, что на том временном срезе, который дают «Записки» Сюань-цзана, охват территории, где располагаются локусы, связанные с цепочкой основных событий (аскеза, подношение пищи, просветление), оказывается намного уже, чем в новейший период, – святые места, где происходило почитание «подношения пищи» и «совершение аскезы» находились вблизи ограды главной святыни Махабодхи. В настоящее время почитаемые места, ассоциируемые с теми же сюжетами, рассредоточены на большой территории по обе стороны реки. Обратившись же к наиболее архаичному агиографическому тексту, переведенному на китайский язык в начале III в. н. э., мы обнаруживаем версию предания, не предполагающую перемещений героя, – все три события происходят в одной точке.

Просматривается тенденция расширения охвата территории, в пределах которой мыслится развитие событий предания и передвижения героя предания и, соответственно, происходит отправление культа. Развивающийся культ осваивает окружающее пространство, что сопровождается соответствующим распределением памятных знаков и сооружений, которые ассоциируются с событиями предания, предполагающими более протяженные перемещения – такой процесс, несомненно, должен был оказывать свое воздействие на буддийский нарратив.

Можно попытаться проследить также некоторые закономерности «расширительного» развития сакральной топографии, связанные с освоением все новых локусов. Если говорить о тех же местах, связанных с циклом аскеза/подношение пищи/просветление, которые образуют наиболее поздний «широкий круг» святынь в окрестностях Бодх-гаи, то можно отметить, с одной стороны, совмещение буддийского культа с почитанием индуистских божеств и, с другой стороны, приметы, указывающие на более архаичные культы. Так, внутри пещеры Прагбодхи одновременно присутствуют изображения «Бодхисаттвы в аскезе» и индуистской богини Дунгешвари (этот культовый комплекс известен также под названием «пещеры Дунгешвари»), а снаружи входа в пещеру находится выступ скалы, имеющий с торца вид треугольника – характерная форма, встречающаяся как культовое место, связанное с почитанием божества – покровителя территории (devatā). Эти признаки указывают, скорее всего, на приуроченность более поздних форм религиозного почитания к архаичным святилищам. Подобные признаки, указывающие на привязки буддийских сакральных мест к более древним местам культа, дополняют картину постепенного освоения паломническим буддизмом окрестностей Бодх-гаи.

Интересно также сопоставить выявляемую нами картину с той универсальной для буддизма концепцией расширительного движения учения, которая выражена в древней текстовой традиции в форме мифологизированных нарративов, сосредоточенных на все большем территориальном охвате, достигаемом именно через преумножение сакральных

мест. Так, в «Дивьявадане» и цейлонских «хрониках» развивается представление о последовательном дроблении мощей Будды и о строительстве ступ сначала по всей Индии, а затем – по всей Джамбудвипе [Divyāvadāna, 1886, XXVI; Mahāvaṃsa, 1964, V, p. 78–80; Dīpavaṃsa, 1879, VI, p. 95–99; Сюань-цзан, 2012, с. 229]. Если принять предлагаемое нами историческое развитие сакральной топографии Бодх-гаи, то эта история в значительной степени дублирует «общую» мифологическую картину и выражает те же тенденции, зафиксированные как в текстах (развитие «передвижений» в предании), так и в самом изменяющемся распределении сакральных локусов.

Литература / References

Александрова Н. В. От Урувильвы до Мригадавы. Эволюция сюжета о первой проповеди Будды // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.* 2017. № 5. С. 85–95 [Aleksandrova N. V. Ot Uruvil'vy do Mrigadavy. Evoliutsiya siuzheta o pervoi propovedi Buddy // *Vostok. Afro-aziatskie obschestva: istoriia i sovremennost'.* 2017. 5. Pp. 85–95].

Александрова Н. В., Русанов М. А. Бодхисаттва на берегу Найранджаны: история развития сюжета // *Indologica. Сборник статей памяти Т. Я. Елизаренковой.* Кн. 2. *Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности.* Вып. XL. М., 2012. С. 21–62 [Aleksandrova N. V., Rusanov M. A. Bodhisattva na beregu Nairandzhany: istoriia razvitiia siuzheta // *Indologica. Sbornik statei pamiati T. Ya. Elizarenkovoi.* Kn. 2. *Orientalia et Classica. Trudy Instituta vostochnyh kul'tur i antichnosti.* Vol. XL. Moscow, 2012. Pp. 21–62].

Сюань-цзан. *Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан.* Введение, перевод с китайского и комментарий Н. В. Александровой». М., 2012 [Siuan'-Tszan. *Zapiski o zapadnyh stranah [epohi] Velikoi Tan*]. Introduction, Translation and Commentary by N. Aleksandrova. Moscow, 2012].

Bhattacharya G. The myth of Sujata-Griha // *Studies in Indian Epigraphy. Journal of the Epigraphical Society of India.* 1981. 8. Pp. 82–84.

Cunningham A. *The ancient Geography of India. I. The Buddhist Period, including the Campaigns of Alexander, and the Travels of Hwen-Thsang.* Delhi, 1996.

Dīgha-nikāya (Romanize Pāli Text with English Translation). By Alka Barua. Vol. I–III. Delhi, 2008.

Indian Archaeology 1973–1974 – A Review 1979. New Delhi, 1979.

Lalitavistara. Ed. P.L. Vaidya. Darbhanga, 1987.

Mahāvastu Avadāna. Ed. R. Basak. Vol. II. Darbhanga, 2003.

Majjhima-nikāya. Ed. by V. Trenckner. Vol. 1. Oxford, 1993.

Mitra R. *Buddha Gayá. The Hermitage of Śákya Muni.* New Delhi, 2005.

Nattier J. *A Guide to the Earliest Chinese Buddhist Translations. Bibliotheca Philologica et Philosophica Buddhica* X. Tokyo, 2008.

Nidāna-kathā – Buddhist Birth-Stories (Jataka Tales). The Commentarial Introduction Entitled Nidāna-kathā. The Story of the Lineage. Tr. by T. W. Rhys Davids. London, 1880.

Pandey M. Sh. *The Historical Geography and Topography of Bihar.* Delhi, 1963.

Singh H. N. Terracotta plaques of Buddha and other finds from Bakraur, near Bodh Gaya, district Gaya, Bihar // *Prāgdhārā, Journal of the U.P. State Archaeology Department.* 2002–200313. Pp. 209–221.

Srivastava K. M. The place of Buddha's Sujātā discovered // *Journal of the Bihar Prāchin Purāvid (JBPP).*1977. 1. Pp. 133–137.

The Dīpavaṃsa: An Ancient Buddhist Historical Record. Ed. and transl. by H. Oldenberg. London, 1879.

The Divyavadana. A Collection of Early Buddhist Legends. Ed. by E. B. Cowell and R. A. Neil. Cambridge, 1886.

The Mahāvaṃsa or the Great Chronicle of Ceylon. Transl. by W. Geiger. London, 1964.

Электронные ресурсы

中華電子佛典協會. Chinese Electronic Tripitaka Collection, 2006 // *Chinese Buddhist Electronic Text Association.* URL: http://www.cbeta.org/ (дата обращения 21.09.2018).

МАГИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ТАЙСКОЙ ГРАВЮРЕ

Н. А. Гожева*

В статье анализируется изображение на гравюре с печатной доски из собрания Государственного музея Востока (Москва), которая изготовлена в Таиланде приблизительно в первой половине XX в. Это народная картина, используемая в обрядовой практике тайцев, в которой буддийские персонажи соседствуют с индуистскими и языческими. Рядом с ними помещены диаграммы *янтры* (тайск. *ян*) с *мантрами* (тайск. *ман*), заполненными кхмерскими графемами, что, как считается, придает изображениям особую сакральную энергию и силу охранительной магии. На основе анализа иконографии персонажей и прочтения надписей автор пришла к выводу, что гравюра отражает особенности тайской религиозной системы, которая в последние десятилетия подверглась своеобразной «гибридизации» и которую ряд ученых характеризует как «магический» или «волшебный» буддизм. В картине все религиозные элементы также сплавлены воедино, и изображение в целом преследует одну цель: обеспечить магическую защиту, благополучие и процветание тайского дома.

Ключевые слова: тайская гравюра, буддизм тхеравады, *янтра*, *мантра*, охранительная магия, «гибридизация», сплав религиозных элементов.

MAGICAL IMAGES ON A THAI ENGRAVING

Natalia A. Gozheva

The paper analyzes an image on a printing board from the collection of the State Museum of Oriental Art (Moscow), made in Thailand approximately in the first half of the 20th century. This is a folk picture used in Thai ritual practice, in which Buddhist characters coexist with Hindu and animistic images. There are also diagrams of *yantras* (Thai *yan*) with *mantras* (Thai *man*) filled with Khmer graphemes, which is believed to give the images a special sacral energy and the power of protective magic. Based on the analysis of iconography of characters and reading of inscriptions, the author concludes that the engraving reflects features of the Thai religious system, which in recent decades has undergone a kind of "hybridization" and which a number of scientists describe as "popular" or "magical" Buddhism. In the picture, all religious elements are also fused together, and the image as a whole pursues one goal: to give a Thai home magical protection, well-being and prosperity.

Keywords: Thai engraving, Theravada Buddhism, *yantra*, *mantra*, protective magic, "hybridization", an alloy of religious elements.

В 1991 г. в Государственный музей Востока поступил чрезвычайно интересный предмет – тайская доска для печати (инв. № 8582 II) [1]. Это прямоугольная деревянная доска, на которую прибита отлитая из металла пластина-штамп с барельефными изображениями, образованными довольно тонкими, «проволочными» линиями (*илл. 1*). Пластина не сплошная, фон вокруг рельефных фигур вырезан, и обнажившаяся в этих местах деревянная поверхность слегка углублена резцом. Печатные оттиски, получаемые с такой доски, относятся к гравюре высокой печати. В Европе техника рельефной гравюры на металле появилась в эпоху Ренессанса и применялась в очень короткий период – в конце XIV – начале XV вв. В техническом отношении она аналогична обрезной ксилографии, но более трудоемка и не обладает такими же выразительными

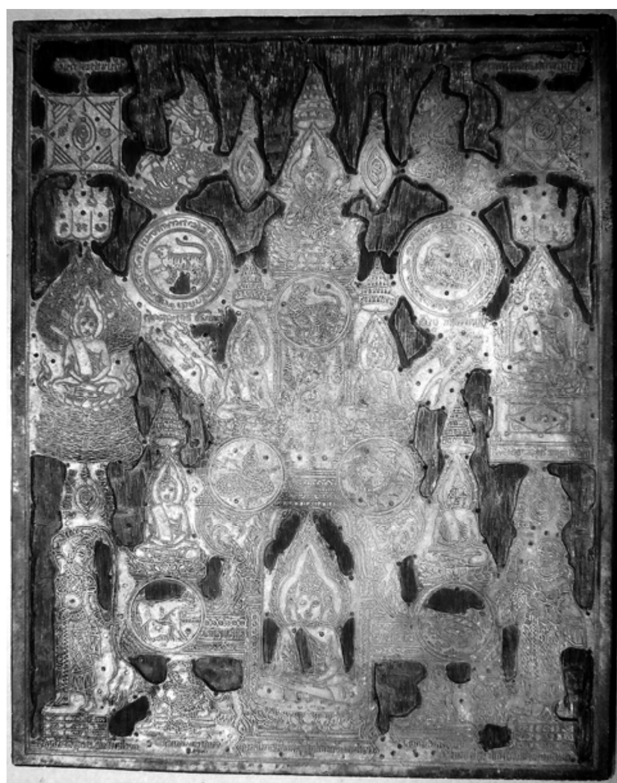
* Наталья Анатольевна ГОЖЕВА, кандидат искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного музея Востока, Москва; natalina38@yandex.ru

Natalia A. GOZHEVA, PhD (History of Art), Chief curator of the Far East and Southeast Asia Department, State Museum of Oriental Art, Moscow; natalina38@yandex.ru

[1] Первичная научная обработка доски была проведена вскоре после поступления, и краткое ее описание (без публикации предмета) дано в статье [Гожева, 1996, с. 17–19].

свойствами. Тайская печатная доска позволяет получить оттиск с простым линейным рисунком, который затем, как правило, раскрашивается от руки.

История гравюры в Таиланде довольно молода и еще мало изучена[2]. Станковая гравюра начала развиваться здесь только с конца XIX в., и технология изготовления печатных досок, подобных музейной, была, по-видимому, разработана местными мастерами. Изображение на доске представляет собой народную религиозную картину, получившую распространение в обрядовой практике Таиланда. Во время календарных и семейных праздников сделанные с подобных досок гравюры вывешивают в качестве магических оберегов на стенах домов. Ими украшают специальные святилища *хопхи* для духов, расположенные в особых местах, нередко на территории буддийских монастырей (*ватов*), но чаще всего перед жилым домом, административным зданием, гостиницей и т. п. Картинки применяют астрологи и предсказатели, буддийские монахи во время некоторых обрядов, в том числе при освящении таких гравюр, при медитации, а также медиумы и шаманы (по-тайски *мопхи* или просто *мо*) для вызова духов и других магических ритуалов. И если по технологии изготовления и стилистике изображений музейную доску можно датировать примерно первой половиной XX в., то тематический строй, структура и символика народной картины, как и ее использование, восходят к гораздо более раннему времени.

Илл. 1. Доска для печати из собрания ГМВ (инв. № 8582 II). Таиланд, первая половина XX в. Дерево, металл, литье (© Государственный музей Востока)

Илл. 2. Гравюра с благопожелательной композицией из собрания ГМВ. Бумага, печать (© Государственный музей Востока)

Многоярусная вертикальная композиция на картине содержит изображения различных религиозных персонажей и животных (*илл. 2*). Каждое из них несет в себе определенный символический смысл и благопожелание, что в большинстве случаев раскрывается в надписях на тайском языке под соответствующим изображением. Рядом же

[2] Скорее всего, ксилографические рисунки стали использовать в бумажных книгах в эпоху поздней Аюттхаи, в XVII–XVIII вв. Печатные издания появляются в Таиланде только в XIX в., первая книга была опубликована в 1838 г. [Jana Igunma, 2017, p. 26].

помещены геометрические фигуры, имеющие разные очертания (прямоугольники, квадраты, круги, овалы и др.), заполненные графемами кхмерского письма. По-тайски такие фигуры называются *ян* (от санскр. *yantraṃ*, *янтра*) – сакральные диаграммы, в которых, как считают, сконцентрирована некая мистическая энергия (*теджа*) различных объектов вселенной. *Янтра*, как правило, сочетается или содержит внутри себя *мантру* (по-тайски *ман*, от санскр. *mantraṃ*, *мантра*) – священный слог, высказывание, молитву или, по определению Л. Сильберна, «структурированную формулу мыслей» [Silburn, 1955, p. 25][3]. Именно такое сочетание *ян* и *ман* заключают в себе диаграммы на тайской гравюре. Это придает изображениям особую сакральную энергию и силу охранительной магии.

Знакомство тайских народов с духовными практиками Древней Индии, в которых использовались *янтры* и *мантры*, произошло, по-видимому, довольно рано, примерно в первой половине I тыс. н. э., еще во времена обитания их в Южном Китае[4]. Внедрению этих практик способствовали благодатная религиозная почва и местные традиции: с древности тайские шаманы и медиумы, совершая языческие обряды, нередко рисовали особые знаки на камнях, стенах пещер, глиняных сосудах, костях и других ритуальных предметах. Подобно *янтрам*, эти рисунки наделялись магическими защитными свойствами, а произносимые шаманами заклинания были сродни цитированию ведических гимнов и молитв. Однако до постижения разработанной индийскими мудрецами «науки священной небесной геометрии» и до создания на ее основе собственной сакральной геометрии *сак ян* и оккультного учения *сайясат* было еще далеко, как считает Атян Спенсер Литтлвуд и заключает: «Все науки рождаются из предшествующего Знания»[5].

Семантическое сходство древнеиндийского медитативного аппарата и шаманского инструментария оказалось чрезвычайно важным при восприятии тайцами религиозно-философских учений буддизма и индуизма[6], с первых веков нашей эры победно шествовавших по странам Азии. Впоследствии, когда большинство тайских народов мигрировало в Индокитай (что интенсивно начало происходить во второй половине I тыс. н. э.), религиозные традиции стали постепенно преобразовываться, став в итоге своеобразным сплавом древних верований в духов и природных божеств, культа предков с индуистско-буддийскими идеями и концепциями. Именно этот сплав придал феноменальность той религиозной системе, которая сложилась и до сих пор существует у тайских народов, живущих в Таиланде, Лаосе и Шанской национальной области Мьянмы.

Соотношение входящих в эту систему религиозных элементов в ходе исторического процесса менялось. С XI–XII вв. центральное место в ней занял получивший государственную поддержку буддизм тхеравады. Признавая его главенство, большинство исследователей описывают систему как синкретическую и дают ей такие определения, как тайский буддизм, народный буддизм, практический буддизм, «магический» или «волшебный буддизм» и т. п. [Корнев, 1973, с. 20; Tambiah, 1970, p. 351–366; Kirsch, 1977, p. 214–266; Terwiel, 2001]. Однако в последние десятилетия в противовес устоявшейся парадигме синкретизма в работах некоторых ученых появился термин «гибридность», более точно, на

---

3 Общепринятых определений *янтры* и *мантры* в научной литературе не существует, поскольку для этих терминов характерна многозначность смыслов, см., например: [Staal, 1996, p. 0; Madhu Khanna, 2003, p. 0].

4 Существует несколько гипотез о прародине тайских народов, живущих в Юго-Восточной Азии и говорящих на языках тай-кадайской языковой семьи. Согласно широко принятой в научном мире версии, тайцы изначально жили в Южном Китае, а затем начали переселяться в долины Индокитая [Берзин, 1973, с. 39]. Основываясь на лингвистических данных, ряд ученых полагает, что австронезийская группа тайцев в IV тыс. до н. э. обитала на Тайване и позднее мигрировала в южные провинции Китая, в основном в Юньнань. – *Austro-Tai peoples*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Austro-Tai_peoples (дата обращения 20.09.2018).

5 Ajarn Spencer Littlewood. *The Origins and History of Thai Sacred Geometry (Yant)*. URL: http://www.sakyant.org/?page_id=240 (дата обращения 20.09.2018).

6 Правильнее сказать – брахманизма, поскольку индуистская религиозная система в первых веках н. э. еще только формировалась, да и ее миссионерами выступали брахманы, которые на всем протяжении тайской истории занимали значимое место в религиозно-обрядовой практике правящей тайской элиты. Но, по сути, они были проводниками индуистских идей.

мой взгляд, характеризующий эту систему[7]. То есть это не механическое соединение разнородных религиозных элементов, а именно гибрид, специфически имманентные качества которого позволяют ему существовать как единое целое. Одним из наглядных примеров тайской религиозной картины, возникшей в процессе «гибридизации» различных верований, может служить изображение-оттиск, полученный с музейной доски, и наличие в нем *янтр* с *мантрами* как нельзя сильнее скрепляет этот своеобразный религиозный геном.

В качестве графем, заполняющих или окружающих *янтры,* в разных регионах проживания тайских народов используются знаки разных письменностей. В Северном Таиланде и Лаосе в *янтрах* могут фигурировать графические элементы старого письма *тхам*, который с XIII–XIV вв. применяют для записи религиозных текстов. В северо-тайском княжестве Ланна, находившемся, как и шанские княжества, в XVI–XVIII вв. под властью бирманских правителей династии Тауннгу[8], чаще всего применяли буквы и цифры бирманского алфавита. Ими записывали палийские тексты, бирманскими графемами заполняли клеточки больших *янтр*, как, например, на бумажных рукописях XIX в.[9] Создавали их по типу книг *парабай* – в виде свернутых гармошкой длинных бумажных полос. Иллюстрировали книги, как правило, фрагменты священного канона «Типитака» (санскр. «Трипитака»), комментарии к нему, другие буддийские тексты, а также трактаты по различным областям знания – астрологии, медицине, военному делу, дрессировке животных, гаданию и т. д. Связь таких тайских манускриптов с индийской традицией написания пояснительных текстов показывает и обозначение их термином *сат* (от сансткр. *śastra*, шастра).

Религиозные картины с вкраплениями магических диаграмм писали и на бумаге, и на ткани. На миниатюре из Чиангсена (созданной, по-видимому, не ранее конца XIX в.) квадратные *янтры* со знаками бирманского письма помещены под расположенной в центре круговой композиции фигурой Будды и по краям сегментов большого круга, содержащих изображения монахов, правителей, животных астрологических циклов и других существ. По узким круговым фризам проходят бирманские надписи на языке пали (*илл. 3*)[10].

В Шанской национальной области Мьянмы наряду с бирманским письмом в *янтрах* иногда фигурируют знаки местных тайских языков (шан, кхын, тай ныа, лы и др.), письменность которых сложилась на основе бирманской. Помимо рукописей и картин для предсказателей и шаманов здесь была распространена традиция украшать *янтрами* и *мантрами* мужскую верхнюю одежду – рубашки, жилеты, куртки. Их обычно шили из белой хлопчатобумажной ткани, а надписи и изображения рисовали черной, темно-синей или темно-коричневой краской. Магические формулы могли иметь самую разную конфигурацию и четко выделялись на светлом фоне. Шанский жилет, хранящийся Британской библиотеке в Лондоне[11], буквально испещрен выполненными бирманскими буквами надписями и *янтрами*, которые заполняют и фон, и сами изобразительные мотивы, образуя с ними единое целое.

[7] Вот что пишет, например, Паттана Китиарса (Институт азиатских исследований в Сингапуре): «Традиционная парадигма, ориентированная на буддизм, сформировала общепризнанную модель "инклюзивного или интегративного синкретизма", в которой утверждается всеобъемлющая комплексная религиозная система, состоящая из буддизма тхеравады, народного брахманизма и анимизма или сверхъестественного». Указывая на недостатки концепции синкретизма, он предлагает использовать термин «гибридность» как «концептуальный инструмент для осмысления меняющегося ландшафта современной тайской религии» [Pattana Kitiarsa, 2005, p. 461–462, 466].

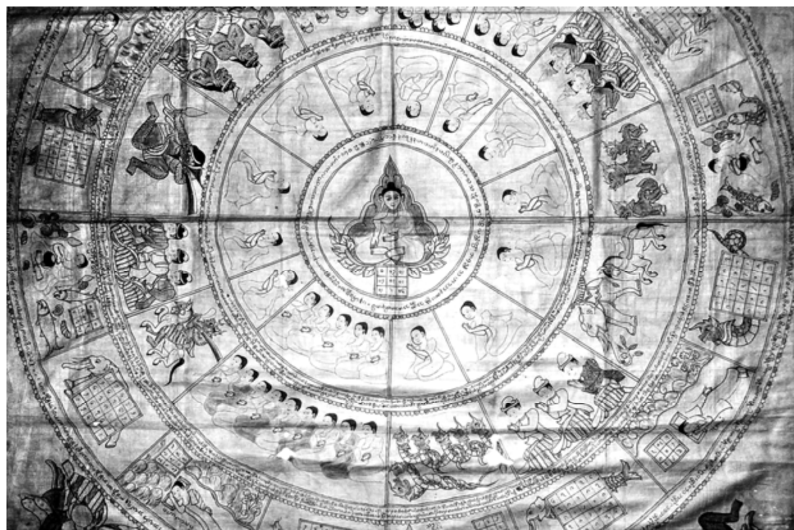
[8] Территория Северного Таиланда была завоевана бирманцами в 1558 г., в период правления Байиннауна Чотхин Нойатхи (1550–1581), одного из самых известных правителей Мьянмы, третьего короля династии Тауннгу. Бирманское владычество продолжалось до конца XVIII в., а во время сиамо-бирманских войн тайские воска постепенно отвоевали все территории Ланны с ее главными городами: Чиангмай – в 1775 г., Чианграй – в 1886 г., Чиангсен – в 1804 г. [Freeman, 2001, p. 14–15].

[9] См. фотографии миниатюр с *янтрами* в статье: Ajarn Spencer Littlewood. *The Origins and History of Thai Sacred Geometry (Yant)*. URL: http://www.sakyant.org/?page_id=240 (дата обращения 20.09.2018).

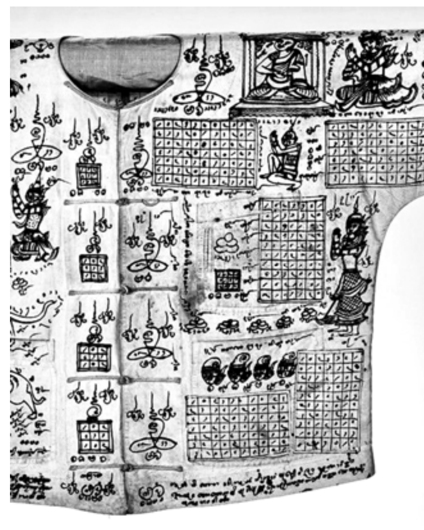
[10] Картина опубликована на сайте *Pinterest.co*. URL: https://www.pinterest.co.uk/pin/860891284989417240/?lp=true (дата обращения 20.09.2018), в котором использованы материалы статьи Атяна Спенсера Литтлвуда.

[11] Жилет под инвентарным номером Or 1508 опубликован в монографии С. Конвей [Conway, 2006, p. 75].

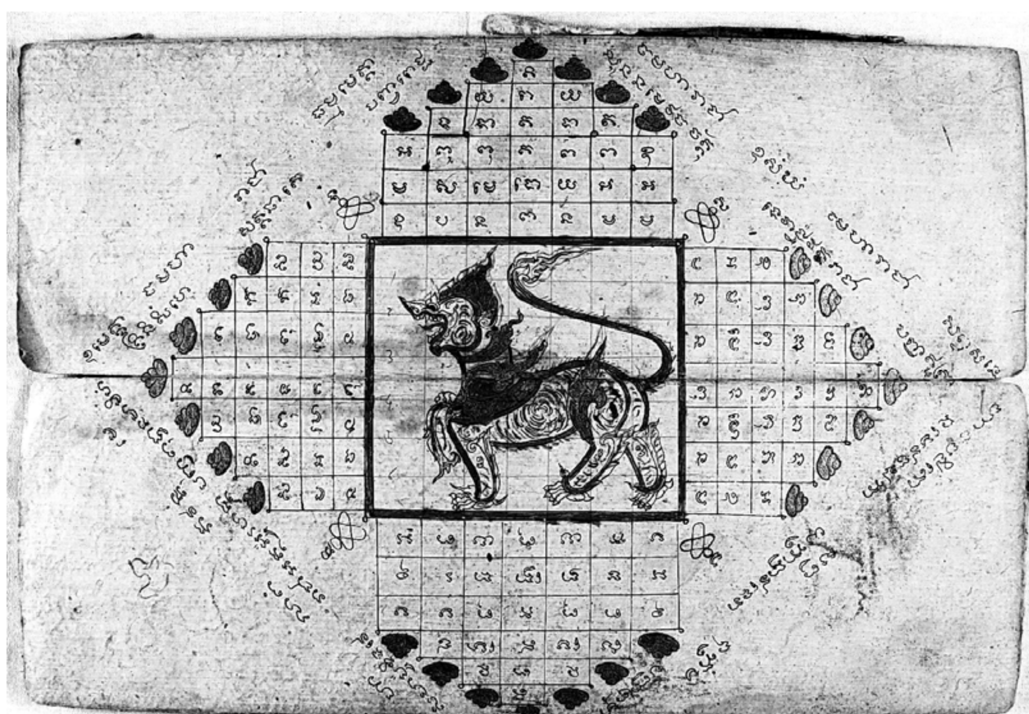
Языческая природа некоторых изображений здесь очевидна: внизу мы видим демоническую фигуру вооруженного острыми мечами короля людоедов Бодитады, популярного персонажа шанского фольклора. Его устрашающий облик призван охранять носителя жилета, давать ему силу и мужество, которые многократно увеличивает магия *янтр*. Традиция наносить на одежду защитные знаки продолжается и в наши дни, хотя подогревается она в основном интересом европейских туристов к восточной оккультной сфере (*илл. 4*).

Илл. 3. Миниатюра с фигурами буддийских персонажей. Таиланд, Чиангсен, конец XIX – первая половина XX в. Ткань, роспись (по: *Pinterest.co*. URL: https://www.pinterest.co.uk/pin/860891284989417240/?lp=true (дата обращения 20.09.2018))

Илл. 4. Рубашка с магическими рисунками. Мьянма, Шанская национальная область, XX в. (по: *Pinterest.ru*. URL: https://www.pinterest.ru/pin/214695107213821096/?lp=true (дата обращения 20.09.2018))

Илл. 5. Миниатюра рукописи. Таиланд, Народный музей плавучего рынка в Накхонпатхоме, начало XIX в. (?) Бумага, роспись (по: Jana Igunma. *Thai Local Knowledge: The Long Hidden Wisdom of Manuscripts*. 2016. URL: https://southeastasianlibrarygroup.wordpress.com/2016/11/03/thai-local-knowledge-the-long-hidden-wisdom-of-manuscripts/ (дата обращения 20.09.2018))

Илл. 6. Будда, переходящий в нирвану. Камбоджа, конец XVIII–XIX вв. Бронза, литье. Собрание ГМВ, инв. № 9006 II (© Государственный музей Востока)

В Центральном и Южном Таиланде с периода средневековья геометрические сетки *янтр* принято заполнять буквами и цифрами кхмерского алфавита, по-тайски *аксон кхом*. Это один из вариантов старого кхмерского письма, известного в Камбодже по крайней мере с XII в., на котором записывали религиозные сочинения и от которого произошел и сам тайский алфавит. *Аксон кхом* формулы чаще всего встречаются в тайских рукописях по медицине, космологии, астрологии, нумерологии. На одной из миниатюр трактата о создании амулетов для магической защиты, происходящего из монастыря Лам Пхэя в Нахонпатхоме [12], в центре изображен фантастический лев *син* (*сингха*), приносящий силу, власть и бесстрашие. Он заключен в большой ромб, состоящий из графической сетки квадратиков с сакральными кхмерскими знаками (*илл. 5*).

Янтры нередко помещают на буддийскую церемониальную утварь и культовую пластику. Так, на пьедестале скульптуры переходящего в нирвану Будды [13], отлитого из бронзы в Камбодже в конце XVIII–XIX вв., прямоугольники и треугольники с кхмерскими графемами чередуются с фигурками сидящих монахов, окруженных ореолами в виде колес Дхаммы – буддийского учения (*илл. 6*). Надо отметить, что перевод *матр* в *янтрах* чрезвычайно затруднителен, поскольку чаще всего они представляют собой отдельные буквы, цифры или их комбинации, либо сокращенные слоги заклинаний и молитв, взятых из палийских или местных канонических текстов. *Мантры* могут читать люди посвященные, авторитетные учителя, монахи, медиумы-*мопхи*, но обычно они лишь интерпретируют «небесную геометрию». Среди узнаваемых знаков – вертикальные остроконечные спиральки священного слога «ОМ». На изображениях Будды они порой занимают место *урны* – поросшей золотыми волосками родинки (или пятна) на лбу, символа чудодейственной энергии, которая наполнила тело мудреца после Пробуждения.

[12] Рукопись с номером NPT-004-011 находится в Народном музее плавучего рынка в Накхонпатхоме. Фотография миниатюры была предоставлена принцессой Маха Чакри Сириндон для публикации в статье Тяна Игунмы (Jana Igunma. *Thai Local Knowledge: The Long Hidden Wisdom of Manuscripts.* 2016. URL: https://southeastasianlibrarygroup.wordpress.com/2016/11/03/thai-local-knowledge-the-long-hidden-wisdom-of-manuscripts/ (дата обращения 20.09.2018), написанной для доклада на симпозиуме «Reframing the Archive: The Reuse of Film and Photographic Images in Postcolonial Southeast Asia» 3 ноября 2016 г. в Копенгагене.

[13] Скульптура хранится в собрании Музея Востока (инв. № 9006 II) и впервые была опубликована в каталоге [Продолжая традиции собирательства, 2010, с. 122, илл. 231].

Возвращаясь к оттиску музейной доски, можно видеть, что все *янтры* на ней заполнены кхмерскими знаками, а под фигурами расположены надписи на тайском языке (всего их тринадцать). Как уже говорилось, религиозная картина носит «гибридный» характер: буддийские персонажи здесь не просто соседствуют с индуистскими и языческими, но существуют в одном пространственном континууме, сплавлены в единое религиозное целое.

В нижней части композиции слева стоит богиня плодородия Мэ Пхосоп (Пхра Мэ Пхосоп) с колосьями риса в руках. Под ногами у нее *янтра* в виде девятиклеточной диаграммы с цифрами и буквами *аксон кхом*, еще ниже тайская надпись: «Магический знак Мэ Пхосоп устанавливается в дверях дома»[14]. Культ богини риса, или «матери риса», как буквально переводится ее имя, один из древнейших, поскольку рис – главная сельскохозяйственная культура и основа пищи тайцев. Мэ Пхосоп почитают как олицетворение *кхуана* риса, т. е. его духа (или души), и антропоморфное изображение растения является одним из редких исключений в тайской анимистической системе, где духи считаются невидимыми. Это свидетельствует об особом положении риса в культуре Таиланда, как и большинства стран Юго-Восточной Азии[15]. К Мэ Пхосоп обращаются с молитвами в течение всего периода выращивания и сбора урожая, проводят особые праздничные церемонии, в жертвенниках зажигают благовония, делают ритуальные подношения в виде цветов, пищи, бетеля, табака и др.

Рядом с богиней плодородия иногда соседствует *янтра* куропатки (*ян нок кум*) с изображением этой птицы, которая помогает в сельскохозяйственных работах, а также является охранительницей дома и рисовых амбаров от пожаров (*илл. 7*). На музейной доске у ног Мэ Пхосоп находится не куропатка, а черепаха, на панцире которой видна кхмерская цифра «5». Ее фигура, как гласит тайская надпись, «устанавливается у закрома в качестве оберега» (изображенная выше в круге черепаха имеет другую символику, о чем будет сказано ниже).

Богатство дома издавна определялось количеством собранного зерна, и помещение у дверей магической *янтры*, в которой как бы аккумулировалась энергетическая сила богини, должно было приносить хозяевам обильный урожай и процветание. Это способствовало также успешной торговле, в которой рис был одним из главных товаров. Поэтому рядом изображена сидящая на низкой скамейке богиня торговли Нанг Куак, о чем говорит надпись: «Нанг Куак – удача для торговцев». Мановение ее правой руки (собственно имя ее буквально и значит «Манящая»[16]) напоминает жест *манэки нэко* – хорошо известной японской фигурки сидящей кошки с поднятой лапой, которая тоже «привлекает» удачу[17]. Поскольку образ *манэки нэко* возник в Японии еще в XVI–XVII вв., то, вероятнее всего, именно он повлиял на иконографию тайской покровительницы торговли. В последние десятилетия ее популярность так сильно возросла, что повсюду в Таиланде – в торговых центрах, лавочках, в домах бизнесменов и т. д. – нередко можно увидеть картинку с ее изображением наряду с фигурками «призывающих» кошек, сделанных по типу японской *манэки нэко* (*илл. 8*).

Правый нижний угол картины занимает богиня земли Нанг Тхорани (Пхра Мэ Тхорани), тоже один из ключевых персонажей в религиозных верованиях тайцев. Как и богиня риса, она пользуется особым почитанием во время земледельческих обрядов. Кроме того, к ней обращаются при совершении ритуала *хотнам* – «возлияния воды», имеющего древние корни и вошедшего в буддийскую практику. Нанг Тхорани является хранительницей информации обо всех делах, творящихся на земле. Человек, проливший «священную» воду на землю, дает этим действием знак богине о том, что он совершил добродетельный

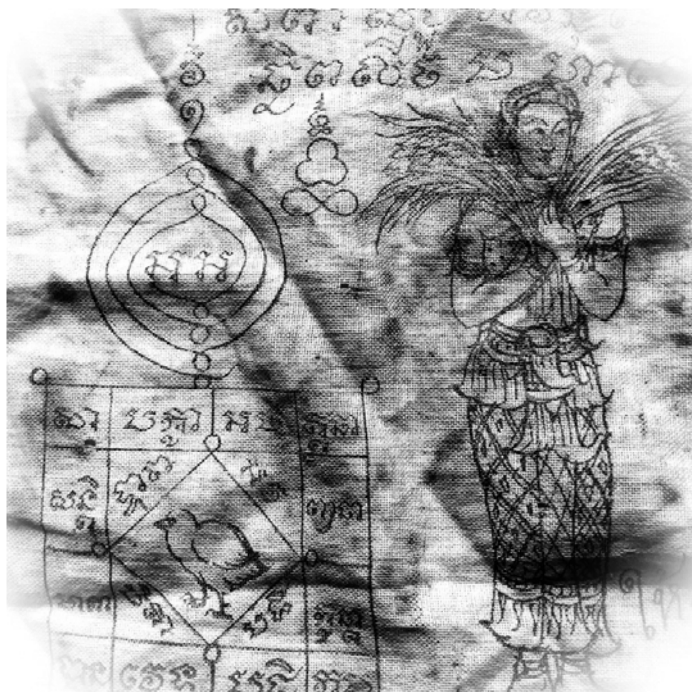
[14] Все надписи на доске переведены филологом-востоковедом Н. И. Советовой-Чен.

[15] Об этом пишет, например, Е. В. Иванова в статье «Тай» из коллективной монографии, подготовленной Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН [Календарные обычаи, 1993, с. 211 и др.].

[16] См. *янтру* Нанг Куак: *Yant Metta Maha Saneh*. URL: https://www.tattoo-thailand.com/yant-metta-maha-saneh.html (дата обращения 20.09.2018).

[17] *Манэки нэко* переводится как «приглашающая кошка», подробнее см.: [Каневская, 2015, с. 50–54].

поступок – *тхам бун* (букв. «делать доброе дело»), например, прочел молитву, накормил монахов, подарил храму скульптуру, построил ступу, спас кого-нибудь из огня и т. п. Свидетельство богини земли признается верующими чрезвычайно важным в их кармической реинкарнации, так как благоприятное воплощение в следующей жизни напрямую связано с количеством совершенных человеком благих дел.

Илл. 7. Богиня риса Мэ Пхосоп. Таиланд, первая половина XX в. (?) Ткань, роспись. Частное собрание (по: *Ancient Amulet*. URL: https://www.ancientamulet.com/monks/Pha-Yant-Tong-Mae-Posop-Kaa-Khaay-Flag-Yantra-Cloth-with-Mae-Posop-Fertility-Goddess-of-Harvest-Luang-Por-Derm-Wat-Nong-Po-p68360170 (дата обращения 20.09.2018))

Илл. 8. Богиня торговли Нанг Куак. Таиланд, XX в. Гравюра на бумаге (по: https://www.ebay.com/itm/Pha-Yant-Magic-Goddess-Lady-Nang-Kwak-Hunting-Money-Wealth-Amulet-Talisman-Lucky-/172951113239)

Нанг Тхорани традиционно изображают стоящей (редко сидящей) с поднятой левой рукой, собирающей в хвост свои длинные волосы и отжимающей правой рукой с них воду. Эта иконография отсылает к известному легендарному эпизоду из жизни Будды. Искушаемый во время медитации демоном Марой, он призвал в свидетели своей исключительной добродетельности Нанг Тхорани, которая собрала воду всех его возлияний во всех предыдущих 550 рождениях[18]. Эта вода гигантским потоком излилась из волос богини и утопила в нем армию Мары. Под ногами богини находятся *янтра* с кхмерскими графемами и надпись: «Магический знак Нанг Тхорани, дарующей благополучие». А слева от нее среди волнистых струй видна полуфигура богини воды Нанг Кхонгкхи, которая, как написано ниже, «принимает *бат*», т. е. чашу. Изображение *бата* в ее согнутой и отведенной в сторону левой руке отсутствует, но, видимо, автор картины предполагал его наличие и хотел подчеркнуть важность ритуала возлияния воды. Прижатая к груди правая рука богини напоминает о другой важной церемонии, тоже вошедшей в буддийскую обрядность, – церемонии омовения. Ее проводят в разное время и обязательно в дни Нового года, в начале сезона дождей, когда водой поливают не только статуи будд на храмовых алтарях, но и всех участников празднества. В иконографическом своде есть даже образ Будды *сонгнам*

[18] В свод «Типитака» включено 547 рассказов-*джатак* о предыдущих рождениях Будды. В буддийской традиции Индокитая в канон включены еще три *джатаки*.

(«совершающий омовение»)[19] с таким же жестом, как у Нанг Кхонгкхи. А в народном восприятии богиня всегда выступает как подательница воды, столь необходимой для рисовых полей, дающая людям важнейший, второй по значимости после риса, продукт питания – рыбу.

В центре нижнего яруса, словно в алтарной нише, на лотосовом троне восседает Пхра Пхром (Брахма) в позе «лотоса» (*падмасана*)[20] с жестом *саматхи* (медитация). Это один из главных богов индуистско-буддийского пантеона, который согласно древнеиндийскому мифу родился из плавающего в Мировом океане золотого яйца. Он разделил его на две половины – небо и землю, а затем создал все сущее: богов, людей, животных и др. По другой версии, он появился из цветка лотоса, выросшего из пупка лежащего в океане бога Вишну, а затем уже начал свою миссию демиурга. У Брахмы четыре лика – он создал их себе сам, чтобы постоянно созерцать восхитительную богиню Савитри, которой он был очарован [Люди моря, 2018, с. 202–204, 209]. Но изображают его обычно с тремя головами (четвертая, задняя, не видима), как на музейном рисунке, где их окружает трехлопастной стрельчатый ореол. «Магический знак четырехликого бога уберегает от всякой беды» – объясняет надпись, придавая творцу вселенной также функцию божества охранной магии. Вовлеченность же Пхра Пхома в буддийскую сферу подчеркивает его поза и монашеское одеяние, в которое он облачен по буддийской манере. Образ Брахмы ясно показывает своеобычность тайской иконографии, в которой слияние разных религиозных компонентов рождает дополнительные смыслы.

Центральная часть картины отведена фигурам будд и их символам (*илл. 9*). Слева, прямо над фигурой Мэ Пхосоп, на овальном, обрамленном лепестками лотоса пьедестале изображен Будда Маравичай (победитель Мары), сидящий с жестом *бхумиспарша* – «касающийся земли», т. е. призывающий богиню Нанг Тхорани. Это один из главнейших образов в буддийской иконографической системе, поскольку он непосредственно связан с моментом Просветления Будды, произошедшего в первую неделю его великой семинедельной медитации[21]. Под фигурой Пробужденного прямоугольная *янтра* и надпись «Магический знак божества, охраняющего благополучие дома». Такое определение роли Будды, с позиции ортодоксальной тхеравады, снижает его религиозный статус, приравнивает к одному из домашних божеств, но с другой стороны (с позиции верующих) – расширяет семантическое поле религиозной картины, придает ей стройность и законченность. Тем более что правую сторону этого яруса занимает Будда *накпок* – «укрытый *наком* (*нагом*)». Он сидит на свернутом кольцами теле фантастического змея-*нака*, словно на высоком троне, осененный капюшонами семи змеиных голов. В цикле семинедельной медитации Будды этот образ олицетворяет шестую неделю. В это время мудрец размышлял на берегу пруда, внезапно начался тропический шторм, ливень, вышедшая из берегов вода грозила затопить Будду, но его спас повелитель *наков* Мучалинда. По народным поверьям, *наки* являются охранителями рек, прудов и других водоемов, а также заливных рисовых полей. Будда *накпок* в данной композиции тоже наделяется функцией защиты как от наводнений, так и от засухи. Подписи под его фигурой нет, а усиливает охранно-магическое воздействие образа расположенная ниже *янтра* в виде спирали, (символа сакрального слога «ОМ»), окруженная кхмерскими цифрами и буквами. Такой же знак находится и под Буддой Маравичай.

Среднюю часть картины занимают сидящие на высоких лотосовых пьедесталах под ярусными зонтами пять будд, фигуры которых образуют остроконечную трехъярусную пирамиду. Под каждым из них круглый медальон с изображением животного. Это так называемые будды пяти эпох. Согласно буддийской космологии, каждый из них олицетворяет

---

[19] Краткое описание этого иконографического типа см.: [Гожева, 2016, с. 151].

[20] Поза, в которой изображены на картине Брахма и будды, не совсем иконографически точна, поскольку при *падмасане* ноги перекрещены и видны обе ступни. Здесь же левая ступня скрыта под правой, как бывает при *вирасане* (позе «победителя»). Тем не менее характер скрещения ног персонажей более напоминает *падмасану*.

[21] В таи-лаосской иконографической системе каждой неделе великой медитации соответствует определенное изображение Будды [Гожева, 2016, с. 120, 134, 142–143].

определенный период внутри *махакальпы* (полного цикла существования вселенной)[22] и каждому из них соответствует свое животное. На втором ярусе находится Какусанда с петухом и Канакамуни со змеем-*наком*. Ниже, на первом ярусе слева, – Кассапа с черепахой. Они являются непосредственными предшественниками исторического Будды Готамы, жившего в нашей эпохе. Он изображен справа, а под ним в круге его символ – бык. Пространство между Какусандой и Канакамуни, обозначенное вертикальными бордюрами с лотосовыми лепестками, испещрено сакральными знаками не случайно – это центральная часть всей картины, и в ней, как, вероятно, полагал ее создатель, должно было быть сосредоточено наиболее сильное магическое биополе. По бокам будд второго яруса диагонально расположены «двухвостые ящерицы, оберегающие имущество», как сообщают идущие параллельно фигуркам строки надписей.

Вершина пирамиды отведена пятому будде – будде грядущего Меттее (санскр. Майтрейе), возвышающемуся в *падмасане* на таком же многоступенчатом троне (*илл. 10*). В отличие от других будд, показанных с каноническими жестами (Какусанда и Канакамуни – с *бхумиспарша мудрой*, Кассапа и Готама – с *мудрой саматхи*), Меттея держит у груди шесть стеблей с бутонами лотоса. Это цветок, обладающий многогранной символикой и, по сути, ставший символом Дхаммы (Дхармы, учения Будды)[23], которую будет проповедовать Меттея. При этом указательные пальцы его рук выпрямлены и слегка наклонены друг к другу, что отдаленно напоминает жест *дхаммачакка* – «поворот колеса Закона»[24]. Кроме того, одет Меттея не в монашеский плащ *уттарасангу* с накидкой *сангхати* на левом плече, как остальные персонажи буддийской «пятерки», а в костюм царственных особ: юбку-штаны *панунг* с декоративными крылышками у колен и кофту с короткими рукавами, перехваченную на талии драгоценным поясом. Двухъярусное венчание его короны *мукуты* напоминает коническую ступу, являющуюся идентификационным знаком Меттеи в буддийской иконографии. Все это характерно для изображений *бодхисатты* (*бодхисаттвы*), которым и является Меттея (хотя его и принято называть буддой). Согласно мифам, в настоящее время он пребывает на небесах Тушита и только в будущем станет Просветленным [Мифы народов мира, 1982, с. 89]. Внизу в круг вписано его животное – мифический лев-*син* (*сингха*). В целом пять будд в данной композиции играют символическую роль защитников людей, цепь перерождений которых тянется через все космические эпохи.

С двух сторон от трона Меттеи размещены два хищных зверя в круглых картушах с кхмерскими *мантрами*. Согласно надписям, это «магический знак тигра, символа бесстрашия» и «магический знак царя-льва, защищающего от опасности, дающего силу». Вверху над ними парят божества *тхеппраномы* с молитвенно сложенными руками, в которых они держат стебли лотосов. Рядом с каждым из них – стилизованные знаки сакрального слога «ОМ», считающегося изначальной *мантрой* в индуистско-буддийской традиции. И написание, и произнесение священного слога, как верят тайцы, приносит благо всем существам во всех трех сферах вселенной.

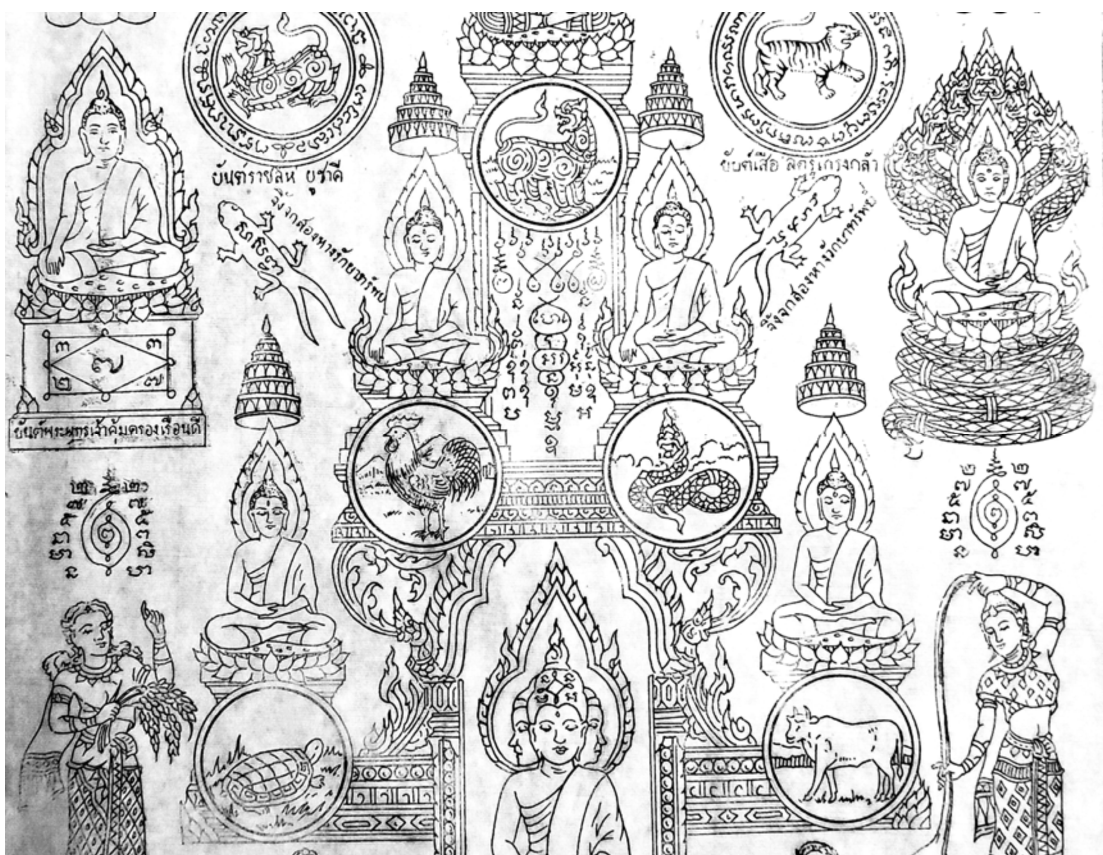
В верхних углах расположены магические диаграммы, применение которых поясняют такие слова: «[Покрывало, которое] кладется на сундук, предотвращает беду» (слева) и «Знак, укрепляемый у дверей дома, отгоняющий злых духов» (справа). Диаграммы состоят из трех вписанных друг в друга квадратов, ячейки которых заполнены, как и все другие *янтры*, кхмерскими графемами.

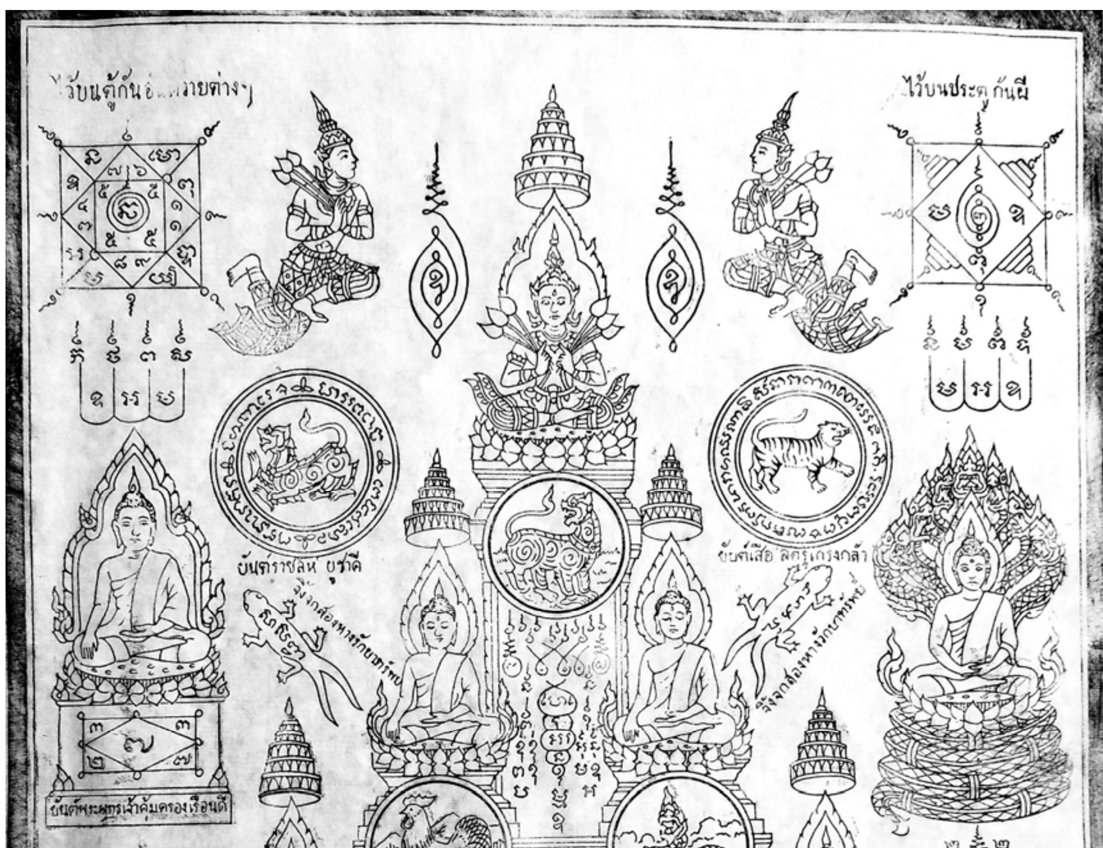
[22] Подробнее о понятии времени в мифологии буддизма см.: [Буддизм. Каноны. История. Искусство, 2006, с. 55–58].

[23] О символике лотоса см. [Гожева, Сорокина, Чукина, 2003, с. 108–111; Мифы народов мира, 1982, с. 71–72].

[24] В традиционной иконографии в жесте *дхаммачакка* (санскр. *дхармачакра*) обе руки находятся перед грудью: правая – с соединенными большим и указательным пальцами, а у левой – первый и третий пальцы касаются друг друга. Возможно и другое исполнение *дхаммачакка мудры*: например, у обеих рук могут быть соединены большие и указательные пальцы. Вариативность этого жеста отметил исследователь иконографии буддизма махаяны А. Терентьев [Терентьев, 0, с. 53, 60, рис. 5.5–5.6].

Илл. 9. Гравюра с благопожелательной композицией из собрания ГМВ. Средняя часть (© Государственный музей Востока)

Илл. 10. Гравюра с благопожелательной композицией из собрания ГМВ. Верхняя часть (© Государственный музей Востока)

Таким образом, каждый элемент гравюры несет символико-магическую нагрузку, играет роль амулета, и главная цель всей изобразительной композиции – обеспечить безопасность, магическую защиту, благополучие и процветание тайского дома. И как уже было отмечено, в этом своеобразном религиозном гибриде скрепляющими и гармонизирующими элементами выступают божественные *янтры* и *мантры*.

Илл. 11. Татуированный буддийский монах. Лаос, провинция Вьентьян, 2007 г. (*фото автора*)

В заключение необходимо сказать несколько слов об искусстве, которое повлияло на сложение такой религиозной картины и тоже находится в сфере народного буддизма. Это так называемая магическая татуировка, по-тайски *сак ян*, которая с древности распространена у многих народов Индокитая. Охранными рисунками покрывают не только тело, но и лицо, как, например, у лаосского монаха, настоятеля буддийского скального монастыря в провинции Вьентьян) (*илл. 11*). Среди мотивов *сак ян* не только сакральные знаки, но и космографические схемы, изображения буддийских и индуистских персонажей, мифических гор, священных зверей и птиц, фантастических существ – и все они наделены благопожелательной и обереговой символикой. Мастера татуировки хранят множество традиционных рисунков, занося их в специальные своды, которые сейчас пользуются необыкновенной популярностью не только среди местного населения, но и среди западных туристов. Так, Анджелина Джоли – самая известная татуированная личность – имеет тайские и кхмерские *сак ян* на спине и руках. Одна из них в виде «пяти колонн», нанесенная в 2003 г. после усыновления актрисой камбоджийского мальчика, переводится примерно так:

Пусть твои враги держатся от тебя на расстоянии.
Пусть приобретенные богатства будут твоими навсегда.
Пусть красота твоя будет подобна красоте апсары.
Пусть за тобой всегда следуют верные люди, куда бы ты ни отправилась.
Пусть они служат тебе и защищают тебя[25].

Литература / References

Берзин Э. О. *История Таиланда*. М., 1973 [Berzin E. O. *Istoriia Tailanda*. Moscow, 1973].

Буддизм. Каноны. История. Искусство. М., 2006 [*Buddizm. Kanony. Istoriia. Iskusstvo*. Moscow, 2006].

Гожева Н. А. *Золотой Будда Лаоса*. М., 2016 [Gozheva N. A. *Zolotoi Budda Laosa*. Moscow, 2016].

Гожева Н. А. Произведения буддийского искусства Таиланда в собрании Государственного музея Востока // *Проблемы искусства Восточной и Юго-Восточной Азии. Научные сообщения Государственного музея Востока*. Вып. XII. М., 1996. С. 3–23 [Gozheva N. A. Proizvedeniia buddiiskogo iskusstva Tailanda v sobranii Gosudarstvennogo muzeia Vostoka // *Problemy iskusstva Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Azii. Nauchnye soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeia Vostoka*. Vol. XII. Moscow, 1996. Pp. 3–23].

[25] Перевод надписей татуировок актрисы в разных статьях на сайтах Интернета слегка различается. Данный перевод из статьи: Татуировки Анджелины Джоли // *ТатуЛайф*. URL: https://www.tattolife.ru/tatuirovki-andzheliny-dzholi.html (дата обращения 21.09.2018).

Гожева Н. А., Сорокина Г. М., Чукина Н. П. *Волшебный мир узоров. Энциклопедия орнаментальных мотивов Юго-Восточной Азии.* М., 2003 [Gozheva N. A., Sorokina G. M., Chukina N. P. *Volshebnyi mir uzorov. Entsiklopediia ornamental'nykh motivov Yugo-Vostochnoi Azii.* Moscow, 2003].

Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1993 [*Kalendarnye obychai i obriady narodov Yugo-Vostochnoi Azii. Godovoi tsykl.* Moscow, 1993].

Каневская Н. А. *Традиционная японская игрушка.* М., 2015 [Kanevskaia N. A. *Traditsionnaia iaponskaia igrushka.* Moscow, 2015].

Корнев В. И. *Тайский буддизм.* М., 1973 [Kornev V. I. *Taiskii buddizm.* Moscow, 1973].

Люди моря. Этнографическая коллекция Юго-Восточной Азии: альбом-каталог. Музей Мирового океана. Калининград, 2018 (автор раздела «Искусство Таиланда» Н. А. Гожева) [*Liudi moria. Etnograficheskaia kollektsiia Iugo-Vostochnoi Azii. People of the Sea. Ethnographic Collection of Southeast Asia: al'bom-katalog. Muzei Mirovogo okeana.* Kaliningrad, 2018].

Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982 [*Mify narodov mira.* T. 2. Moscow, 1982].

Продолжая традиции собирательства. Каталог выставки. М., 2010 [*Prodolzhaia traditsii sobiratel'stva. Katalog vystavki.* Moscow, 2010].

Терентьев А. *Определитель буддийских изображений.* СПб, 2004 [Terent'ev A. *Opredelitel' buddiiskih izobrazhenii.* Saint-Petersburg, 2004].

Conway S. *The Shan Culture, Art and Crafts.* Bangkok, 2006.

Freeman M. *Lanna. Thailand's Northern Kingdom.* Bangkok, 2001.

Jana Igunma H. D. Ginsburg and the Thai Manuscripts Collection at the British Library and Beyond // *Manuscript Studies. A Journal of the Schoenberg Institute for Manuscript Studies.* 2017. 2.1. Pp. 22–81.

Kirsch A. T. Complexity in the Thai religious system: An interpretation // *The Journal of Asian Studies.* 1977. 36.2. Pp. 241–66.

Madhu Khanna. *Yantra: The Tantric Symbol of Cosmic Unity.* Rochester, 2003.

Pattana Kitiarsa. Beyond Syncretism: Hybridization of Popular Religion in Contemporary Thailand // *Journal of Southeast Asian Studies.* 2005. 36.3. Pp. 461–487.

Silburn L. *Instant et cause.* Paris, 1955.

Staal F. *Ritual and mantras: rules without meaning.* Delhi, 1996.

Tambiah S. J. *Buddhism and the spirit cults in Northeast Thailand.* Cambridge, 1970.

Terwiel B. J. *Monks and Magic: An analysis of religious ceremonies in Central Thailand.* Bangkok, 2001.

Электронные ресурсы

Ajarn Spencer Littlewood. *The Origins and History of Thai Sacred Geometry (Yant).* URL: http://www.sakyant.org/?page_id=240 (дата обращения 20.09.2018).

Ancient Amulet. URL: https://www.ancientamulet.com/monks/Pha-Yant-Tong-Mae-Posop-Kaa-Khaay-Flag-Yantra-Cloth-with-Mae-Posop-Fertility-Goddess-of-Harvest-Luang-Por-Derm-Wat-Nong-Po-p68360170 (дата обращения 20.09.2018).

Austro-Tai peoples. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Austro-Tai_peoples (дата обращения 20.09.2018).

Jana Igunma. *Thai Local Knowledge: The Long Hidden Wisdom of Manuscripts.* 2016. URL: https://southeastasianlibrarygroup.wordpress.com/2016/11/03/thai-local-knowledge-the-long-hidden-wisdom-of-manuscripts/ (дата обращения 20.09.2018).

Pinterest.co. URL: https://www.pinterest.co.uk/pin/860891284989417240/?lp=true (дата обращения 20.09.2018).

Pinterest.ru. URL: https://www.pinterest.ru/pin/214695107213821096/?lp=true (дата обращения 20.09.2018).

Yant Metta Maha Saneh. URL: https://www.tattoo-thailand.com/yant-metta-maha-saneh.html (дата обращения 20.09.2018).

ИДЕИ ЧИНГИСХАНА О ВЛАСТИ
СОГЛАСНО ПОЗДНЕЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ю. И. Дробышев[*]

В центре внимания автора статьи – высказывания о власти, приписываемые Чингисхану и включенные в произведения монгольской историографии XVII–XIX вв. Из этих фраз, якобы представляющих собой поучения Чингисхана своим сыновьям, младшим братьям и ближайшим соратникам, но фактически обращенных к современникам, можно составить достаточно объективное представление о государственных проблемах, волновавших представителей грамотной монгольской элиты указанной эпохи. В уста основателя Монгольской империи вложена программа действий по возрождению ее былого величия в условиях разобщенности и подчинения маньчжурам.

Ключевые слова: Чингисхан, поучения, власть, монгольские летописи.

GENGHIS KHAN'S CONCEPT OF POWER
ACCORDING TO THE LATE MONGOLIAN HISTORIOGRAPHY

Yuliy I. Drobyshev

The author focuses on statements about power that are attributed to Genghis Khan and included in the works of Mongolian historiography of XVII–XIX centuries. These phrases – supposedly representing the teachings of Genghis Khan to his sons, younger brothers, and closest associates but actually addressed to contemporaries – allow to form a fairly objective view of some issues that had national importance for the advanced Mongolian elite of this era. From the founder of the Mongol Empire's own mouth, therefore, emerges a program of actions to revive its former greatness given the constraints of dissociation and subordination to the Manchus.

Keywords: Genghis Khan, teachings, power, Mongolian chronicles.

Ко времени завершения «темного периода» монгольской истории Чингисхан из исторической личности превратился в эпического героя и даже в божество. Большое влияние на становление его культа в Монголии оказал буддизм, в пантеоне которого Чингисхан занял место в качестве воплощения бодхисатвы Ваджрапани. Его реальная жизнь и подвиги во многом были забыты и переосмыслены. Можно наметить следующие направления трактовки его образа: исконное шаманистское, буддийское (прежде всего – связанное с Тибетом) и китайское, сочетавшее буддийские и конфуцианские идеи[1]. Подобное переосмысление приводило к выводу о том, что Чингисхан был призван на землю покарать дурных правителей разных стран, притеснявших свои народы.

«Проблемы государственного строительства, административного обустройства и прочие подобные направления деятельности Чингис-хана, характерные для его правления во второй половине жизни, практически не отражены в летописях XVII в.», – отмечает А. Д. Цендина [Цендина, 2007, с. 54]. Этот феномен подтверждает превращение в глазах монголов исторического хана в небожителя, что не только нашло отражение в обрядовой литературе, где данный процесс дошел до логического завершения, но проявилось и в светской. Написано немало работ о трансформации Чингисхана в культурного героя и в

---

[*] Юлий Иванович ДРОБЫШЕВ, кандидат исторических наук, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; altanus@mail.ru

Yuliy I. DROBYSHEV, PhD (History), PhD (Biology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; altanus@mail.ru

[1] А. Д. Цендина выделяет три аналогичных «слоя» в летописной традиции монголов XVII–XIX вв.: «номадный», индо-тибетский и китайский [Цендина, 2007, с. 236].

божество [Heissig, 1980, p. 59–69; Bira, 1994, p. 407–419; Цендина, 2004, с. 408–411; Birtalan, 2005, p. 305–308; Charleux, 2009, p. 207–258].

Приписываемые Чингисхану высказывания, в том числе о власти, во многом легендарны. Сильное воздействие на них оказал фольклор. Как культурный герой и отец нации он наставляет подданных, в первую очередь собственных сыновей и элиту. Поздняя монгольская историография немало сделала для придания Чингисхану образа учителя монгольского народа. Мы не знаем, волновали ли Чингиса морально-этические проблемы на самом деле; вероятнее всего, у него просто не было на это ни времени, ни подходящей обстановки. Тем не менее можно без особой натяжки сказать, что для поколений монголов он стал не меньшим авторитетом в области морали, чем Конфуций для китайцев. Можно согласиться с Б. З. Базаровой в том, что «монгольские летописцы донесли до нас целый комплекс этических норм поведения хана» [Базарова, 1997, с. 41]. Что же касается манеры подачи информации о деяниях и высказываниях великого хана, то эти сочинения не столько историчны, сколько дидактичны [Поппе, 1937, с. 6]. В исторические тексты инкорпорированы значительные по объему повествования с чингисовыми поучениями, происхождение определенной части которых прослеживается достаточно четко, хотя их отношение к самому Чингисхану остается дискуссионным [Котвич, 1923, с. 94–96; Козин, 1939, с. 155–173; Шастина, 1971, с. 127–139; Clark, 1978–1979, p. 5–39; Одна неопубликованная рукопись, 2008, с. 236–249]. В этих, а также в ряде других работ приводятся ссылки на соответствующие места в летописях.

Могли ли эти назидательные тексты быть отголосками каких-то реальных бесед Чингисхана с приближенными? Существуют данные, подтверждающие факт письменной фиксации изречений монгольских владык, но надежных сведений о том, что записывались слова Чингисхана, нет. Возможно, они какое-то время сохранялись в народной памяти, а потом были доверены бумаге. Так, еще Ц. Ж. Жамцарано был уверен, что «все удачные и достопамятные изречения и даже речи разучивались наизусть и записывались потом в дэптэр (тетрадь – *Ю. Д.*) еще во времена Чингиса при жизни авторов изречений» [Жамцарано, 1936, с. 107]. Академик Ш. Бира отмечает «некоторый риторически-назидательный характер» «Золотого сказания» Лубсана Данзана, полагая, что «многие из "высказываний" Чингиса действительно восходят к тем древнемонгольским ёсунам (йосун – обычаи) и ясам (йаса – законы), о которых сообщают Рашид ад-Дин, Джувейни и другие историки» [Бира, 1978, с. 237]. Эту точку зрения разделяет ряд ученых [Шастина, 1977, с. 475]. Весьма вероятно также, что в уста Чингисхана были вложены образцы народной мудрости: притчи, поговорки и т. д.

Важно отметить, что рассматриваемые сочинения появились уже после имперской эпохи и ойратской гегемонии, во время и после поглощения монгольских владений маньчжурами. Вероятно, для стремящихся к независимости князей Чингисхан был идеалом и небесным покровителем, а его слова – законом. Это было не просто обращение к прошлому; в его уста вкладывали программу действий по реинтеграции страны и возрождению былого величия – разумеется, под властью достойного представителя чингисова «Золотого рода» Борджигин (как более редкий вариант – потомков его младшего брата Хасара). Иных законных правителей монгольская историография не знала, пока среди ее творцов не появились в XVIII в. цинские апологеты. Идеи единоначалия, высказанные Чингисханом либо приписанные ему позже, брали на вооружение монгольские ханы и нойоны, стремившиеся к овладению Монголией. В них они черпали готовые рецепты идеологической обработки вольнолюбивых кочевников с целью подчинить их себе. В этом плане весьма показательны слова Мэргэн-гэгэна – летописца из племени Урат: «Мужчина без владыки – это зачинщик смут» [Балданжапов, 1970, с. 134]. Собственно, трудно не согласиться с Т. Д. Скрынниковой в том, что именно проблема власти была одной из главнейших, актуальных для монгольского летописания как в XIII, так и в XVII вв. [Скрынникова, 1993, с. 157], и что «идеи XIII в. пронизывают ткань повествования в летописях XVII–XVIII вв., становясь естественной принадлежностью последних» [Скрынникова, 1993, с. 167].

Очень сложно выделить из обилия высказываний те, которые могли в действительности принадлежать Чингисхану, поскольку даже в гораздо более ранних источниках, таких как «Сокровенное сказание монголов», заметно влияние степного эпоса и фольклора; легенды затмевают историю. Немалая часть текста некоторых летописей представляет собой более или менее точное воспроизведение «Сокровенного сказания». Как правило, авторы летописей опирались на устную или письменную версии этого памятника, и в последнем случае несложно найти общие места. К сожалению, сам источник текстуальных заимствований весьма проблематичен по части подлинности содержащихся в нем фраз, якобы произнесенных Чингисханом. Кроме того, порой творческая мысль автора изменяет первоначальные сюжеты очень сильно, опускает одни и добавляет новые. Наконец, известны сочинения, трактующие монгольскую историю с про-хасаридских позиций и приписывающие все заслуги Чингисхана его брату Хасару.

Произведения монгольских авторов неоднородны. Уже давно было установлено различие между летописями XVII и XVIII–XIX вв.: первые практически не несут следов влияния китайской историографии, они более патриотичны, чем вторые, создававшиеся в период цинского господства и опиравшиеся на китайские источники, прежде всего на «Юань ши». Так, харачинский князь Ломи не только широко привлекал сведения из них, но даже написал свою «Историю рода Борджигид» на китайском или маньчжурском языке, а на монгольский ее перевела в 1839 г. группа переводчиков [Базарова, 1993, с. 24–25]. И хотя все они, по существу, являются историями Чингисхана и его «Золотого рода», личности главного героя уделяется в них неодинаковый объем текста и, соответственно, его изречения представлены в этих летописях весьма неравномерно. В этом отношении, безусловно, лидирует «Алтан тобчи» Лубсана Данзана, не только на 2/3 повторяющее «Сокровенное сказание», но и включающее большой массив легендарных сведений о Чингисхане и его ближайшем окружении, взятых, по-видимому, из устной традиции.

Рассматриваемые сочинения отличает важная особенность – они оправдывают захватнические войны Чингисхана авторитетом персонифицированного Неба, приобретшего имя Хормусты-тэнгри. Его земным воплощением и проводником его воли и является монгольский владыка. В глазах монгольского историка Дамдина (1867–1937) Чингисхан был также великим перерожденцем бодхисаттвы Ваджрапани [Бира, 1964, с. 42]. В других случаях Чингисхан рождается по воле самого Будды [Базарова, 2006, с. 290–291]. Цель воплощения Чингисхана – установление на всей земле справедливости (эта идея заложена уже в «Сокровенном сказании», где главной задачей Чингисхана является «направление на путь истины всеязычного государства» и его введение «под единые бразды свои») [Бира, 1978, с. 59][2]. А для установления всеобщего мира и справедливости нужна крепкая власть. В свете этих источников Чингисхан абсолютно уверен в своей правоте и в том, что принес мир и благоденствие всем живущим на земле, за исключением разве что горстки бунтовщиков. Никакого сожаления по поводу десятков и сотен тысяч человек, в том числе мирных жителей, погубленных во время завоевательных походов, он не высказывает. Победителей не судят. Тем более, победители не судят сами себя.

[2] Сходная идея утвердилась и в китайской историографии. Надо полагать, китайцам пришлось искать оправдания факту своего подчинения династии «северных варваров», основанной Чингисханом (как и полагается основателю правящей династии, он получил в китайских анналах посмертный титул Тай-цзу, хотя Южную Сун окончательно покорил его внук Хубилай, и именно этот последний дал начало династии Юань). Таким оправданием послужило негодное управление и недостаток гуманности в Китае. На стеле, установленной в честь Елюй Чу-цая – знаменитого киданьского советника Чингисхана и Угэдэя, великий монгол показан как послушный исполнитель небесной воли: «Основы процветания были заложены в Северной стороне. [Там] Тай-цзу (т. е. Чингисхан) удостоился получить [великое] повеление [Неба на занятие трона] благодаря [своей] мудрости и добродетелям и почтительно осуществил наказание [народов по воле] Неба: куда бы ни обращалась голова [его] коня, нигде не оказывалось государства, которое было бы способно [устоять перед его натиском]» [Мункуев, 1965, с. 68].

«В древности, в одно и то же время родились двенадцать храбрых хаганов. Все великие и большие народы, потрясенные ими, страдали. Тогда оба, а именно царь калпы Будда Шакьямуни и совершенный властелин трех времен учитель Падма Самбава, изобрели способ усмирения их», – повествует «Шастра Орунга» [Белая история, 2001, с. 123]. Таким образом и состоялось воплощение в мире Чингисхана. Ломи так охарактеризовал этих 12 «злых ханов» (*maγu qad*), как правило, являвшихся реальными историческими личностями: «Все они были жестокими бунтовщиками, бесправно угнетали народ, который дошел до последней черты, поэтому Тэмуджин уничтожил эти двенадцать государств одно за другим и завоевал весь мир»[3]. Сам Чингисхан прокомментировал этот подвиг следующим образом: «По велению отца моего высшего Хормуста-тэнгри я покорил своей власти 12 великих ханов на всей земле и, в общем, завершил свои дела. Теперь буду жить, отдыхая!» [Желтая история, 2017, с. 81; Sagang Sechen, 1967, p. 65; Галдан, 2012, с. 149–150]. Авторы «Желтой истории» и «Драгоценного сказания» вложили в уста Чингисхана аналогичные слова: «По велению небесного отца моего – высшего хана Хормусты я подчинил своей власти двенадцать великих ханов этого мира, совершенно и окончательно подавил малых ханов. Я собрал великое и необъятное государство, присоединив к нему всех и вся. Теперь я закончил свои дела и буду жить, наслаждаясь покоем в теле и мыслях!»[4] После этого, с 1208 по 1226 гг., великий завоеватель якобы мирно правил своим государством. Сказать, что это сообщение расходится с действительностью, – значит ничего не сказать.

Примечательно, что Чингисхан ведет себя как демиург: сотворив на земле порядок и гармонию, он удалился от дел, оставив завещание – своего рода «инструкцию по эксплуатации» этого мира. Наиболее развернуто оно представлено в исключительно информативном «Золотом сказании» Лубсана Данзана и в значительно сокращенном виде встречается в некоторых других монгольских летописях. Строго говоря, это завещание не представляет собой некий текст, в составлении которого участвовал на излете жизни сам великий монгольский правитель. То, что ныне находится в распоряжении исследователей, представляет собой инкорпорированные в летописи более или менее длинные повествования, основную часть которых составляют речи Чингисхана, обращенные к младшим братьям, сыновьям и сподвижникам. Даже поверхностный взгляд позволяет определить довольно позднее происхождение большинства рассказов; имел ли хотя бы один из них прямое отношение к главному герою – большой вопрос, решение которого мы вынуждены оставить специалистам-текстологам.

Означает ли сказанное, что содержащиеся в монгольских летописях XVII–XIX вв. легенды о Чингисхане бесполезны для историка? Нет, не означает. Конечно, для реконструкции событий XIII в. они могут дать меньше объективного материала, чем хотелось бы, и использовать предоставляемые сведения надо крайне осторожно. В то же время, легенды весьма ценны как своеобразное отражение представлений монгольской интеллектуальной элиты своей эпохи даже не столько о деяниях и речах Чингисхана, сколько о текущей политической ситуации в степях, о том, что надлежит делать власть имущим, чтобы вернуть Монголии былое величие.

Разумеется, поучения и заветы Чингисхана адресованы только представителям его «Золотого рода» и ближайшего окружения и направлены на упрочение власти потомков. Хотя иногда и проскальзывают высказывания, касающиеся «всего мира», якобы покоренного

---

[3] Цит. по: [Цендина, 2007, с. 196]. В этой связи можно заметить, что для грамотного князя, закончившего свой труд в 1732 г., понятие «всего мира» не сильно отличается от представлений о мире историков XIII–XIV вв., тоже писавших о завоеваниях Чингисхана. Подобным образом он характеризует пределы (точнее, беспредельность) власти Угэдэя [Mongγol borjigid…, 1957, тетрадь 1, л. 13б], Хубилая [Mongγol borjigid…, 1957, тетрадь 1, л. 19б] и даже его внука Тэмура [Mongγol borjigid…, 1957, тетрадь 1, л. 21а]. Ср. высказывание Рашид ад-Дина: «Ныне государь всей земли – Кубилай-каан» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 166], зафиксированное не ранее 1300/1301 г., когда Хубилая уже 6 или 7 лет как не было в живых, не говоря уже о том, что он никогда не владел всей территорией Монгольской империи, а не то что «всей землей».

[4] Цит. по: [Цендина, 2007, с. 54].

Чингисханом, гораздо чаще повторяется мысль о том, что наследники обязаны свято хранить государство, ради которого Чингисхан претерпевал неслыханные тяготы и страдания. Например, в наставлении сыновьям: «От восхода солнца до захода его собирал я народы, и множество единоплеменников и не единоплеменников объединил я. Для многих других голов стал я единой головой! У кого мысли дурные, те будут сокрушены. У кого разум плохой, те будут истощены. Вы, мои родичи, –

Не медлите в уме своем,
Не уставайте в мыслях своих» [Лубсан Данзан, 1973, с. 188].

Им же он повелел: «Управляйте хорошо и справедливо!» [Лубсан Данзан, 1973, с. 189].

Своим младшим братьям и сыновьям он якобы завещал:

«От восхода [солнца] до захода я трудился
До тех пор, пока не пожаловали Небо и Земля [мне силы];
Защищал государство, пока подрастали мои младшие братья и сыновья;
Управлял народом, что отдан был мне предками,
Опорой всего государства,
Арканом для многих народов
Я стал! Да!
Став опорой, я думал об укреплении государства,
Став арканом, я принял на себя трудное дело охраны народа.
Вы, мои младшие братья и сыновья,
Оберегайте [наш] главный корень – [род]!
Примите на себя трудное дело – трудиться ради государства.
Вы, мои старейшины!
Не думая о себе, будьте советниками ради [блага] народа!

…Вы, мои сыновья и родичи, после меня охраняйте и оберегайте созданное мною в страданиях государство, соединенные и воздвигнутые мною двери, примите на себя это трудное дело! Если не принять на себя это трудное дело и не охранять то, что сооружено и воздвигнуто, то все внезапно разрушится. Пострадайте над созиданием, вам от этого будет только польза! Ведь сохранивший воздвигнутое станет выше меня» [Лубсан Данзан, 1973, с. 188–189].

Четверым своим героям-кюлюкам он дал такое наставление:

«Не для одного или двоих, –
Для всех я хаганом стал,
Владыкой народа я сделался. Да!
[И долго] после меня
Вы, мои родичи,
Мимолетно найденные,
Ханское имя мое
С любовью охраняйте,
В трудах обретенное государство
Спокойно укрепляйте!» [Лубсан Данзан, 1973, с. 188].

В ответе на слова Хуйлдар Сэчэна Чингисхан демонстрирует собственную жертвенность во благо государства:

«Если золотая моя особа изнурится, так пусть изнурится,
Только бы не исчезло мое государство!
Если вся моя особа будет страдать, так пусть страдает,
Только бы мое государство не пришло в беспорядок!» [Лубсан Данзан, 1973, с. 211].

Инволюция от имперской идеологии, проповедовавшей идеалы власти над «всем миром», до заповедей хранить отечество была обусловлена не только реальной политикой, в которой монголы все больше уступали маньчжурам, но и укоренением на монгольской земле

буддизма, расставившего иные акценты в мировидении номадов. На поверку «весь мир» оказался слишком велик, чтобы претендовать на управление им: «Границы мирового пространства расширились, выйдя за родовые пределы. Мир стал не миром рода борджигид, а миром учения Будды. Монголы заняли в нем свое “частное” место» [Цендина, 2007, с. 111]. Теперь Монголия уже не центр Вселенной, и даже поступки великого Чингисхана требуют объяснения и ретроспективного оправдания. Захват ради захвата и убийства ради победы уже не удовлетворяют новому идеологическому климату, складывающемуся в Монголии в связи с распространением в ней миролюбивого буддийского учения. Несмотря на это, можно допустить мысль о бытовании в степях реваншистских настроений среди части нойонства. Монголы хорошо помнили (даже если эта память была искажена легендами) о славном прошлом, а грамотная прослойка общества имела возможность обращаться к письменным источникам, включая китайские, и извлекать оттуда сравнительно объективную информацию. Неспроста столь сильна в поздних монгольских летописях идея единства, сильной ханской власти.

Объединение кочевников в единый политический организм вменялось Чингисхану в заслугу даже в советскую эпоху, когда хвалить его было не принято. Идея единения, пожалуй, универсальна, а для кочевого мира она всегда была имплицитно актуальна. Несмотря на то что номады не нуждались в единстве для осуществления своей обычной хозяйственной деятельности, постоянные стычки и вражда требовали консолидации, особенно когда извне нападал сильный враг или было нужно самим организовать набег на соседей. Еще в период тюркских каганатов вожди из клана Ашина настойчиво внедряли в народное сознание мысль о необходимости объединения под крепкой каганской властью. Централизация власти в руках Чингисхана и его потомков потребовала соответствующего идеологического обоснования, и уже в «Сокровенном сказании» всплывает понятие о неустроенности людей, если над ними нет владыки [Козин, 1941, § 35]. Став во главе сорока тумэнов (400-тысячного народа), Чингисхан якобы издал указ, начинающийся словами: «Собрали и объединили воедино всех, кто, страдая, бродил и кочевал» [Галдан, 2012, с. 147]. Крушение Монгольской империи и распад самой Монголии на практически независимые владения, а затем их включение в состав империи Цин породили ностальгическое чувство по славному прошлому, поэтому, надо думать, идея единства получила «второе дыхание» в памятниках позднесредневековой монгольской историографии. Неудивительно, что она высказывается именно Чингисханом и, хотя речь идет о прошлом, читателям этих сочинений было ясно, что обращена она к настоящему.

Большинство приписываемых Чингисхану изречений говорят сами за себя и вряд ли нуждаются в комментариях. Однако некоторые заслуживают обсуждения, поскольку намекают на определенные политические коллизии. Например, в нескольких монгольских хрониках содержится рассказ о завещании Чингисхана: умирая, он якобы просил своих соратников поступать согласно словам мальчика-Хубилая, так как они особенные [Sagang Sechen, 1967, p. 70; Лубсан Данзан, 1973, с. 240; Золотое сказание, 2005, с. 34; Желтая история, 2017, с. 82]. Очевидно, эта интерполяция предназначалась для оправдания незаконных действий Хубилая, фактически узурпировавшего великоханский престол в 1260 г. Несмотря на давность события, его последствия были по-прежнему актуальны, так как основанная Хубилаем династия не сразу взяла бразды правления в Монголии после падения Юань и требовалось оградить ее от сомнений в легитимности.

Имеются в этих источниках и высказывания Чингисхана против насилия: «Если жестокий правитель пользуется насилием, то он становится хуже черной собаки» [Лубсан Данзан, 1973, с. 209–210]; «После того как я умру, собранный мною и объединенный народ вы не мучайте, мои сыновья!» [Лубсан Данзан, 1973, с. 214]. Не лишено интереса и то, кого именно подразумевает в данном случае великий хан под народом – своих ли кочевников или всех, кого успел подчинить. С одной стороны, четкое различие между «своими» и «чужими» лежало в основе основ степной политики, с другой – естественным финалом развития

имперской идеологии должна была стать элиминация такого различия, что и наблюдалось в растущей империи еще при жизни основателя: как известно, на службе у монголов подвизались и порой достигали очень высоких постов выходцы из различных народов, не обязательно кочевых. Приведенная сентенция находит параллели в более ранних источниках: уже в «Юань ши» имеется рассказ о «соединении пяти планет» зимой 1226 г., после которого Чингисхан якобы намеревался прекратить грабежи и кровопролитие, но забыл издать соответствующий указ. Вспомнил он о нем буквально за месяц до кончины [Китайская династийная история, 2009, с. 161]. Однако эти сведения, скорее всего, легендарны, и есть основания больше доверять откровенно кровожадному сообщению «Сокровенного сказания», где Чингисхан приказывает: «Так как я истребил Тангутов до потомков потомков их и даже до последнего раба… то пусть напоминают мне о таковом поголовном истреблении за каждым обедом…» [Козин, 1941, § 268].

Хотя, как говорилось выше, сам Чингисхан перешел в разряд небожителей, ему приписана весьма реалистичная и вполне «приземленная» демонстрация взаимосвязи хана, его супруги и его подданных:

«Если хан благоденствовать будет,
То и государство его благоденствовать будет.
Если простолюдин благоденствовать будет,
То и хан благоденствовать будет.
Если ханша благоденствовать будет,
Сидя в дверях своей юрты,
То и муж у нее благоденствовать будет.
Если все благоденствовать будут,
То мир и согласье во благе наступят!» [Лубсан Данзан, 1973, с. 191–192].

Интересно, что текст не превозносит хана и не приписывает всеобщее благоденствие исключительно его заслугам. Речь Чингисхана диалектична, лишена прямолинейности, которую он демонстрирует в «Сокровенном сказании» или «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина и которая, вероятнее всего, была ему свойственна в реальности. Видимо, здесь представлен образчик мудрости какого-то просвещенного нойона или ламы. Следующая фраза (еще одно поучение сыновьям) тоже мало похожа на стиль Чингисхана, хотя нет веских причин отрицать ее аутентичность:

«До тех пор собирайте людей,
Пока не овладеете их душами.
Если душой овладеешь,
То сами-то они куда же уйдут?» [Лубсан Данзан, 1973, с. 201][5]

Близко к этому высказывание, тоже адресованное сыновьям:

«Силою тела можно победить одного,
Силою духа можно превзойти многих» [Лубсан Данзан, 1973, с. 187].

Не остались без наставлений старший сын Чингиса Джочи [Лубсан Данзан, 1973, с. 231] – «наследник меркитского плена», а также разбирающие жалобы судьи [Лубсан Данзан, 1973, с. 215]. Цитировать все подобные изречения, которыми изобилует труд Лубсана Данзана, нет необходимости.

Несмотря на то что Чингисхана уже давно не было в живых, летописи стояли на страже его исключительного права на верховную власть и привлекали для этой цели мифологические сюжеты. Однажды Хормуста-тэнгри пожаловал Чингисхану нефритовую чашу *рашияны*. Младшие братья тоже захотели вкусить из этой чаши. Чингисхан ответил им: «При моем рождении в правой руке моей по велению Будды появилась из царства *луусов* печать Хасбу. Ныне от могущественного Хормуста-тэнгри [мне] пожалована нефритовая чаша, наполненная вином *рашияны*. Разве я не рожден с судьбою, установленной Небом, быть

[5] По мнению Ш. Биры, «эти строки действительно восходят ко временам Чингис-хагана и его преемников» [Бира, 1978, с. 238].

владыкой?» И дал им чашу. Те пытались пить, но проглотить не смогли и признали: «Тебе предопределено быть владыкой, ты рожден с судьбою быть владыкой, мы рождены, не имея такой судьбы». Они вернули чашу и совершили поклонение. Затем разгоряченный от *рашияны* Чингисхан подытожил: «По велению Будды при рождении моем появилась ханская печать *луусов*. Ныне могущественный Хормуста-тэнгри пожаловал мне нефритовую чашу, наполненную вином *рашияны*. Рожденный с судьбою, установленной от Неба, стал я владыкой» [Лубсан Данзан, 1973, с. 165]. Эта история повторяется в ряде других летописей. Очевидно, дело здесь не в личности Чингисхана: летописцы отстаивают право на высшую власть его потомков, к числу которых принадлежали некоторые из них.

Иногда властные амбиции Чингисхана облекаются в анекдотичную форму. Отвечая обиженному Отчигину, не получившему тумэн, он соизволил сказать: «По собственному твоему рождению ты надо мной не поставлен. Ты не Высшая сила! Выше меня только моя шапка! Так-то!» После этого он снял шапку, поместил ее в самое почетное место юрты – *хоймор* и совершил перед ней поклонение. По словам летописца, «в тот день он вкушал *тарасун* и был сильно разгорячен» [Лубсан Данзан, 1973, с. 193].

В некоторых летописях приведены слова Чингисхана, якобы произнесенные в смертный час: «Вы, мои министры, умрите вместе со мной!» Хилугэтэй-багатур предупредил о развале государства, и Чингисхан отменил этот указ [Золотое сказание, 2005, с. 34; Sagang Sechen, 1967, p. 69]. Интересно, что в списке Саган Сэцэна, опубликованном И. Шмидтом, эта фраза отсутствует. Ц. Ж. Жамцарано предположил, что князь Цэнгун джаб, который готовил этот список маньчжурскому императору Цяньлуну для перевода на китайский язык, удалил ее из уважения к памяти Чингисхана [Жамцарано 1936, с. 46]. Вероятность реального провозглашения Чингисханом подобного указа представляется довольно высокой, так как идея о посмертной службе приближенных своему господину известна во многих культурах, включая кочевую. Возражения Хилугэтэй-багатура также выглядят вполне реалистично.

Довольно вероятна и подлинность клятвы Чингисхана приближенным, данная у «мутных вод Бальчжуна», хотя, думается, в тот трудный момент он был далек от планов по захвату власти над всей ойкуменой или основанию монгольской династии в Китае (что подразумевает источник, перекликающийся в этом пункте с «Юань ши» или скорее опирающийся на это произведение): «Если удастся мне создать великое правление, то буду делить свое счастье и несчастье с народом вашим. Если мы нарушим эту клятву, то пусть прекращается течение нашей жизни, как останавливается течение этой реки. Да сохранят те, кто поклялся, напившись воды из этой реки, свою клятву до потомков своих потомков» [Балданжапов, 1970, с. 148].

Большинство летописей было составлено прямыми потомками Чингисхана по линии его внука Хубилая. Как справедливо отметил Ш. Бира, после событий 1368 г. они, вынужденные вернуться в Монголию, встретили там холодный прием со стороны отпрысков Ариг-Буки [Бира, 1978, с. 163–164], а также кочевавших в Центральной Монголии ойратов и урянхайцев [Elverskog, 2006, p. 102]. В дальнейшем им вновь пришлось отстаивать свои земли от притязаний ойратов. Затем монголам начали навязывать свою власть маньчжуры. В отличие от практически бесписьменной эпохи Чингисхана, теперь, с появлением в степях заметного числа грамотных лиц, стало возможным использовать против врагов не только военную силу, но и идеологическое оружие. Авторитет основателя империи в этом деле был незаменим.

Таким образом, инкорпорированные в летописи XVII–XIX вв. высказывания Чингисхана, безотносительно их подлинности, отражали чаяния монголов и являлись реакцией на разобщенность и подчиненное положение. Они были обращены к современникам и содержали призыв к объединению под сильной властью, призванной принести всем избавление от страданий (учитывая особенность момента, добавим: в условиях процветания буддийского учения) и вновь утвердить на земле «золотой век», которым виделись времена Монгольской империи. Однако в летописных высказываниях Чингисхана

читается не «имперскость», а государственность, что резко отличает эти сочинения от источников XIII–XIV вв.

Литература / References

Базарова Б. З. Юаньская эпоха в летописи «Монгол борджигид обог-ун тэукэ» // *История и культура народов Центральной Азии.* Улан-Удэ, 1993 [Bazarova B. Z. Iuan'skaia /ehpoha v letopisi “Mongol bordzhigid obog-un t'euk'e” // *Istoriia i kul'tura narodov Tsentral'noi Azii.* Ulan-Ude, 1993].

Базарова Б. З. Дидактическое содержание монгольских летописей // *Монголоведные исследования.* Вып. 2. Улан-Удэ, 1997 [Bazarova B. Z. Didakticheskoe soderzhanie mongol'skih letopisei // *Mongolovednye issledovaniia.* Vol. 2. Ulan-Ude, 1997].

Базарова Б. З. *Монгольские летописи – памятники культуры.* М., 2006 [Bazarova B. Z. *Mongol'skie letopisi – pamiatniki kul'tury.* Moscow, 2006].

Балданжапов П. Б. *Altan Tobči. Монгольская летопись XVIII в.* Улан-Удэ, 1970 [Baldanzhapov P. B. *Altan Tobchi. Mongol'skaia letopis' XVIII v.* Ulan-Ude, 1970].

«Белая история» (Čayan teüke) – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. Сост. критического текста и пер. «Белой истории» П. Б. Балданжапова; иссл., сост. коммент., подгот. текста «Белой истории» к публ., пер. и коммент. к «Шастре хана-чакравартина» и «Шастре Орунга» Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ, 2001 [*“Belaia istoriia” (Čayan teüke) – mongol'skii istoriko-pravovoi pamiatnik XIII–XVI vv.* Sost. kriticheskogo teksta i per. “Beloi istorii” P. B. Baldanzhapova; issl., sost. komment., podgot. teksta “Beloi istorii” k publ., per. i komment. k “Shastre hana-chakravartina” i “Shastre Orunga” C. P. Vanchikovoi. Ulan-Ude, 2001].

Бира Ш. *О «Золотой книге» Дамдина.* Улан-Батор, 1964 [Bira Sh. *O «Zolotoi knige» Damdina.* Ulan-Bator, 1964].

Бира Ш. *Монгольская историография (XIII–XVII вв.).* М., 1978 [Bira Sh. *Mongol'skaia istoriografiia (XIII–XVII vv.).* Moscow, 1978].

Галдан. *История, именуемая Эрдэнийн эрихэ.* Иссл. и пер. П. Б. Балданжапова и Ц. П. Ванчиковой. Улан-Батор, Улан-Удэ, 2012 [Galdan. *Istoriia, imenuemaia 'Erdeniin 'erihe.* Issl. i per. P. B. Baldanzhapova i C. P. Vanchikovoi. Ulan-Bator, Ulan-Ude, 2012].

Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII века. М., Л., 1936 [Zhamcarano C. Zh. Mongol'skie letopisi XVII veka. Moscow, Leningrad, 1936].

Желтая история (Шара туджи). Пер., введ. и коммент. А. Д. Цендиной. М., 2017 [*Zheltaia istoriia (Shara tudzhi).* Per., vved. i komment. A. D. Tsendinoi. Moscow, 2017].

Золотое сказание. Пер. Г. С. Гороховой, А. Д. Цендиной // *История в трудах ученых лам.* М., 2005 [Zolotoe skazanie. Per. G. S. Gorohovoi, A. D. Tsendinoi // *Istoriia v trudah uchenyh lam.* Moscow, 2005].

Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)». Пер. Р. П. Храпачевского // *Золотая орда в источниках.* Т. III. *Китайские и монгольские источники.* М., 2009 [Kitaiskaia dinastiinaia istoriia «Yuan' shi (Ofitsial'naia istoriia [dinastii] Yuan')». Per. R. P. Hrapachevskogo // *Zolotaia orda v istochnikah.* T. III. *Kitaiskie i mongol'skie istochniki.* Moscow, 2009].

Козин С. А. Фрагмент из цикла эпических сказаний о Чингисе // *Ученые записки ЛГУ.* № 20. Сер. филол. наук. Вып. I. 1939 [Kozin S. A. Fragment iz tsikla 'epicheskih skazanii o Chingise // *Uchenye zapiski LGU.* 20. Ser. filol. nauk. Vol. I. 1939].

Козин С. А. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.* М., Л., 1941 [Kozin S. A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya hronika 1240 g.* Moscow, Leningrad, 1941].

Котвич В. Л. Из поучений Чингис-хана // *Восток.* Кн. 3. М., Пг., 1923 [Kotvich V. L. Iz pouchenii Chingis-hana // *Vostok.* Kn. 3. Moscow, Petrograd, 1923].

Лубсан Данзан. *Алтан тобчи.* Пер. Н. П. Шастиной. М., 1973 [Lubsan Danzan. *Altan tobchi.* Per. N. P. Shastinoi. Moscow, 1973].

Мункуев Н. Ц. *Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая.* М., 1965 [Munkuev N. C. *Kitaiskii istochnik o pervyh mongol'skih hanah. Nadgrobnaia nadpis' na mogile Elyuj Chu-tsaya.* Moscow, 1965].

Одна неопубликованная рукопись Н. П. Шастиной. Публикация А. Д. Цендиной // *Цэндийн Дамдинсурэн: к 100-летию со дня рождения.* М., 2008 [Odna neopublikovannaia rukopis'

N. P. Shastinoi. Publikatsiya A. D. Tsendinoi // *Ts'endiin Damdinsuren: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia*. Moscow, 2008].

Поппе Н. Н. *Халха-монгольский героический эпос*. М., Л., 1937 [Poppe N. N. *Halha-mongol'skii geroicheskii 'epos*. Moscow, Leningrad, 1937].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. II. Пер. Ю. П. Верховского. М., Л., 1960 [Rashid ad-Din. *Sbornik letopisei*. T. II. Per. Yu. P. Verhovskogo. Moscow, Leningrad, 1960].

Скрынникова Т. Д. Идеи «Сокровенного сказания» о власти в летописях XVII в. // *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания»*. М., 1993 [Skrynnikova T. D. Idei «Sokrovennogo skazaniia» o vlasti v letopisiah XVII v. // *Mongolica: K 750-letiiu "Sokrovennogo skazaniia"*. Moscow, 1993].

Цендина А. Д. Чингис-хан в устном и письменном наследии монголов // *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ, 2004 [Tsendina A. D. Chingis-han v ustnom i pis'mennom nasledii mongolov // *Mongol'skaia imperiia i kochevoi mir*. Ulan-Ude, 2004].

Цендина А. Д. *Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции*. М., 2007 [Tsendina A. D. *Mongol'skie letopisi XVII–XIX vekov: povestvovatel'nye traditsii*. Moscow, 2007].

Шастина Н. П. Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингиса // *Страны и народы Востока*. Вып. XI. М., 1971 [Shastina N. P. Povest' o spore mal'chika-siroty s deviat'iu vitiaziami Chingisa // *Strany i narody Vostoka*. Vol. XI. Moscow, 1971].

Шастина Н. П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1977 [Shastina N. P. Obraz Chingishana v srednevekovoi literature mongolov // *Tataro-mongoly v Azii i Evrope*. Moscow, 1977].

Bira Sh. The Mongolian Conception of Chingis-Khan: Historic and Mythical Hero // Bira Sh. *Studies in the Mongolian History, Culture and Historiography. Selected Papers*. Tokyo, 1994.

Birtalan A. The Mongolian Great Khans in Mongolian Mythology and Folklore // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica*. 2005. 58 (3).

Charleux I. Chinggis Khan: Ancestor, Buddha or Shaman? On the uses and abuses of the portrait of Chinggis Khan // *Mongolian studies*. 2009. 31.

Clark L.V. From the Legendary Cycle of Činggis-qaγan: The Story of an Encounter with 300 Tayičiγud from the *Altan Tobči* (1655) // *Mongolian Studies*. 1978–1979. 5.

Elverskog J. The Legend of Muna Mountain // *Inner Asia*. 2006. 8.1.

Heissig W. *The religions of Mongolia*. Berkeley, Los Angeles, 1980.

Mongγol borjigid oboγ-un teüke von Lomi (1732). Meng-ku shih-his-p'u. Herausgegeben und mit Einleitung Versehen von W. Heissig und Ch. R. Bawden. Wiesbaden, 1957.

Sagang Sechen. History of the Eastern Mongols to 1662 (Erdeni-yin Tobči). The Bejeweled Summary of the origin of Khans. Ed. by J. R. Krueger. Bloomington, 1967.

ЛАДАКХСКИМИ ПУТЯМИ РЕРИХОВ

А. М. Шустова[*]

В 2017 г. автор побывала в Ладакхе (штат Джамму и Кашмир на севере Индии) с целью осмотра буддийских монастырей (Мульбекх, Ламаюру, Алчи, Ликир, Базго, Селджанг, Спитуг, Самкар, Хемис, Тикси, а также монастыри Леха), в 1925 г. исследованных экспедицией Н. К. Рериха. В задачу также входило сопоставление современного состояния этих монастырей с тем описанием, который дал в своих трудах Ю. Н. Рерих, отмечавший, что скульптуры бодхисатвы Майтрейи, встречающиеся в этих монастырях, во многом сохраняют характеристики древнего индийского искусства. Автор статьи приходит к выводу, что монастыри Ладакха в их современном состоянии по-прежнему имеют древние черты, которые наблюдали Рерихи. Хотя традиционная буддийская жизнь в них продолжается, основное изменение заключается в их новой функции – быть музеем для возрастающего потока туристов.

Ключевые слова: Ладакх, Центрально-азиатская экспедиция Н. К. Рериха, Ю. Н. Рерих, история буддизма, Майтрейя.

FOLLOWING THE LADAKHIAN WAYS OF THE ROERICHS

Alla M. Shustova

In 2017, the author visited Ladakh (Jammu and Kashmir State in the northern India) to inspect Buddhist monasteries (Mulbekh, Lamayuru, Alchi, Likir, Basgo, Seljang, Spituk, Samkar, Hemis, Thiksi, and also monasteries in Leh itself), which were investigated by the Nicholas Roerich's Central-Asian expedition in 1925. Part of the task was to compare present-day conditions of these monasteries with the description given by George Roerich, who noted that sculptures depicting Bodhisattva Maitreya in all of these monasteries had features of ancient Indian art. The author comes to the conclusion that the monasteries of Ladakh in their present state still have ancient features that the Roerichs observed. Although the traditional Buddhist life in the monasteries is going on, the main change is that Buddhist monasteries took on the new function to be museums for tourists.

Keywords: Ladakh, the Nicholas Roerich's Central-Asian expedition, George Roerich, history of Buddhism, Bodhisattva Maitreya.

Путешествие в Ладакх в наше время, как и многие десятилетия назад, остается сложным мероприятием: до 1974 г. этот высокогорный район был закрыт для посещения туристов, да и сейчас многие его районы являются либо запретными для путешественников, либо требуется брать дополнительные пропуска. В 2017 г. автору статьи удалось организовать собственную поездку в Ладакх. Основной задачей пребывания стало посещение и осмотр буддийских монастырей, в которых в 1925 г. побывала экспедиция Н. К. Рериха, с целью сопоставить описание Рерихов с современным состоянием монастырей.

Центрально-азиатская экспедиция Н. К. Рериха начала движение из Кашмира, проследовав древним караванным путем, соединяющим Индию с государствами Центральной Азии. Она посетила Ладакх в 1925 г., затем преодолела опасные перевалы Каракорума, прошла Китайский Туркестан, пересекла границу России, сделав заезд в Москву. Здесь Рерихи встретились с американскими сотрудниками, которые привезли им необходимое экспедиционное снаряжение и финансовые средства. Оттуда они направились в Горный Алтай, затем в Монголию. Из Монголии был совершен Тибетский поход. Рерихи

[*] Алла Михайловна ШУСТОВА, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; parinama@yandex.ru

Alla M. SHUSTOVA, PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; parinama@yandex.ru

прошли Цайдам, область Великих озер Центрального Тибета, перевалили через Трансгималаи, завершив свое более чем трехлетнее путешествие в Сиккиме.

Задачи, которые ставила перед собой рериховская экспедиция, были многоплановыми. В них входило изучение истории, культуры и религии народов Центральной Азии и Гималаев. В Ладакхе главной целью Рерихов было обследование монастырей и изучение состояния буддизма в этом гималайском регионе. По итогам экспедиции Н. К. Рерих опубликовал книгу «Алтай – Гималаи» [Рерих Н. К., 1999] и ряд очерков. Результаты исследований участвовавшего в походе старшего сына художника Ю. Н. Рериха, ставшего впоследствии известным востоковедом, были отражены в большом научном труде, первое издание которого вышло на английском языке под названием «Trails to Inmost Asia» в 1931 г. [Roerich, 1931]. На русском языке эта работа вышла в 1994 г. [Рерих, 1994] и 2012 г. [Рерих, 2012] под названием «По тропам Срединной Азии».

В объемном томе «По тропам Срединной Азии» Ю. Н. Рерих посвятил истории буддийских древностей Ладакха первую главу, там же даны и некоторые фотографии, сделанные ученым во время экспедиции. К истории развития буддизма в Ладакхе Рерих обращался и спустя много лет, посвятив ему отдельную статью «Ладакх» [Рерих Ю. Н., 1999] и ряд других статей, где описывал результаты исследований в Малом Тибете. На работы Ю. Н. Рериха я и буду опираться.

Ладакх (Ладак) со столицей в городе Лех (Ле) (*илл. 1*) входит в штат Джамму и Кашмир на севере Индии. Слово Ладакх (тиб. *la dwags*) состоит из двух частей: «ла» означает перевал, «дакх» – страна. Земли этого древнего королевства располагаются на самом западе Тибетского плато между горными системами Гималаев и Каракорума на высоте более 3000 м над уровнем моря. Поэтому Ладакх еще называют Малым Тибетом.

Илл. 1. Лех – столица Ладакха, 2017 г. (*фото автора*)

Закрытый со всех сторон горными хребтами, Ладакх с глубокой древности стал местом обитания духовных подвижников. До сих пор сохранились их уединенные пещеры, в которых не одно поколение йогинов практиковало методы духовного просветления. «Западный Тибет, – пишет Ю. Н. Рерих, – хотя и известен как место паломничества к святым местам, горе Кайлас и озеру Манасаровар, представляет собой бесплодную страну с очень редким населением. Этот район часто посещается паломниками и странствующими аскетами, ищущими в его уединении осуществления своих видений. Именно поэтому он вызывает интерес, а не в связи с созидательной и культурной деятельностью его населения. Запретный характер этой страны, величественность ее снежных гор усиливают ее религиозное значение. А то обстоятельство, что этот район почитается как святая святых сотнями тибетских паломников и тысячами индусов, борющихся с жестоким холодом, чтобы проникнуть в тайны Шивы, говорит само за себя» [Рерих Ю. Н., 1999, с. 279].

Для буддизма Ладакх стал удобным пристанищем, и он появился здесь достаточно рано. Можно предположить, что буддийские пилигримы использовали путь через Ладакх в своих путешествиях еще до нашей эры. Самое древнее культовое сооружение, Каника ступа в Занскаре, датируется II в. н. э. Буддизм приходил в Ладакх несколькими потоками, и теперь это гималайское княжество является в некотором смысле заповедным местом буддизма, где сохранилось то, что давно было утрачено сначала индийским буддизмом, потом центральноазиатским, и, в конце концов, тибетским. Для исследователя буддизма Ладакх – место значительное. Ю. Н. Рерих писал, что старая буддийская культура в Ладакхе, «вдалеке от религиозных и культурных центров собственно Тибета, ухитряется сохранить многое из его самобытности, сопротивляясь мощному культурному воздействию Китая» [Рерих Ю. Н., 1999, с. 123].

Ладакх овеян многими легендами и мифами, и некоторые из них связаны с одной из четырех священных рек Индии – Индом. Инд протекает по центральному Ладакху, в его долине располагается столица Ладакха Лех (*илл. 2*). Исток Инда находится на священной горе Кайлас, расположенной на Тибетском нагорье. Четыре склона Кайласа, по сторонам света, символизируются различными животными; северный склон, откуда вытекает Инд, принадлежит льву. Поэтому реку называют львиной рекой – Синдху (*Sindhu* – санск., *Hind* – перс.). От имени этой реки Индия и получила свое современное название.

Ладакх является условной границей между Южной и Центральной Азией. Несмотря на труднодоступность, здесь уже в древности была проложена активно используемая дорога, которая являлась частью Великого шелкового пути. Через королевство Ладакх караваны шли из Индии в Центральную Азию, преодолевая высокогорные перевалы Гималаев и Каракорума. Такой путь занимал нескольких месяцев. Далее Великий шелковый путь разветвлялся в восточном и западном направлении, достигая границ океанов: Тихого на востоке и Атлантического на западе. Кроме того, использовались пути через ладакхскую столицу Лех в тибетскую Лхасу и в направлении Читрала (современный Пакистан). Таким образом, в древнее время Лех являлся перекрестком торговых путей, крупным узловым пунктом на пути многочисленных караванов. В настоящее время эти древние пути закрыты китайской и пакистанской границами. В связи с этих Лех перестал быть крупным торгово-перевалочным центром для торговцев, и все больше превращается в туристический город.

В столицу Ладакха можно попасть двумя автодорогами (*илл. 3*). Одна из них – Шринагар–Каргил–Лех представляет собой часть древнего Шелкового пути, по которому следовала рериховская экспедиция. В 1925 г. из Кашмира в Ладакх экспедиция Рерихов передвигалась на лошадях, используя для перевозки грузов вьючных пони и хайнаков – помесь яков с коровой (*илл. 4*). Путь этот у них занял девять дней. Сейчас же дорога, местами идущая вдоль Инда, занимает два дня на автомобиле. Ю. Н. Рерих писал: «Дорога, пролегающая по долине Инда, необычайно живописна. Яркая зелень полей контрастирует с суровыми очертаниями неприступных гор» [Рерих, 1994, с. 26].

Вторая автомобильная дорога Манали[1]–Лех была построена индийскими военными в 1960–1970-х гг. Обе эти дороги пересекают высокие перевалы, поэтому они закрыты в зимний период. Да и в летний период часто бывают оползни, и транспортное сообщение может прекращаться иногда на несколько часов, а иногда и на несколько дней. В Лех можно добраться также и авиасообщением, осуществляемым только местными индийскими авиалиниями. В Лехе расположен самый высокогорный в мире аэропорт (3500 м над уровнем моря).

Илл. 2. Река Инд в Ладакхе (*фото автора*)

Илл. 3. Серпантин горных дорог в Ладакхе, 2017 г. (*фото автора*)

Илл. 4. Ю. Н. и Н. К. Рерихи в Ладакхе, 1925 г.
(фото из архива Музея Николая Рериха, Нью-Йорк, США)

[1] Штат Химачал Прадеш.

Центральноазиатская экспедиция Н. К. Рериха находилась в Ладакхе сравнительно недолго: чуть больше месяца – с 18 августа 1925 г. до 19 сентября 1925 г., хотя интерес к ладакхскому региону был большой. Экспедиция могла бы пробыть здесь и дольше, но подгоняли сроки: нужно было успеть пройти высокогорный перевал Каракорум (5654 м) до зимнего закрытия. Тем не менее помимо подготовки к дальнейшему переходу через высокогорные перевалы рериховской экспедиции удалось сделать в Ладакхе многое; акцент делался в особенности на историю и культуру буддизма.

Рерихи не были новичками в изучении буддизма. Хорошие возможности изучения традиции буддизма у них были в Сиккиме, где провели больше года, готовясь к длительной экспедиции в Центральную Азию. В Сиккиме Рерихи путешествовали по буддийским монастырям, знакомились с ламами, начали собирать предметы буддийского искусства, заказывали у местных буддийских мастеров написание тханок для своей коллекции. В семье была создана атмосфера почитания буддизма, все ее члены погрузились в изучение истории и философии учения Будды.

К началу экспедиции в 1925 г. Ю. Н. Рериху было 23 года. Незадолго до этого он завершил востоковедное образование в Сорбонне, обучался на Среднеазиатском и Тибето-Монгольском отделениях Коллеж де Франс и Школы Высших исследований, получил степень магистра индийской словесности. Магистерскую работу Рерих написал под руководством французского востоковеда профессора Поля Пеллио (1878–1945). Пеллио хорошо известен в научном мире исследованием библиотеки древних буддийских текстов, найденных им в пещерах Дуньхуана в Китайском Туркестане (пещеры Могао, провинция Ганьсу, Китай). До этого Рерих успел проучиться на индо-иранском отделении в Школе восточных языков при Лондонском университете, а затем на отделении индийской филологии в Гарвардском университете в США. В Сорбонне Рерих специализировался не только в области индологии, но и в тибетологии. Тибетский язык он изучал под руководством известного тибетолога профессора Жака Бако (1877–1966). Помимо этого он занимался китайским и монгольским языками. К началу экспедиции Юрий Рерих был разностороннее подготовлен в области востоковедных наук и имел хорошие возможности для проведения полевых исследований. Буддизмом Ю. Н. Рерих заинтересовался еще в студенческие годы, читая и переводя буддийские тексты на санскрите и пали под руководством известного индолога, знатока буддийской санскритской литературы профессора Ч. Р. Ланмана (1850–1941). В годы учебы в Париже Юрий часто посещал Лувр и Музей Гимэ, хранящие шедевры буддийского искусства.

Увлечение буддизмом для молодого исследователя послужило толчком для серьезной исследовательской работы. В Сиккиме Юрий Рерих совершенствовал свой тибетский язык, серьезно увлекся буддийским искусством. Итогом этого увлечения стала монография «Тибетская живопись», изданная в 1925 г. в Париже на английском языке [Roerich, 1925]. В книге автор систематизировал трудные для понимания сюжеты тибетской буддийской иконографии в историческом аспекте, исследовал символизм буддийского искусства. Книга «Тибетская живопись» стала вехой в развитии тибетологии и до сих пор представляет определенную ценность для исследователей.

Пребывание в Ладакхе для Юрия Рериха в деле изучения буддизма стало вторым значимым этапом после Сиккима. В Ладакхе он получил прекрасную возможность продолжить буддологические исследования, проверить себя в настоящей полевой работе. Здесь Рерих занимался историей буддизма. Основным выводом, к которому пришел молодой ученый, было заключение о важной роли ладакхского буддизма в распространении его из Индии в Центральную Азию и Тибет. Вот что он пишет: «Для истории буддизма в Тибете этот район имеет особый интерес. Известно, что индийские пандиты, принесшие учение Будды в Тибет в VII в., приходили в эту страну с запада, либо через Кашмир и Ладак, либо через долину Кулу и Лахул. Здесь, в Западных Гималаях, лежит множество священных мест

тибетского буддизма, связанных с именами первых проповедников буддийской веры в Тибете» [Рерих, 1999, с. 279].

Изучать историю буддизма в Ладакхе Ю. Н. Рерих начал с внимательного осмотра ладакхских монастырей. В своих исследованиях он опирался на работы немецкого тибетолога А. Г. Франке (1870–1930), в основном на его монографию «Древности индийского Тибета» [Francke, 1914]. А. Г. Франке был первым западным исследователем, давшим подробное описание буддийских монастырей и других священных мест Ладакха. Ю. Н. Рерих называл этого ученого брата моравской миссии в Лехе «одним из лучших знатоков западно-тибетских традиций и древностей» [Рерих, 1999, с. 36]. Вместе с экспедицией он посетил и обследовал известные буддийские монастыри: Мульбекх, Ламаюру, Алчи, Ликир, Базго, Селджанг, Спитуг, Самкар, Хемис, Тикси, монастыри Леха. Все их объединяет одна важная особенность – наличие статуи Майтрейи, причем независимо от того, к какой школе буддизма, красно- или желтошапочной, относится данный монастырь. Он пишет: «Изображения бодхисатвы Майтрейи, встречающиеся вдоль караванного пути Кашмир – Ладакх и других караванных дорог Центральной Азии, оставляют глубокое впечатление» [Рерих, 1994, с. 10].

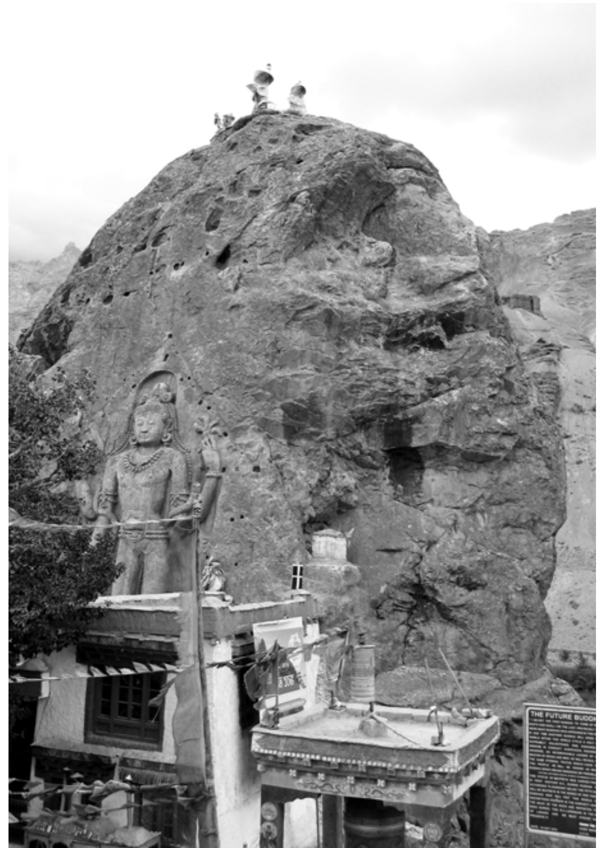
Бодхисатва Майтрейя в буддийском пантеоне занимает особое место. Майтрейя (санск. «тот, кто есть любовь») считается преемником Будды Шакьямуни, предсказавшим его приход в будущем. Майтрейя – грядущий Учитель человечества, он придет чтобы провозгласить Новую эпоху справедливости и будет учить людей истинной дхарме. Культ Майтрейи имеет древнюю традицию и был особенно развит в Западном Тибете и Центральной Азии. Ладакх – уникальный регион для исследователей культа Майтрейи. Важной особенностью в изображении Майтрейи в Ладакхе, подмеченной Ю. Н. Рерихом, являются явно угадываемые индийские черты. Древние фрески Аджанты послужили базисом для многих образов в буддизме, что привело к возникновению особой художественной традиции, длительное время существовавшей в Индии и с распространением буддизма в Западных Гималаях проникшей в Малый Тибет.

Что касается «индийского следа» в буддийском искусстве, то Ладакх не стал его конечным пунктом. Несмотря на трудность высокогорных и пустынных путей в древности, индийское буддийское искусство проникло далеко на север. Соединяясь с местными традициями, оно составило основу, ставшую неотъемлемой частью культуры Центральной Азии. В работе «Культурное единство Азии» Ю. Н. Рерих писал, что по караванным «путям проследовало искусство эпохи Гуптов, переносившее художественную традицию Аджанты в Центральную Азию и на Дальний Восток. Центральная Азия, районы Западного и Восточного Туркестана стали местом встречи индийских, иранских и китайских художественных воздействий, из которых выросло яркое и сильное искусство, на своей поздней стадии повлиявшее на искусство Тибета» [Рерих Ю. Н., 1999, с. 21].

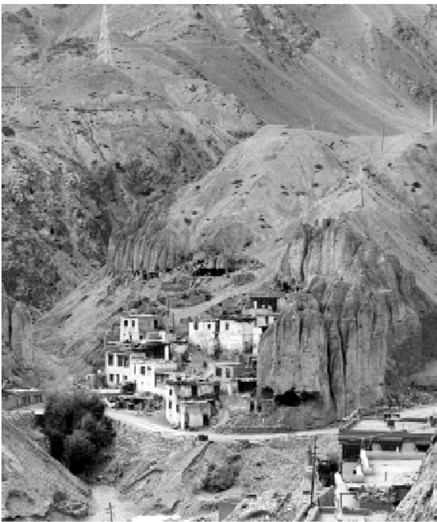
Огромное изображение Майтрейи в местечке Мульбекх близ проходящей мимо дороги, пожалуй, наиболее впечатляющее из всех обликов этого бодхисатвы, встречающихся в ладакхских монастырях. Высеченный в одиноко стоящей скале, около семи метров в высоту, одетый в одежду индийского аскета с брахманским шнуром, четырехрукий, он держит четки, цветок и священную чашу. Именно таким увидели его Рерихи, приближаясь к маленькому монастырю, расположенному у подножия скалы со статуей (*илл. 5*). Таким его имели возможность видеть на протяжении почти тысячи лет многочисленные буддийские пилигримы, которые проходили этим путем из Кашмира в Ладакх. Создание этого изображения Майтрейи относят к X–XI вв. Таким его можно увидеть и сейчас (*илл. 6*). Это важно, потому что во многих других бывших буддийскими регионах Азии лица изображений были варварски повреждены мусульманскими фанатиками. Современным путешественникам Майтрейя из Мульбекха представляется таким же величественным и овеянным преданиями, как и тысячу лет назад. И именно с этой статуи как значительной вехи начинается собственно буддийское царство Ладакха, так как позади остаются ладакхские территории, занятые мусульманским населением.

Илл. 5. Изображение Майтрейи в Мульбекхе, 1925 г. (фото из архива Музея Николая Рериха, Нью-Йорк, США)

Илл. 6. Изображение Майтрейи в Мульбекхе, 2017 г. (*фото автора*)

Илл. 7. Заброшенные пещеры в окрестностях монастыря Ламаюру, Ладакх, 2017 г. (*фото автора*)

Илл. 8. Монастырь Ламаюру, Ладакх, 1925 г. (фото из архива Музея Николая Рериха, Нью-Йорк, США)

Впечатляет, конечно, и древний монастырь Ламаюру, также расположенный недалеко от дороги, ведущей в Лех. Он стоит в окружении скал с зияющими отверстиями пещер (*илл. 7, 8*). Вот что пишет Ю. Н. Рерих: «На входе в долину открывается удивительный пейзаж: высоко на крутых песчаниковых скалах стоит живописный ламаистский монастырь Ламаюру. Чортен (ступа) и монашеские кельи ютятся в узких расселинах скал. Крутые склоны скал испещрены многочисленными пещерами, используемыми в качестве хранилищ, а иногда и в качестве жилищ местными жителями деревни. Известно, что такие пещерные

поселения существуют по всему Тибету и особенно часто встречаются в западных районах страны» [Рерих, 1994, с. 14–15].

Сам монастырь по преданию основан легендарным йогином Наропой, который провел несколько лет в медитации в пещере до основания здесь монастыря. Ламаюру в настоящее время принадлежит буддийской школе Дрикунг Кагью («Красные шапки»), и здесь также есть изображение Майтрейи. Когда-то на месте монастыря было святилище древней добуддийской религии бон, и сам монастырь Ламаюру получил название от тибетского слова гьюнг-друнг, что значит свастика, синоним религии бон. Сейчас монастырь не в лучшем состоянии. Несмотря на поновления, здесь, как нигде, ощущается пыль веков, кругом полуразрушенные монастырские помещения, а ступы на территории монастыря покрашены наспех и небрежно.

Наиболее интересным и впечатляющим из всех монастырей Ладакха мне представляется буддийский монастырь в деревне Алчи, также посещенный рериховской экспедицией. Ю. Н. Рерих оставил такую запись: «За Индом на расстоянии двух миль находится интересный монастырь Алчи, один из старейших монастырей Ладакха. Он относится к периоду Рин-чен-бзанг-по (XI в.) и в нем сохранилось много древней индийской резьбы по дереву, которая напоминает изящную резьбу средневекового Кашмира» [Рерих, 1994, с. 16]. Действительно, благодаря сухому горному климату здесь уцелела древняя деревянная резьба, украшающая порталы храмов. Неизгладимое впечатление оставляют чудесные фрески, какие трудно встретить в наше время. Удивительно тонко выписаны лица и фигуры божеств, древние краски сохранили свою яркость, несмотря на то что этот монастырь насчитывает почти тысячу лет и считается одним из древнейших монастырей Ладакха. К сожалению, в современном состоянии фрески требуют срочной реставрации. Видно, что восстанавливать утраты пытались не раз и весьма неудачно: контраст с подлинной живописью слишком бросается в глаза. В случае фресок в Алчи требуется тонкая, вдумчивая и профессиональная восстановительная работа. Фрески и резьба по дереву в Алчи (*илл. 9*) – образец средневекового кашмирского искусства, в самом Кашмире давно утраченный. В свою очередь, кашмирские мастера буддийской стенной росписи и резьбы по дереву следовали еще более древним индийским художественным традициям. В Алчи мы видим гармоничный синтез индуистских и буддийских традиций в искусстве.

В местечке Базго находится древний дворец ладакхских королей и монастырь Селджанг (*илл. 10*). В старом храме также присутствует изображение Майтрейи. Ладакхские статуи этого бодхисатвы иногда занимают два-три этажа, и посетители не могут рассмотреть сразу всю статую. В монастыре в Базго, как заметил Ю. Н. Рерих, хранится древняя королевская библиотека, и она не исследована. К буддийским текстам Рерих испытывал особое пристрастие, известно, что в его личной библиотеке находилось более сотни древних тибетских книг.

В Лехе, столице Ладакха, особое внимание привлекает королевский дворец со знаменитыми львиными воротами, расположенный на вершине выступа скалы (*илл. 11, 12*). «Дворец возвышается над городом, а дома, ютящиеся вокруг него, напоминают каменные ступени, ведущие к внушительного вида зданию, или алтарю. Говорят, что лехский дворец строился по образцу знаменитой Поталы в Лхасе, поэтому между этими двумя памятниками древнего Тибета есть некоторое сходство» [Рерих, 1994, с. 22]. Во время посещения Рерихами королевский дворец стоял в запустении, которое продолжалось потом много десятилетий. Только недавно была проведена его реставрация и он стал одним из главных туристических объектов ладакхской столицы.

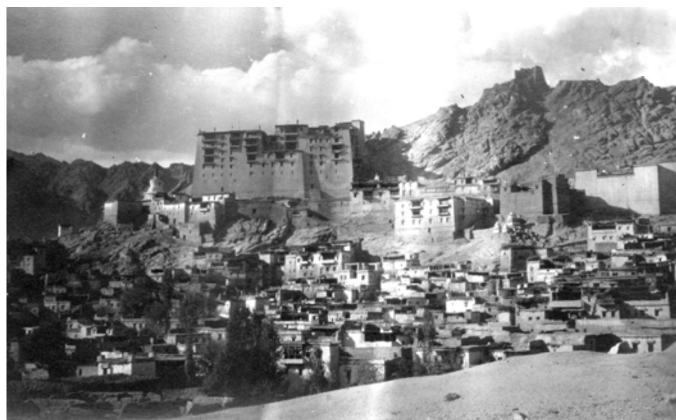
Выше дворца на скале Намгьял, что значит победа, была расположена самая древняя крепость, от которой еще до недавнего времени оставались только руины. Сейчас это строение восстановлено. На скале Намгьял также находятся храм Майтрейи и храм владыкам четырех сторон света – Дхармапалам. Отсюда открывается великолепный вид на долину Инда, на старые и новые постройки Леха.

Илл. 9. Монастырь Алчи, Ладакх, 2017 г. (*фото автора*)

Илл. 10. Монастырь в Базго, Ладакх, 1925 г. (фото из архива Музея Николая Рериха, Нью-Йорк, США)

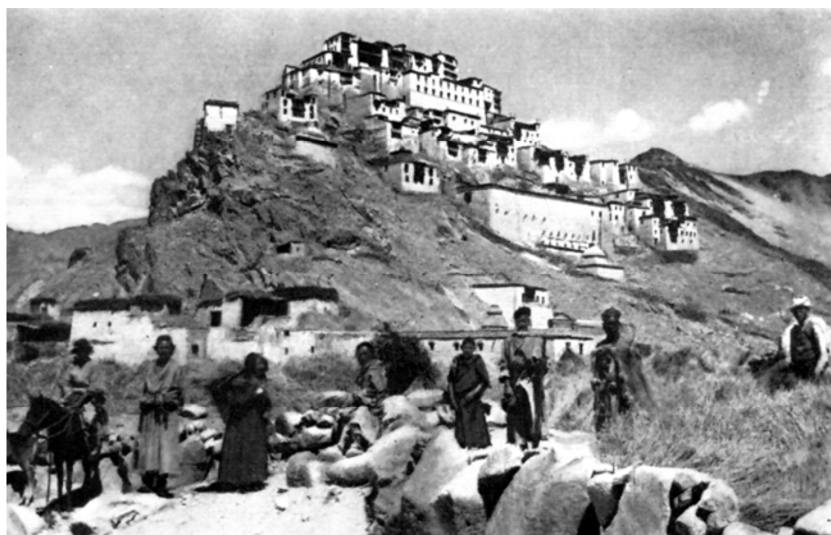
Илл. 11. Королевский дворец в Лехе, Ладакх, 1925 г. (фото из архива Музея Николая Рериха, Нью-Йорк, США)

Илл. 12. Королевский дворец в Лехе, Ладакх, 2017 г. (*фото автора*)

Следует упомянуть еще один лехский монастырь, который находится теперь в черте города, а во время пребывания Рерихов он был расположен от него на некотором расстоянии. Ю. Н. Рерих писал: «К северу от Леха расположен небольшой монастырь Зангскар, филиал монастыря Спитуг. Он построен сравнительно недавно, и в нем сохранились довольно хорошо выполненные изображения и фрески. Если пройти через квадратный дворик, вымощенный массивными каменными плитами, то попадешь в центральный храм, расположенный перед входными воротами» [Рерих, 1994, с. 24].

Монастырь, который у Рериха называется Занскаром, именуется сейчас Самкар. Он примечателен тем, что там находится резиденция Кушока Бакулы Ринпоче (1917–2003), согласно буддийской традиции, перерожденца одного из шестнадцати архатов, достигших нирваны еще при жизни Будды Шакьямуни. Родился он в Ладакхе в королевской семье. Будучи еще ребенком, он встречался с Рерихами, когда те останавливались в королевском дворце в Лехе в 1925 г. во время Центральноазиатской экспедиции.

Илл. 13. Монастырь Тикси, 1925 г.
(фото из архива Музея Николая Рериха, Нью-Йорк, США)

Илл. 14. Голова статуи Майтрейи в монастыре Тикси, 2017 г. (*фото автора*)

Пути Рерихов и Бакулы Римпоче пересеклись еще раз. Это произошло в Ленинграде. Юрий Рерих и его младший брат Святослав приложили немало усилий, чтобы ленинградский буддийский храм был возвращен буддийскому миру. Юрий обращался с такой просьбой к Н. С. Хрущеву, а в 1958 г. по поводу буддийского храма написал специальное письмо министру культуры СССР Н. А. Михайлову[2]. В 1988 г., уже после смерти Юрия, С. Н. Рерих обратился к высшему лицу в государстве М. С. Горбачеву с просьбой возвратить храм буддистам. В конце концов усилия братьев Рерихов увенчались успехом. Храм стал буддийским. И уже в 1989 г. Бакула Римпоче был тем иерархом, кто провел первую службу в буддийском храме в Ленинграде.

Бакула Ринпоче несколько раз посещал Россию, а также Монголию, восстанавливая почти утраченную в советские годы традицию тибетского буддизма. В мое посещение монастыря Самкар в его главном зале на втором этаже находилась фотовыставка, посвященная Бакуле Римпоче. Среди фотографий был портрет Н. К. Рериха в тибетской одежде, а также много фотографий пребывания Римпоче в России и Монголии. В 2005 г. произошло новое перерождение этого буддийского подвижника. И пока молодой Бакула Римпоче постигает буддийские науки в монастыре Дрепунг гоман в Южной Индии, его резиденция в Самкаре ждет своего хозяина.

Экспедиция Рерихов посетила также знаменитый своей библиотекой монастырь Хемис, деревню Шей, которая была когда-то столицей княжества Ладакх, а также монастырь Тикси (*илл. 13*), в настоящее время известный колоссальной статуей Майтрейи (*илл. 14*). Последние дни пребывания в Ладакхе Юрий Рерих был сильно занят делами снаряжения каравана, поэтому его записи о посещении этих мест оказались, к сожалению, краткими. Более полно об этих монастырях можно узнать в путевом дневнике отца Юрия – Н. К. Рериха.

Что касается современного состояния монастырей, которые посетили Рерихи, то они по-прежнему привлекают к себе внимание. Места, виденные Рерихами, во многом остаются прежними. Буддийская жизнь, давно налаженная, размеренно течет в этих монастырях веками. Древняя традиция монастырского уклада поддерживается ламами-перевоплощенцами. Внутреннее убранство храмов и монастырских двориков сохраняется без изменений долгие годы. Торжественные даты и годовые празднества, как и раньше, отмечаются красочно и торжественно. Местное население, несмотря на то что уже давно живет современными

[2] Рерих Ю. Н. *Письмо министру культуры СССР Н. А. Михайлову от 24.11.1958*. РГАЛИ. Фонд 2329, ед. хр. 861, оп. 4, с. 29–30.

интересами, во время таких праздников облачается в национальные костюмы и целыми семьями погружается в мир древних легенд и преданий.

Буддийские монастыри открыты для путешественников. Регулярно проводятся фестивали, на которых проводят костюмированные представления. Монастыри работают как мини-музеи, деловито беря плату за посещение. Раньше средства на содержание монастырей приносили многочисленные паломники, деньги давали и богатые землевладельцы, сейчас же их заменили туристы, помимо платы за посещение часто вносящие и пожертвования на содержание монастырей.

Во многих монастырях организованы специальные залы, где выставлены буддийские древности, когда-то ревниво хранившиеся в монастырских кладовых. И в таких музеях, помимо самих монастырских комплексов, есть на что посмотреть. Встречаются вещи, которые вы не найдете больше нигде, как, например, монгольский лук VII в. из монастыря Матхо. Самая богатая коллекция буддийских древностей находится в музее монастыря Хемис. Прекрасные тханки, буддийская скульптура, носящая черты искусства Гандхары, древние книги, предметы буддийского культа – все это образует неповторимую атмосферу и погружает в богатый мир тысячелетней буддийской культуры.

Литература / References

Рерих Ю. Н. *По тропам Срединной Азии*. Самара, 1994 [Rerih Iu. N. *Po tropam Sredinnoi Azii*. Samara, 1994].

Рерих Ю. Н. *По тропам Срединной Азии. Пять лет полевых исследований с Центрально-Азиатской экспедицией Рериха*. М., 2012 [Rerich Iu. N. *Po tropam Sredinnoi Azii. Piat' let polevyh issledovanii s Tsentral'no-Asiatskoi 'ekspeditsiei Reriha*. M., 2012].

Рерих Ю. Н. *Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы*. Самара, 1999 [Rerih Iu. N. *Tibet i Tsentral'naya Aяia. Stat'i, lektsii, perevody*. Samara, 1999].

Рерих Н. К. *Алтай – Гималаи*. М., 1999 [Rerih N. K. *Altai – Gimalai*. Moscow, 1999].

Roerich G. Trails to Inmost Asia: Five years of exploration with the Roerich Central Asian Expedition / Preface L. Marin. New Haven, 1931.

Roerich G. *Tibetan Painting*. Paris, 1925.

Francke A. H. *Antiquities of Indian Tibet*. Part I: *Personal Narrative. Archaeological Survey of India, New Imperial Series*. Vol. XXXVIII. Calcutta, 1914.

Архивные документы

Рерих Ю. Н. *Письмо министру культуры СССР Н. А. Михайлову от 24.11.1958*. РГАЛИ. Фонд 2329, ед. хр. 861, оп. 4, с. 29–30 [Rerih Iu. N. Pis'mo ministru kultury SSSR N. A. Mihailovu ot 24.11.1958. RGALI. F. 2329, ed. hr. 861, op. 4. Pp. 29–30].

ИНДИЙСКАЯ ОБЩИНА В СВЕТЕ ГИБРИДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. А. Куценков*

От редакции: Статья историка-индолога, организатора науки и журналиста А. А. Куценкова продолжает ряд публикаций «Вестника», посвященных дискуссионным проблемам общины. Автор анализирует применяемость мультидисциплинарных и «гибридных», холистических – в противовес редукционистским – исследований к столь неоднозначным и комплексным по сути явлениям, как сельская община в Индии, приводя обширные личные свидетельства и материалы исследований из различных релевантных областей знания.

Ключевые слова: община, сельская община, община в Индии, антропология Индии, социология Индии, холизм, редукционизм.

INDIAN COMMUNITY IN THE LIGHT OF HYBRID RESEARCH

Anatoly A. Kutsenkov

Editorial: The article by the notable historian and Indologist, editor and journalist Anatoly A. Kutsenkov extends our series of highly controversial publications about rural communities. The author analyzes the usability of multidisciplinarian and hybrid, holistic – as opposed to reductionist – research in such multifaceted and complex phenomena as rural community in India, giving personal attestations and using research materials from various relevant fields of knowledge.

Keywords: community, rural community, Indian rural community, Indian anthropology, sociology of India, holism, reductionism.

НЕМНОГО О ТЕОРИИ

Похоже, индология стоит на пороге существенных перемен. Ее ожидает завершение периода «охоты и собирательства», когда исследователь был вынужден тратить значительную часть времени на поиски первичного фактического материала. Благодаря отлаженной работы статистической службы Индии, многочисленным полевым и выборочным обследованиям, проводимым парламентскими комиссиями, университетами и общественными организациями, объем информации об этой стране вырос многократно, а наличие электронных средств передачи делает ее доступной практически в любой части света.

Другая примета времени – возрождение интереса к теоретическим обобщениям. Без них горы фактического материала превратились бы в развалы ненужных вещей. При этом быстро расширяется арсенал методов и инструментов познавательного процесса, возрастает свобода и роль личности ученого: сегодня он может пользоваться не только испытанными приемами и методами исследований, но и создавать собственные.

Эти перемены назревают давно. Случилось так, что развитие естественных и общественных наук в XVIII–XX вв. шло по пути *редукционизма*. В науке возобладал *анализ* – членение объекта изучения на части, и через познание частей происходило познание целого. Но постепенно становилось ясно, что этот путь исчерпал свои возможности. Каждый объект в природе и в обществе имеет свой предел деления. В неживой природе это электрон, атом, молекула. Они представляют часть одного и того же вещества. Но свойства каждой из этих частиц различаются решительным образом. Аналогичные объекты существуют и в обществе.

* Анатолий Акимович КУЦЕНКОВ, доктор исторических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kutsanat@gmail.com
Anatoly A. KUTSENKOV, DSc (History), PhD (Economy), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kutsanat@gmail.com

В Индии, например, такими единицами являются семья, род, племя, каста, общины самых разных конфигураций (родовая, соседская, религиозная, городская), классы и группы социально-классового типа и т. д. Будучи частями единого социума, они отличаются друг от друга качествами и свойствами. Кроме того, в мире существуют объекты (например, психическая деятельность, мышление, сознание и т. д.), которые нельзя ни разделить, ни разложить и которые ускользают от аналитических сетей редукционизма.

Поэтому вторая половина XX – начало XXI вв. были отмечены возрождением интереса мировой науки к *контрредукции* или *холизму*. Понятие холизма появилось еще во времена Аристотеля. Но снова ввел его в научный оборот южноафриканский философ и государственный деятель Я. Х. Смэтс в 1926 г. «Холизм, – писал он в статье для Британской Энциклопедии, – это теория, которая полагает существование “целостностей” главной чертой мира. Она рассматривает одушевленные и неодушевленные природные объекты как целостности, а не только как суммы элементов или частей. Она видит природу, состоящей из отдельных конкретных тел и вещей, а не как диффузный однородный континуум. Все эти тела не могут быть полностью сведены к своим частям; в той или иной степени они – целостности, которые есть что-то большее, нежели просто сумма своих частей». «Большее» или «остаток» – это дополнительное свойство целого как такового; оно обеспечивает связанность предмета и влияет (это важно! – *А. К.*) на качества отдельных его частей[1]. В широком смысле холизм представляет собой установку на изучение всех сторон рассматриваемого явления и отвергает любой односторонний подход[2].

Формирование холистической модели – процесс многоступенчатый и противоречивый. Одним из его направлений являются т. н. гибридные методы исследования. Гибридными они называются потому, что позволяют «скрещивать» разные отрасли науки и использовать одновременно методы нескольких дисциплин. Прежде такие действия назвали бы эклектикой и признали бы некорректными. Гибридный же подход преодолевает это неудобство путем особых способов междисциплинарного взаимодействия.

Гибридные исследования – новое и быстро развивающееся направление в гносеологии. Поэтому в этой области знания еще нет устоявшихся понятий и терминологии. Отсутствует согласованный набор и самих методов. Однако некоторые принципы и приемы уже получили достаточно широкое распространение.

Среди них[3]:

Мультидисциплинарность: для решения поставленной задачи соединяет методы нескольких дисциплин. В этом альянсе каждая дисциплина сохраняет свою методологическую специфику, незыблемость дисциплинарных границ и независимость («кооперация без интеракции») [Ивахненко, 2015, с. 134].

Кроссдисциплинарность: представляет собой исследование одного дисциплинарного объекта методами другого или других объектов. Так, З. Фрейд для обоснования собственных идей из области психоанализа обращался к произведениям искусства. Он писал, что психоанализ, по сути, не открывает ничего нового, он лишь пытается изложить в научной форме то, что показывала литература, начиная с древних трагиков[4].

Трансдисциплинарность, в отличие от мультидисциплинарности, предусматривает не объединение дисциплин, а их интеграцию. Доклад Американской академии науки и культуры «ARISE-2» (Advancing Research in Science and Engineering), опубликованный в 2013 г., толкует

---

[1] Ян Христиан Смэтс // *Хронос*. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/smets.php (дата обращения 12.10.2018).

[2] Холизм // *Википедия*. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Холизм&oldid=88955962 (дата обращения 10.10.2018).

[3] См.: Абанкина Т. В. *Введение в гибридные исследования: (hybrid/mixed studies). Презентация для методологического семинара программы МИГО. Виды дисциплинарного взаимодействия*. URL: http://rpp.nashaucheba.ru/ (дата обращения 10.10.2018).

[4] Зимин В. А. Функция трансгрессии (Проблема нарушения границ между полами и поколениями на материале фильма П. Альмодовара «Всё о моей матери») // *Флогистон*. URL: http://flogiston.ru/articles/therapy/transgression_almodovar (дата обращения 12.10.2018).

трансдисциплинарность как «функциональный *синтез* методологий», «заимствование» техник и методов из других областей науки, создание на их основе *совершенно новых исследовательских концепций*. Открываемые трансдисциплинарностью горизонты – подлинно новые. Они не являются очевидным и единственным следствием, линейно «вытекающим» из предшествующего состояния[5].

На основе этих и других базовых взаимодействий создаются рабочие теоретико-методологические комплексы, которые известны как *повороты*, *развороты*, *подходы*, *парадигмы* и т. д., и т. п. Эти комплексы могут иметь временный характер, но могут закрепляться на длительный период[6].

Другая община

Негативное влияние редукционизма испытала на себе и индология. Это относится, прежде всего, к исследованиям индийской крестьянской общины. Она попала в поле зрения ученых около двух столетий назад. И с тех пор каждое поколение исследователей выносило ей смертные приговоры. И чем, казалось бы, был ближе ее очередной конец, тем назойливее она проявляла себя в жизни общества. Поэтому и сегодня перед исследователем стоят во многом все те же вопросы, что и пятьдесят, и сто лет назад.

В чем причины этого явления?

Одна из них связана с упрощенным представлением европейской науки об индийской общине как аналоге общины европейских народов. Из этого следовал поспешный вывод, что индийская община, как и община европейская, не выдержав натиск капитализма, тихо и безропотно отойдет в прошлое. Однако при более внимательном рассмотрении выяснялось, что индийская община не является копией общины европейской, что ее эволюция подчиняется другим закономерностям и приводит к иным результатам.

Главный объединяющий признак обеих общин ученые видели в их соседском характере. Если в отношении европейской общины это утверждение не вызывает сомнения, то прежде чем сказать это про индийскую общину, нужно серьезно подумать. Соседской является только внешняя ее оболочка. Но ее базой, начинкой, ее «душой» являются общины родового типа, как в их естественном (семья, род, каста), так и в превращенном виде (группы соседства, религиозные, этно-культурные и другие сообщества). Последние, члены которых, не состоя в кровном родстве, придерживаются правил эндогамии-экзогамии, т. е. ведут себя подобно общинам родового типа. В свое время я назвал их группами *фиктивного родства*.

Европейская наука исходила из того, что длительное сожительство в рамках единого социума общин родовых и соседских невозможно из-за разности природы их статусов. Но немецкий социолог Фердинанд Тённис (Ferdinand Tönnies; 1855–1936) устранил это недоразумение. Он доказал не только их практическую, но и теоретическую совместимость. «Общинные» (Gemeinschaft) и «социальные» (Gesellschaft) связи, считал он, обусловлены наличием у людей двух типов воли: «сущностной» (Wesenwille) и «избирательной» (Kurwille). «Сущностная» воля представляет собой волю общества как целостного «тела»; она преимущественно иррациональна и внеиндивидуальна. «Избирательной» же Тённис называет суверенную волю отдельного индивида. Человеку в любом обществе, считает Ф. Тённис, присущи оба типа воли; и оба они находят выражение в его социальном поведении.

---

[5] Абанкина Т. В. *Введение в гибридные исследования: (hybrid/mixed studies). Презентация для методологического семинара программы МИГО. Виды дисциплинарного взаимодействия.* URL: http://rpp.nashaucheba.ru/ (дата обращения 10.10.2018).

[6] Любопытные примеры использования таких комплексов можно видеть в публикациях в рамках проекта «Под небом Южной Азии» (ПНЮА) проводимого Центром индийских исследований ИВ РАН. В каждый том проекта положен определенный теоретико-методологический комплекс (для «Портрета и скульптуры» – теория визуальности, Visual Studies; для «Движения и пространства» – мобильный поворот / парадигма мобильности, Road Studies; для «Территории и принадлежности» – «пространственный поворот», исследования территории и территориальности, Spatial/Territorial Studies). См.: [Глушкова, Прокофьева, 2014; Глушкова, Сидорова, 2015; Глушкова, Бочковская, 2016; Глушкова, Ванина, 2017].

«Сущностная» воля является фундаментом «общинных» связей, включающих родственные отношения, отношения соседства, дружбы; эмоциональной привязанности и спонтанности. «Избирательная» воля создает иной тип социальных связей и иной тип социального образования – «общество». Мир «общества», формируемый множеством «избирательных» воль, – это мир несовпадающих интересов, противоречий, противостояния, торга и рационального выбора. В фундаменте этого мира лежит принцип индивидуализма [Николаев, 1979].

Ф. Тённис трактует понятия «общины» и «общества» в качестве двух полюсов континуума, в котором можно разместить любое из существующих социальных образований. Он считал, что в каждом конкретном социуме в той или иной пропорции присутствуют оба типа социальных связей. Общество постепенно возникает и развивается на базе общины: «непосредственная (наивная) деятельность переходит в рефлектирующую, а последняя развивается в более сознательный выбор средств и, таким образом, ведет к более резкому различению целей, и, в конце концов, даже к противоположению средств целям». «Общественные» социальные связи имеют тенденцию к вытеснению «общинных»: социальный мир исторически, по мере развития торговли и денежного обращения, промышленности, городов и науки, становится все более и более рациональным [Николаев, 1979]. Одновременно падает значения родовой связи и общинных организаций.

Но в Индии этого не случилось. В отличие от Европы, в Индии сохранились оба типа связи и оба типа общины. В отличие от Европы, в Индии соседская связь не вытеснила связь родовую; скорее, родовая связь «подмяла» под себя связь соседскую. Возможно ли такое в принципе? Почему нет? Нечто похожее русские философы-славянофилы наблюдали в русской деревне. Изучая терминологию российских крестьян, сохранивших наиболее полно обычаи, нравы древних славян, К. Д. Кавелин писал о том, что все отношения они понимают под формами родства. Так, «помещика крестьяне называют отцом, себя – его детьми. Младшие называют старших дядями, дедами, тетками, равные – братьями, сестрами. И эта терминология, как отмечает исследователь, не была введена насильственно, она сложилась естественным образом в стародавние времена, как и остальные особенности русского народа» [Антонов, 2013, с. 7–14].

Другой славянофил Ю. Ф. Самарин раскрыл механику этого процесса: «Семейство и род представляют вид общежития, основанный на единстве кровном; – писал он, – город с его областью – другой вид, основанный на единстве областном и позднее епархиальном; наконец, единая, обнимающая всю Россию государственная община – последний вид, выражение земского и церковного единства. *Все эти формы различны между собою, но они суть только формы, моменты постепенного расширения одного общинного начала*, одного [желания] жить вместе в согласии и любви, [желания] осознанного каждым членом общины как верховный закон, обязательный для всех и носящий свое оправдание в самом себе, а не в личном произволении каждого. Таков общинный быт в существе его (курсив мой – *А. К.*)» [Антонов, 2013, с. 7–14].

В отличие от Ф. Тённиса, который видел в смене форм связи механический процесс *вытеснения*, Ю. Ф. Самарин давал ему более глубокое толкование – как процесса *превращения*. Именно диалектика превращения в состоянии объяснить, каким образом общество дробной общинной идентичности становится обществом идентичности общенациональной, а идеология коммунализма отступает под натиском национализма.

В пользу такого превращения работает еще один очень важный фактор, а именно – общественное согласие по коренным вопросам мироустройства, жизни и смерти. Когда пишут об Индии, то не устают повторять о ее природном, климатическом, этно-культурном, религиозном и т. д. разнообразии. И меньше пишут об ее единстве. Но в главном-то: в жизненном целеполагании – Индия едина! «Индуизм, будучи религией большинства населения, оказывает неодолимое влияние на умы индийцев. Его следует рассматривать как единственный самый важный объединяющий фактор. Индуизм в Индии сформировал

отношение к жизни и образ мышления, который разделяют и члены других религий <….> Религиозная концепция Кармы, перерождения, рая и ада, Мокши, Нирваны, бессмертия души, монотеизма и т. д. приняты всей страной. Святые, сказители и богомольцы всегда славили это единство религий»[7].

И это еще не все. В системе *варнашрамы* родовое начало не только имеет всеобщее признание. Оно отличается особой проникновенностью и доминирует над всеми другими ценностями. И сверх того – оно связано с понятием соседства, т.е. территории. «Понятия Мать и Родина-Мать в Индии слились воедино и составляют ее существо». Это основа основ ее культуры. Родине в образе Матери поклоняются люди в течение многих веков. Дороже, святее, выше матери в мире нет ничего»[8]. В Индии нет и выше авторитета, который отстаивает эту истину. Она записана на страницах священного текста Рамаяны Балмики. А ее пропагандистом выступает сам Бог Рама! Напомним этот сюжет. Когда Рама убил демона Равана, он рекомендовал Лакшману не задерживаться на острове Ланка, а поспешить на родину, потому что (так учит Бог Рама!) «Мать и Родина выше всего на свете, *превыше всех богов, вместе взятых* (букв. *выше неба* – курсив мой – *А. К.*)»[9].

В Индии, как и в России, многие отношения люди воспринимают как родственные. Подростки называют старших «дядями» и «тетями». Взрослые обращаются друг к другу на улице со словами «*аре, бхаи!*» (послушай, брат!). В стране в ходу такие понятия, как *брат/сестра по деревне, общине, религии и т. д.* По всей Индии периодически проводятся разные обряды, символизирующие сакральное родство членов соседской общины, т. е. временную отмену статусов. В Карнатаке, например, существует обычай провозить по деревне храмовую повозку с изваяниями богов. В процессии должны участвовать представители всех проживающих в деревне каст. Вместе с брахманом повозку тянет/толкает *кумбхар*, *далит*, *адиваси*. Существует поверье, что если деревня не предстанет как единое целое, то повозка не сдвинется с места, а жителей ждут тяжелые испытания.

Однако, как было отмечено выше, в Индии родовая связь подчинить себе до конца связь территориальную (соседскую) не смогла. Соседская связь сохраняет роль объединяющей: она стягивает вместе общины родового типа. Но она не стала и сущностной: ей оказалась не по силам заменить связь родовую, очистить ее от ритуального статуса и сделать членов родовых общин равными. От того, что касты и другие формирования родового типа входят в состав соседской общины, их внутренние связи тоже не стали слабее. Не стали более проницаемыми и границы между ними. Противоестественное для Европы и обычное для Индии «двоевластие» сохраняется в течение многих столетий. Почему?

Думается, что ответы и на эти вопросы можно поискать в области традиционной идеологии Индии. Первое, что приходит на ум – это многозначное и очень противоречивое понятие кармы-дхармы. А. Безант так характеризовала его значение для страны: «Когда нации одна за другой были посланы на землю, каждой из них Бог дал специальное Слово, или Весть, которую она должна принести в мир и сообщить это, исключительно ей свойственное Слово… А Индии, самой старшей из Его детей, он дал Слово, которое *объединяет все в одно целое* – дхарму. Это и есть Слово Индии, которое она принесла в дар миру (курсив мой – *А. К.*)»[10]. В данном случае дхарма выступает как *великая объединительная сила*. Она объединяет непорочные души в единое дхармическое братство, освобождает их от своего контроля и отпускает их в мир вечного блаженства. Но одновременно дхарма является и *силой*

---

[7] Hays J. People and Life. Indian Character, Customs, People, Society // *Facts and Details*. URL: http://factsanddetails.com/india/People_and_Life/sub7_3c/ (дата обращения 12.10.2018).

[8] Anand. *15 Fundamental Characteristics of Indian Culture*. URL: http://www.yourarticlelibrary.com/culture/15-fundamental-characteristics-of-indian-culture/47129 (дата обращения 12.10.2018).

[9] Anand. *15 Fundamental Characteristics of Indian Culture*. URL: http://www.yourarticlelibrary.com/culture/15-fundamental-characteristics-of-indian-culture/47129 (дата обращения 12.10.2018).

[10] Безант А. Дхарма. Три лекции, прочитанные А. Безант в октябре 1898 г. в Бенаресе на восьмом ежегодном съезде индусской секции Теософического общества // *Theosophy.ru*. URL: http://www.theosophy.ru/lib/abdharma.htm (дата обращения 12.10.2018).

разъединительной. В изложении той же А. Безант дхарма служит мерой духовного развития души, а она, в свою очередь, определяет земной статус человека. У каждого человека своя дхарма. Для того, чтобы душа могла сделать еще один шаг к совершенству, дхарма посылает ее на землю в форме предмета, существа и т. д. «Единственная цель тела состоит в том, чтобы дать возможность находящейся внутри ее жизни развиваться. С того момента, когда она научилась всему, что это тело могло дать ей, пусть оно погибнет и освободит душу, которая возьмет новое тело, которое даст ей возможность проявить более высокие силы»[11]. А это значит, что братья *в дхарме* (на небе, в космосе) не могут стать братьями в миру (на земле), а община соседская не может стать общиной родовой, т. е. сообществом равных.

Заинтересовавшись индийской общиной, европейская наука увидела только одну сторону ее жизнедеятельности – экономическую. Община представлялась как система ручного производства и натурального обмена. Как только обмен стал принимать денежное выражение, многие ученые объявили и конец *джаджмани*, и конец общине, на этот раз уже окончательный. Но экономическое взаимодействие – только одна из многочисленных функций общины. Одновременно община служит шкалой и детерминантом социальной стратификации, блюстительницей закона и порядка, регулятором брачных и семейных отношений, органом управления и т. д. В каждый конкретный момент бывают задействованы не все функции общины. Общинная жизнь разворачивается в полном объеме только в периоды храмовых и общинных праздников, семейных торжеств, связанных с рождением детей, их взрослением, свадьбами и т. д., в которых обычно участвует все касты общины. В эти дни в деревню съезжаются люди, которые давно сменили место жительства. На это время возрождается производство ритуальных изделий – посуды, светильников, браслетов, бус и т. д.; возрождается спрос на ритуальные услуги брахманов, парикмахеров, кузнецов, ткачей, курьеров, прачек, свиперов, музыкантов, танцоров и т. д. Заканчиваются чрезвычайные события, продолжается повседневная жизнь общины. Органически не все ее функции связаны между собой в одинаковой степени. Даже прекращение общинного производства не ведет к распаду общины – остается еще множество функций/связей, каждая из которых в состоянии взять на себя роль объединительной силы.

Община и общинность

В том, что атрибуты общинной обыденности проявляются в жизни действующих общин, нет ничего удивительного. Но замечено, что многие черты общинной жизни сохраняются там, где физически сама община давно прекратила существование, а подчас и там, где ее никогда не было, например, у индийской диаспоры в Англии, США и т. д. Строго говоря, у явления, о котором идет речь, нет «тела», нет материального воплощения. Нет границ. У него нет даже общепринятого названия. Но это нечто – вполне ощутимая реальность. Оно неразрывно связано с историей страны, заполняет все межклеточные пространства ее современных структур и отношений. Оно составляет важный элемент сознания, психологии и общественного поведения людей. Создается впечатление, что оно входит даже в состав воздуха, которым дышат индийцы. Его можно толковать и как инстинктивную реакцию, душевный порыв и сознательный выбор; и как моральный долг и общественное принуждение.

Содержанию этого феномена больше всего подходит термин *общинность.* В Индии под это понятие подпадают как минимум две аналитические разновидности этого явления. Общинность первого рода является свойством макроструктуры. Это то, что, по мнению *холистов*, осталось бы от общества, если бы из него вычли его слагаемые. Оно гомогенно, целостно и неделимо. Оно заключает в себе смысл, который вкладывали в него философы-славянофилы. Это феномен, который по мысли Ю. Ф. Самарина «расширяясь», «обнимает» и

[11] Безант А. Дхарма. Три лекции, прочитанные А. Безант в октябре 1898 г. в Бенаресе на восьмом ежегодном съезде индусской секции Теософического общества // *Theosophy.ru.* URL: http://www.theosophy.ru/lib/abdharma.htm (дата обращения 12.10.2018).

поглощает все другие идентичности и соединяет общество. Или, говоря словами Я. Х. Смэтса, обеспечивает связанность предмета. Или, используя терминологию, принятую автором данной статьи в других работах, преодолевает структурный дуализм индийского социума. Его конечными результатами являются общество как продукт «расширения *одного общинного начала*» и общенародный национализм. Общинность второго рода есть свойство микроструктуры, конкретных общинных групп – родовых, племенных, кастовых, религиозных и т. д. Эта общинность гетерогенная, дробная; она разъединяет людей. Ее конечными продуктами являются мизантропия, коммунализм, насилие [Куценков, 2004]. Вопрос о том, какая взаимосвязь существует между этими двумя разновидностями общинности и существует ли она вообще – тема самостоятельных исследований. Но ясно одно – это силы-антагонисты. Поэтому не всегда просто бывает их идентифицировать и еще сложнее «вычислить» результат их взаимодействия.

Конкретный пример. Обычно сближение социальных позиций разных социальных групп сопровождается усилением их общения. Так происходит и в Индии, но не всегда. Об одном таком случае рассказывает Суприя Сингх. В связи с расширением города Лакхнау, пишет он, цена на землю в окрестных деревнях увеличилась многократно. Крестьяне, продав свои участки втридорога, на вырученные деньги покупают подальше от города земли намного больше, чем у них было. В мгновение ока они превращаются в зажиточных фермеров. Меняется их образ жизни. Растут расходы на престижные цели. Они переселяются в просторные дома, обзаводятся предметами длительного пользования – холодильниками, кондиционерами и даже легковыми автомашинами. Но в итоге они стали меньше общаться между собой, а касты стали еще более замкнутыми [Singh, 2017].

В целом, общинность в Индии – не пережиток прошлого, и тем более, не недоросль, отставший в развитии от своих исторических сверстников. Это материальная, социальная и духовная основа когда-то цветущей цивилизации. Она еще не исчерпала своего потенциала. Сегодня она служит средством сохранения и передачи традиции, играет роль связующего звена между прошлым и будущим. Она соединяет макроструктуры с микроструктурами (общество, община, семья); макроуровни с микроуровнями (общество-личность). Общинность можно рассматривать и как коммуникативное пространство со своим языком, знаками, символами, которые обеспечивают взаимопонимание между частями и членами общества [Кондратьева, Кирьянова, 2009]. Общинность искажает социальные противоречия, Она смазывает их социально-классовую определенность, создает несоразмерность причин и следствий [Куценков, 2017, с. 72].

Принадлежность к определенной группе традиционного типа и сегодня связана с официальными, а больше с не официальными правами, привилегиями и обязанностями. Общинность обеспечивает преемственность структур традиционного и буржуазного общества, задает стартовые условия для образования современных классов и социальных групп. Она предоставляет и организационную форму для перехода от общества общинного к социальному. Имеется в виду *класта,* структура гибридная, сочетающая в себе черты общины и класса [Куценков, 2017, с. 67–68]. Наконец, она служила и служит универсальным средством идентификации. В докапиталистическом (патриархальном) обществе было достаточно назвать имя человека, чтобы узнать его касту, религию, наследственную профессию или занятие, район расселения и даже язык, на котором он говорит. С развитием капиталистических отношений формируется идентичность социально-классовая. Сначала она воспринимается как дополнение доминирующей родственно-общинной идентичности. Но в дальнейшем она отрывается от нее и превращается в параллельную систему. Поэтому развитие капиталистических отношений в Индии на современном этапе пока сопровождается укреплением идентичности обоего рода – и родственно-общинного и социально-классового.

Если подходить к общинности с обычными мерками, то следует признать, что в деле социально-экономическом развитии страны она играет негативную роль. Сокращая число

возможных кандидатов для брака, общинно-кастовая эндогамия мешает концентрации и централизации капиталов. Для Индии это серьезный ограничитель, поскольку бизнес в Индии имеет семейную основу. Общинность создает препятствия и для социальной мобильности. Ее массовой формой в индийском обществе остается «малоподвижная» групповая мобильность в ущерб индивидуальной[12]. Однако высокие темпы роста экономики Индии за последние десятилетия, многократное увеличение численности и благосостояния среднего класса позволяют усомниться в том, что успешное социально-экономическое развитие возможно только на путях индивидуального предпринимательства. Община как кооперация трудящихся индивидов является самостоятельной производительной силой [Маркс, Энгельс, 1968, с. 485]. Скорее всего, в условиях современной Индии своего последнего слова эта сила еще не сказала.

Общинность и национальный характер

Между обществом и тем явлением, которое мы называем общинностью, существует сложная система зависимости. С одной стороны, общество, человек – его инстинкты, традиции, культура и т. д. являются главными носителями и хранителями общинности. С другой стороны, именно общинность играет основную роль в формировании национального характера индийца.

Отличительными чертами этого характера, на мой взгляд, являются *коллективизм, статусная озабоченность и живой рефлексирующий ум*. Коллективизм – синоним общинности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что авторы, как индийские, так и зарубежные, считают его доминирующей чертой индийского характера. И ставят на этом точку. Но ставить здесь точку рано. Общинность накладывает отпечаток и на характер индийского коллективизма.

Коллективизм не является исключительной монополией характера индийца. Его различные формы известны и на Западе. Но коллективизм западного человека вторичен. Это результат его свободного выбора. В любой момент он может выйти из этого коллектива, вернуться в своей «естественный» индивидуализм, или стать членом другого коллектива. В его жизни коллективизм играет второстепенную роль. Коллективизм индийца естественен, первичен. Как член родовой общины он уже рождается коллективистом. Он никогда не думает о себе в терминах «я»[13]. С раннего детства до окончания его жизни чувство слитности с коллективом только усиливается. Это дорога жизни. С нее нельзя свернуть. Сначала потому, что коллектив родственников – единственная референтная группа; других групп, поведение которых можно было бы копировать, ребенок не знает. В мире взрослых коллективизм служит жизненно необходимым средством защиты прав, привилегий и достоинства индивидуума и группы.

Коллективизм – главное условие успеха в жизни индийца. Любой человек может чего-то добиться, только продвигаясь вперед вместе с группой и помогая группе продвигаться вперед[14]. До того, как он начнет восхождение по социальной лестнице, он должен поднять статус своего клана, касты, общины. Закон этот незыблем и жесток. Были случаи физической расправы над «уклонистами». Но и соискателю карьеры коллективизм дает права общинного или «соборного» человека – по крайней мере, знать, о чем думают собратья по коллективу, что они делают и что собираются делать. По мнению Дипака Мехты, эта склонность «совать

[12] Clark G., Landes D. Z. *Caste versus Class: Social Mobility in India, 1860–2012*. URL: http://faculty.econ.ucdavis.edu/faculty/gclark/papers/India2012.pdf (дата обращения 12.10.2018).

[13] Punamiya A. The shifting social dynamics in modern India // *Cross-Culture. Cross-cultural analyses of current affairs and everyday events urrent affairs and everyday events*. 4.04.2012. URL: http://blog.crossculture.com/crossculture/2012/04/the-shifting-social-dynamics-in-modern-india.html (дата обращения 12.10.2018).

[14] Nath J. K., Nayar V. R. Demographics and a Historical Perspective // *India (Bharat)*. URL: http://www.sexarchive.info/IES/india.html#0 (дата обращения 10.10.2018).

нос не в свои дела» является «самой отвратительной чертой индийского характера»[15]. Западный коллективизм ассоциируется с равенством. Индийский коллективизм, напротив, густо замешан на неравенстве. В индийских социальных структурах, начиная с семьи и кончая государством, власть руководителя всегда несоизмеримо выше, чем власть руководимых.

Коллективизм индийцев проявляется и в склонности к совместному времяпровождению. Индийцы вообще «легки на подъем». Собрать митинг или организовать шествие в Индии не составляет большого труда. Индийцы всегда готовы участвовать в любых массовых акциях – *ятрах*, богослужениях, выборах и т. д. В периоды досуга за бесконечными чашками чая они любят поспорить, посудачить, посплетничать. Считают, что им приятен сам процесс говорения. Частично, в этом проявляется влияние традиции. До того, как древние произведения были записаны, их передавали из поколения в поколение в устной форме. Но традиционно звук слова значил больше, чем его значение. Считается и сегодня, что некоторые звуки, особенно, если их произносить коллективно, обладают духоподъемными и магическими качествами.

Что касается темы беседы, то она не имеет значения. Темой могут быть погода, фильмы, пища, новости. Индийцы «домоседы». Их, прежде всего, интересуют положение дел в местах проживания – в общине, деревне, мохалля, дистрикте. Меньше интересует состояние дел в стране в целом. Одна из любимых тем коллективных посиделок – критика власти. Больше всего достается центру за растущие цены на продукты, на воду, на электроэнергию. Индийцы не прочь позлословить и над государственными служащими за их продажность, честолюбие, любовь к титулам и высокопарным выражениям. Негативное отношение к бюрократии сегодня захватило даже часть служащих государственного аппарата. Один крупный индийский государственный деятель характеризовал большинство своих коллег как «трусливую, консервативную и бегущую от принятия решений массу. Это люди, больные менталитетом *бабу*»[16].

Многих поражает безжалостная едкость шаржей и карикатур на ведущих государственных деятелей страны, резкость и прямота, с которыми индийские СМИ высказывают свои претензии к власти. В единодушии, с которым гражданское общество отдается этому занятию, отражается, конечно, недовольство ее качеством. Но в нем содержится немало и от общинного принципа – «делай как все». Склонность к голосованию вместе со своей общиной (*блоком*) – общепризнанная черта политического поведения индийцев, хотя сами индийцы и не всегда осознают это обстоятельство[17].

Коллективизм для индийцев – это ни с чем несравнимое удовольствие чувства локтя. Оно придает им силу, смелость, делает их снисходительными и добрыми. Массовые мероприятия обычно проходят спокойно, весело, с танцами и представлениями. Но в случае неподобающих действий власти мирные ряды участников акций в мгновение ока превращаются в разъяренную толпу, сметающую все на своем пути.

Характер индийца лучше всего раскрывает его поведение среди «своих» и «чужих». «Нам хорошо самим с собой. Тогда нас не тревожат ни мелочи жизни, ни фрейдистское чувство вины»,– говорят о себе они сами[18]. «Свои» – это люди, связанные кровным родством, члены родовой общины – семьи, клана, джати, родственников по материнской и по отцовской линиям и т. д. В этом ряду институтов главное место занимает семья. Она для индийца священна. Это родной дом, школа жизни, неприступная крепость, визитная

[15] Hays J. People and Life. Indian Character, Customs, People, Society // *Facts and Details*. URL: http://factsanddetails.com/india/People_and_Life/sub7_3c/ (дата обращения 12.10.2018).
[16] Hays J. People and Life. Indian Character, Customs, People, Society // *Facts and Details*. URL: http://factsanddetails.com/india/People_and_Life/sub7_3c/ (дата обращения 12.10.2018).
[17] Sury K. C. *Patterns of electoral support and party leadership in India: Some Observations based on empirical research. Paper prepared for presentation at the International Conference on Election Systems and Electoral Politics, Bangalore, 2–3 November 2006*. URL: http://www.cses.org/plancom/2006Bangalore/Suri2006.pdf (дата обращения 12.10.2018).
[18] Hays J. People and Life. Indian Character, Customs, People, Society // *Facts and Details*. URL: http://factsanddetails.com/india/People_and_Life/sub7_3c/ (дата обращения 12.10.2018).

карточка, общественное положение, профсоюз, пенсионный фонд, инвалидный дом, похоронное бюро. Одним словом, все, что имеет значение для устройства личной жизни, для жизни в обществе, для продвижения по службе и общественно-политической лестнице. С семьей его связывают воспоминания о безмятежном детстве, о всеобщей любви и теплоте отчего дома. В семью он стремится вернуться при первой возможности. Об индийских студентах, обучающихся в США, говорят, что во время каникул, когда их сверстники из других стран устремляются во Флориду и на Багамские острова, индийцы пускаются в утомительный путь домой к родным в Индию.

В традиционной индийской семье большую роль в воспитании детей играет старшие поколения – дедушки и бабушки. Этот контингент семейного населения отличается повышенной сентиментальностью и консерватизмом. Считают, что потчуя детей историями о «птичках и пчелках и избегая слово секс», навязывая им любовь к мыльным операм, они искусственно закрепляют у них черты инфантилизма. Не приходится удивляться и тому, что выходцы из индийских «хороших семей» смотрят на многие явления в обществе глазами стариков [Dilip, 2005, p. 92–96].

Из сказок и легенд старших дети усваивают традиционные представления о мироустройстве, о ритуальном статусе семьи, о правилах и этикете межкастового общения. В семье же ребенок постигает и азы иерархии. Сам он приучается к безынициативности и повиновению. Усваивает он и обыденность домашнего насилия, которому часто подвергаются пришедшие со стороны жены мужской части семьи. Религия и предрассудки в индийской семье соседствуют. В каждом доме имеется алтарь для богов, регулярно совершаются *пуджи*. Но велика и власть предрассудков. Имеет значение все – поведение животных и птиц, внешний вид встречных мужчин и женщин. Стрижка ногтей и волос допускается только по определенным дням недели и т. д.

Для индийца его семья безгрешна. Он прощает ей то, чего не может простить другим. На семейный коллектив он делает ставку в своей публичной карьере. О пользе этому коллективу он думает в первую очередь, когда представляется возможность оказания помощи. Ради этого он идет на все.

Прежде семья обладала монополией на воспитание молодого поколения. Однако сегодня в этот процесс вмешивается школа, государство, гражданское общество. Благодаря им в сознание юного индийца раздваивается. В него закладывается основа для последующих кризисов и рефлексий – представления о многомерности окружающего социального пространства, о множественности стандартов и решающей роли случая.

Жизнь взрослого человека «на людях» насыщена скрытыми угрозами. Главная опасность грозит статусу. В обыденной жизни статус – это некая средняя из показателей ранга человека и его группы в разных системах иерархии. Поэтому не существует единого средства его повышения и защиты. Статус имеет сакральную и светскую составляющие. Сакральная часть выражает место на шкале чистоты-осквернения. Это результат усилий многих поколений предков, это главное наследство, которое передается потомкам. Светскую часть представляет положение в обществе, которое формируется под влиянием богатства, образования, профессии и т. д. Положение на шкале чистоты-осквернения должно соответствовать положению в миру, и наоборот. Дхармический долг человека – оберегать и повышать свой статус – вести праведную жизнь, предписанную кастой, и заботиться о престиже и уважении в обществе. В этом же заинтересована и его община. В случае забывчивости она напомнит ему об этом самым болезненным образом.

Чтобы защитить статус от деградации, жизнь индийца в обществе ритуализирована до предела. Его поведение подчиняется десяткам правил – как избегать оскверняющих субстанций и предметов, как вести себя со знакомыми и незнакомыми, с человеком равного, более высокого или более низкого ранга. Существует множество, запретов, рекомендаций и правил, касающихся сексуальных и личных отношений, физических контактов, этикета, приема воды и пищи, посуды и т. д. Равенство статусов – ситуация достаточно условная.

Касты одной варны и даже семьи одной джати часто не считают себя таковыми. Поэтому статусная озабоченность – постоянное состояние многих индийцев. Вероятно, поэтому, иностранцу в Индии легче чем индийцу обрести друга среди индийцев. Для индийца имеет значение место, которое человек занимает в системе кастовой, а теперь уже имущественной и властной иерархии, как он ведет себя с равными себе или теми, кто выше или ниже его. В вопросах этикета рядовой индиец искушен и озабочен не меньше руководителя протокольного отдела МИДа!

Чтобы не допустить ущерба статусу, индиец должен все время видеть себя со стороны. Попадая в любой коллектив, он должен осознавать свое место, грамотно строить свое поведение. Поскольку состав окружения часто меняется, он должен быть готов и к этому. Даже тренированному индийскому сознанию бывает трудно справиться с психологическими нагрузками, которые обрушивает на него современная жизнь. Некоторые выходцы из глухих деревень или отсталых племен переживают острейший кризис идентичности, который проявляется в отклоняющемся поведении – в преступлениях против собственности, власти, личности и т. д. Другие занимают положение стороннего наблюдателя, реагируют на окружающее с позиции «*чалта гей*» (*бывает*…), полагая, что «более серьезное отношение влечет за собой только неприятности»[19].

Для большинства же индийских граждан общинность – это привычная среда для воспитания живого, ироничного, рефлексирующего ума, гибкой и адаптивной нервной системы. Именно в Индии, чаще чем в любой другой стране, можно встретить интеллигента самой высокой пробы. Именно в Индии можно услышать самооценки без залихватского самовосхваления и слезливого самоуничижения[20]. Индийцы самыми негативными сторонами своего характера считают ненадежность и безответственность. Рама Рао Гаримелла (Rama Rao Garimella) писал: «Не будет преувеличением сказать, что в Индии ничего не совершается вовремя (кроме свадьбы, поскольку звезды могут разгневаться и разрушить все по своей инициативе). И организаторы и участники следуют правилу винить в этом друг друга. Организаторы думают, что начав мероприятие в срок, они поставят в затруднительное положение многих людей, которые привыкли опаздывать. Гости думают, что мероприятие все равно не начнется вовремя, и прийти вовремя – это просто потерять время»[21].

Суреш Гхош в числе характерных черт индийского характера называет *джугааду* (Jugaadu). В данном случае *джугаад* переводится как «сойдет». Если в Индии что-то делается не так, как следует, то это “Jugaad”. Если что-то закрепили, закрутили, запаяли небрежно, кое-как, на время, то это Jugaad. Вообще, все, на чем лежит печать спешки, халтуры – все это Jugaad. Суреш Гхош считает, что это качество может быть полезным: в случае аварии можно, не теряя времени на ожидание специалистов, продолжать основную работу. Но плохо то, что люди привыкают работать спустя рукава, даже тогда, когда у них есть достаточно времени. «Сегодня мы привыкли везде искать кратчайшие пути к цели и временное решение проблем. И никто не хочет трудиться по-настоящему»[22].

Нельзя не отметить и чувство самоиронии с которым индийцы относятся к себе и своим недостаткам. Писатель Салман Рушди шутил, что о прибытии в Индию он понял,

[19] Mehta D. Why is it so difficult for some people to grow up? // *Quora.com*. 28.03.2013. URL: https://www.quora.com/Why-is-it-so-difficult-for-some-people-to-grow-up (дата обращения 12.10.2018).

[20] Анонимный индийский автор, назвав примерно два десятка особенностей человеческого характера, куда вошло все от щедрого гостеприимства до бытовой неряшливости, написал, что именно они «делают нас такими индийцами, какие мы есть, – бесчувственными и ранимыми, веселыми и бесстыжими, злопамятными и гордыми». См.: Hays J. People and Life. Indian Character, Customs, People, Society // *Facts and Details*. URL: http://factsanddetails.com/india/People_and_Life/sub7_3c/ (дата обращения 12.10.2018).

[21] Hays J. Indian Character and Personaluty. // *Facts and Details*. URL: http://factsanddetails.com/ URL: http://factsanddetails.com/india/People_and_Life/sub7_3c/entry-4166.html (дата обращения 12.10.2018).

[22] Hays J. Indian Character and Personality // *Facts and Details*. URL: http://factsanddetails.com/india/People_and_Life/sub7_3c/entry-4166.html (дата обращения 12.10.2018).

когда сел в такси «Амбасадор» с неработающим кондиционером, а писатель В. П. Найпул догадался о том же, когда в аэропорту Дели потерялся его багаж[23].

Заключение

Использование гибридных приемов междисциплинарного взаимодействия применительно к индийской крестьянской общине дает положительные результаты. Оно позволяет выйти за пределы привычных представлений о предмете, увидеть в нем новые связи и зависимости, подняться на более высокий уровень обобщения. Конечно, не все результаты исследования являются исчерпывающими, но многие можно принять как гипотезы. Гибридные методы могут оказаться особенно уместными для изучения смежных междисциплинарных пространств (в данном исследовании это взаимосвязь и взаимообусловленность функций общины), или «целостностей» – неразделимых явлений (здесь – это общинность), трудно постигаемых с помощью монодисциплинарных подходов.

Как и у всякого научного метода у гибридов есть свои ограничения. Известный специалист в области гносеологии Маттей Доган считает таковыми само безграничное умножение дисциплин и методологических комплексов: «Если провести скрещивание каждой из двенадцати основных социальных наук со всеми остальными, то теоретически можно получить сетку, расчерченную на 144 квадрата. Некоторые из них останутся пустыми, но более трех четвертей окажутся заполненными гибридными отраслями научного знания, пользующимися определенной автономией». От этих гибридных специальностей в свою очередь отпочковываются новые отростки, которые во втором поколении дают еще большее число гибридов. При этом полный перечень всех существующих ныне комбинаций нельзя составить простым попарным скрещиванием дисциплин второго поколения, поскольку некоторые из наиболее динамично развивающихся дисциплин имеют множественное происхождение [Dogan, Pahre, 1990, p. 63–76].

Скрещивание и дифференциация научных дисциплин оправдывают себя, если они продиктованы интересами освоения научной целины и производят штучный продукт. В противном случае новообразования могут оказаться бесполезными.

Литература / References

Антонов Д. А. Соборность и общинность как важнейшие определения идентитета российского общества // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2013. № 3. С. 7–14 [Antonov D. A. Sobornost' i obschinnost' kak vazhneishie opredeleniia identiteta rossiiskogo obschestva // *Srednerusskii vestnik obschestvennyh nauk*. 2013. 3. Pp.7–14].

Глушкова И. П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура. Визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты*. М., 2014 [Glushkova I. P., Prokof'eva I. T. (eds.). *Pod nebom Yuzhnoi Azii. Portret I skul'ptura. Vizualizatsiya territotii, ideologii i 'etnosov cherez material'nye ob''ekty*. Moscow, 2014].

Глушкова И. П. (рук. проекта), Сидорова С. Е. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Движение и пространство: парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности*. М., 2015 [Glushkova I. P., Sidorova S. E. (eds.). *Pod nebom Yuzhnoi Azii. Dvizhenie i prostranstvo: paradigma mobil'nosti i poiski smyslov za predelami statichnosti*. Moscow, 2015].

Глушкова И. П. (рук. проекта), Бочковская А. В. (отв. ред.) *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. М., 2016 [Glushkova I. P., Bochkovskaia A. V. (eds.). *Pod nebom Yuzhnoi Azii. Territoriia I prinadlezhnost': geopoliticheskoe konstruirovanie I sub''ektivnost' obitaemyh prostranstv*. Moscow, 2016].

Глушкова И. П. (рук. проекта), Ванина Е. Ю. (отв. ред.) *Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия*. М, 2017 [Glushkova I. P., Vanina E. Yu (eds.). *Pod nebom Yuzhnoi Azii. Hula i hvala. Kommunikativnye modal'nosti istoricheskogo i kul'turnogo svoeobraziia*. Moscow, 2014].

---

23 Hays J. Indian Character and Personality // *Facts and Details*. URL: http://factsanddetails.com/india/People_and_Life/sub7_3c/entry-4166.html (дата обращения 12.10.2018).

Ивахненко Е. Н. Рец. на: Трансдисциплинарность в действии. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р. Шольца. – М.: Навигатор, 2015. – 564 с. // *Философские науки*. 2015. № 12. С. 134–139.

Кондратьева В., Кирьянова Л. Г. Коммуникативность в науках о культуре // *Известия Томского политехнического университета*. 2009. Т. 314. № 6. С. 99–103 [Kondrat'eva V., Kir'ianova L. G. Kommunikativnost' v naukah o kul'ture // *Izvestiia Tomskogo politehnicheskogo universiteta*. 2009. Vol. 314. 6. Pp. 99–103].

Куценков А. А. Межобщинный конфликт: природа, движущие силы, динамика // Ванина Е. Ю., Куценков А. А. (ред.). *Южная Азия: Конфликты и компромиссы. Материалы научной конференции*. М., 2004. С. 17–72 [Kutsenkov A. A. Mezhobschinnyi konflikt: priroda, dvizhuschie sily, dinamika // Vanina E. Yu., Kutsenkov A. A. (eds.). *Iuzhnaia Aziia: Konflikty i kompromissy. Materialy nauchnoi konferentsii*. Moscow, 2004. Pp. 17–72].

Куценков А. А. *Очерки гражданского общества Индии*. Ч. I. М., 2017 [Kutsenkov A. A. *Ocherki grazhdanskogo obschestva Indii*. Part I. Moscow, 2017].

Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Издание второе. Т. 46. Ч. 1. М., 1968 [Marx K., Engels F. *Sochineniia*. 2nd edition. Vol. 46. Part 1. Moscow, 1968].

Николаев В. Г. *История буржуазной социологии XIX – нач. XX в.* М., 1979 [Nikolaev V. G. *Istoriia burzhuaznoi sotsiologii XIX – nach. XX v.* Moscow, 1979].

Dilip B. Generation Why // *India Today*. 31.01.2005. Pp. 92–96.

Dogan M., Pahre R. Creative Marginality, Innovation at the Intersections of Social Sciences. Boulder, 1990.

Singh S. Commercialization of Hinterland and Dynamics of Class, Caste and Gender in Rural India. Cambridge, 2017.

Электронные ресурсы

Абанкина Т. В. *Введение в гибридные исследования: (hybrid/mixed studies). Презентация для методологического семинара программы МИГО. Виды дисциплинарного взаимодействия.* URL: http://rpp.nashaucheba.ru/ (дата обращения 10.10.2018).

Безант А. Дхарма. Три лекции, прочитанные А. Безант в октябре 1898 г. в Бенаресе на восьмом ежегодном съезде индусской секции Теософического общества // *Theosophy.ru*. URL: http://www.theosophy.ru/lib/abdharma.htm (дата обращения 12.10.2018).

Зимин В. А. Функция трансгрессии (Проблема нарушения границ между полами и поколениями на материале фильма П. Альмодовара "Всё о моей матери") // *Флогистон*. URL: http://flogiston.ru/articles/therapy/transgression_almodovar (дата обращения 12.10.2018).

Холизм // *Википедия*. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Холизм&oldid=88955962 (дата обращения 10.10.2018).

Ян Христиан Смэтс // *Хронос*. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/smets.php (дата обращения 12.10.2018).

Anand. *15 Fundamental Characteristics of Indian Culture*. URL: http://www.yourarticlelibrary.com/culture/15-fundamental-characteristics-of-indian-culture/47129 (дата обращения 12.10.2018).

Clark G., Landes D. Z. *Caste versus Class: Social Mobility in India, 1860–2012*. URL: http://faculty.econ.ucdavis.edu/faculty/gclark/papers/India2012.pdf (дата обращения 12.10.2018).

Hays J. Indian Character and Personality // *Facts and Details*. URL: http://factsanddetails.com/india/People_and_Life/sub7_3c/entry-4166.html (дата обращения 12.10.2018).

Hays J. People and Life. Indian Character, Customs, People, Society // *Facts and Details*. URL: http://factsanddetails.com/india/People_and_Life/sub7_3c/ (дата обращения 12.10.2018).

Mehta D. Why is it so difficult for some people to grow up? // *Quora.com*. 28.03.2013. URL: https://www.quora.com/Why-is-it-so-difficult-for-some-people-to-grow-up (дата обращения 12.10.2018).

Nath J. K., Nayar V. R. Demographics and a Historical Perspective // *India (Bharat)*. URL: http://www.sexarchive.info/IES/india.html#0 (дата обращения 10.10.2018).

Punamiya A. The shifting social dynamics in modern India // *Cross-Culture. Cross-cultural analyses of current affairs and everyday events urrent affairs and everyday events*. 4.04.2012. URL: http://blog.crossculture.com/crossculture/2012/04/the-shifting-social-dynamics-in-modern-india.html (дата обращения 12.10.2018).

Sury K. C. *Patterns of electoral support and party leadership in India: Some Observations based on empirical research. Paper prepared for presentation at the International Conference on Election Systems and Electoral Politics, Bangalore, 2–3 November 2006*. URL: http://www.cses.org/plancom/2006Bangalore/Suri2006.pdf (дата обращения 12.10.2018).

БЫЛА ЛИ В КИТАЕ СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА?

© 2018 **А. Л. Рябинин, И. А. Рябинина***

В третьей статье, посвященной проблемам общины на Востоке, авторы подвергают скрупулезному анализу работы и представления советских и российских историков-востоковедов, содержащих информацию и выводы об общинных структурах в Китае – с древности до последней династии на территории Китая – маньчжурской династии Цин (1644–1911 гг.). Базируясь, как и в предыдущих двух статьях, на работе Л. Б. Алаева, посвященной проблемам общины, авторы вводят широкий библиографический материал отечественного китаеведения, приходя к выводу о необычайной живучести общины в Китае.

Ключевые слова: рецензия, община, сельская община, китайская община, Л. Б. Алаев.

WAS THERE A RURAL COMMUNITY IN CHINA?

Alexey L. Ryabinin, Irena A. Ryabinina

In their third installation on the problem of rural communes in the East, the authors meticulously dissect those works and views of Soviet and Russian historians and Orientalists that contain information and conclusions on commune frameworks in China, starting from the ancient times and up to the last dynasty in China – Manchu Qing Dynasty (1644–1911). Basing on the recent book by Leonid B. Alaev devoted to the scope of rural community problems, the authors introduce extensive bibliographical material of the Russian Oriental studies, and reach a conclusion about the unparalleled vitality of the rural community in China.

Keywords: book review, review, commune, rural community, Chinese rural commune, Leonid B. Alaev.

В пандан двум опубликованным ранее рецензиям на посвященную общине монографию Л. Б. Алаева, уделим отдельное внимание анализу китайской деревенской организации, ибо положения о появлении, исчезновении и новом появлении общины (прежде всего, не в древности, а в средние века) можно проверить на примере Китая.

В Китае периода Шан-Инь (ок. 1300–1027 гг. до н. э.) отмечается «существование крупных земледельческих хозяйств, принадлежащих… *вану* или другим магнатам… [но] крестьянской общине здесь места не находится» [Алаев, 2016, с. 392]. В то же время «в этих хозяйствах работали некие *чжун*, по-видимому, составлявшие “братский коллектив” (*чжун-жэнь*)» [Алаев, 2016, с. 392]. Эти *чжун-жэнь* вполне могли составлять и домовую и земледельческую общину, подчиненную крупным землевладельцам. Кроме того, «В. В. Малявин приводит мнение японского историка М. Танигавы, который говорит о существовании общины (*ли*) мелких крестьян во главе со старостой (*фулао*) в период Инь-Чжоу. Но она распалась и впоследствии возникла новая “община сильных домов”, которая характеризовалась как общинным единством, так и имущественным неравенством и классовым делением» [Алаев, 2016, с. 395].

Община в ее передельной форме появляется в китайских источниках в период Западного Чжоу (1027–771 гг. до н. э.), правда сообщения о ней носят нормативный характер:

* Алексей Леонидович РЯБИНИН, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; rjabinin50@rambler.ru

Alexey L. RYABININ, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; rjabinin50@rambler.ru

Ирена Алексеевна РЯБИНИНА, старший преподаватель Аграрно-технологического института Российского Университета Дружбы Народов, Москва; ryabinina.irena@gmail.com

Irena A. RYABININA, Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia, Agro-Technological Institute, Moscow; ryabinina.irena@gmail.com

это явно сконструированная политическими философами «система колодезных полей» [Алаев, 2016, с. 392]. В последнем издании своих исследований древнекитайской деревенской организации Л. С. Переломов сообщает о наличии «передельной общины» в Западном Чжоу: «Многочисленные данные о существовании переделов в IX–VII вв. до н. э. приводятся также в статьях китайских историков, посвященных изучению общинных форм землепользования в периоды Западного Чжоу, Чуньцю и первой половины Чжаньго» [История Китая, Т. II, 2016, с. 166]. В период Чуньцю древнекитайская община проявила себя сильно и мощно. Как известно из трактата «Чуньцю Гулянчжуань», составленного в IV в. до н. э. и описывающего события 505 г. до н. э. – времен правления чуского Чжао-вана (515–489 гг. до н. э.), главы общин (*фулао*) могли изгнать потерпевшего поражение царя, затем простить его, установить связь с иностранным государством, собрать войска, за одну ночь трижды разгромить вторгшегося противника и вернуть изгнанного царя на родину [Переломов, 1962, с. 69–70]. Столь мощная община существовала в южном царстве Чу, населенном кхмонгами, родственным юэ (вьетам), часть которых, вьетнамцы, имела сильную общинную организацию с XI в. до середины XX в.

До середины VI в. до н. э., то есть, до конца Чуньцю, по мнению восточноханьского ученого Хэ Сю, жившего во II в. н. э., «в Китае существовал обычай регулярного передела пахотных земель, когда каждый земледелец получал во временное пользование равновеликий пахотный надел… раньше жители каждой общины (*ли*) выбирали из своей среды (вероятно, на собрании – *А. Р.* и *И. Р.*) “старейшин” [обладавших] высокими моральными качествами, называя [их отныне] *фулао* (отцы-старейшины), а они (сами *фулао*) избирали из своего состава [в качестве] *личжэна* [самого справедливого в общине] человека, обладавшего красноречием и силой» [История Китая, Т. II, 2016, с. 154].

Каково же было социальное положение *фулао* и *личжэна*? Оно отличалось от остальных общинников лишь функцией управления: «*Личжэн* – это тот же *шужэнь* (свободный общинник), но занимающийся управлением» [История Китая, Т. II, 2016, с. 155]. В «Книге ритуалов», включенной в конфуцианский канон, в главе «Месячные приказы» (Юэлин), впервые изданной в конце периода Чуньцю (VI–V вв. до н. э.) также говорится о переделах, «об обычае ежегодного передела пахотных полей» [Переломов, 1962, с. 69–70]. Как считает Л. С. Переломов: «передел полей производили не царские чиновники, а земледельцы» [История Китая, Т. II, 2016, с. 166].

Таким образом, община в период Чуньцю (в царстве Чу) была очень сильна. Чувствуя в ней конкурента, власти начали против нее гонения. В период правления циского царя Хуань-гуна (685–643 гг. до н. э.) «Гуань-цзы был первым советником циского царя и провел целый ряд реформ, направленных на усиление царской власти. Он, в частности, отменил обычай передела полей» [История Китая, 2016, Т. II, с. 167]. При этом Переломов считает, что в отмене переделов были заинтересованы «главы общин, имевшие двойные пахотные наделы, и наиболее зажиточная часть общинников», которые, якобы, «стремились к отчуждению лучших пахотных наделов; их уже не устраивал обычай регулярного передела полей. Наблюдаются случаи нарушения принципа справедливого распределения наделов в общине». Однако Л. С. Переломов ссылается на «Го-юй», написанный на рубеже V–IV вв. до н. э. (то есть, уже в период Чжаньго) и излагающий лишь тривиальную сентенцию («[если] в холмистой местности пахотные поля в *цзине* будут распределены равномерно, то [среди] народа не будет [возникать] ненависть (злоба)») [История Китая, 2016, Т. II, с. 167]. Мысль о том, что в конце Чуньцю переделы происходили с трудностями по вине глав общин и зажиточных людей, приводя к социальным возмущениям, выглядит слишком «натянутой». Отмена переделов, возможно, и была выгодна состоятельным слоям, но в стратегическом плане ослабляла власть общинного начальства, что государству было весьма выгодно.

Почти одновременно с Ци, в 645 г. до н. э., были отменены переделы в царстве Цзинь, где «ввели [новую систему обработки полей, когда сам земледелец] менял [свои] пахотные участки». Л. С. Переломов считает, что «возникновение новых методов обработки земли

связано с отмиранием переделов полей внутри общины» [История Китая, Т. II, 2016, с. 168]. Последовательными актами подчинения общины стало посемейное и поземельное налогообложение, перепись населения и превращение самостоятельных организаций в послушные административные пятидворки, связанные круговой порукой. Введение чжоуским Сюань-ваном (827–782 гг. до н. э.) всеобщего налога-десятины *чэ*, взимание в царстве Ци в 685–643 гг. до н. э. налога с каждой семьи, учреждение в царстве Лу в 594 г. до н. э. земельного налога *шуй*, исчисляемого с площади земли (*му*) и перепись в 589 г. до н. э. населения с закреплением за налогоплательщиками наследственного владения землей, проведение подобных же реформ в 548 г. в царстве Чу, разграничение в царстве Чжэн в 543 г. до н. э. индивидуальных полей, отделенных друг от друга канавками (при этом хозяйства, имевшие колодцы, объединяли в пятидворки, связанные круговой порукой) [Алаев, 2016, с. 393], – все это этапы (последний – почти полное закабаление) на пути превращения общины в послушный административный организм.

Последний факт Алаев трактует так: «Возможно, этот эпизод вскрывает один из важнейших процессов, который начался в это время, но затем шел до XIX в., а именно, процесс сотрудничества/соперничества естественно возникавшей общины мелких землевладельцев, с одной стороны, и навязываемой сверху группировкой хозяйств, тоже бравших на себя часть общинных функций. **Налоговые системы, какого бы вида они ни были, предполагают группировку сельского населения в податные единицы, в том числе образование общин. Государство стремилось уничтожить или ослабить естественно возникавшую общину, заменив ее другой** (здесь и далее выделено *А. Р.* и *И. Р.*)» [Алаев, 2016, с. 393]. Таким образом, Л. Б. Алаев рассматривает пяти- и десятидворки как своеобразные общины, связанные не только круговой порукой, обязанностью солидарно платить налоги и нести ответственность за преступления одного из членов, но и социальным общением: «Государство стремилось уничтожить или ослабить естественно возникавшую общину, заменив ее другой …бравшей на себя часть общинных функций» [Алаев, 2016, с. 393]. Беда лишь в том, что мы точно не знаем, что представляли собой десяти- и пятидворки – чисто административные образования типа уездов и волостей, либо внутри них складывались социальные связи – взаимные обязательства по уплате налогов и исполнению повинностей, гарантии не совершать преступления.

По-видимому, Л. Б. Алаев прав: вся последующая история Китая вплоть до начала XX в. была процессом соперничества, а не сотрудничества естественно возникавшей общины мелких землевладельцев и навязываемой сверху группировкой хозяйств, выполняющей административные функции. То есть, государство навязывало китайскому обществу административную общину, а общество сопротивлялось и регенерировало собственную. Административная община – идеал государства, проявление его силы, и в то же время – проявление слабости землевладельческих слоев. В. В. Малявин отмечает, что «к эпохе Чжаньго имущественное неравенство, частная собственность на пахотную землю, присутствие чужаков являлись нормой жизни древней китайской деревни» [История Китая, Т. II, 2016, с. 268]. Анализируя древнекитайский памятник «Шоюань» (окончательная редакция I в. до н. э.) и рассматривая ситуацию времен правления циского Сюань-вана (454–403 гг. до н. э.) в начале Чжаньго, Л. С. Переломов приходит к выводу, что и тогда «*фулао* не были царскими чиновниками… *фулао* приходилось уплачивать поземельный налог и отбывать трудовые повинности… юридически они… ничем не отличались от остальных общинников» [История Китая, Т. II, 2016, с. 157], но в то же время «*фулао* занимали определенное общественное положение и царь был вынужден считаться с мнением представителей… общины …в конце V в. до н. э. *фулао* царства Ци не только выражали интересы рядовых общинников… но и начинают выступать в качестве рьяных защитников зажиточной верхушки общины… В связи с усилением имущественной дифференциации внутри общины *фулао* превращаются в типичных представителей богатых общинников» [История Китая, Т. II, 2016, с. 157–158]. Л. С. Переломов демонстрирует типично

марксистский подход к трактовке расслоения общины, игравшей большую роль и в городах, однако, факт существования общины в период Чжаньго для него несомненен.

Как известно из трактата «Мо-цзы», описывавшего ситуацию в восточном государстве Сун (середина V в. до н. э. – начало Чжаньго) китайские города (за вычетом очень больших), как и сельская местность, располагали органами самоуправления, возглавляемыми *личжэнами* и *фулао*. Именно общинники, а не регулярные войска, обороняли город, а руководили ими наряду с чиновниками члены совета старейшин – *личжэны* и *фулао,* игравшие доминирующую роль при обороне города. Однако, отмечает Л. С. Переломов, «в отличие от чуских *фулао* (конца периода Чуньцю – *А. Р.* и *И. Р.*) советы старейшин Сунского государства (начала Чжаньго – *А. Р.* и *И. Р.*) находились под более действенным контролем со стороны государства, что выражалось… в посылке в осажденный город специальных уполномоченных верховного главнокомандующего, в обязанности которого входило наблюдение за деятельностью членов совета старейшин. Государственные должностные лица могли приговорить к смертной казни любого общинника, включая *фулао*, если он нарушал предписания верховного главнокомандующего» [История Китая, Т. II, 2016, с. 158–159].

Китайские семьи были очень многочисленны и представляли собой т. н. «домовую общину», обладавшую значительной силой и поэтому весьма опасную для древнекитайского государства. Чтобы избавиться от угрозы, исходящей от таких общинно-родовых коллективов «в царстве Цинь в 356–348 гг. до н. э. по инициативе министра Шан Яна “для устройства полей страны открыли продольные и поперечные межевые [канавы], установили границы [семейных участков]”. Приказано было разделить большие семьи и наделить участками малые семьи, но последние объединялись в пятерки и десятки. Участки закреплялись за малыми семьями “навечно”, разрешалась скупка и заклад земли. Позже, в III в. до н. э. были сняты ограничения на размеры частного землевладения» [История Китая, Т. II, 2016, с. 393–394]. Л. Б. Алаев справедливо заключает: «Шан Ян и его последователи стремились разрушить общинное землевладение, ввести частную собственность, но поставить ее под контроль государства через новые фискальные общины» [Алаев, 2016, с. 394]. Шан Ян попытался разрушить не только территориальную, но и домово-родовую общину, входившую в состав первой, то есть, уничтожить общину «на корню».

Следовало бы, однако, говорить не о введении частной собственности на землю, а о частном землевладении. Собственность (скорее верховная власть в сфере экономики) оставалась в Китае в руках государства. После реформ Шан Яна функции регулирования аграрных отношений в китайской общине стали уступать место административно-фискальным функциям. Процесс этот развивался в ущерб первых и в пользу вторых, хотя не всегда последовательно. Согласимся с утверждением Малявина: китайская община «с середины I тыс. до н. э. стала фундаментом деспотической государственности» [История Китая, Т. II, 2016, с. 268].

Очень резко критиковал идеи Шан Яна древнекитайский философ Мэн-цзы, занимавший в отношении общины «восстановительную» позицию. Одно из его предложений состояло в необходимости «наделить крестьян землей путем восстановления системы *цзинь тянь*, согласно которой все земледельцы получали равные доли размером в 100 *му*» [История Китая, Т. II, 2016, с. 93]. Мэн-цзы рекомендовал проводить межи так, чтобы каждый земледелец получал со своего участка равное количество зерна. Л. Б. Алаев задается вопросом: «Остается неясным только, вводили ли эти порядки сами владельцы полей, или же их навязывали власти» [Алаев, 2016, с. 396]. Скорее всего, «архаичные» новшества должны были вводить правители, советы которым и давал Мэн-цзы, призывая царей действовать столь же решительно, как Шан Ян, только в обратном направлении: не «разбивать» домовые общины, а восстанавливать равное владение землей. Предложения Мэн-цзы – нереализованные идеи введения «надельной системы».

Между тем, во многих царствах в период Чжаньго шли активные процессы купли-продажи земли. В царстве Чжао мать военачальника Чжао Ко говорила чжоскому царю: «Все

то золото и шелка, которое вы, *ван*, ему пожалуете, он будет складывать и прятать в своих кладовых, а ради постоянного дохода будет скупать поля и дома» [Сыма Цянь, 1996, с. 256]. Л. С. Переломов пишет: «Сведения о широком распространении купли-продажи земли привели китайских исследователей к мнению о том, что сельская община в Китае исчезла уже к концу Чжаньго». При этом, «для периода Чжаньго характерно наступление царской власти на органы общинного самоуправления. Особое недовольство и опасение вызывала у государства деятельность совета старейшин. Наличие разнообразных местных культов в пределах одного царства в условиях, когда этими же культовыми отправлениями руководили эти же советы, препятствовало укреплению царской власти на местах. Поэтому в ряде царств административные органы пытались всячески принизить значение, а там, где это было возможно, и вовсе уничтожить местные культы» [История Китая, Т. II, 2016, с. 168]. Переломов приводит эпизод из «Исторических записок», где говорится о репрессиях чиновника – начальника уезда в отношении местных общинных жрецов и *саньлао* – лица, возглавлявшего межобщинные культовые объединения в рамках волости. Стремясь снизить роль культовой общинной верхушки, начальник уезда приказал сначала утопить ее наиболее активных представителей, а затем резко снизить зависимость местного населения от объектов поклонения местным духам-богам [История Китая, Т. II, 2016, с. 159–160].

Однако несмотря на реформы Шан Яна, китайская община продолжала активно функционировать. В середине III в. до н. э. на западе Китая, в Циньском царстве существовали общинные органы самоуправления. *Личжэны* и *фулао* руководили культовыми отправлениями и отвечали за ее деятельность перед административными органами. Наказание же циньских общин было вызвано тем, что они провели жертвенные обряды по местным обычаям, не сходным с обрядами царствующего дома». Как пишет Л. Б. Алаев, «**в империи Цинь**, вопреки жесткой централизаторской политике Цинь Шихуана, **естественно возникшая община** продолжала существовать» [Алаев, 2016, с. 394], а Л. С. Переломов отмечает: «в период империи Цинь, несмотря на сильную централизацию государственной власти, община по-прежнему оставалась основной общественной единицей Циньского государства, сохранившей свои органы самоуправления» [История Китая, Т. II, 2016, с. 161].

Далее Л. С. Переломов пишет, что самые низшие должностные лица циньского государственного аппарата, глава *тина* (*тинчжана)* и *цюдао* («задерживающего бандитов») во вновь созданных искусственных административных единицах, *тинах*, осуществляли функции, которые «сводились фактически к контролированию действий советов старейшин, продолжавших оставаться **полновластными хозяевами в рамках своих общин** …члены совета старейшин по-прежнему ведали культовыми отправлениями общины и были вправе назначать по своему усмотрению любого общинника на какую-либо должность в пределах своих общин» [История Китая, Т. II, 2016, с. 161]. Переломов специально отмечает, что во время подготовки к проведению аграрной реформы в 216 г. до н. э. «размеры пахотных участков земледельцев устанавливались не государственными чиновниками, а самими "черноголовыми". Общинники сами должны были сообщать представителям императорской администрации данные о количестве обрабатываемой земли для установления нового налога. Составлением данных на местах занимались, по-видимому, члены советов старейшин. В 216 г. до н. э. Цинь Шихуан подарил каждой общине по шесть *даней* риса (180 кг). Вероятно, это было вознаграждение общинной верхушке за труд, проделанный советом старейшин при составлении списков о количестве пахотных земель общинников» [История Китая, Т. II, 2016, с. 162].

Таким образом, даже в период существования самого «деспотичного» китайского государства, каким была империя Цинь, деревенские объединения выполняли функции самостоятельных общин, имевших право решать земельные проблемы, а общинные власти могли фиксировать размеры пахотных земель и количество землевладельцев для установления поземельного налога. Кроме того, общинные власти до Цинь Шихуана

обладали функциями, связанными с отправлением религиозного ритуала. Как пишет Л. С. Переломов, «признавая за общиной ее административные права, Цинь Шихуан, так же, как и его предшественники, пытался изъять жреческие функции из сферы советов старейшин» [История Китая, Т. II, 2016, с. 161]. Активную деятельность Цинь Шихуана в сфере идеологии подтверждает указ первого китайского императора, гласивший, что отныне все *саньлао*, возглавлявшие межобщинные культовые объединения, должны были «возглавлять и перевоспитывать» подведомственное население в духе преданности императору. Указ был столь категоричен, что составители «Цянь Ханьшу», жившие через 300 лет после объединения страны, сочли *саньлао* государственными чиновниками [История Китая, Т. II, 2016, с. 162]. Однако Переломову удалось доказать: *саньлао* не получали жалования, отбывали трудовые повинности (от которых их освободил лишь указ первого ханьского императора Лю Бана) и несли службу по охране границ: «сам факт отбывания государственных повинностей несовместим с чиновничьим званием и сразу же ставит *саньлао* вне сферы государственных должностных лиц, юридически приближая их к обычным членам общины» [История Китая, Т. II, 2016, с. 162]. Цинь Шихуан ничего не изменил в социальном положении *саньлао,* лишь регламентировав их деятельность так, что историки приняли их за чиновников. Скорее всего, так же были изменены и реальные функции других выборных лиц общины.

Несмотря на стремление Цинь Шихуана ограничить «сферу деятельности общинных органов самоуправления» [История Китая, Т. II, 2016, с. 163], в полной мере это ему не удалось. Живучесть общинных органов проявилась во время войны 209–202 гг. до н. э., когда государственные органы фактически не функционировали: как только императорские войска уходили с территории бывших шести царств, власть переходила к общинным органам управления. Именно с *саньлао* обсуждал Чэнь Шэн планы военных действий, те же *саньлао* провозгласили его царем Чу. Именно *фулао,* возглавлявшие отряды горожан, обороняли город и дали Лю Бану согласие на вход в него. Члены совета старейшин помогли Лю Бану мобилизовать две тысячи общинников и провозгласили его правителем (*гун*) царства Пэй. В 206 г. до н. э., после захвата столицы Цинь Сяньяна, Лю Бан собрал там циньских *фулао* и заключил именно с ними знаменитый договор: «Я стал царем Гуань-чжуна (территория бывшего Циньского царства) и заключаю с отцами-старейшинами (*фулао*) договор о [введении] закона их трех пунктов: за убийство человека – смерть; за ранение или ограбление – возмещать [согласно] тяжести преступления; все законы Цинь отменяются полностью» [История Китая, Т. II, 2016, с. 163].

Л. С. Переломов считает, что договор свидетельствует о реальной власти циньских советов старейшин, представлявших на переговорах с повстанческим вождем интересы общин. «Значение его трудно переоценить – победитель, в чьих руках находилась огромная боеспособная повстанческая армия, гарантировал *фулао* не только защиту гражданских прав, но и охрану частных владений ценой наказания своих воинов. Установление подобных отношений с общинными органами самоуправления обеспечило Лю Бану активную поддержку со стороны широких масс… что сыграло далеко не последнюю роль в его победе над Сян Юем. Эту же цель преследовали мероприятия Лю Бана, проведенные им летом 206 г. до н. э., после повторного захвата территории бывшего царства Цинь. Основатель ханьской династии вынужден был пойти на уступки общинной верхушке – он ввел *саньлао*, правда, с совещательным голосом, в состав уездной (государственной. – *А. Р.* и *И. Р.*) администрации» [История Китая, Т. II, 2016, с. 163–164].

Роль раннеханьских *саньлао* была столь велика, что некоторые историки считали их чиновниками. Однако Л. С. Переломов полагает, что, поскольку *саньлао* получали не жалование, а лишь подношения мясом и вином, а император У-ди в указе 119 г. до н. э. рассматривал их лишь **равными чиновникам** (*ли*) **по положению**, то чиновниками они не являлись, хотя их положение при Хань было очень значительным. В период Ранней Хань сохранились и *фулао* – члены совета старейшин, «они занимали такое же положение, как во

время династии Цинь» [История Китая, Т. II, 2016, с. 164]. Полагаю, что… при Восточной (Поздней) Хань (25–220 гг. н. э.) община играла значительно большую роль, чем при империи Цинь: выступая в качестве юридического лица, она могла приобрести у купцов пахотную землю [История Китая, Т. II, 2016, с. 170]. Переломов считает, что присутствовавшие при продаже земли гражданские лица не обычные свидетели-общинники, а «какая-то группа лиц, скорее… руководители общины» [История Китая, Т. II, 2016, с. 171–172]. Попытка сделать из свидетелей сделки старейшин представляется натяжкой, хотя Переломов ссылается на то, что «в других странах древнего мира, несмотря на возникновение частной земельной собственности, землевладелец не мог свободно распоряжаться своим наделом без согласия старых членов общины» [История Китая, Т. II, 2016, с. 172].

Исследователь ханьской эпохи В. В. Малявин сообщает, что «от раннеханьского периода дошли упоминания о разделении жителей на богатых, живших “по правую сторону от деревенских ворот”, и бедных, живших на левой стороне. В источниках различаются предводители общин – “отцы-старейшины” (*фулао*) и подчиненные им “сыновья и младшие братья” (*цзыди*)» [История Китая, Т. II, 2016, с. 268]. При этом Малявин делает характерное для советских/российских историков замечание: «Несмотря на значительное имущественное расслоение внутри раннеханьской деревни, общинные традиции еще не были подорваны» [История Китая, Т. II, 2016, с. 268]. В этой фразе привычное отношение к общине, традиции которой все разлагаются и никак не могут разложиться, с чем особенно трудно примириться исследователю китайского общества, в котором так сильна роль государства. В то же время Малявин приводит факт совместной работы всех представителей «клана» Жэнь в конце III в. н. э., обязанных потреблять продукты сельского хозяйства и промышленности, произведенные лишь на землях клана, «поэтому [клан Жэнь] слыл образцом для всей округи» [История Китая, Т. II, 2016, с. 268]. Речь идет не о родовом клане, а о большой семейной общине, состоящей из семейных пар и их потомства, включающих женщин, не представляющих клан Жэнь; такая ситуация не была нормой: «Коллективизм, подобный описанному выше, очевидно, был большой редкостью для своего времени, но упоминания о взаимопомощи и совместных действиях членов общины в ханьских источниках довольно часты. Например, когда жена некоего Ли Чуна (I в.) потребовала, чтобы ее муж отделился от своих братьев, тот предложил, как нечто само собой разумеющееся, “спросить общее собрание мужчин и женщин деревни”. Раннеханьский деятель Чэн Пин в молодости во время общинных празднеств “делил мясо на строго равные порции”, за что заслужил похвалы от старейшин деревни» [История Китая, Т. II, 2016, с. 268]. В период Хань (202 г. до н. э. – 220 г. н. э.) «деспотическое государство… выступало как высшее воплощение общинного единства. Это… отражалось в имперском идеале “великого поравнения” (*тай пин*), обозначении свободных общинников термином “поравненный народ”, в отождествлении поданных с членами **верховной государственной общины**. Внутриобщинная организация получила официальную санкцию в виде системы рангов знатности, причем династия Хань признала прерогативы *фулао*…» [История Китая, Т. II, 2016, с. 269].

Рассуждая о том, что такое китайская община, В. В. Малявин пишет: «Проблема характера китайской общины и степень ее социального расслоения до сих пор остается предметом дискуссии. Часть исследователей находит в ханьской деревне азиатскую общину, где мелкие крестьянские хозяйства… не имеют самостоятельности. Большинство – и с большим основанием – говорят о соседской общине, базировавшейся на мелком крестьянском землевладении». Но далее, «забывая» об общине и переходя к реальному состоянию деревни, В. В. Малявин пишет: «Что касается оценки социального развития ханьской деревни, то она зависит… от определения соотношения и взаимодействия мелкокрестьянского уклада с крупным землевладением. Концентрация земельной собственности получила широкий размах еще в доимперскую эпоху. Позднее, в ханьском Китае, приобретение земли было не только надежной и респектабельной, но и выгодной

формой помещения капитала благодаря низким ставкам поземельного налога. Формально осуждаемая императорской идеологией жажда умножения земельного богатства была настолько свойственна верхушке ханьского общества, что хронисты писали как о редком образце бескорыстия и скромности о конфуцианском ученом, который "все раздавал родственникам, поля его не расширялись"» [История Китая, Т. II, 2016, с. 269].

В результате внутри территориальных общин регенерируется на новом уровне общность по родственному признаку, объединяющая верхушку местного общества – «могущественные кланы» (*хао цзу*), «старые кланы» (*цзю цзу*), большие фамилии (*да син*), «именитые фамилии» (*чжу син*), «могущественные и именитые» *(хао цзэ)* дома. Эти «сильные дома» на рубеже нашей эры имели в качестве ядра патронимическую организацию *цзун цзу,* включающую всех имевших общего мужского предка родственников до пятого колена. Численность клана достигала ста и более человек: «основной ячейкой клана являлась малая семья. Когда сыновья достигали совершеннолетия и женились, происходил раздел семейного имущества, а родители оставались жить с одним из них, обычно старшим сыном… В позднеханьское время на севере Китая распространился тип семьи, основанный на "вертикальных" отношениях отца и взрослых сыновей, ведших совместное хозяйство». Этот тип семьи противоречил идеям Шан Яна, но соответствовал нормам конфуцианской идеологии: «жить вместе несколькими поколениями», «тремя поколениями совместно владеть имуществом» [История Китая, Т. II, 2016, с. 271].

Однако кланы, где «несколько поколений жили вместе» были редким явлением: «помимо родовых кладбищ, мы не встречаем в ханьскую эпоху таких осязаемых форм кланового единства, как общий храм предков или особый клин клановых земель» [История Китая, Т. II, 2016, с. 271]. Клан не являлся «родовой» общиной, будучи лишь объединением родственных семей с очень вариативной степенью близости: «касаясь организации "сильных домов", мы должны говорить не о клане, но скорее о номинальном существовании клановой структуры. Аналогичным образом обстоит дело с представлением о "сильном доме" как одной семье, зиждившемся на псевдородственных отношениях. Патерналистская трактовка "сильного дома" как одной большой семьи традиционна для раннеимператорской эпохи. На деле же такая семья охватывала всех, кто подчинялся власти ее главы и считался лично ему обязанным» [История Китая, Т. II, 2016, с. 272]. «Сильные дома» серьезно подрывают концепцию эгалитарной китайской общины. В сочинениях и трактатах ханьских авторов, описывающих традиционные формы деревенских поселений, община и ее уклад практически не упоминаются.

Каково же было соотношение «сильных домов» и общины? В. В. Малявин отвечает: «Различие в экологической ситуации на севере и на юге обусловили и различное отношение общинной организации и уклада "сильных домов" в разных частях империи. На севере "сильные дома" вырастали из крестьянской общины, наследуя многие ее традиции… особенности сельскохозяйственного производства на севере, где требовалась кооперация крестьянских дворов, сочетание ручного труда и использования для пахоты буйволов, препятствовали установлению полного контроля землевладельцев над деревней. На юге, где развивалась культура заливного риса, положение крестьян было более неустойчивым. К тому же пестрый, даже этнически неоднородный контингент подневольного люда южных магнатов не имел ни традиций, ни единства. Поместье на юге явно противостояло общинному укладу населения горных районов» [История Китая, Т. II, 2016, с. 277]. Отмечая, что на севере «сильные дома» вырастали из общины, В. В. Малявин придерживается все той же концепции «разложения» патриархальной общины, которая «разлагалась» к моменту правления династии Хань уже в течение 800–1000 лет. Сообщая об отмирании традиционной деревенской администрации, Малявин также расценивает и его как признак пресловутого «разложения общины» [История Китая, Т. II, 2016, с. 276].

Но в главном В. В. Малявин прав: «сильные дома» на севере были слабее, чем на юге, а северное крестьянство было более сплоченным, чем южное. Оценивая возможности,

значение и мощь «сильных домов» Малявин отмечает, что они «не сумели превзойти… замкнутость деревенской общины… На ограниченность исторических потенций “сильных домов” указывает и внутренняя слабость их организационной структуры, характеризовавшаяся сочетанием принципов иерархизма и абсолютной власти предводителя. Как следствие ни один из них не стал созидательной силой общественного развития» [История Китая, Т. II, 2016, с. 277]. Может быть, неспособность «сильных домов» превзойти замкнутость деревенской общины была связана с тем, что они органично вписывались в эту общину, были ее составной частью и не хотели «взрывать» ее изнутри? Ведь выход «сильных домов» из общины, наряду с неудобствами фискально-налогового характера неминуемо ставил бы их в противостояние к государственной власти. В то же время в период Хань наблюдается резкое снижение роли общины, хотя она оставалась субъектом земельных отношений и продолжала существовать в очень непростых условиях.

Конструируя ханьское общество, Малявин неправомерно противопоставляет «сильные дома» и общину, полагая «сильные дома», семейно-клановую иерархию «элитаристским началом в ханьском обществе… источником поступательного развития древнекитайской империи, но оно (элитаристское начало – *А. Р.* и *И. Р.*) не имело исторической перспективы. Ему противостояло “общинное начало”, исторически консервативное, но представлявшее социум и порядок. Сочетание этих двух начал обусловило неоднозначный характер движущих сил исторической эволюции ханьского общества» [История Китая, Т. II, 2016, с. 287]. С нашей точки зрения, никакого противопоставления «сильных домов» и общины не было, ибо «сильные дома» органически входили в общину. В ханьский период китайская община была не «общиной равных», а органично включала «сильные дома» наряду со свободным и зависимым крестьянством в общинную организацию. Более того, при Хань государственная власть фактически санкционировала ведущее положение «сильных домов» в общине и представительство общины «сильными домами». То, что государственная власть в период Хань периодически начинала борьбу с «сильными домами», никак на это не влияло, так как эта борьба всегда заканчивалась в пользу «сильных домов», которые и конституировали государственную власть.

Л. Б. Алаев формулирует этот процесс следующим образом: «Если для общины *ли* (то есть, доимперской общины – *А. Р.* и *И. Р.*) власть династии являлась внешней силой, то в новой общине (имперского и прежде всего ханьского периода – *А. Р.* и *И. Р.*) союз сильных домов, господствовавших в ней, уже воплощал государственную власть. Государственный строй превратился в политическое выражение общины “сильных домов”» [Алаев, 2016, с. 395]. Алаев приводит формулировку Малявина: «Именно империя формировала общину такой, какой она была в имперскую эпоху… Община приобрела законченность в общегосударственной иерархии»[1]. Это стало возможным еще и потому, что происходил «постоянный отток местной верхушки в чиновничью администрацию» [Алаев, 2016, с. 395]. Согласимся с формулировкой о взаимоотношении власти и общины: «…община в Китае, может быть, возникла самопроизвольно, но автономной от аппарата она, насколько известно, **никогда** не была» [Алаев, 2016, с. 396]. Необходимы некоторые дополнения. Самопроизвольность возникновения общины следует понимать как независимость этого процесса от воли властей, как следствие необходимости выработки внутренних правил деревенского общежития. Но как только такая община организовалась, она стала объектом воздействия со стороны властей, оказывавших на нее то сильное, то слабое давление в зависимости от направления государственной политики: в период войн или угрозы внешнего нападения давление усиливалось, а в «мирные» времена – ослабевало.

Приводимый некоторыми китаистами аргумент в пользу якобы некогда существовавшей в Китае «общины равных», сводящийся к упоминанию Мэн-цзы о наличии в эпоху Чжоу системы «колодезных полей» (*цзин тянь* – восемь равновеликих полей, владельцы

[1] [Малявин, 1981, с. 192–201]. Цит. по: [Алаев, 2016, с. 395].

которых совместно обрабатывают девятое поле) [Алаев, 2016, с. 393], страдает искусственностью интеллектуальных построений и тенденцией ориентации некоторых древнекитайских общественных деятелей на эгалитаризм. С другой стороны, несостоятельным кажется следующее положение: «Такой “фирменный” для общины процесс, отмечаемый **практически во всех странах**, как созревание частной собственности на землю внутри общины, проходил тут (в Китае – *А. Р.* и *И. Р.*) как соответствующий изменениям в налоговой сфере» [Алаев, 2016, с. 396]. На это можно возразить следующими примерами.

В Корее, например, не то что не вызрела частная собственность внутри общины, но с самого зарождения корейской общины (с 722 г.) государство сразу же ввело надельную систему (*чонъджон*), прямо вмешавшись в аграрную структуру общины и распределяя землю между тягловыми, совершенно не учитывая представления о частной собственности [Алаев, 2016, с. 403]. В Северном Вьетнаме в XI–XII вв. Д. В. Деопик доказывает наличие «в то время вблизи обработанных общинных земель в большинстве долинных областей Дайвьета свободных ничьих земель, на которые общины не претендовали… Частные участки, возникающие на таких землях, могли продаваться навечно, и государство это признавало, если имелась купчая» [Деопик, 1994, с. 144]. Впоследствии такие участки в случае их заброса и отказа платить налоги могли инкорпорироваться в общину. То же самое отмечает Л. Б. Алаев, ссылаясь на работу Нгуен Хай Ке: «новые территории в дельте Красной реки первоначально осваивались индивидуальными хозяйствами, и лишь затем под давлением налогового аппарата частные земли превращались в общинные, т. е. тягловые наделы. Происходило как бы создание или возрождение общинного землевладения и общего землепользования» [Алаев, 2016, с. 412].

Можно ли говорить о созревании частной собственности на землю внутри общины как о характерном для общин всех стран процессе? Во-первых, частная собственность, возникающая в общинах некоторых стран, в других могла не возникнуть, а во-вторых, общинная собственность могла поглотить частную, возникшую, но не сумевшую утвердиться неподалеку. После восстания «Желтых повязок», ставшего началом конца империи Хань в 220 г., войну между собой вели представители «сильных домов» и региональные военные лидеры. Цао Цао распространил пограничную систему военных поселений (*туньтянь*) на весь Север Китая. Это был прообраз будущей надельной системы: каждая солдатская и крестьянская семья получала участок около 10–25 му (приблизительно 450–500 кв. м, или 0,045–0,05 га), орудия труда, иногда скот. Мужское население военного поселения помимо сельскохозяйственных и промысловых работ должно было нести караульную службу и участвовать в сражениях [История Китая, Т. III, 2014, с. 43].

В период Троецарствия (220–280 гг.) китайская община в суровые военные годы как-то выживала, но после захвата династией Западная Цзинь в 280 г. царства У и объединения страны с ней было решено покончить. Еще в 264 г. в государстве Вэй был издан указ о ликвидации администрации военных поселений, а в 266 г. в Вэй (уже называвшемся Западная Цзинь) вызрел план масштабных преобразований, известных как введение надельной системы (*чжаньтянь*), изложенное в «Земельном законе» от 280 г. М. Е. Кравцова считает, что «применительно к собственно аграрному сектору суть системы *чжаньтянь* состояла в закреплении за каждым работником права на получение определенной площади и установление фиксированных налогов. Для этого был **воссоздан** фонд казенных земель и проведена полная… перепись податного населения» [История Китая, Т. III, 2014, с. 62]. Если «казенные» земли выдавались всем «истинно-податным» (*чжэньдин*) («трудоспособным мужчинам» (*дин-нань*) и «трудоспособным женщинам» (*дин-нюй*) от 16 до 60 лет) и «податным второй категории» (*цыдин*), включавшим подростков 13–15 лет и стариков от 61–65 лет, то это означает «не воссоздание фонда казенных земель» из пустошей, а **превращение в казенные земли всех бывших общинно-деревенских полей и угодий.** То есть, указ 280 г. должен

был ликвидировать китайскую общину как самостоятельный организм. Но происходило ли это на самом деле?

Как пишет М. Е. Кравцова, «в научной литературе преобладает мнение, что “Земельный закон” был в лучшем случае претворен в жизнь в столичной области, либо является декларированной утопией, ибо надзор за землепользованием возложили на самих же чиновников-землевладельцев» [История Китая, Т. III, 2014, с. 62]. Лиха беда – начало! В государстве Северная Вэй «по указу 485 г. за податным населением закреплялись строго регламентированные участки земли и рабы… крестьянские хозяйства подвергались административной реорганизации (486 г.). Они были разбиты на три типа объединений: низовое – *линь*, состояло из пяти дворов/семей (*цзя*), пять *линь* образовывали объединение-ли, пять *ли* (125 дворов) – *дан.* Каждое объединение возглавляли старосты, деятельность которых контролировали уездные чиновники» [История Китая, Т. III, 2014, с. 133]. Алаев пишет, что «староста деревни должен был ежегодно пересматривать размеры участков в зависимости от изменения численности семей» [Алаев, 2016, с. 397]. То есть, никаких самостоятельных решений по поводу перераспределения земли в общине староста, да и никто другой, принять не мог; перед нами полностью зависимая от государства община, не имеющая возможности принимать какие-либо самостоятельные решения в аграрной сфере. Столь же зависимой, правда, не от государства, а от частной воли помещика, была и русская помещичья община.

В 624 г. основатель династии Тан Ли Юань после значительного перерыва, связанного с периодом правления «варварских» государств в Северном Китае, вновь ввел надельную систему, причем она действительно была реализована во всем Китае, так как сохранились обнаруженные в 1907–1914 гг. в Дуньхуане и Турфане подворные реестры, свидетельствующие «о претворении указа в жизнь на всей территории огромной страны вплоть до самых ее окраин» [История Китая, 1998, с. 169]. Вновь община была подчинена старому государственном надзору и фактически сама превратилась в послушный фискально-административный орган. Только в 780 г., после восстания Ань Лушаня и гражданской войны, правительство утвердило проект реформ, разработанный первым министром Ян Янем, официально отменив надельную систему и введя новую систему налогообложения – «двухразовый налог» (*ляншуй*) [История Китая, Т. III, 2014, с. 307]. В результате государство устранилось от контроля над аграрным сектором, «земельные участки были закреплены за теми хозяевами, которые ими владели, была разрешена купля-продажа земли, податное население окончательно разделилось на вотчинников, эксплуатирующих арендаторов и слуг, и крестьян, обрабатывающих свои участки главным образом собственным трудом» [Алаев, 2016, с. 397].

Образовавшаяся после 780 г. община представляет собой фискальный орган, хотя и не обязанный отныне реализовывать государственную политику регулирования земельных отношений в соответствии с «надельной системой», но и не имеющей возможности существенно влиять на земельные отношения. Однако позднетанская община не только отражала интересы государственного аппарата, но и заботилась о своих крестьянах. Это в первую очередь относится к фискальной общине («пятидворке») и круговой поруке (*баоцзячжиду*) [Алаев, 2016, с. 297].

Как пишет М. Е. Кравцова, «в империи Тан, а затем и во многих государствах, образовавшихся после ее падения, проводили аграрную реформу, предварительно создав фонд “казенных земель”. Чаще всего использовали надельную систему (*чжаньтянь*) в различных ее вариантах, суть которой состояла в закреплении за каждым работником участков определенных размеров и установлении фиксированных налогов. Крестьянин становился как бы бессрочным арендатором казенной земли, часть надела могли отдавать в наследственную собственность» [История Китая, Т. IV, 2016, с. 176]. Община в данной ситуации носила подчиненный государству характер, но не переставала существовать: будучи транслятором решений государственной власти, она по мере сил продолжала заботиться о своих членах.

В империи Сун (960–1127) ситуация изменилась. Правда, М. Е. Кравцова при характеристике аграрных отношений в империи Сун общину не упоминает вообще [История Китая, Т. IV, 2016, с. 176–182]. В то же время Л. Б. Алаев, ссылаясь на знатока сунского Китая Г. Я. Смолина, пишет: «в Китае происходит **второе рождение общины**. Выражается это в расширении прав деревни на угодья. Укрепляются "клановые начала". Расширяется клин земли, обрабатываемый общиной коллективно. Эти *цзи тянь* («жертвенные поля»), *тай гун тянь* («поля предков»), *чжуан,* или *и тянь* («общественные поля»). Их обрабатывали совместно (наверно, с помощью батраков или иных зависимых лиц), доход с них шел на совершение обрядов, в том числе в честь предков, и на вспомоществование бедным членам общины» [Алаев, 2016, с. 398]. Несмотря на глубокие отличия танской общины от сунской, вряд ли процессы, проходившие в китайском обществе в X–XII вв., можно назвать «возрождением общины». Чем распоряжалась общинная администрация в период Сун? Землями, доход с которых шел на культовые цели и на помощь бедным, угодьями, и все. Никакого перераспределения общинных земель между членами общины не было. Да и было ли общинное начальство в полной мере самостоятельным, не зависящим от государственных властей? Алаев цитирует Смолина: «В Сунской империи примат территориально-административного начала и чиновно-бюрократический контроль над жизнедеятельностью общинных объединений усилились, обрели еще более четко выраженные черты»[2]. Можно ли это считать «возрождением общины»?

Сам автор описывает положение старост следующим образом: «И на частных, и на государственных землях большую роль играли сельские начальники (*ли чжэн*), старосты (*ху чжан*), сельские писцы (*сян шу шоу*). Они являлись общинными должностными лицами, избирались жителями, **но утверждались властями и подчинялись только последним**. Эти полуофициальные лица выполняли свои обязанности в порядке казенной повинности. Они **назначались** на срок от одного до трех лет. На эти должности привлекались в основном зажиточные общинники – из «сильных» и «средних» дворов», но часто такая должность не становилась источником дополнительного дохода, а вела к разорению хозяина, так как ему приходилось уплачивать налог за недоимщиков» [Алаев, 2016, с. 398]. Общинные старосты **назначались**, так как последнее слово всегда оставалось за государством, отбиравшим самых состоятельных, чтобы можно было взимать с них недоимки за всю общину. Старосты представляли собой «мальчиков для битья», причем в прямом смысле, так как взимание недоимок включало применение физического воздействия, в том числе побоев (так было и во Вьетнаме в XIX в.).

Новейшие работы по истории династии Юань (1279–1368) вообще не упоминают об общине. [История Китая, Т. V, 2016, с. 74–176]. Нет ее и в период правления династии Мин. Фактически это признает сам Л. Б. Алаев: «В **период Мин** (1368–1644) все земли империи подразделялись на две большие категории – государственные (*гуань тянь*) и частные (*минь тянь*). Частные земли находились в руках землевладельцев, держатели государственных земель считались арендаторами (*дянь ху*). Государство в стране, разоренной войной с монголами, заселяло опустевшие земли общинами государственных арендаторов. Они объединялись в *шэ,* которые разделялись на *ли* и *цзя*… *Ли* состояли из 110 тягловых дворов. Из них 10 самых зажиточных, "посылавших на исполнение повинностей самое большое число тяглых и вносивших самое большое количество налогов", становились наследственными старостами (*ли чжэн*). Они выполняли обязанности старосты всего *ли* по очереди, так что до каждого очередь доходила через 10 лет. Остальные 100 дворов подразделялись на десять десятидворок (*цзя*), каждый хозяин из десятка становился десятским (*цзя шоу*) на один год. Старосты составляли реестр земель и их владельцев и были обязаны пресекать все попытки уклониться от уплаты налога. *Ли* должны были выполнять функции охраны порядка, вести учет жителей, их приезд или оставление селения. Чиновники должны были снабдить новопоселенцев тягловым скотом и семенами» [Алаев, 2016, с. 398]. Как видим, государство формировало

---

[2] [Смолин, 1974, с. 159]. Цит. по: [Алаев, 2016, с. 398].

общины, исходя из собственных нужд – сбора налогов и несения повинностей. Однако и общины, создаваемые государством, оставались общинами, ибо заботились об общинниках. Проведем аналогию с колхозами: создаваемые по указаниям сверху, они выполняли жесткие госзадания, но когда их возглавлял «хороший» председатель, заботившийся о колхозниках, вступавший в административные «игры» с властями, занижавший нормы сдачи зерна, припрятывавший необходимые продукты и добивавшийся «выживания» коллектива, колхоз худо-бедно продолжал существовать. Если же председатель беспрекословно повиновался указаниям, выполнял (и перевыполнял) нормы заготовок, слепо следовал изменчивой политике в отношении сельского хозяйства и не щадил односельчан, колхоз разваливался.

В главе «Аграрные отношения и аграрная политика династии Мин» А. А. Бокщанин пишет о крестьянских держаниях государственной земли, о должностных и частных землях, о расширении свободной крестьянской собственности, о налоговом обложении сельского населения и о государственных повинностях, но общину не упоминает [История Китая, Т. V, 2016, с. 410–434]. Между тем она все-таки существовала, даже будучи подчиненной государству.

Ссылаясь на исследования Н. И. Тяпкиной, Л. Б. Алаев находит в период правления династии Цин (1644–1911) существование нескольких накладывавшихся друг на друга общин. «Уезды – бесспорно административно-бюрократические единицы – подразделялись на “волости” (*син*), обычно четыре в каждом уезде. *Син* тоже можно считать общинами, поскольку их возглавляли старосты, выходцы из местных жителей. На этом уровне осуществлялась одна из важнейших задач управления – индоктринация населения. Дважды в месяц, по первым и пятнадцатым числам, проходили занятия по учению Конфуция, в которых должно было участвовать все население. Существовали также естественно сложившиеся более мелкие общины (реальные деревни, села, посады, города). В 1660 г. власти решили “упорядочить эту структуру”. Указано было создавать *шэ*… из 20–50 дворов, которые должны были организовать соседскую взаимопомощь в первые страды, контролировать выполнение сельскохозяйственных работ, запасать зерно на случай стихийных бедствий. Помимо всего этого действовали еще две – административные – общины: *баоцзя* – для полицейского контроля – и (*лицзя*) – для фискальных целей» [Алаев, 2016, с. 400–401]. Таким образом, и при Цин существовали «административные» общины *баоцзя и лицзя* с определенными формами взаимопомощи. Еще более «коллективистской» можно считать общину *шэ*, но и ее функции были ограниченными. Индоктринацию же населения на уровне «волости» (*син*) хочется сравнить с пионерскими отрядами, проводившими политинформации и собиравшими макулатуру. Когда их возглавляли компетентные люди, они могли приносить пользу (встречаются люди, тепло вспоминающие пионерский отряд), но подавляющее число респондентов с ненавистью или безразличием говорят о пионерских и комсомольских организациях.

В связи с анализом общины периода Цин приведем точку зрения крупнейшего российского специалиста по цинскому времени О. Е. Непомнина: «В фискальном, полицейском и ином плане поземельной общины в Цинской империи не существовало, она погибла за много столетий до рассматриваемого периода, а соседская община, разложившись (сохранились лишь отдельные ее элементы), сменилась системой патронимий-кланов (*цзу, цзунцзу*). В фискальном, полицейском и ином плане “класс-государство” строил свои отношения с крестьянством не по общинному, и даже не по клановому, а по подворному принципу учета и связи. **Казна имела дело с каждым двором в отдельности**, минуя патронимическую организацию в деле как учета населения (система *баоцзя*), так и обложения налогами и повинностями**. Как коллективных крестьянских обязательств перед “классом-государством”, так и автономной внутридеревенской раскладки налогов и повинностей Цинская империя не знала**. Существовавшая система не была государственно-клановой, ибо патронимию в налоговом и контрольном отношении “класс-государство” не признавал ни экономическим субъектом, ни субадминистративной единицей,

ни объектом фиска, хотя казна признавала клан юридическим лицом в качестве владельца “общих земель” данной патронимии, “классу-государству” противостояли не крестьянские организации, а море “атомизированных” “тяглых душ”, землевладельцев и иных лиц в системе кланов. Это была государственно-крестьянская система с принципом подчинения “верховный класс – податной крестьянин”» [История Китая, Т. VI, 2016, с. 403].

Пространное высказывание О. Е. Непомнина приведено здесь, потому что оно отражает точку зрения значительной массы историков, в том числе китаистов (прежде я и сам придерживался сходных взглядов): поземельной общины в Китае после реформ Шан Яна (в частности, в империи Цин) не существовало; соседская община, разложившись, сменилась системой патронимий-кланов; государство строило отношения с крестьянством не по общинному, не по клановому, а по подворному принципу учета; казна имела дело с каждым двором в отдельности – как при учете населения, так и при обложении налогами и повинностями. Работа Л. Б. Алаева показывает: подобные взгляды носят формальный характер, что в какой-то степени извинительно именно для китаистов: «задавленные» огромным количеством материала, почерпнутого из официальных хроник, летописных сводов и казенных документов, они в силу отсутствия сил и времени значительно меньше внимания уделяют эпиграфике, актовому материалу, деревенским хроникам, клановым генеалогиям. О. Е. Непомнин не прав, потому что признание им «клана юридическим лицом в качестве владельца “общих земель” данной патронимии» предполагает наличие какой-то общинной организации в той местности, где проживала данная патронимия. Несмотря на то что в период правления династии Цин община находилась под довольно жестким давлением государства, она все-таки сохранилась и в XX в. смогла регенерироваться, прежде всего на юге Китая (но это уже тема отдельного исследования).

Литература / References

Алаев Л. Б. *Сельская община «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе.* М., 2016 [Alaev L. B. *Sel'skaia obschina “Roman, vstavlennyi v istoriiu”. Kriticheskii analiz teorii obschiny, istoricheskih svidetel'stv ee razvitiia i roli v stratifitsirovannom obschestve.* Moscow, 2016].

Деопик Д. В. *История Вьетнама.* Часть 1. М., 1994 [Deopik D. V. *Istoriia Vietnama.* P. 1. Moscow, 1994].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. II. *Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н. э. – III в. н. э.).* М., 2016 [*Istoriia Kitaia s drevneyshih vremion do nachala XXI veka.* Vol. II. *'Epoha Zhan'go, Tsin' i Han' (V v. do n.'e. – III v. n.'e.* Moscow, 2016].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. III. *Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907).* М., 2014 [*Istoriia Kitaia s drevneyshih vremion do nachala XXI veka.* Vol. III. *Troetsarstvie, Tszin', Iuzhnye i Severnye Dinastii, Sui, Tan (220–907).* Moscow, 2014].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. V. *Династии Юань и Мин (1279–1644).* М., 2016 [*Istoriia Kitaia s drevneyshih vremion do nachala XXI veka.* Vol. V. *Dinastii Yuan' i Min (1279–1644).* Moscow, 2016].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VI. *Династия Цин (1644–1911).* М., 2016 [*Istoriia Kitaia s drevneyshih vremion do nachala XXI veka.* Vol. VI. *Dinastiia Tsin (1644–1911).* Moscow, 2016].

История Китая: Учебник. Под редакцией А. В. Меликсетова. М., 1998 [*Istoriia Kitaya: Uchebnik.* Pod redaktsiei A. V. Meliksetova. Moscow, 1998].

Малявин В. В. Киотская школа и проблема «средних веков» в истории Китая // *Народы Азии и Африки.* 1981. № 2. С. 192–201 [Maliavin V. V. Kiotskaia shkola i problema “srednih vekov” v istorii Kitaia // *Narody Azii i Afriki.* 1981. 2. Pp. 192–201].

Переломов Л. С. *Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н. э.).* М., 1962 [Perelomov L. S. *Imperiia Tsin' – pervoe tsentralizovannoe gosudarstvo v Kitae (221–202 gg. do n.'e.).* Moscow, 1962].

Рябинин А. Л. Рецензия на книгу Л. Б. Алаева «Сельская община. “Роман, вставленный в историю”. Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе» // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 218–226 [Riabinin A. L. Retsenziya na knigu L. B. Alaeva “Sel’skaia obschina. ‘Roman, vstavlennyi v istoriiu’. Kriticheskiy analiz teorii obschiny, istoricheskih svidetel’stv eio razvitiya i roli v stratifitsirovannom obschestve” // *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. Moscow, 2018. 3. Pp. 218–225].

Смолин Г. Я. *Антифеодальные восстания в Китае во второй половине X – первой четверти XII в.* М., 1974 [Smolin G. Ia. *Antifeodal’nye vosstaniia v Kitae vo vtoroi polovine X – pervoi chetverti XII v.* Moscow, 1974].

Сыма Цянь. *Исторические записки (Ши цзи).* Том VII. М., 1996 [Syma Tsyan’. *Istoricheskie zapiski (Shi tszi).* Vol. VII. Moscow, 1996].

СУДЕБНЫЕ ТЯЖБЫ В ЯПОНСКОМ УДЕЛЕ ПЕРИОДА СЭНГОКУ (ПО МАТЕРИАЛАМ «КОЁГУНКАН»). ЧАСТЬ II

С. А. Полхов*

Часть I данной статьи увидела свет в предыдущем номере «Вестника Института востоковедения РАН». В статье рассматриваются и оцениваются сведения о княжеском суде в Японии периода «воюющих княжеств», приводимые в «Коёгункан», который не без оговорок можно отнести к жанру *гунки моногатари* («военные повести»). Показывается, что данные этого источника существенно дополняют документальные свидетельства и позволяют воссоздать облик правосудия в уделе Такэда – одном из княжеств Японии периода политической раздробленности.

Ключевые слова: Средневековая Япония, Коёгункан, Сэнгоку дзидай, Такэда Сингэн, вассал, закон, тяжба.

LITIGATION IN JAPANESE DOMAIN OF THE SENGOKU PERIOD (BASED ON EVIDENCE IN KOYO GUNKAN). PART II

Svyatoslav A. Polkhov

Part I of this article was published in the previous issue of the *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. The article examines and evaluates information about the *daimyo* court in Japan during the Warring States period – information that is contained in *Koyo Gunkan* and can probably be labeled with some reservations as *gunki monogatari* (“war tale”). It is shown that the data of this source substantially supplement documentary evidence and allow to reconstruct the structure of justice in the Takeda domain – one of the daimiates of Japan during the period of political fragmentation.

Keywords: Medieval Japan, Koyo Gunkan, Sengoku Jidai, Takeda Shingen, vassal, law, litigation.

ДЕЛА ОБ ОСКОРБЛЕНИИ САМУРАЙСКОЙ ЧЕСТИ

В «Коёгункан»[1] красочно описываются тяжбы из-за умаления чести, сторонами которых являются самураи. Безусловно, рассказывая о таких казусах автор «К» стремился еще раз обозначить модель поведения, которой должен следовать воин. Этому образцу противопоставляются неприемлемые, недозволенные и недостойные поступки тех персонажей, которые, как правило, проигрывают суд.

Согласно «К», в 1548 г. в уезде Сува в провинции Синано самурай по имени Намбу Нобунори, отпрыск боковой линии дома Такэда, решил казнить своего слугу (*ути-но моно*)[2], но тот оказал сопротивление, и Намбу никак не удавалось осуществить свое намерение. На месте происшествия будто бы оказался Ямамото Кансукэ (?–1561), изображаемый в «К» одним из близких советников Такэда Сингэн. Кансукэ также приписывается высокое мастерство в фехтовании мечом, военной тактике, умение строить замки, знание искусства врачевания и т. д. Ему удалось засовом от двери сбить с ног слугу, а потом связать его и передать Нобунори. Кансукэ был легко ранен в руку, которая вскоре зажила. Судя по всему, Нобунори был крайне раздосадован тем, что не сумел самолично справиться со своим холопом и вскоре

* Святослав Александрович ПОЛХОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН (Москва); cjr-ran@yandex.ru
Svyatoslav A. POLKHOV, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow); cjr-ran@yandex.ru

[1] Далее в тексте «Коёгункан» обозначается как «**К**».

[2] Согласно «К», его звали Ито Тосабуро, следовательно, речь идет о низкоранговом воине, наследственном слуге Намбу.

он стал хулить Кансукэ: если тот хорошо владел мечом, отчего же его ранили в руку? Нобунори также при других вассалах усомнился в военном искусстве Кансукэ (строительство замков, построение войск) и его умениях врача. *Мэцукэ* и *ёкомэ* незамедлительно донесли Сингэн о хуле, возводимой на Кансукэ. По повелению Сингэн немедленно был составлен документ, в котором осуждалось безосновательное поношение Ямамото Кансукэ. Нобунори также обвинялся в приписывании себе военных заслуг своих людей [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 472–473]. Судя по всему, княжеская грамота была доставлена обвиняемому или же ее содержание было доведено до сведения других вассалов, хотя прямо об этом в источнике не сказано. Как отмечается в «К», на основании этих пунктов Намбу Нобунори должны были казнить, но Кансукэ счел дело маловажным. Поэтому Нобунори пощадили, но отстранили от службы, лишив владений (*кайэки*) и изгнав из княжества Такэда. Его служилых людей (самураев и *асигару*) переподчинили другим вассалам [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 474]. Вслед за этим Нобунори перебрался в Айдзу в провинции Муцу и там будто бы умер от голода. Марусима считает правдоподобным сообщение о разжаловании Намбу Нобунори, но указывает, что сведения «К» о его смерти в Муцу, видимо, не соответствуют действительности. По другим источникам он мог добраться до Киото, где и поступил на службу сёгуну Асикага Ёсиаки (рубеж 1560-х–1570-х гг.) [Такэда-си, 2015, с. 543].

В 1547 г. состоялась тяжба между самураями Симура Канэносукэ и Мукаса Ёитиро, оба они являлись *досин* Обу Торамаса и сначала были неразлучными приятелями. Ёитиро даже жил в усадьбе Канэносукэ. Однажды Канэносукэ решил проучить своего слугу (*хикан*)[3], но тот осмелился ему прекословить. Тогда Канэносукэ выхватил меч, чтобы его зарубить, но слуга отразил удар своим *вакидзаси* и побежал. Возвращавшийся откуда-то Мукаса Ёитиро пришел на помощь, поразил и сбил с ног слугу, который в свою очередь ранил его в ногу. Подоспевшему Симура Канэносукэ удалось отрезать голову *хикан*. Он поклялся, что если Ёитиро умрет от раны, то вспорет себе живот. Но рана была неглубокой, и через 50 дней Ёитиро выздоровел. Хвастаясь и показывая след от раны, он стал рассказывать другим, что совладал с сильным слугой Симура Канэносукэ, с которым тот не справился. Канэносукэ счел, что речи Ёитиро его бесчестят и подал своему *ёриоя* Обу Торамаса жалобу на сотоварища. В «К» указывается, что отец Канэносукэ был доблестным самураем, о заслугах которого знал Сингэн[4]. Ввиду этого Торамаса не стал рассматривать иск, а передал его на рассмотрение даймё. Таким образом, судьей стал сам даймё (*годзэн сабаки ни нару*, 御前さばきに成ル) [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 41–42].

Истца Канэносукэ и ответчика Ёитиро вызвали в княжескую резиденцию, где те прочитали перед Сингэн грамоты со своими доводами. На суде присутствовали *мэцукэ*, которым Симура Канэносукэ передал еще и клятву в правдивости своих слов, начертанную на обратной стороне бумаги-оберега[5]. Поскольку инцидент произошел в районе Такумикодзи в Кофу, по приказу Сингэн были призваны горожане, бывшие свидетелями инцидента. Они были опрошены вместе с Канэносукэ и Ёитиро. Мукаса Ёитиро проиграл суд и по приговору даймё был в назидание другим распят вниз головой (*хатамоно*) в воротах резиденции Такэда. После суда через *мэцукэ* до сведения самураев Такэда довели документ, составленный по повелению Сингэн, в котором разъяснялось, почему Мукаса Ёитиро был сурово наказан как

---

[3] Слуга также называется *тюгэн*, которые в период *Сэнгоку* по статусу были низкоранговыми служилыми воинами.

[4] Согласно «К», Симура Канэнодзё, отец Канэносукэ, совершил немало подвигов и среди прочего особо отличился в сражении с домом Ходзё в провинции Суруга, когда домом Такэда управлял Нобутора, отец Сингэн. Род Мукаса происходил из провинции Тотоми, род Симура из Каи [Коёгункан, Т. 3, 1983, с. 211]. В словаре вассалов Такэда фигурирует несколько самураев с фамилией Симура, но никто из них не отождествлен с Симура Канэносукэ [Такэда-си, 2015, с. 373–374].

[5] Перевод термина принадлежит В. Ю. Климову. Обереги (*гоо хоин*, 牛玉宝印), долженствовавшие отвращать беды и зло, представляли собой лист бумаги с названием храма или святилища, их выдавшего, а также с красной печатью с изображением санскритских знаков. В Японии в Средневековье были особенно популярны обереги с изображением воронов из святилища Кумано. Вороны считались вестниками божества этого святилища, будто бы выпрямляющего ложь. На обратной стороне таких листов воины нередко записывали клятвы для придания им большей силы.

изменник: совершенно не понимал «пути воина»; если бы все осталось без последствий, он бы превозносил дурных и очернял хороших, и тогда самураи утратили бы храбрость, а Сингэн перестал бы одерживать победы и навлек позор на «острие своего копья» [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 43–46].

Другая тяжба в «К» датирована 1558 г. и также касается умаления чести. Наганума Нагаэмон, потомственный слуга клана Итагаки, отправился из Каи в Синано по своим делам, когда провинция Синано еще не была полностью подвластна Такэда. В Синано Нагаэмон был убит самураями дома Аояги, служившими клану Дзакодзи[6]. Сыновья погибшего Нагасукэ и Нагахатиро, вняв увещеваниям матери, замыслили отомстить убийцам отца и отправились в Синано. Готовя месть, 100 дней прожили в Синано. Потом к ним пожелали присоединиться четыре товарища, в том числе самурай по имени Содзё Гэмпатиро, вассал Такэда Ёсинобу, старшего сына Сингэн. Наганума удалось расквитаться с Аояги за смерть отца, хотя они сами были ранены, а некоторые из их слуг убиты. Никакого наказания от даймё за свершение мести Наганума не понесли, напротив, их поощрили: из *матахикан* (служилых людей других вассалов Такэда) были переданы в подчинение Такэда Ёсинобу, т. е. фактически стали вассалами старшего сына и наследника князя [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 46–48]. Сингэн стал благоволить братьям Наганума и в знак особой милости изволил говорить с ними. Содзё Гэмпатиро позавидовал Наганума и начал приписывать главные заслуги в осуществлении мести себе и чернить братьев. Его многочисленные родственники вторили Гэмпатиро, говоря, что лишь благодаря его помощи Наганума сумели отомстить.

Братья Наганума хотели было зарубить его, но их отговорили сотоварищи: в таком случае даймё посчитает, что они затеяли стычку (*кэнка*) и потом о них никто не замолвит слово перед князем. Поскольку дело не пустяковое, а касается пути самурая (*сабураи-до*, 侍道), следует вынести дело на суд князя Сингэн. Следуя этому совету, братья Наганума подали иск. Суд проходил в присутствии Такэда Сингэн (*годзэн кудзи ни нару*, 御前公事に成ル). Князь ознакомился с письменно изложенными доводами истцов и ответчика (Содзё Гэмпатиро) и выслушал устное изложение их позиций. Сингэн будто бы воздал должное Наганума, которые долго стремились к осуществлению цели и достойно отомстили за отца в другой провинции. Тяжба окончилась победой братьев Наганума, но Содзё Гэмпатиро не понес никакого наказания, хотя Сингэн будто бы объявил необоснованным приписывание Гэмпатиро себе исключительных заслуг в свершении мести [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 49, 52].

После этого братья Наганума отличились в военных кампаниях. В 1561 г. в битве при Securing Каванакадзима Содзё Гэмпатиро неожиданно ударился в бегство, но когда об этом стало известно, оговорил другого самурая, обвинив его в трусости. Выяснить правду не удалось, тогда по приказу Сингэн была устроена ордалия – испытание огнем (*тэкка,* てつくわ). Даймё сказал, что это унизительное для *хатамото* испытание. Вместо самураев ордалию должны были пройти их слуги (*хикан*). В святилище Хатиман в присутствии *сёку-сю* и *ёкомэ* слуга Содзё Гэмпатиро не выдержал испытания. В этот момент Сингэн вспомнил и о безрассудных словах Содзё в отношении братьев Наганума и проигранную им тяжбу. В назидание остальным самураям Содзё был приговорен к изгнанию. Его дом был конфискован *ёкомэ*, которым помогали слуги *сёку* Амари. По приказу Сингэн его предали мучительной казни: распяли вниз головой [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 52–53].

В еще одном эпизоде «К», не привязанном к конкретной дате, рассказывается о тяжбе между двумя самураями и задевшими их честь представителями других социальных слоев. В

[6] Клан Аояги происходил из уезда Тикума провинции Синано [Такэда-си, 2015, с. 13–14]. Неясно, кого из представителей этого клана можно отождествить с упомянутыми в «К» братьями Аояги. Род Дзакодзи, которому служили Аояги, происходил из уезда Ина провинции Синано [Коёгункан, Т. 3, 1983, с. 216]. Вассалы с фамилией Наганума фигурируют в документации дома Такэда, но кто из них может быть соотнесен с братьями Наганума из «К» совершенно непонятно [Сэнгоку ибун, Т. 6, 2006, с. 319]. Самураев с фамилией Содзё, а одним из героев рассматриваемой тяжбы является воин Содзё Гэмпатиро, в индексе имен, встречающихся в документах Такэда, нет.

винной лавке в квартале Рэндзяку кодзи в Кофу выпивали *хинин*[7]. Согласно «К», они занимались сдиранием кожи с лошадей и быков (*кавахаги,* かわはぎ), при этом разъезжая на оседланных лошадях и имея в услужении своих холопов (*гэнин*). В ту же харчевню зашли после окончания службы два самурая Кунуги Садайбу, *досин* Мукаияма[8], а также Комияма Хатидзаэмон, *ёрико* Саикуса Дзэнъэмон[9]. Тем временем служилый человек (*тюгэн*) Кунуги Садайбу сообщил, что рядом *хинин*. Самураи страшно разгневались. При этом в «К» говорится, что оба они отличились в сражениях, получив наградные грамоты от даймё, и не отклонялись от «пути воина». Хатидзаэмон и Садайбу не стали прибегать к силе или угрозам, чтобы восполнить урон своей чести, подав письменный иск княжеским должностным лицам (*бугё*). Конкретные формулировки его не приводятся, но, исходя из пересказываемого фрагмента, можно заключить, что самураи посчитали недопустимым нахождение разбогатевших *хинин* в одном месте с ними: если самураи и *кавахаги* («сдиратели шкур») будут рядом, не отличить будет верхи от низов, а манеры и образ поведения самураев будут не востребованы. Их ответчиком стали горожанин (хозяин лавки) и *хинин*. Судьями стали уже упоминавшиеся *кудзи бугё*: Имафуку Тёкансай, Муто Микава-но ками и Сакураи Нобутада. Имафуку Тёкансай, слывший искусным судьей, безоговорочно поддержал самураев, упрекнув в недосмотре хозяина лавки. *Хинин* же, по его словам, безрассудно думали, что, располагая деньгами, нет нужды следить за пристойностью своего поведения. Он будто бы выступил против их казни, указав, что законов, регулирующих их поведение, еще не вводилось [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 72–73]. Здесь явно подразумевается, что наказанием для *хинин,* умаливших достоинство самураев, могла быть смерть. Горожанину, по вине которого *хинин* оказались вместе с самураями, предписали преподнести каждому воину по куску ткани. *Бугё* добились пощады для *хинин*; в знак признательности они должны были сделать кожаные сандалии и подарить Кунуги Садайбу и Комияма Хатидзаэмон по одной паре. Данный случай стал поводом для принятия в уделе Такэда закона, обязавшего *кавахаги* под страхом жестокой казни – распятия или сваривания заживо в котле – носить с собой кожаные сандалии, чтобы их могли узнать другие [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 74][10].

Обилие рассказов о судах из-за самурайской чести в «К» позволяет предположить, что они не являются вымыслом, а имеют под собой реальную историческую подоплеку. Оскорбление рассматривалось как тяжкое правонарушение, за которое преступник в серьезных случаях мог подвергнуться изгнанию, еще в кодексе Камакурского сёгуната «Госэйбай сикимоку» (ст. 11), принятом в 1232 г. Даже если в «К» перепутаны и искажены некоторые детали и имена участников тяжб, в том, что они имели место в княжестве Такэда, вряд ли можно усомниться. Процесс мог инициироваться как вассалами, так и княжеской властью по своей инициативе – после получения донесений от соглядатаев *мэцукэ* и *ёкомэ*. Зачастую по таким делам даймё сам возглавлял суд и выносил приговор. Наказанием за необоснованно возводимую хулу на другого самурая или ложное возвеличивание своих заслуг могла быть смертная казнь, но многое определялось конкретной ситуацией и

---

[7] *Хинин* (非人) – дословно «нелюди», парии, занимавшиеся в средневековой Японии «оскверняющими» профессиями, а также больные некоторыми заболеваниями (например, проказой), наказанные преступники и т. д. Как видно из этой истории, *хинин* могли быть состоятельными и даже богатыми. *Сэнгоку даймё* оказывали покровительство *хинин*, занимавшимся изготовлением изделий из кожи, необходимых для воинов (например, тетивы лука). Подробнее [Nagahara, 1979, p. 398–400].

[8] *Ёрико* – другое наименование *досин*. В словаре вассалов дома Такэда есть несколько самураев с фамилией Мукаияма; кто именно из них соответствует *ёриоя* Кунуги Садайбу из «К», неясно [Такэда-си, 2015, с. 646–647]. Хотя в словаре вассалов Такэда нет воинов с такой фамилией, в документах Такэда упомянут некий Кунуги Этиго-но ками [Сэнгоку ибун, Т. 4, 2003, с. 327, документ № 3058].

[9] Саикуса Дзэнъэмон назван в данном фрагменте *самурай дайсё,* т. е. высокопоставленным военачальником дома Такэда. Соответствует Сайгуса Масасада (1538–1575), старшему сыну видного вассала Такэда Сайгуса Тораёси (1511–1583) [Коёгункан, Т. 3, 1983, с. 254; Такэда-си, 2015, с. 330–331]. Среди вассалов Такэда числился Комияма Хатидзаэмон (годы жизни неизвестны), непонятно, можно ли его отождествить с героем этой истории, поскольку нередко близкие родственники носили одинаковые имена [Такэда-си, 2015, с. 326–327].

[10] В других источниках этот закон не упомянут.

положением воина в вассальном доме; казнь не была единственно возможным приговором. Проигравшая сторона могла избежать наказания. Примечательно, что в тяжбах из-за задетой чести проигравшему нередко высылалась грамота даймё с перечислением его проступков. Содержание таких «обвинительных вердиктов» могло доводиться и до сведения других вассалов. Можно объяснить такую практику желанием княжеской власти обосновывать приговоры, предполагавшие суровые кары, поддержать репутацию справедливого судьи в глазах самураев и стремлением регулировать конфликты и поддерживать порядок в вассальном доме, очертить пределы дозволенного и должного для каждого. Неоправданные наказания были чреваты уменьшением лояльности и открытыми мятежами.

Примечательно, что традиция доведения до сведения опальных или караемых самураев их прегрешений была достаточно распространена в период *Сэнгоку* и Адзути-Момояма (1573–1603). Так поступали и Ода Нобунага (1534–1582) и Тоётоми Хидэёси (1537–1598) в отношении вассалов, навлекших на себя их немилость.

Тяжбы с участием буддийских монахов

В «К» описано несколько судебных дел, в которых участвовали буддийские монахи. 1554 г. датируется тяжба между послушниками храма Синкодзи[11] уезда Сарасина провинции Синано относительно наследования поста настоятеля. Настоятель храма Эндзоин обещал передать свой пост наиболее способному ученику по имени Ринсэцу, отправившемуся в Нара на учебу[12]. Но от него долго не было вестей, и настоятель, подумав, что тот умер, завещал свое место другому монаху – Дзэмман, невежественному, но старшему по возрасту. Когда Ринсэцу вернулся из путешествия, он обратился в суд в уезде Сарасина в Синано, утверждая, что должен стать законным наследником покойного настоятеля вместо Дзэмман. В «К» не уточняется, какой суд разбирал его жалобу, но так или иначе иск Ринсэцу был отклонен: Дзэмман предъявил документ с завещанием, призвал в свидетели послушников и мирян, поставив себе в заслугу восстановление обветшавшего храма. Тогда Ринсэцу отправился в Кофу, где его обращение рассматривали четверо *бугё*: уже упомянутые трое судей Имафуку Тёкансай, Муто Микава-но ками, Сакураи Нобутада, а также Имаи Исэ-но ками (?–?), один из высокопоставленных вассалов Такэда Сингэн. Бросив жребий, каждый из трех *бугё* предложил признать правой ту или иную сторону тяжбы. Наконец, Имаи Исэ-но ками выдвинул компромиссный вариант: достигшему шестидесятилетия и уступавшему в учености Дзэмман следовало уйти на покой, передав пост настоятеля сведущему в законе Будды Ринсэцу, которому не исполнилось еще и тридцати. Ведь ученость Ринсэцу, согласно вердикту Имаи, следует ставить выше грамоты, выданной Дзэмман. Но Ринсэцу из уважения к старшему собрату должен был передать под контроль Дзэмман третью часть имущества храма. Если Дзэмман возненавидит Ринсэцу, то отравит его или причинит вред иным способом, предостерег судья. Далее в «К» говорится, что о решении Имаи Исэ-но ками, преподнесенном как окончательное, будто бы узнал и одобрительно отозвался Такэда Сингэн [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 81–84].

В другой не привязанной к конкретной дате истории, изложенной в «К», рассказывается о споре мирянина и монаха. Житель города Кофу по имени Дандзаэмон, торговавший солью, не вернул в срок долг, взятый у монаха школы «Чистой земли» (Дзёдо-сю), которого звали Ходзюн[13]. Последний ворвался в дом Дандзаэмон и увел девятнадцатилетнюю служанку как «обеспечение» по невыплаченной ссуде. В «К» указывается, что обычаи (*нараи*) провинции Каи осуждают подобное взятие залога у крестьян

---

[11] Одно из писем Такэда Сингэн адресовано храму Синкодзи (真光寺) в Синано. Однако это был дзэнский храм, а не храм школы Рицу-сю [Сэнгоку ибун, Т. 3, 2003, с. 225, документ № 2109].

[12] В Нара в провинции Ямато находился центр школы Рицу-сю, к которой относился и храм Синкодзи.

[13] В «К» указывается, что Ходзюн был послушником «дочерней обители» (*вакибо*) храма Сонтайдзи в Кофу, построенного Такэда Нобутора, отцом Такэда Сингэн в годы под девизом правления Дайэй (1521–1528) [Коёгункан, Т. 3, 1983, с. 274].

(*дзигэнин*) или горожан (*тёнин*). Собравшиеся соседи Дандзаэмон решили, что отбить служанку у монаха не получится: законы (*кокухо*, 国法) князя Сингэн карают насилие в отношении монахов. Затем горожанин умер, а его зять Дзинкуро безуспешно просил Ходзюн передать служанку обратно. В конце концов Дзинкуро подал *бугё* Кофу иск с требованием вернуть служанку. В свою очередь *бугё*, зная о том, что Сингэн считает такие дела особенно важными, представили ему соответствующий доклад. Тяжбу горожанина и монаха стал рассматривать лично даймё. Между тем молва говорила, что служанка зачала ребенка от монаха, которого надо за это сжечь. Выяснилось также, что горожанин уже стал возвращать задолженность по частям.

Тем не менее, выслушав доводы сторон, Такэда Сингэн признал правым монаха: горожанин разгневал Ходзюн, не отдавая долг и не предоставив залога. Князь также сослался на сутры, почитаемые школой «Чистой земли», позволяющие монахам держать при себе женщин-прислужниц. Горожанин был приговорен к уплате штрафа и 30 дням заточения за то, что, презрев монаха, подал против него необоснованный иск. Кроме того, Такэда Сингэн присудил, чтобы монах передал женщину *бугё*, а из своей казны велел уплатить задолженность – столько, сколько просит монах. Служилые люди *бугё* расспросили служанку, оказалось, что ее ребенок родился от тайной связи с другим монахом того же храма. Сингэн при встрече с Ходзюн сказал ему, что хотя тот и чист сердцем, впредь таких тяжб быть не должно. Рассказ заканчивается восхвалением прозорливости и сострадательности «прославленного военачальника» (*мэйтайсё*) – князя Сингэн, хотя его приговор показался его подданным и вассалам неожиданным [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 85–88].

В другом эпизоде повествуется о тяжбе крестьянина и монахов. В Ивамурата в уезде Саку провинции Синано жил крестьянин, исповедовавший буддизм школы «Чистой земли». Его жена принадлежала к школе Лотоса – Хоккэ-сю. Оба супруга старались привлечь друг друга к своему направлению буддизма, из-за чего не ладили. Однажды муж отправился косить сено для лошади. Как раз в этот день к его жене должен был прийти монах школы Лотоса для проведения обрядов. Он пришел рано утром, не желая появляться в жаркую дневную пору. Монаху захотелось справить малую нужду у ручья. Вернувшийся супруг женщины застал монаха завязывающим тесемки одежды и, заподозрив его в прелюбодеянии, связал. Узнав об этом, другие монахи школы Лотоса подали иск. К кому именно они обратились, из рассказа «К» неясно. Судья именуется *токоро-но сюго* (所のしゅご) – вероятно, так рассказчик обозначает могущественного местного землевладельца, вассала Такэда или должностное лицо дома Такэда. Так или иначе, он сказал, что дело, касающееся монаха, судить не может и перенаправил иск в Кофу [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 88].

Четверо *бугё* сочли иск маловажным, но, ничего не решив, представили его Такэда Сингэн. Сингэн же указал, что монах нарушил установления Лотосовой сутры, из которой следует, что, идя собирать подаяние, монах должен взять спутника, а снимать рясу и навлекать на себя подозрения – поведение, нарушающее авторитет послушника. Однако, не имея доказательств вины, грубо связать веревками монаха, идущего путем Будды, – это верх своеволия, будто бы добавил Сингэн. Отрезать голову крестьянину за его проступок тоже немилосердно, решил князь и приказал бросить его в темницу на сто дней. Жене крестьянина был дозволен развод по ее желанию. Сингэн счел, что доказательств прелюбодеяния нет, но монах преступил установления Лотосовой сутры, за что его надлежит изгнать из княжества Такэда. Сингэн поручил двум своим вассалам отослать его в провинцию Ното [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 89].

Последняя история, приведенная в XVIII томе «К», описывает суд над монахами школы Лотоса. Ринсёбо и Сёдзинбо, монахи одного из дочерних храмов Синрюдзи, расположенного в Кофу, держали при себе женщин (*нёбо*). Двое горожан донесли об этом *сонин* по имени Ивама Окурадзаэмон, а тот привел их к четверым *бугё*. Монахов вызвали к *бугё* вместе с горожанами и *сонин*. Прошли судебные прения, на которых Ринсёбо и Сёдзинбо заявили, что сожительство с женщинами широко распространено в обителях школы Лотоса

– в их храме примерно десять монахов живут с женщинами, а «чистых» монахов лишь двое или трое. В провинции Каи двести послушников так же виновны, как они. Между тем, молва требовала сжечь или распять «нечестивых» монахов. *Бугё* подали письменный доклад о тяжбе на рассмотрение даймё [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 90–91].

Согласно «К», Сингэн рассудил, что исходя из содержания Лотосовой сутры, монахи этой школы могут иметь при себе женщин. Поэтому, коль скоро речь не идет о прелюбодеянии, монахам школы Нитирэна дозволяется обзаводиться женами. Но, в отличие от «чистых» монахов, соблюдающих обеты, пусть они платят налог (*сайтайяку*, さいたいやく), постановил даймё. Ответственным за его сбор был назначен самурай по имени Амма Сандзаэмон. Таким образом, монахи школы Лотоса проиграли суд, а приговор Сингэна в «К» представлен как введение нового закона. После того все монахи школы Лотоса платили эту подать раз в год. Рассказ завершается превознесением великого милосердия и сострадания князя Сингэн – ведь он не лишил жизни монахов, а, судя их, принимал во внимание сутры, чтимые их школами. Поистине это прославленный военачальник, сведущий в путях *бун* и *бу* (т. е. в гражданском управлении и учености с одной стороны и военном деле с другой), восхищались Такэда Сингэн в других землях Японии, говорится в «К» [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 91].

Побор с монахов, содержащих при себе женщин (*сайтайяку*), – действительно существовавшая в княжестве Такэда подать. Он упоминается в редакции свода «Косю хатто-но сидай»[14] 1547 г. из 26 статей, содержащейся в списке Хосака Дзюндзи [Косю-хатто-но сидай, 2001, с. 198]. Ст. 19 свода под страхом наказания воспрещает имеющим женщин и детей монахам проводить поминальные службы. Этот запрет снимался лишь в случае, если они, раскаявшись в прежних прегрешениях, навсегда отказывались от своих жен или же уплачивали налог (*яку*, 役). Из версии «КХС» из 57 статей, сформировавшейся к 1554 г., это законоположение было исключено. Однако подать продолжала взиматься: в 1561 г. храмы Мампукудзи и Тёэндзи школы Дзёдосин-сю («Истинной веры чистой земли») получили грамоту, скрепленную печатью даймё Такэда, освобождавшую от *сайтайяку* [Сэнгоку ибун, Т. 1, 2002, с. 269, документ № 745]. Таким образом, *сайтайяку* платили священнослужители не только школы Лотоса, но и других направлений буддизма.

Приведенные выше эпизоды «К» показывают, что княжеской власти были подсудны как важные споры, возникавшие внутри монашеских общин, так и тяжбы между монахами и мирянами. В «К» Такэда Сингэн обращает пристальное внимание на такие дела и лично разбирает их, тогда как его вассалы, облеченные судейскими полномочиями, обычно предпочитают передавать такие тяжбы на его рассмотрение. В целом даймё и его судьи в «К» благосклонны к буддийскому клиру и скорее принимают сторону монахов на суде. Превозносится сострадательность Такэда Сингэн, не лишавшего жизни монахов, а также его использование в суде наиболее почитаемых сутр того или иного направления буддизма для обоснования вердикта.

Представляется, что в «К» достоверно передан интерес Сингэн к таким судебным делам. В актовых материалах дома Такэда периода правления Нобутора, его сына Сингэн и внука Кацуёри княжеская власть выступает патроном по отношению к буддийскому духовенству в своем уделе. Даймё подтверждает права храма или святилища на владения и жалует новые земли, издает и утверждает уставы, определяющие распорядок внутренней жизни той или иной духовной корпорации, освобождает частично или полностью от податей. Щедрые дары и помощь храмам и святилищам со стороны Такэда Сингэн, несомненно, связаны не только с его желанием обеспечить себе благоприятное перерождение в последующей жизни, но и со стремлением обрести поддержку высших сил в сражениях, сделать долговечным процветание своего рода и удела.

Свидетельства об участии даймё в разрешении споров в храмах относятся еще к началу XVI в. Так, в 1504 г. в храме Когакудзи школы Риндзай, особенно почитаемом

---

[14] Далее в тексте статьи уложение «Косю хатто-но сидай» именуется «**КХС**».

князьями Такэда, разгорелся конфликт: один из распорядителей храма (*цусу,* 都寺)[15] нарушил устав, когда-то введенный основателем. В знак протеста тогдашний настоятель перенес одну из святынь – изображение основателя – в дочернюю обитель накануне празднования годовщины основания храма. Настоятеля поддержали наиболее ученые монахи (*тёсю*, 頭首), руководившие обучением остальных иноков. Возмущенные поведением *цусу,* они покинули монастырь. Недовольные подали жалобу даймё Такэда Нобуцуна (?–1507), который рассмотрел иск вместе с отцом и на тот момент фактическим соправителем Такэда Нобумаса (1447–1505). Всем послушникам они вменили в обязанность впредь соблюдать устав, указав, что нарушители должны изгоняться из храма. Нобуцуна и Нобумаса также приказали: 1) возвратить изображение основателя на прежнее место; 2) вернуться в храм ученым монахам *тёсю* [Сэнгоку ибун, Т. 1, 2002, с. 9–10, документы № 15–17; Эндзан Когаку, 2001, с. 111].

В 1563 г. святилище Омуро Асама и храм Энракудзи судились из-за права владения домом на горе Фудзи. Настоятель (*бэтто*) святилища по имени Осано Ёсихидэ настаивал, что строение ранее принадлежало *бэтто* Омуро Асама. Оямада Нобуари, могущественный вассал Такэда, в чьих землях располагалось святилище, выступил посредником по его иску. Осано Ёсихидэ лично прибыл в Кофу. Суд проходил по процедуре *годзэн госата* (御前御沙汰), т. е. дело рассматривал сам даймё. В результате храм Омуро Асама выиграл суд [Сэнгоку ибун, Т. 1, 2002, с. 293–294, документы № 823–824][16].

В 1573 г. Такэда Сингэн послал письмо Анаяма Нобутада (Нобукими, 1547–1582), вассалу и отпрыску боковой ветви клана Такэда, управлявшему областью Каваути в провинции Каи. Сингэн сообщил, что получил жалобу от двух-трех монахов храма Куондзи (в документе – «горы Минобу») на настоятеля, но счел, что они безосновательно порочат его. Князь приказал Нобутада, в чьих владениях находился храм, изгнать «злодеев» за пределы княжества [Сэнгоку ибун, Т. 3, 2003, с. 212, документ № 2058]. Таким образом, Сингэн лично разбирал дела, связанные с конфликтами внутри храмов.

Заключение

Хотя суду в «К» уделяется много внимания, вывод о четкой дифференциации судебной функции в системе управления по материалам этого источника сделать нельзя. Судопроизводство как и участие в расследовании того или иного инцидента, а также наказании преступника – всего лишь одна из возможных ролей для самураев дома Такэда. Военная служба сохраняла первостепенную важность.

В «К» участниками большинства судебных процессов предстают самураи – преимущественно изображен суд даймё или его доверенных лиц над вассалами. Поводы для разбирательств связаны с ценностями самураев: умаление достоинства и защита собственной чести, хула и оскорбление других, трусость и небрежение военной службой, предательство. Примечательно, что в законодательном своде «КХС» темы статей не ограничиваются конфликтами между вассалами. Лишь два закона из 57 можно связать со столь важной в «К» темой задетой самурайской чести. Зато в кодексе немало сказано о порядке уплаты крестьянскими общинами княжеской подати *мунэбэцусэн* или годового оброка (*нэнгу*) землевладельцу, другие статьи касаются возврата долгов, часто без уточнения социального статуса должника и заимодавца.

В «К» князь – прежде всего военный вождь, пекущийся о нравах своих вассалов; составителей сочинения интересуют отношения даймё и самураев, равно как и обычаи самураев дома Такэда. Поэтому и приведены главным образом рассказы о судебных разбирательствах воинов. В то же время в уложении законов высвечивается роль князя как правителя княжества, взаимодействующего с разными социальными слоями, а не только с вассалами-*буси*, следовательно, в законах в большей мере отражен «государственно-удельный»

[15] *Цусу* в дзэн-буддийских храмах был одним из администраторов, занимавшихся финансово-экономическими вопросами. А. М. Кабанов переводит название этой должности как «главный эконом» [Кабанов, 1987, с. 195].
[16] Храм Энракудзи располагался в уезде Яцусиро, а святилище Омуро Асама в уезде Цуру провинции Каи.

аспект власти правителя. Сохранившиеся документы показывают, что княжеский суд разбирал споры о границах земельных владений, а также о пользовании земельными угодьями, хотя о таких «хозяйственных» тяжбах в «К» почти не говорится.

Так, в 1561 г. в уезде Тикума провинции Синано разгорелся конфликт из-за пользования речной водой между несколькими селениями. Стороны конфликта отправились в княжеский суд в Кофу, который рассудил их спор, после чего оттуда были отправлены инспекторы (*гокэнси*) для выяснения обстоятельств дела. Вместе с должностными лицами из замка Фукаси они на месте рассудили спорящих [Сасамото, 2007, с. 169]. В 1576 г. между деревнями Коикэ и Утида в том же уезде Тикума возник спор из-за границы между их землями. В ситуацию вмешалась княжеская власть. По поручению Такэда Кацуёри четыре его эмиссара вместе с самураем из близлежащего замка Такасима прибыли в деревню Коикэ для расследования. В результате была определена новая граница, на которой был зарыт не подверженный гниению уголь, чтобы четко ее обозначить и избежать новых разногласий в будущем [Сасамото, 1990, с. 238–239].

Даймё рода Такэда изображен в «К» высшим судьей в своем княжестве. Вердикты по большей части всех казусов, упомянутых в «К», выносил именно даймё. В некоторых случаях он совмещал роль обвинителя и судьи. В «К» это дела, главным образом связанные с:
1) заговором и предательством, т. е. преступлениями, направленными против него напрямую;
2) пренебрежением ратной службой и отсутствием военных заслуг;
3) оскорблением чести других самураев;
4) с несправедливым судом высокоранговых вассалов (*ёриоя*) над подчиненными им служилыми людьми (*досин*);
5) со стычками и ссорами (*кэнка*) между вассалами.

Тяжба, начатая двумя сторонами не по инициативе княжеской власти, могла поступить на ее рассмотрение ввиду важности дела. Таковыми в «К» представлены споры из-за задетой самурайской чести и тяжбы с участием буддийских монахов. В «К» подчеркивается почтительное отношение Такэда Сингэн к буддийскому клиру, ввиду чего *кудзи бугё* не решались выносить вердикт по делам, в которых одной из сторон были монахи, оставляя их своему господину.

В «Военном зерцале провинции Каи» упоминаются виды наказаний, о которых не говорится в уложении Такэда Сингэн, – распятие, сожжение заживо, *сэппуку*, а также перевод служилых людей провинившегося воина под командование других вассалов. Оскорбление чести, поношение самурая расценивается как серьезное преступление, караемое смертью. Однако виновный в этом мог отделаться и изгнанием. Даже обоснованное обвинение в хуле могло быть оставлено без внимания, если оно предъявлялось известному военными заслугами вассалу, к которому благоволил даймё (случай Магарибути Сёдзаэмон). Примечательно, что в уложении законов дома Такэда «КХС» нет положений о каре за измену или попытки мятежа против даймё, тогда как в «К» наказание княжеской властью предателей и мятежников описано неоднократно.

Дошедшие до нас документальные источники дома Такэда не содержат сколько-нибудь полного описания судебных процессов. «К», восполняя лаконичность документов, позволяет составить представление о княжеском суде и расправе в уделе Такэда (ход и этапы судебного разбирательства, имена судей, перечень «преступлений» и «наказаний» и др.). Важно, что в «К» фиксируется доведение приговоров о суровых наказаниях до сведения других вассалов. Представляется, что эта мера должна была указать «правильный» образ поведения для самураев, а также обосновать необходимость жестокой кары. Необоснованные наказания могли вызвать недовольство в вассальном доме. Упоминаемые в «К» судьи и участники тяжб нередко точно соответствуют тем или иным вассалам дома Такэда. Описываемые в «К» споры и конфликты характерны для периода «воюющих княжеств» и отражают особенности социальных отношений в уделе Такэда, фиксируемым и по другим источникам. Если иногда и обнаруживаются отдельные погрешности или искажения в

именах или датах при описании судебных процессов, то ход судебного разбирательства в «К» описывается, по-видимому, достоверно.

Литература / References

Кабанов А. М. Формирование системы «годзан» (пяти монастырей) и бюрократизация дзэн-буддизма // *Буддизм и государство на Дальнем Востоке:* Сборник статей. М., 1987. С. 180–203 [Kabanov A. M. Formirovanie sistemy godzan (piati monastyrei) i biurokratizatsiia dzen-buddizma // *Buddizm i gosudarstvo na Dal'nem Vostoke:* Sbornik statei. Moscow, 1987. Pp. 180–203].

Коёгункан. Ред. и комм. Исогаи Масаёси, Хаттори Харунори. Т. 1–3. Токио, 1983 [*Koyogunkan.* Jyo. Isogai Masayoshi, Hattori Harunori kochu. T. 1–3. Tokyo, 1983].

Коёгункан тайсэй (Полный текст Коёгункан). Исслед., комм. Сакаи Кэндзи. Т. 1–2. Токио, 1994 [*Koyogunkan Taisei. Daikkan.* Sakai Kenji hencho. T. 1–2. Tokyo, 1994].

Косю-хатто-но сидай. Нидзю роккадзё-бон. (Законы провинции Каи. Список из 26 статей) // *Тюсэй хосэй сирёсю.* Букэ кахо. Т. 3. Ч. 1. (Собрание материалов по средневековому законодательству. Уложения военных домов). Под ред. Сато Синъити и Момосэ Кэсао. Токио, 2001. С. 195–199 [Koshu hatto-no shidai. Niju rokkajo-bon // *Chusei hosei shiryoshu.* Buke kaho I. Daisankan. Sato Shinichi, Momose Kesao hen. Tokyo, 2001. Pp. 195–199].

Сасамото Сёдзи. *Сэнгоку даймё Такэда-си но Синано сихай* (Господство даймё клана Такэда над Синано). Токио, 1990 [Sasamoto Syoji. *Sengoku daimyo Takeda-shi-no Shinano shihai.* Tokyo, 1990].

Сасамото Сёдзи. *Такэда Сингэн: дэнсэцутэки эйюдзо кара но даккяку* (Такэда Сингэн: освобождение от образа легендарного героя). Токио, 2007 [Sasamoto Syoji. *Takeda Shingen: densetsuteki eiyuzo kara no dakkyaku.* Tokyo, 2007].

Сэнгоку ибун. Такэда-си хэн. (Наследие Сэнгоку. Род Такэда). Т. 1. Под ред. Сибацудзи Сюнроку, Курода Мотоки. Токио, 2002 [Sengoku ibun. *Takeda-shi hen. Daiikkan.* Shibatsuji Shunroku, Kuroda Motoki hen. Tokyo, 2002].

Сэнгоку ибун. Такэда-си хэн. (Наследие Сэнгоку. Род Такэда). Т. 3. Под ред. Сибацудзи Сюнроку и Курода Мотоки. Токио, 2003 [Sengoku ibun. *Takeda-shi hen. Daisankan.* Shibatsuji Shunroku, Kuroda Motoki hen. Tokyo, 2003].

Сэнгоку ибун. Такэда-си хэн. (Наследие Сэнгоку. Род Такэда). Т. 4. Под ред. Сибацудзи Сюнроку и Курода Мотоки. Токио, 2003 [Sengoku ibun. *Takeda-shi hen. Daiyonkan.* Shibatsuji Shunroku, Kuroda Motoki hen. Tokyo, 2002].

Сэнгоку ибун. Такэда-си хэн. (Наследие Сэнгоку. Род Такэда). Т. 6. Под ред. Сибацудзи Сюнроку, Курода Мотоки, Марусима Кадзухиро. Токио, 2006 [Sengoku ibun. *Takeda-shi hen.* Dairokkan. Shibatsuji Shunroku, Kuroda Motoki, Marushima Kazuhiro hen. Tokyo, 2006].

Такэда-си касиндан дзиммэй дзитэн (Словарь имен вассалов Такэда). По ред. Сибацудзи Сюнроку, Хираяма Ю, Курода Мотоки, Марусима Кадзухиро. Токио, 2015 [*Takeda-shi kashindan jimmei jiten.* Shibatsuji Shunroku, Hirayama Yu, Kuroda Motoki, Marushima Kazuhiro hen. Tokyo, 2015].

Эндзан Когаку дзэнъан сёнэндайки // *Яманаси кэн си. Сирё хэн.* 6. Тюсэй хэн. Дзё (Хроника дзэнской обители Эндзан Когаку // *История префектуры Яманаси. Источники.* 6. Средние века. Часть 1). Кофу, 2001. С. 102–131 [Enzan Kogaku zenan shonendaiki // *Yamanashi ken shi. Siryo hen.* 6. Chusei hen. Jyo. Kofu, 2001. Pp. 102–131].

Nagahara Keiji. The Medieval Origins of Eta-Hinin // *Journal of Japanese Studies.* 1979. 5.3. Pp. 385–403.

ИРАН И КРИЗИС В СИРИИ

В. М. Ахмедов*

Иран сыграл важную роль в сирийском конфликте и во многом определил основные параметры развития сирийского кризиса. От позиции Ирана в значительной степени зависит прекращение военной фазы сирийского конфликта. Россия и Иран сотрудничают в деле достижения мира в Сирии, однако в их видении путей выхода из кризиса наблюдаются определенные разночтения. В то же время отношения России и Ирана определяются куда большим кругом вопросов взаимного интереса и не ограничиваются лишь сирийской проблемой. Иран признает ведущую роль России в урегулировании сирийского вопроса. Целью данной статьи служит анализ роли Ирана в сирийском конфликте в рамках ближневосточной политики ИРИ.

Ключевые слова: Россия, Иран, Сирия, сирийский кризис.

IRAN AND SYRIAN CRISIS

Vladimir M. Akhmedov

Iran has played a crucial role in the Syrian military conflict. Deeply rooted in Syrian social fabric since 1990s, Iran is capable of playing on several aspects sensitive for the Syrian authorities, which makes it instrumental in the peaceful resolution of the Syrian crisis. While Russia and Iran are allies in Syria, and they cooperate in resolving the Syrian conflict and combating terrorism, their interests are generally defined by a broader agenda, and in some questions seem to contradict each other. Nevertheless Iran recognizes Russia's prevalence in Syria and understands well that without Russia it will likely be unable to resolve the Syrian dilemma. This article examines the role of Iran in Syrian crisis in view of Iranian policy in the Middle East.

Keywords: Russia, Iran, Syria, Syrian crisis.

После начала событий в Сирии 15 марта 2011 г. Иран сыграл ведущую роль в сохранении действующего режима в Сирийской арабской республике (САР). С января 2012 г. Центробанк Исламской республики Иран (ИРИ) открыл многомиллиардную кредитную линию сирийским властям, что позволило им регулярно платить зарплату личному составу сирийских вооруженных сил, сражавшихся против вооруженной оппозиции. Одновременно Иран направил в САР для оказания помощи армии Б. Асада несколько тысяч бойцов ливанской «Хезболлы», советников и специалистов из элитного корпуса «аль-Кодс», а также отряды шиитской милиции из Ирака и Афганистана[1].

Иран всегда рассматривал Дамаск как важное звено в «оси сопротивления» по линии Тегеран–Багдад–Дамаск–Бейрут–Газа, с тем чтобы таким образом оказывать сдерживающее влияние на Израиль. Влияние Ирана на Сирию особенно усилилось после прихода к власти в Дамаске в июне 2000 г. Башара Асада. Пик иранского проникновения в Сирию пришелся на 2007–2009 гг.[2] Именно в этот период Иран заключил с новым сирийским руководством соглашение о военном сотрудничестве. Это дало возможность Ирану проникнуть

* Владимир Муртузович АХМЕДОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; arabist@live.com

Vladimir M. AKHMEDOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; arabist@live.com

[1] Подробнее об этом см.: Clawson P. *Iran's Vulnerabilities to U.S. Sanctions (Part 1): Finding the Weak Spots*. URL: http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-vulnerabilities-to-u.s.-sanctions-part-1-finding-the-weak-spots (дата обращения 15.09.2018).

[2] Об этом см.: Ахмедов В. М. Роль внешнего фактора в сирийском урегулировании // *Институт Ближнего Востока*. 13.02.2017. URL: http://www.iimes.ru/?p=32602 (дата обращения 15.09.2018).

практически во все институты сирийского государства и начать играть возрастающую роль в сирийском обществе. Фактически Иран вошел во многие сферы жизни сирийского общества, где стал активно приобретать сторонников, используя различные методы и инструменты[3].

Иран поддерживал ливанскую «Хезболлу», которую использовал для укрепления своего влияния в Ливане и в качестве инструмента сдерживания агрессивных устремлений Израиля. Иран был вовлечен в палестино-израильский конфликт – он оказывал международную поддержку и помощь палестинскому «Хамасу». С учетом международной обстановки Иран выступал за активное включение России и Китая наравне с США и ЕС в процесс урегулирования ближневосточных проблем.

Американская администрация выражала обеспокоенность ростом исламского сопротивления интересам США и Израиля в ближневосточном регионе, связывая его, прежде всего, с поддержкой Ирана. Соответственно, Вашингтон видел среди своих основных задач нейтрализацию влияния Ирана в регионе, подрыв иранской ядерной программы. Наряду с этим США стремились сохранить монопольные позиции в политической сфере Ближнего Востока, на энергетических рынках и рынках вооружений региона.

События в Сирии поставили Иран, «Хезболлу» и «Хамас» в сложное положение. Волнения в Сирии, вопреки своим отношениям с Ираном поддержавшей военную операцию ряда монархий Персидского залива в Бахрейне, показали всю степень остроты раскола прежних союзов в регионе. Хотя Запад и осуждал Дамаск за избыточное применение силы против демонстрантов, он наряду со странами ССАГПЗ (Совет Сотрудничества Арабских Государств Персидского Залива) до последнего времени в целом рассматривал режим Б. Асада как часть грядущих изменений и реформ в Сирии.

Благодаря усилиям режима Б. Асада Ирану удалось сорвать появление единого арабского фронта против ИРИ. И хотя Дамаск служил проводником политики Ирана в Ливане, по мере развития событий в САР Тегеран уже не может рассчитывать на его безусловную поддержку в защите своих интересов в Ливане. К тому же, с учетом сирийских событий, многие политические силы Ливана стали менять свое отношение к Ирану, пересматривая прежний характер связей с Тегераном, который наряду с «Хезболлой» оказался вовлечен в дело защиты режима Б. Асада. Иран также опасался, что смена режима в Сирии может подорвать иранские интересы в регионе: например, отрезать пути оказания помощи ливанской «Хезболле» и «Хамасу» в Палестине, а также отрицательно сказаться на его влиянии в Ираке.

Сегодня появляется все больше признаков того, что Иран начинает переосмысливать ситуацию в Сирии, ее возможные последствия для иранских позиций в регионе. В Иране стали все больше говорить о «необходимости удовлетворения законных требований сирийского народа», советовали сирийскому руководству не тянуть с проведением серьезных реформ, чтобы победить «американский заговор». Иран серьезно ограничил количество паломников и просто туристов в САР, число которых в 2009–2010 гг. достигало 500 тыс. человек в год. Было бы преждевременным говорить о том, что Иран может на каком-то этапе дистанцироваться от режима Асада, но в конечном итоге такую возможность нельзя исключать.

Иранская внешняя политика отличается прагматизмом и холодной расчетливостью, что было ясно видно на примере взаимодействия Тегерана с различными политическими силами постсаддамовского Ирака. Если иранское руководство решит, что режим Б. Асада близок к провалу, оно может очень быстро отвернуться от него. Многие политические расчеты Ирана в регионе строятся помимо опоры на силовой фактор (в том числе на ядерную программу) на его влиянии в шиитских общинах. Так, одним из будущих

[3] Подробнее об этом см.: Clawson P. *Iran's Vulnerabilities to U.S. Sanctions (Part 1): Finding the Weak Spots.* URL: http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-vulnerabilities-to-u.s.-sanctions-part-1-finding-the-weak-spots (дата обращения 15.09.2018).

плацдармов продвижения Ирана в регионе служит Ирак, а вернее, раздел сфер влияния в этой стране после окончательного вывода оттуда американских войск. И в связи с этим Иран скорее предпочтет не обострять из-за режима Асада отношений с США и Турцией, которые могут существенно ограничить сферу его интересов в «освобожденном» Ираке, тем более что за последние годы Иран сильно вложился в Ирак как финансово, так и политически. Продвинув шиитов Ирака к власти, Иран смог укрепить свое политическое и военное присутствие в южных и центральных районах Ирака, а после вывода части американских войск из Ирака в 2010 г. положение Ирана в этой стране укрепилось еще более.

По мере расширения сирийского вооруженного восстания, его превращения в гражданскую войну и интернационализации сирийского вооруженного конфликта, результатом которого стало участие в нем растущего числа региональных и международных игроков, Иран увидел в происходящем угрозу своим интересам и усилил военное присутствие в Сирии офицеров «аль-Кодс» и шиитских милиций, главным образом ливанской «Хезболлы». По данным, требующим дополнительной проверки, общее число иранских военных и бойцов из шиитских милиций, сражавшихся на стороне правительственных войск, составляло к 2015 г. около 15–20 тыс. человек[4].

Любопытно, что, несмотря на столь массированную поддержку Ираном правительства Б. Асада, позиции последнего сильно ослабли к концу лета 2015 г. По данным Министерства обороны РФ, сирийский президент фактически контролировал лишь 14,5% сирийской территории[5]. Возможно, к этому времени Иран мог заключить тайную сделку с США в рамках более широкого соглашения о будущей ведущей роли ИРИ в регионе Ближнего Востока в рамках закрытых договоренностей о перспективах иранской ядерной программы.

В действительности многие действия ИРИ на внешнеполитической арене, в том числе и в Сирии, были продиктованы соображениями внутреннего порядка, приоритетом которого являлось стремление любым путем добиться статуса ядерной державы наподобие Израиля и Пакистана. С этой точки зрения Иран мог рассматривать Сирию как «козырную карту» в более крупной геополитической игре, но при этом не забывая о сохранении своих интересов в этой арабской стране, которую Тегеран считал важным плацдармом в распространении своего влияния в регионе.

Участие российских ВКС в вооруженном сирийском конфликте коренным образом изменило ситуацию и в самой Сирии и вокруг нее. Менее чем за год силовое участие России в сирийском конфликте привело к тому, что территория, контролируемая сирийским правительством, увеличилась до 35–49%. Москва превратилась в ключевого участника сирийского конфликта, к позиции которой теперь вынуждены прислушиваться и в Тегеране[6].

Несмотря на традиционно союзнические отношения между Москвой и Тегераном, в Иране не без оснований опасались, что массированное российское военное присутствие в Сирии и растущее политическое влияние Москвы на формирование новых акторов международных отношений может заставить Иран серьезно скорректировать свои планы в регионе и, прежде всего, в Сирии. Особую озабоченность Тегерана вызывали настойчивые попытки Москвы наладить полноценное сотрудничество по Сирии (и в целом по ключевым вопросам Ближнего Востока) с США, встречавшие пусть вялую, но в целом позитивную реакцию в американской администрации. Еще большую озабоченность Тегеран испытывал в связи с налаживающимся с Турцией сотрудничеством по урегулированию сирийского

[4] Подробнее об этом см.: [Кулагина, Ахмедов, 2015, с. 7–15]; Mansharof Y. Despite denials by Iranian regime, statements by Majlis member and reports in Iran indicate involvement of Iranian troops in Syria fighting // *The Middle East Media Research Institute*. 4.12.2013. URL: http:// www.memri.org/report/en/print7623.htm (дата обращения 15.09.2018).

[5] Ahmedov V. The Syrian Conflict: Is There Light at the End of the Tunnel? // *DOC Research Institute*. 2.05.2017. URL: https://doc-research.org/en/syria-conflict-light-tunnel (дата обращения 15.09.2018).

[6] Подробнее об этом см.: Ahmedov V. The Syrian Conflict: Is There Light at the End of the Tunnel? // *DOC Research Institute*. 2.05.2017. URL: https://doc-research.org/en/syria-conflict-light-tunnel (дата обращения 15.09.2018).

конфликта и в связи с нормализацией отношений Москвы с Тель-Авивом по вопросам совместного мониторинга ситуации в Сирии.

Твердая и последовательная линия Москвы на сохранение территориальной целостности Сирии, ключевых институтов сирийского государства, борьба с терроризмом, прекращение огня в Сирии и постепенный вывод всех инонациональных вооруженных формирований из Сирии, с тем чтобы предоставить сирийцам возможность самим решить свою судьбу в условиях мира и нового переходного правительства, рассматривались рядом иранских радикалов как явная угроза сохранению иранских интересов как в Сирии, так и на Ближнем Востоке в целом.

Особенно явно разногласия Москвы и Тегерана обозначились в канун прошедшей 23–24 января 2017 г. в Астане мирной конференции по Сирии на основе российско-турецкого плана и интенсификации контактов российских военных с представителями ряда ведущих отрядов вооруженной сирийской оппозиции при турецком посредничестве. В итоге это вылилось в подписание в конце декабря 2016 г. трех важных соглашений о готовности ряда отрядов (общей численностью от 50 до 60 тыс. человек) на определенных условиях поддержать российско-турецкий план о прекращении огня в Сирии и переходе к этапу политического урегулирования с созданием переходного правительства с участием представителей вооруженной и политической сирийской оппозиции. Так, на встречу в Астане прибыли представители девяти отрядов вооруженной оппозиции, а еще четыре отряда заняли выжидательную позицию, хотя и направили своих наблюдателей на конференцию. Делегацию возглавил один из влиятельных представителей вооруженной исламистской оппозиции («Джейш аль-Ислам», «Ахрар аш-Шам») М. Аллюш[7].

Взятие Алеппо – оплота сирийской вооруженной оппозиции – стало результатом силового участия России в сирийском конфликте с осени 2015 г. Это во многом обеспечило проработку в декабре 2016 г. проектов серии соглашений, направленных на выработку плана достижения мира в Сирии: между Россией и Турцией с одной стороны, и значительной частью отрядов (около 60 тыс. бойцов) сирийской вооруженной оппозиции, с другой. Внешне Иран стремился всячески продемонстрировать свою поддержку планам Москвы, однако на деле выступал категорически против привлечения к будущим политическим переговорам Саудовской Аравии и США, а его верный союзник в лице лидера ливанской «Хезболлы» в своем публичном выступлении 29 декабря 2016 г. в принципе отверг даже постановку вопроса о выводе отрядов «Хезболлы» и других шиитских милиций из Сирии[8].

В Тегеране понимали, что Сирия является лишь одним из аспектов (пусть немаловажным) российско-иранских отношений, и Россия многократно превосходит Иран в военной сфере, в том числе и в Сирии. Поэтому Тегеран, не решаясь открыто противостоять Москве в Сирии, стремился снизить роль Анкары как одного из ведущих партнеров России в деле сирийского урегулирования и заместить ее Ираном, чтобы, таким образом, оказывать выгодное для себя влияние на исход мирных переговоров по Сирии. При этом Тегеран был вынужден считаться с новым реалиями, которые возникли в США после прихода к власти президента Д. Трампа. В Иране внимательно прислушивались к заявлениям нового президента США и его ключевых советников (которые считались активным противниками заключенного администрацией Б. Обамы договора с ИРИ по ядерной программе) по безопасности и внешней политике в поддержку планов Москвы, в том числе в борьбе с терроризмом[9].

---

[7] Ahmedov V. The Syrian Conflict: Is There Light at the End of the Tunnel? // *DOC Research Institute*. 2.05.2017. URL: https://doc-research.org/en/syria-conflict-light-tunnel (дата обращения 15.09.2018).

[8] Ahmedov V. The Syrian Conflict: Is There Light at the End of the Tunnel? // *DOC Research Institute*. 2.05.2017. URL: https://doc-research.org/en/syria-conflict-light-tunnel (дата обращения 15.09.2018).

[9] Iranian Revolutionary Guards Corps gets increased power // *Iran Focus*. London, 24.01.2017. URL: http://www.iranfocus.com/en/index.php?option=com_content&view=article&id=31178:iranian-revolutionary-guards-corps-gets-increased-power&catid=31&Itemid=125 (дата обращения 19.09.2018).

В то же время, в связи с возросшим в последние годы явным и скрытым влиянием Ирана и его сторонников в регионе, Москве и Анкаре приходилось прикладывать немало усилий, чтобы организовать встречу оппозиции с представителями режима на конференции в Астане, равно как и добиться выхода на субстантивные результаты, которые могли бы стать основой для продолжения переговорного процесса по Сирии.

Не удивительно, что, несмотря на российско-турецкие усилия, в Астане не удалось наладить полноценный диалог между вооруженной оппозицией и режимом Б. Асада. Как и прежде, сирийское правительство, заручившись поддержкой Тегерана, отвергло идею создания переходного органа власти, принятую Советом безопасности ООН за основу обеспечения политического транзита в САР. Вооруженная оппозиция также с трудом шла на компромиссы, опасаясь реакции своих соратников по оружию, бойкотировавших Астану. Поэтому финальные документы встречи в Астане подписали только Россия, Турция и Иран, выступившие за продолжение усилий по прекращению огня в Сирии. Тем не менее конференция в Астане создала хорошую основу для продолжения диалога по примирению в Сирии в более широком формате на международном уровне.

Учитывая возросшее в последние годы явное и скрытое влияние Ирана и его сторонников в ближневосточном регионе, Москве и Анкаре придется приложить немало усилий, чтобы мирные конференции, будь то в Астане, Сочи или Женеве, не только состоялись, но и принесли существенные результаты, способные стать прочной основой для окончательного решения сирийского вооруженного конфликта. С другой стороны, нельзя исключать, что даже в случае достижения поставленных задач Сирию в будущем может ожидать серия военных переворотов и революций, так как нет ничего хуже нерешенных проблем, усугубленных годами войны и горечью потерь, затронувших каждую сирийскую семью. Но это дело самих сирийцев. Внешним силам, заинтересованным в мире, необходимо принудить все инонациональные вооруженные отряды к миру в Сирии, иными словами, как можно скорее прекратить боевые действия по всей территории страны и постепенно очистить ее от иностранного военного присутствия.

Литература / References

Кулагина Л. М., Ахмедов В. М. Противодействие Ирана и ИГИЛ в Сирии и Ираке // *Восточная аналитика*. 2015. Вып. 1. С. 7–15 [Kulagina L. M., Akhmedov V. M. Protivodeistvie Irana i IGIL v Sirii i Irake // *Vostochnaia analitika*. 2015. 1. Pp. 7–15].

Электронные ресурсы

Ахмедов В. М. Роль внешнего фактора в сирийском урегулировании // *Институт Ближнего Востока*. 13.02.2017. URL: http://www.iimes.ru/?p=32602 (дата обращения 15.09.2018).

Ahmedov V. The Syrian Conflict: Is There Light at the End of the Tunnel? // *DOC Research Institute*. 2.05.2017. URL: https://doc-research.org/en/syria-conflict-light-tunnel (дата обращения 15.09.2018).

Clawson P. *Iran's Vulnerabilities to U.S. Sanctions (Part 1): Finding the Weak Spots*. URL: http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-vulnerabilities-to-u.s.-sanctions-part-1-finding-the-weak-spots (дата обращения 15.09.2018).

Iranian Revolutionary Guards Corps gets increased power // *Iran Focus*. London, 24.01.2017. URL: http://www.iranfocus.com/en/index.php?option=com_content&view=article&id=31178:iranian-revolutionary-guards-corps-gets-increased-power&catid=31&Itemid=125 (дата обращения 19.09.2018).

Mansharof Y. Despite denials by Iranian regime, statements by Majlis member and reports in Iran indicate involvement of Iranian troops in Syria fighting // *The Middle East Media Research Institute*. 4.12.2013. URL: http:// www.memri.org/report/en/print7623.htm (дата обращения 15.09.2018).

РОССИЯ И ИНДИЯ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

А. И. Захаров[*]

Статья посвящена развитию сотрудничества России и Индии в условиях современного миропорядка. Российско-индийские отношения рассматриваются в широком контексте геополитических процессов. Автор определяет новые тенденции во внешней политике Индии и раскрывает их значение с точки зрения российских интересов. Особое внимание уделяется проблеме американских санкций в отношении России и их влиянию на взаимодействие Москвы и Нью-Дели. Фактор США играет все более важную роль в российско-индийском сотрудничестве. Озабоченность Москвы вызывает укрепление индийско-американских отношений, а также активное участие Индии в многосторонних форматах в Индо-Тихоокеанском регионе. В условиях стремительно меняющейся международной обстановки увеличение взаимодействия каждой из стран с оппонентами другой стороны представляет серьезный вызов для будущего российско-индийских отношений.

Ключевые слова: Россия, Индия, США, российско-индийские отношения, геополитика, Южная Азия, Индо-Тихоокеанский регион.

RUSSIA AND INDIA IN THE NEW GEOPOLITICAL ENVIRONMENT

Aleksei I. Zakharov

The paper deals with the latest developments in Russia-India relations in the broad framework of the contemporary geopolitical environment. The author outlines new trends in Indian foreign policy and defines their implications for Russian interests. This paper also elaborates on the issue of American sanctions against Russia and its influence on the Moscow–New Delhi interaction. The U.S. factor has been looming large in Russia-India relations. The strengthening Indo-U.S. cooperation and India's active participation in the multilateral formats in the Indo-Pacific have been a matter of concern to Moscow. The rise of each country's partnership with the friend's opponents leads to significant risks for the future of Indo-Russian relationship. In the light of rapidly changing international environment Russia and India have to find common ground with regard to each other's concerns. Otherwise, the two sides will continue to drift apart.

Keywords: Russia, India, U.S., Russia-India relations, geopolitics, South Asia, Indo-Pacific region.

Геополитические факторы оказывали значительное влияние на российско-индийские отношения на протяжении всей их современной истории. Схожее политическое и стратегическое восприятие мира в течение многих лет было определяющей основой двустороннего сотрудничества. Отличительной чертой внешней политики Индии является последовательная защита собственных национально-государственных интересов и независимость в принятии решений. Имея близкие или даже совпадающие позиции, Москва и Нью-Дели «не подчиняли свои интересы интересам партнера, но и не действовали им в ущерб как в рамках многосторонних международных связей, так и в двусторонних отношениях» [Кузык, Шаумян, 2009, с. 1046]. Однако изменения, происходящие в отношениях России и Индии, демонстрируют увеличивающееся расхождение в подходах двух стран по отношению к ряду глобальных и региональных проблем. Уверенность в том, что Москва и Нью-Дели остаются «проверенными временем партнерами, каждый из которых может положиться на другого» – непременный атрибут любого заявления официальных лиц государств – за последние годы была потеряна.

[*] Алексей Игоревич ЗАХАРОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; aleksei.zakharof@yandex.ru

Aleksei I. ZAKHAROV, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; aleksei.zakharof@yandex.ru

После кризиса на Украине 2014 г. началась экономическая и политическая конфронтация России и стран Запада, прежде всего – Москвы и Вашингтона. Ухудшение российско-американских отношений, состояние которых оказывало влияние на российско-индийское сотрудничество еще со времен Холодной войны, поставило Индию в непростое положение. Ситуация, при которой отношения России и Америки «достигли дна» и интересы государств сталкиваются в разных частях мира, крайне невыгодна для Нью-Дели, заинтересованного в нейтральном, если не дружеском, взаимодействии между Москвой и Вашингтоном. Начиная с 2014 г. Индия испытывает трудности при поддержании баланса в сотрудничестве с обеими странами, так как поддержка инициатив одного из партнеров воспринимается другим как шаг против его интересов.

Нью-Дели избрал нейтральную позицию в отношении украинского кризиса и не отреагировал на призыв стран Запада, прежде всего США, осудить участие Москвы и присоединиться к санкциям. Индия последовательно выступает за мирное урегулирование сирийского кризиса и уважение суверенитета страны. На заседаниях ООН Индия, как правило, воздерживается от голосования, не поддерживая резолюции ни Москвы, ни западной коалиции. Подобный нейтралитет может трактоваться в пользу российских интересов, поскольку в ходе двусторонних встреч официальные лица России и Индии не раз высказывали единое видение ситуации в Сирии.

Приход к власти правительства Нарендры Моди привнес значительные изменения в традиционно сдержанную внешнюю политику Индии, придав ей новую энергию и более активную вовлеченность в международные дела. Индийская позиция по глобальным вопросам не всегда четко отражена на официальном уровне и иногда не представлена в комментариях официальных лиц страны, однако действия Нью-Дели являются более показательными, чем заявления. В связи с активной внешней политикой действующего индийского правительства, за последние годы вес страны на международной арене значительно возрос. Стараясь сохранить «стратегическую автономность», Индия участвует во многих международных организациях и объединениях и стремится укрепить свои позиции в различных регионах мира.

Значительным подспорьем для российско-индийских отношений является взаимодействие в рамках форума БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и трехстороннего формата Россия-Индия-Китай (РИК). России и Индии удалось найти совпадение интересов при построении партнерских отношений с рядом стран, относящихся к ближнему и дальнему зарубежью их внешних политик. Являясь основными участниками международного транспортного коридора «Север – Юг», государства развивают сотрудничество с Ираном. При активном взаимодействии сторон идут переговоры о создании зоны свободной торговли между Индией и Евразийским экономическим союзом. Наконец, Москва и Нью-Дели вышли на взаимодействие в третьих странах, начав совместную реализацию проекта АЭС «Руппур» в Бангладеш, где индийская сторона будет оказывать техническую помощь[1]. Не исключено, что аналогичные взаимовыгодные решения будут найдены и с другими государствами.

Позитивным фактором российско-индийских отношений на современном этапе является интенсификация диалога на высшем уровне. «Неформальный саммит» В. В. Путина и Н. Моди, состоявшийся в Сочи в мае 2018 г., позволил обсудить широкий спектр вопросов двусторонней и международной повестки, способствовал укреплению личных отношений лидеров. По результатам переговоров особо следует отметить приверженность государств

[1] Индия, Россия и Бангладеш согласовали текст соглашения по АЭС «Руппур» // *РИА Новости*. 23.01.2018. URL: https://ria.ru/atomtec/20180123/1513139638.html (дата обращения 15.06.2018).

многополярному миру и координацию усилий по взаимодействию в многосторонних форматах[2].

В то же время Индия продолжает активно укреплять связи с США, Канадой, Японией, странами Европейского Союза, Австралией – государствами, которые с 2014 г. ввели в отношении России несколько раундов санкций. Новый виток обострения отношений России и Запада, происшедший в начале 2018 г. и получивший отражение в дипломатическом кризисе, вновь поставил Индию перед трудными выборами. В условиях «новой Холодной войны», в отличие от времен предыдущей эпохи, сохранение нейтралитета и поддержание «стратегической автономности» дается Нью-Дели значительно сложнее, поскольку индийские политические и деловые элиты стали более глобализированы и ориентированы на Запад. Российская же политика «поворота на Восток» еще не успела набрать нужные обороты и охватить все внешнеполитические направления, в результате чего ее основная доля приходится на расширение политического, военного, торгово-экономического, научно-технического и гуманитарного сотрудничества с Китаем.

Новые тенденции во внешней политике Индии

Укрепление отношений Нью-Дели и Вашингтона, получившее новую динамику развития после прихода к власти Н. Моди, привело не только к увеличению двустороннего взаимодействия в различных отраслях экономики, но и позволило выработать общее видение по политическим вопросам, в том числе относящимся к региональной безопасности. В Москве с озабоченностью следили за развитием диалога между правительством Н. Моди и администрацией Б. Обамы, результатами которого стало заключение в августе 2016 г. Соглашения о логистической поддержке (Logistics Exchange Memorandum of Agreement, LEMOA), а в декабре того же года – наделение Индии статусом «основного оборонного партнера» Соединенных Штатов.

Очевидно, что Россию не устраивает быстрорастущая близость Индии и США, прежде всего в сфере ВТС. Соединенные Штаты являются основным конкурентом Москвы на индийском рынке вооружений. Лидирующие позиции России на данный момент не вызывают сомнения. По данным Стокгольмского института исследований проблем мира[3], в 2013–2017 гг. Россия занимала около 62 % индийского импорта вооружений. Однако стремление со стороны индийского правительства диверсифицировать поставщиков показывает, что ситуация на рынке может измениться не в пользу России. С 2008 по 2017 гг. поставки оружия Индии со стороны американских компаний увеличились на 557 %, а США стали вторым крупнейшим поставщиком. За аналогичный период возрос индийский импорт вооружений на 285 % из Израиля, занимающего третье место среди экспортеров военной техники Индии[4].

Серьезным вызовом для военно-технического сотрудничества России и Индии стали американские санкции против России, а именно закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, CAATSA), принятый в августе 2017 г. Статья 231 данного закона предполагает введение ограничений против стран (и конкретных исполнительных лиц), которые нарушат его положения и вступят в «значительную сделку» с российским оборонным или разведывательным секторами[5]. Как видно из приведенных выше данных, Индия находится в

---

[2] Подробнее см.: Захаров А. Россия – Индия: парадоксы дружбы // *Российский совет по международным делам*. 28.05.2018. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-indiya-paradoksy-druzhby/ (дата обращения 23.08.2018).

[3] Wezeman P. Trends in International Arms Transfers, 2017 // *SIPRI*. March 2018. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-03/fssipri_at2017_0.pdf (дата обращения 17.06.2018).

[4] Wezeman P. Trends in International Arms Transfers, 2017 // *SIPRI*. March 2018. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-03/fssipri_at2017_0.pdf (дата обращения 17.06.2018).

[5] H.R.3364 – Countering America's Adversaries Through Sanctions Act // *U.S. Government Publishing Office*. URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text?r=13 (дата обращения 11.06.2018).

сильной зависимости от поставок и обслуживания военной техники советского и российского производства. Очевидно, что даже при наличии альтернативных поставщиков Нью-Дели будет сложно отказаться от закупок оружия у России. В то же время индийское правительство крайне не заинтересовано в подрыве отношений с Вашингтоном. В связи с этим вероятность попадания под вторичные санкции – предмет индо-американских переговоров. Американские эксперты полагают, что стратегический партнер заслуживает исключения из правил, иначе существует риск ослабления двустороннего сотрудничества стран[6]. О необходимости рассмотрения последствий CAATSA для региональных партнеров Америки – Индии, Вьетнама и Индонезии – говорил и министр обороны США, выступая в Сенате в апреле 2018 г. По мнению главы Пентагона, «гибкие исключения» из санкционного законодательства будут соответствовать национальным интересам Соединенных Штатов[7].

Индийские аналитики утверждают, что применение американских санкций против Индии будет контрпродуктивным шагом, невыгодным для американских интересов. Они считают, что при данном сценарии США будут рассматриваться в качестве ненадежного партнера, американские компании потеряют свою долю рынка, а Москва и Нью-Дели в конечном счете найдут способы обойти санкционный режим. Специалисты индийского Института оборонных исследований и анализа в своем исследовании пришли к выводу, что Индии как суверенному государству никто не может диктовать условия по текущему и будущему сотрудничеству с Россией в области ВТС[8]. Однако несмотря на возможности нивелировать влияние санкций, само их существование добавляет сложности в процесс российско-индийского военно-технического сотрудничества. Затруднения для Индии связаны с осуществлением банковских транзакций и взаимодействием с крупными российскими компаниями, находящимися под американскими санкциями. По некоторым данным, после попадания «Рособоронэкспорта» в санкционный список Министерства финансов США в начале апреля 2018 г., Государственный банк Индии заблокировал платежи на сумму более 100 млн. долларов. Если вопрос с получением Индией специального исключения из санкций в соответствии с положениями CAATSA не будет решен, под угрозой окажутся российско-индийские оборонные контракты на сумму 2 млрд. долларов[9].

Приход к власти Д. Трампа, несмотря на некоторую неопределенность первых месяцев его правления, не изменил преемственность внешнеполитического курса в отношении Индии. Нью-Дели по-прежнему рассматривается в Вашингтоне в качестве ключевого регионального партнера. Даже в условиях кадровых перестановок в системе исполнительной власти США, которыми был охарактеризован первый год президентства Трампа, индийско-американский диалог в области безопасности вышел на новую ступень развития. Можно выделить два основных направления взаимодействия сторон – урегулирование ситуации в Афганистане и обсуждение морской безопасности в обширном Индо-Тихоокеанском регионе[10].

---

[6] Pickering T., Trivedi A. U.S. Sanctions Targeting Russia Could Threaten India Ties // *BloombergQuint*. 10.04.2018. URL: https://www.bloombergquint.com/opinion/2018/04/09/u-s-sanctions-targeting-russia-could-threaten-india-ties (дата обращения 22.07.2018).

[7] Testimony on the Department of Defense Budget Posture // *U.S. Senate Committee on Armed Services*. 26.04.2018. URL: https://www.armed-services.senate.gov/hearings/18-04-26-department-of-defense-budget-posture (дата обращения 22.08.2018).

[8] Behera L. K., Balachandran G. Implications of CAATSA for India's Defence Relations with Russia and America // *Institute for Defence Studies and Analyses*. URL: https://idsa.in/issuebrief/caatsa-for-india-defence-relations-with-russia-america-lbehera-balachandran-260418#footnote13_u4figkh (дата обращения 21.08.2018).

[9] Pubby M. US sanctions rain on India-Russia defence parade // *Economic Times*. 5.05.2018. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/us-sanctions-rain-on-india-russia-defence-parade/articleshow/64036673.cms (дата обращения 09.07.2018).

[10] Географический концепт Индийско-Тихоокеанского региона охватывает обширную территорию от побережья Восточной Африки до Северо-Восточной Азии. В научный оборот понятие было введено в 2007 г. индийским ученым, капитаном индийских ВМС Гурпритом Хурана. Широкое распространение в политическом

Афганский кризис стал одной из первых тем переговоров американских и индийских официальных лиц после смены власти в США. Этому способствовал визит в Нью-Дели бывшего советника американского президента по национальной безопасности Г. Макмастера, состоявшийся в апреле 2017 г. Представитель администрации Д. Трампа донес до премьер-министра Индии информацию о пересмотре Вашингтоном афганской политики и отсутствии намерения выводить войска из Афганистана[11]. Тема региональной безопасности была одной из ключевых на первой встрече Н. Моди и Д. Трампа, прошедшей в Вашингтоне в июне 2017 г. Выступая с речью, президент США приветствовал индийский вклад в «продвижение демократии, стабильности, процветания и безопасности в Афганистане»[12]. Стороны договорились продолжать тесные консультации и сотрудничество по афганской проблематике. Стоит обратить внимание, что впервые в истории американо-индийских отношений совместное заявление лидеров содержало призыв к Пакистану «гарантировать неиспользование его территории для запуска террористических атак на другие страны»[13]. По оценкам индийских обозревателей, это стало одним из значительных успехов визита индийского премьер-министра в США.

Спустя два месяца после встречи с Н. Моди Д. Трамп огласил новую стратегию США в отношении Афганистана и Южной Азии, которая несла в себе два положительных момента для Индии. Во-первых, одной из основ новой стратегии американский президент назвал изменение подхода к Пакистану. Он заявил: «Мы больше не можем молчать по поводу пакистанских убежищ для террористических организаций, “Талибана” и других групп, которые несут угрозу региону... Мы платили Пакистану миллиарды и миллиарды долларов, в то время как они укрывали тех террористов, с которыми мы сражались. Это должно прекратиться»[14]. Во-вторых, Д. Трамп отметил вклад Индии в стабильность Афганистана, подчеркнув, что «крупнейшая в мире демократия является ключевым партнером США в области экономики и безопасности». Тем не менее, он призвал Нью-Дели активнее помогать США по направлению экономического содействия Афганистана, поскольку «Индия зарабатывает миллиарды долларов на торговле с США»[15]. Объявление новой американской стратегии было воспринято в Индии с энтузиазмом, однако многие эксперты осторожно оценивали серьезность намерений Вашингтона. Несмотря на жесткую риторику в отношении Пакистана, США в силу географических причин находятся в зависимости от транзита грузов через пакистанский порт Карачи[16].

Вашингтон предпринял практические шаги по усилению давления на Исламабад, заморозив финансовую помощь в связи с отсутствием действий против террористов. В августе 2017 г. администрация Трампа объявила об отмене военного содействия на 255 млн. долларов. В январе 2018 г. Госдепартамент США сообщил о заморозке всего

дискурсе оно получило в 2017 г. после принятия и активного использования в качестве официального термина со стороны администрации Д. Трампа.

[11] Mohan C. R. The Kabul Convergence // *The Indian Express*. 18.04.2018. URL: http://indianexpress.com/article/opinion/columns/the-kabul-convergence-4617122/ (дата обращения 18.07.2018).

[12] Remarks by President Trump and Prime Minister Modi of India in Joint Press Statement // *The White House*. 26.06.2017. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-prime-minister-modi-india-joint-press-statement/ (дата обращения 10.06.2018).

[13] Remarks by President Trump and Prime Minister Modi of India in Joint Press Statement // *The White House*. 26.06.2017. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-prime-minister-modi-india-joint-press-statement/ (дата обращения 10.06.2018).

[14] Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia // *The White House*. 21.08.2017. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia/ (дата обращения 10.06.2018).

[15] Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia // *The White House*. 21.08.2017. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia/ (дата обращения 10.06.2018).

[16] Sood R. Mission indefinite: Donald Trump’s Afghanistan policy // *The Hindu*. 28.08.2017. URL: http://www.thehindu.com/opinion/lead/mission-indefinite/article19571282.ece?homepage=true (дата обращения 19.08.2018).

финансирования в области безопасности и приостановке поставок военного оборудования Пакистану, пока он «не предпримет меры в отношении террористических групп, действующих с его территории»[17]. Несмотря на решительные действия Вашингтона и резкие заявления Д. Трампа в отношении Пакистана, Исламабад отреагировал на шаги США сдержанно. Вопреки ожиданиям американских военных, Пакистан не закрыл свои пограничные пункты для транзита грузов США в Афганистан. Дипломатический диалог между странами сохраняется.

Таким образом, политика Вашингтона в Южной Азии соответствует индийским интересам. Давление США в отношении Пакистана – на уровне риторики и политических шагов – и сохранение воинского контингента в Афганистане вкупе с видением Индии в качестве ключевого игрока в регионе безусловно рассматриваются в Нью-Дели с позитивной стороны.

Другим отражением сближения США и Индии является диалог стран в области морской безопасности, который проходит на ежегодной основе с 2016 г. В данном формате участвуют высокопоставленные представители внешнеполитических и военных ведомств двух стран, которые обсуждают ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе. Переговоры официальных лиц стран сопровождаются регулярными военными учениями «Малабар», проходящими между Индией, США и Японией. Стоит отметить, что военное взаимодействие в трехстороннем формате усиливается наряду с расширением политического диалога сторон. Позитивным фактором выступает развитие индийско-японского сотрудничества, охватывающего не только многочисленные направления двустороннего диалога, но и планы по реализации таких масштабных проектов, как Азиатско-Африканский коридор роста. Развитие транспортных, морских и инфраструктурных сетей в регионе становится еще одним объединяющим направлением сотрудничества Нью-Дели, Вашингтона и Токио. В феврале 2018 г. прошла первая встреча трехсторонней рабочей группы по инфраструктурному развитию, обсуждавшая совместные инициативы в Индо-Тихоокеанском регионе[18]. По итогам переговоров предполагается, что три страны начнут работу над проектами в странах Южной и Юго-Восточной Азии. Японские СМИ сообщали о планах «тройки» по развитию инфраструктуры в Непале, Бангладеш и Мьянме: Индия будет содействовать модернизации портов, Япония курировать индустриальные парки, а США – строить электростанции[19].

Наконец, в ноябре 2017 г. произошло возрождение четырехстороннего диалога по безопасности (Quadrilateral Security Dialogue, QSD, Quad) Индии, США, Японии и Австралии, направленного «на обеспечение открытости, свободы, процветания и инклюзивности в Индо-Тихоокеанском регионе»[20]. Данный формат предполагает совместные военно-морские учения стран и консультации на уровне министров иностранных дел. Официальные трактовки задач данного объединения не должны вводить в заблуждение – диалог «четверки», равно как и взаимодействие Вашингтона, Нью-Дели и Токио, являются ответом на усиление влияния КНР в регионе.

Активное участие Индии в четырехстороннем формате демонстрирует важность этого вектора ее внешней политики и позволяет предположить, что вовлечение Нью-Дели в

---

[17] Chaudhury D. R. US freezes $1.3-bn security aid to Pakistan // *Economic Times*. 5.01.2018. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/us-suspends-over-1-1-billion-security-assistance-to-pakistan/articleshow/62375395.cms (дата обращения 14.07.2018).

[18] India-Japan-US Trilateral Meeting // *Ministry of External Affairs*. 04.04.2018. URL: http://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/29744/IndiaJapanUS+Trilateral+Meeting (дата обращения 13.06.2018).

[19] Hayashi S. Japan, US and India team to fund Indo-Pacific infrastructure // *Nikkei*. 10.04.2018. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-Relations/Japan-US-and-India-team-to-fund-Indo-Pacific-infrastructure (дата обращения 18.07.2018).

[20] India-Australia-Japan-U.S. Consultations on Indo-Pacific (November 12, 2017) // *Ministry of External Affairs*. 12.11.2017. URL: http://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/29110/IndiaAustraliaJapanUS+Consultations+on+IndoPacific+November+12+2017 (дата обращения 06.05.2018).

партнерство Quad в будущем будет увеличиваться. Вместе с тем перспективы самого формата остаются туманными: он еще не имеет четкой структуры, необходимой регулярности и вызывает много вопросов даже в самих странах-участницах. Военная составляющая четырехстороннего диалога отстает от политической. Показательно, что Индия отказалась приглашать Австралию к участию в ежегодных военно-морских учениях «Малабар», которые состоятся в июне 2018 г. По мнению индийских экспертов, этот шаг Нью-Дели связан с попытками «перезагрузить» связи с Китаем. Не случайно объявление об отсутствии австралийских военных на учениях было сделано в преддверии поездки премьер-министра Н. Моди в КНР на неформальный саммит с Си Цзиньпином [21] . Таким образом, стратегическое значение Quad на данный момент несколько переоценено, однако лидирующая роль Индии в формировании двусторонних и многосторонних форматов, охватывающих вопросы безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, определенно является раздражителем для России. Примечательны слова министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, произнесенные им в Нью-Дели в декабре 2017 г.: «Мы уверены, что устойчивую архитектуру безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе невозможно создать внутри изолированного блока» [22] . Возрождение Quad, как и взаимодействие трехстороннего формата США-Индия-Япония, не несут прямых угроз национальным интересам России, но подчеркивают потерю инициативы в обширном регионе, который становится новым полем борьбы за лидерство между глобальными и региональными державами.

Заключение

Изменяющиеся геополитические реалии, отмеченные более острой конкуренцией в обширном Индо-Тихоокеанском регионе, оставляют Москве и Нью-Дели все меньше пространства для маневра и требуют демонстрации фундаментальных основ «особо привилегированного стратегического партнерства». Необходимыми элементами для сохранения высокого уровня взаимоотношений являются взвешенные и продуманные шаги и заявления, а также применение стратегического мышления, учитывающего долгосрочные перспективы развития ситуации в Азии. Москве и Нью-Дели вряд ли удастся повлиять на объективные тенденции внешних политик друг друга, поскольку, как показывает история взаимоотношений, каждая из сторон продолжит руководствоваться приоритетами собственных национальных интересов. В то же время совместное преодоление внешних вызовов в виде санкций со стороны США должно способствовать интенсификации двустороннего диалога и, как следствие, укреплению взаимного доверия. Расширению партнерства России и Индии могло бы содействовать взаимодействие государств в Индийском океане – зоне стратегических интересов Нью-Дели. Более активная роль Москвы в данном регионе позволила бы нивелировать расхождения стран в отношении формирующихся многосторонних форматов и вывести российско-индийские отношения на новый уровень.

Литература / References

Кузык Б. Н., Шаумян Т. Л. *Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке.* М., 2009 [Kuzyk B. N., Shaumyan T. L. *Indiia – Rossiyia: strategiia partnerstva v XXI veke.* Moscow, 2009].

[21] Haidar S., Joseph J. No Australian presence in naval drills // *The Hindu*. 29.04.2018. URL: http://www.thehindu.com/news/national/no-australian-presence-in-naval-drills/article23714285.ece (дата обращения 21.05.2018).

[22] Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в Международном фонде им. Свами Вивекананды, Нью-Дели, 11 декабря 2017 г. // *МИД РФ*. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/in/-/asset_publisher/EpJ5G4lcymvb/content/id/2984577 (дата обращения 29.04.2018).

Электронные ресурсы

Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в Международном фонде им. Свами Вивекананды, Нью-Дели, 11 декабря 2017 г. // *МИД РФ*. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/in/-/asset_publisher/EpJ5G4lcymvb/content/id/2984577 (дата обращения 29.04.2018).

Захаров А. Россия – Индия: парадоксы дружбы // *Российский совет по международным делам*. 28.05.2018. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-indiya-paradoksy-druzhby/ (дата обращения 23.08.2018).

Индия, Россия и Бангладеш согласовали текст соглашения по АЭС «Руппур» // *РИА Новости*. 23.01.2018. URL: https://ria.ru/atomtec/20180123/1513139638.html (дата обращения 15.06.2018).

Behera L. K., Balachandran G. Implications of CAATSA for India's Defence Relations with Russia and America // *Institute for Defence Studies and Analyses*. URL: https://idsa.in/issuebrief/caatsa-for-india-defence-relations-with-russia-america-lbehera-balachandran-260418#footnote13_u4figkh (дата обращения 21.08.2018).

Chaudhury D. R. US freezes $1.3-bn security aid to Pakistan // *Economic Times*. 5.01.2018. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/us-suspends-over-1-1-billion-security-assistance-to-pakistan/articleshow/62375395.cms (дата обращения 14.07.2018).

H.R.3364 – Countering America's Adversaries Through Sanctions Act // *U.S. Government Publishing Office*. URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text?r=13 (дата обращения 11.06.2018).

Haidar S., Joseph J. No Australian presence in naval drills // *The Hindu*. 29.04.2018. URL: http://www.thehindu.com/news/national/no-australian-presence-in-naval-drills/article23714285.ece (дата обращения 21.05.2018).

Hayashi S. Japan, US and India team to fund Indo-Pacific infrastructure // *Nikkei*. 10.04.2018. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-Relations/Japan-US-and-India-team-to-fund-Indo-Pacific-infrastructure (дата обращения 18.07.2018).

India-Australia-Japan-U.S. Consultations on Indo-Pacific (November 12, 2017) // *Ministry of External Affairs*. 12.11.2017. URL: http://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/29110/IndiaAustraliaJapanUS+Consultations+on+IndoPacific+November+12+2017 (дата обращения 06.05.2018).

India-Japan-US Trilateral Meeting // *Ministry of External Affairs*. 04.04.2018. URL: http://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/29744/IndiaJapanUS+Trilateral+Meeting (дата обращения 13.06.2018).

Mohan C. R. The Kabul Convergence // *The Indian Express*. 18.04.2018. URL: http://indianexpress.com/article/opinion/columns/the-kabul-convergence-4617122/ (дата обращения 18.07.2018).

Pickering T., Trivedi A. U.S. Sanctions Targeting Russia Could Threaten India Ties // *BloombergQuint*. 10.04.2018. URL: https://www.bloombergquint.com/opinion/2018/04/09/u-s-sanctions-targeting-russia-could-threaten-india-ties (дата обращения 22.07.2018).

Pubby M. US sanctions rain on India-Russia defence parade // *Economic Times*. 5.05.2018. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/us-sanctions-rain-on-india-russia-defence-parade/articleshow/64036673.cms (дата обращения 09.07.2018).

Remarks by President Trump and Prime Minister Modi of India in Joint Press Statement // *The White House*. 26.06.2017. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-prime-minister-modi-india-joint-press-statement/ (дата обращения 10.06.2018).

Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia // *The White House*. 21.08.2017. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia/ (дата обращения 10.06.2018).

Sood R. Mission indefinite: Donald Trump's Afghanistan policy // *The Hindu*. 28.08.2017. URL: http://www.thehindu.com/opinion/lead/mission-indefinite/article19571282.ece?homepage=true (дата обращения 19.08.2018).

Testimony on the Department of Defense Budget Posture // *U.S. Senate Committee on Armed Services*. 26.04.2018. URL: https://www.armed-services.senate.gov/hearings/18-04-26-department-of-defense-budget-posture (дата обращения 22.08.2018).

Wezeman P. Trends in International Arms Transfers, 2017 // *SIPRI*. March 2018. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-03/fssipri_at2017_0.pdf (дата обращения 17.06.2018).

РАЗВИТИЕ ДВУСТОРОННЕГО РОССИЙСКО-ФИЛИППИНСКОГО ТУРИЗМА

Д. С. Панарина[*]

В статье описываются тенденции и основные трудности в развитии двустороннего российско-филиппинского туризма. Приводится статистика посещаемости и выявляются основные проблемы, затрудняющие развитие туризма. Разбирается несколько случаев успешного продвижения туризма и привлечения российских туристов в страны Юго-Восточной Азии для сравнения с ситуацией на Филиппинах и поиска возможных путей решения. Даются положительные и отрицательные впечатления российских туристов о Филиппинах, с тем чтобы представить читателю образ, сложившийся у россиян о Филиппинах в настоящее время.

Ключевые слова: Филиппины, российско-филиппинские отношения, туризм, политика туризма.

RUSSIA-PHILIPPINES TOURISM DEVELOPMENT

Daria S. Panarina

The paper describes the tendencies and difficulties in the development of Russia-Philippines tourism. The author introduces tourism statistics covering Russian travel to the Philippines and vice versa, and lists the most essential obstacles to the development of tourism. Some success cases among South-East Asian countries are given in order to compare them with the situation in the Philippines and to suggest possible solutions for further development of bilateral tourism. Both positive and negative impressions of Russian tourists in the Philippines are mentioned to give an image that Russians have of the modern Philippines.

Keywords: Philippines, Russian-Philippine relations, tourism, tourism policy.

Contacts and people-to-people relations among and between countries, often from far and culturally different regions become more and more important in rapidly globalizing world. Tourism is one of the spheres in any country's life that greatly contributes to such relations. Nowadays when borders are transparent and government regulations in most of the countries allow visits from other states (with or without visa) people tend to travel to the farthest and most exotic parts of the world, which are becoming more and more popular. Thus, the big region of South East Asia has recently acquired new fame among tourists as a destination. Russia is among those countries which provide travelers into the region, mainly to Thailand as one of the most well-known South-East Asian countries among Russian tourists. However, it is not the only part of SEA worth visiting. Philippines among others has big potential to become another Russia-oriented destination, especially within the frame of now reviving and developing Russia-Philippines bilateral relations. Let us also mention that among other economic industries tourism in the Philippines plays big role and contributes annually to the country budget. Further development and attracting tourists from distant foreign countries such as Russia, is mostly important for the industry and can become prominent and profitable in the nearest future.

The Philippines, an archipelagic country composed of 7 641 islands with 82 provinces divided in 18 regions, is known for its rich biodiversity as main touristic attraction[1]. Its beaches,

[*] Дарья Сергеевна ПАНАРИНА, кандидат культурологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; daria2002panarina@gmail.com

Daria S. PANARINA, PhD (Cultural Studies), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; daria2002panarina@gmail.com

[1] Natural Resources and Environment in the Philippines // *eTravelPilipinas*. URL: http://www.etravelpilipinas.com/about_philippines/philippine_natural_resources.htm (last visited 15.01.2018).

mountains, rainforests, islands and diving spots are among the country's most popular tourist destinations. The country's rich historical and cultural heritage are also among the attractions of the Philippines. So far tourism section of economy has been growing constantly.

Tabl. 1. Tourism industry performance in the Philippines in 2015–2017 (resources: 2015 Visitor Receipt; Contribution of Tourism to the Economy is 12.2 Percent in 2017; Department of Tourism; Business mirror[2]; [Villegas 2016].

Parameter/Year	*2015*	*2016*	*2017*
Amount of arrivals (*mln*)	5.3	5.9	6.6
Share in the GDP (%)	10.6	11.0	12.2
Employment in the industry (*mln*)	4.99	5.2	5.3

The country welcomed 474 854 tourists for the month of June 2017, up by 3.42% from the 459 138 arrivals in June 2016. By sub-regional grouping, East Asia is the biggest source of arrivals with 239 987 tourists (a market share of 50.54%). Korea, Japan, and China accounted for 44.81% of the total volume[3]. By major regional grouping, Asia covered 61.11% of the total or 290 177 visitors. The Americas contributed 20.32% equivalent to 96 512. Europe added 40 610 arrivals (8.55%), while some 25 074 arrivals (5.28%) were from Australasia/Pacific.

Korean market continues to provide the biggest arrivals to the country by producing 108 455 arrivals for June 2017. The USA ranked second with 84 676 visitors, an increase of 10.58% from its arrivals in June 2016 of 76 575. China followed with 66 066 arrivals which is 18.80% higher than its 55 610 visitors from June 2016. Japan at 4th spot provided 38 261 visitors to the country[4]. Russia is still only the 19th among countries travelling to the Philippines (as of January – May 2016–2017 with only 35 378 people to come)[5]. Reasons for that are simple:

1. Long way to go: from 24 up to 40 hours one way due to the fact that there are not still any direct regular flights between Russia and the Philippines
2. Consequent high cost of travel (round way tickets per person cost about 50–70 thousand rubles, or at least 40 thousand rubles with Qatar Air)[6]
3. Transport difficulties in the Philippines
4. Little knowledge about the country among the Russian people.

There are of course some minor things like dangerous animals and insects of tropical climate for those who are afraid of natural dangers, but the four reasons given above are the main ones. It is also worth saying that even those charter flights which exist between the Philippines and such Russian cities as Moscow, Vladivostok and Khabarovsk are not accessible to individual tourists,

[2] 2015 Visitor Receipt / Arrival Report / Department of Tourism. Tourism Research and Statistics Division // *Visit Me Philippines*. 22.01.2016. URL: http://www.visitmyphilippines.com/images/ads/7a50d2e970a8cc4875e545d95906d592.pdf (last visited 16.07.2018); Contribution of Tourism to the Economy is 12.2 Percent in 2017 // *Philippine Statistics Authority*. 07.06.2018. URL: https://psa.gov.ph/tourism-satellite-accounts-press-releases (last visited 16.07.2018); Visitor arrivals in 2016 fall short of govt's 6-M target // Arnaldo M. S. F. *Business Mirror*. 05.02.2017. URL: https://businessmirror.com.ph/visitor-arrivals-in-2016-fall-short-of-govts-6-m-target/ (last visited 16.07.2018); DOT: Tourism arrivals reach all-time high at 6.6M // *Department of Tourism*. 31.01.2018. URL: http://web.tourism.gov.ph/news_features/dot_high.aspx (last visited 16.07.2018).

[3] Also see the data for years 2013–2016 for comparison: Industry Performance for Travel and tourism // *Department of Tourism*. URL: http://web.tourism.gov.ph/industry_performance.aspx (last visited 10.07.2018).

[4] See the data about 20 top visitor markets, including Russia which is last but one with 19 365 arrivals in January – June 2017. URL: http://web.tourism.gov.ph/industry_performance.aspx (last visited 10.07.2018).

[5] 2015 Visitor Receipt / Arrival Report / Department of Tourism. Tourism Research and Statistics Division // *Visit Me Philippines*. 22.01.2016. URL: http://www.visitmyphilippines.com/images/ads/7a50d2e970a8cc4875e545d95906d592.pdf (last visited 16.07.2018).

[6] If lucky, one can get tickets with China Southern Airlines for ca. 30 thousand rubles for a person in low season.

because the tickets are being sold out to tourist agencies. Pack tours to the Philippines are not as numerous as the ones to Thailand, and the cheapest cost of a trip for two weeks for two people in high season (summer and winter) and in low season (spring and autumn) is 200–230 and 130–150 thousand rubles accordingly, airplane tickets included. On the bright side, Russians do not need visa to stay in the Philippines for 30 days.

A question of safety which is really important for a Russian tourist is also mostly a matter of information. The Philippines is a friendly country despite their own problems with terrorism and Muslim movement in the country's South. Though potential tourists can get nervous because of the stories about kidnapping foreigners, it is just advisable to know where to go exactly in the country to be safe. An article in *World Nomads* shares the same opinion and particularly enlists places in the Philippines which are better to be avoided[7].

As of now, Russian tourists' impressions on the Philippines are mostly based on what these tourists saw, while travelling around the country, without any preliminary knowledge. To elaborate, I'll give citations of Russian tourists who travelled to the Philippines and stayed there for a month. Citations were published in *Russia Beyond* online issue.

Elena Proshina, RBTH's Korean-language website editor

Elena spent a month travelling across the Philippines in 2013. She explains why only seasoned Russians travelers visit the country.

Russian travelers never choose the Philippines as their first destination in Southeast Asia. They mostly prefer Thailand, Vietnam or Cambodia, which are popular destinations during the Russian winter holidays. There was no direct flight from Russia when I visited the Philippines, making the journey long and expensive.

Daniil, a mathematician from the Moscow State University

Daniil traveled to the Philippines in the summer of 2015 and spent a month in the country. He blogged about hardships that travelers face in the archipelago.

Transport was my biggest problem in the Philippines. The best-case scenario is your vehicle travels at 30 kilometers per hour. So, be prepared to spend up to four hours on the road, just to travel 100 kilometers. Public transport is horrible, slow and uncomfortable[8].

I have also checked a number of reviews from Russian tourists in the Philippines, published at such websites as *travelsecret.ru*, *100dorog.ru*, *irk.ru*, *tonkosti.ru*[9], and *tripadvisor.com*. Mostly all of them mark the same advantages and disadvantages of going to the Philippines, including among disadvantages: long trip, poor transport, local flight delays and the way too high prices (which you can actually bargain), visual poverty of the people in ordinary city districts and among advantages: the most beautiful nature, good beaches, and really friendly and nice Filipinos. Almost none of the tourists mention any kind of cultural attractions. So, it is really a problem that information exchange between Russia and the Philippines is so low. At *tripadvisor* website we read a thread discussion

[7] Terrorism in the Philippines: Places You Should Avoid // Sylvester Ph. *World Nomads*. 20.12.2016. URL: https://www.worldnomads.com/travel-safety/southeast-asia/philippines/areas-to-avoid-in-the-philippines (last visited 15.01.2018).

[8] The Philippines through the eyes of Russian travelers // Egorova K. *Russia Beyond*. 05.08.2015. URL: https://www.rbth.com/blogs/2015/08/05/the_philippines_through_the_eyes_of_russian_travelers_48249.html (last visited 15.01.2018).

[9] 10 причин не ехать на Филиппины // *Travelsecret.ru*. URL: http://travelsecret.ru/10-prichin-ne-exat-na-filippiny/ (last visited 15.01.2018); Манила. Несколько дней на пути к пляжу // *100dorog.ru*. 23.04.2012. URL: https://100dorog.ru/club/stories/1712214/ (last visited 15.01.2018); Путешествие в другой мир // *100dorog.ru*. 12.08.2005. URL: https://100dorog.ru/club/stories/21951/ (last visited 15.01.2018); Филиппины – зачем туда ехать? // *100dorog.ru*. 16.05.2009. URL: https://100dorog.ru/club/stories/23995/ (last visited 15.01.2018); Путешествие на Филиппины: часть первая // *irk.ru*. 04.03. 2014. URL: https://www.irk.ru/tourism/blog/20140304/philippines/ (last visited 15.01.2018); 5 отзывов туристов о Филиппинах // *Тонкости туризма*. URL: https://tonkosti.ru/%D0%9E%D1%82%D0%B7%D1%8B%D0%B2%D1%8B_%D0%BE_%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BF%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%85 (last visited 15.01.2018).

answering the question "Will the dribble of Russian tourists rise?" which gives the following comments:

A person from Los Angeles: Yes, this is a market that holds a lot of promise... they love the phils…this is precisely the type of destination that appeals to them. The problem is recognition... the Philippines has not been part of the russ consciousness although that is rapidly changing… everyone knows what Thailand is, and it is very accessible…

A person from Manchester, United Kingdom: Compared to Thailand, the infrastructure in the Philippines is awful. Those beautiful archipelagos that are dotted around are just too inconvenient to reach for the average package tourist. I hate to say it, but with corruption and inefficiencies, it will take the Philippines 3 times as long as comparable countries in improving transport links and accessibility. For many of us, that's a good thing as I would not want every scenic resort to become overrun like Boracay. For the Filipinos who want to make a living, it's clearly a bad thing[10].

I would like to say a few words about possible ways to attract more Russians to the Philippines. There are good examples of very different (in their development and position) Asian countries, which were not known in Russia as a tourist destination even 7 years ago, but gradually turned out to become quite popular after some time. The first example is Japan, modern and technically developed country which is also rich in culture and beautiful nature, and the one with which Russian federation is still officially in the state of war as far as there is still no peace treaty between the two countries after the World War 2. Nevertheless, this situation used to play some role in tourist business. First and furthermost, getting Japanese visa for Russian non-pack tourists was difficult, because it was obligatory to find a guarantee in Japan to prepare numerous documents on the Japanese side and to send it to the Russian tourist, planning to visit Japan. Thus, for the majority of Russian travelers it impossible, only package tours remained, which had always been very expensive. Another issue has always been a matter of language. Many Russian tourists are not well versed in English; needless to say, Japanese is even more problematic. And the last, but not the least, Japanese culture has not always been so popular in Russia. And it is where the conquest started. Japan began with promoting their traditional food, then anime (Japanese cartoons) and manga (Japanese comics), together with various courses (in ikebana, bonsai, ukiyo-e painting, Japanese language, martial arts groups, calligraphy and so on) sponsored either by the Japanese Ministry of Foreign Affairs or by Japanese foundations. Gradually this policy gained more and more fans, people with different levels of knowledge about the country, who still want to visit and sometimes tend to return to Japan again after the first trip.

According to statistics provided by Japan National Tourism Organisation[11], number of Russian tourists in Japan in 2010–2016 is not very high but steady. In general, number of Russian tourists in Japan is around 55 thousand people a year. In 2011 this number decreased because of the Fukusima nuclear catastrophe, but then increased even more, because of the friendly prices which went down in order to attract tourists. Another downfall happened in 2014 due to the economic crisis in Russia, thus returning to the same level there had been before Fukusima. Throughout all this period Russia and Japan negotiated on the problem of Kuril Islands, and finally in January 2017 agreed to establish a free economic zone there. At the same time Japan simplified visa requirements for Russian tourists so that now the stack of documents from the Japanese guarantee is not necessary anymore. The result was immediate – 54 400 Russian tourists visited Japan from January till September and by the end of the year 2017 the total of Russian tourists to Japan amounted to 77 200 people, much more than in 2016.

---

[10] Also see here an opinion of an Australian: Will the dribble of Russian tourists rise? // *Tripadvisor.com.* 31.10.2013. URL: https://www.tripadvisor.com.ph/ShowTopic-g294245-i3256-k6955692-Will_the_dribble_of_Russian_tourists_rise-Philippines.html (last visited 15.01.2018).

[11] Tourism Statistics // *Japan National Tourism Organization.* URL: https://www.jnto.go.jp/eng/ttp/sta/ (last visited 15.01.2018).

Just a decade ago no one knew anything about Thailand, nor was it in any kind attractive for Russian tourists who used to choose Turkey or Egypt for beach holidays. And still, now it turned into one of the most popular Asian destinations among Russian travelers. People go to Thailand for natural and historical attractions, for beach holidays, with families (including children), in big groups of friends. That particularly means two things: Russian tourists feel comfortable and safe in Thailand and see it quite convenient to get there despite the long flight.

As Russia Outbound Tourism Report goes Thailand has long been established with Russians. A huge infrastructure catering for Russian tourists is already in place especially in Phuket and Pattaya, and increased demand led to Thai Airways restarting direct services from Moscow in 2016. Huge numbers of Russians visit Thailand every year, and this gives a solid base to launch new initiatives. One such drive is a plan to open up lesser-known regions of Thailand to Russian tourists, announced in August 2016. More flight routes, including the ones from regional cities. The big news is Thai Airways coming back to the market, but Russian airline S7 launched routes from Vladivostok to Bangkok in Autumn 2016 as well. This complements existing links from Novosibirsk, Irkutsk and Krasnoyarsk[12].

In year 2014 the number of tourist arrivals from Russia to Thailand was over million and a half (1.604 mln people), straight behind China (4.624 mln) and Malaysia (2.644 mln)[13]. In 2015 the number of Russian arrivals went down a bit (partially because of the crisis in Russia) and was 884 thousand people[14], but then in 2016 it again went up to more than a million (1.090 mln)[15]. In general, the steady growth of foreign tourists' arrivals to Thailand has started since around year 2002 and in 10 years has grown greatly. The same goes for Russian tourists to Thailand as well. It is well proved by the chart, showing (in %) the tendency in growth in years 2002–2012[16].

Though in recent years[17] comparing to the period previous to year 2012, number of Russians going to Thailand has slid down a bit, it is not because of the loss of interest, but mostly because of economic turmoil the country has found itself in since 2014.

Speaking of the other side of mutual tourism development, meaning the Filipino travelling to Russia, I presume we can mention the same hardships, probably partially excluding the problem with traffic and transportation (depends on where to go in Russia) and add another one, which is getting Russian visa.

Whereas Russians don't need visa to go to the Philippines, Filipino people have to get one and it is not an easy and quick process. To obtain a **tourist visa** to Russia, among other documents, a citizen of the Philippines must submit to the Russian Embassy a letter of invitation for tourist visa. Such letter can be issued in one day at any travel agency registered in the registry of Russian tour operators and having a reference number. A properly prepared invitation letter consists of a tourist voucher and a confirmation of acceptance. It should be printed on the letterhead of the travel agency. The form must include information regarding the travel company: its official name, reference number and legal address. The traveler's passport data as well as detailed information on

---

12 South East Asia // *Russian Outbound Tourism: Where Next?* October 2016 Report. URL: http://arbinternational.es/ARCHIVO/documentos/ferias/145/1484651023_russia-outbound-tourism-report_oct_2016.pdf (last visited 15.01.2018).

13 Tourist Arrivals to Thailand by Nationality 2013 and 2014 // *ThaiWebSites.com.* URL: http://www.thaiwebsites.com/tourists-nationalities-Thailand-2014.asp (last visited 08.07.2018).

14 Tourist Arrivals to Thailand by Nationality 2014 and 2015 // *ThaiWebSites.com.* URL: http://www.thaiwebsites.com/tourists-nationalities-Thailand-2015.asp (last visited 08.07.2018).

15 Tourist Arrivals to Thailand by Nationality in 2016 // *ThaiWebSites.com.* URL: http://www.thaiwebsites.com/tourists-nationalities-Thailand.asp (last visited 08.07.2018); Russian tourists choose Thailand // *Embassy of the Russian Federation to the Kingdom of Thailand.* 18.01.2017. URL: http://thailand.mid.ru/en/news/2066-russian-tourists-choose-thailand (last visited 08.07.2018).

16 Tourist Arrivals to Thailand by Nationality 2002 and 2012 // *ThaiWebSites.com.* URL: http://www.thaiwebsites.com/tourists-nationalities-Thailand-2012.asp (last visited 08.07.2018).

17 Speaking of the tourism policy in Thailand in general in years 2012–2016, look through the article by Niti Wirudchawong, the Director, Office of the Ombudsman: Wirudchawong N. Thailand // *Ritsumeikan University.* URL: http://www.ritsumei.ac.jp/acd/re/k-rsc/hss/book/pdf/vol04_02.pdf (last visited 9.10.2018).

what Russian cities he/she intends to visit and where he/she plans to stay must also be disclosed. Number of entries and duration of stay must be indicated, too. In case the positive decision will be made, a **tourist visa valid for 1 month will be received**.

Getting a **private visa (for single or double entry, valid for up to 90 days)** is necessary for citizens of the Philippines who would like to enter the Russian Federation with a purpose of visiting their relatives (or friends) and is even more difficult to get. Comparing to tourist visa, with private one the process takes longer and is more expansive: in terms of cost: a maximum of 1 000 rubles vs. at least 2 700 rubles and in terms of time: a maximum of 1 day vs. a maximum of 30 days[18]. Further red tape procedures after getting visa and coming to the country include registration which is mandatory in Russia if a tourist stays for more than 7 seven days. Getting registered can also be quite tiresome.

Evidently, all these procedures cannot be called the best way of starting a holiday or even a business trip. To add it a long distance, high cost of travelling and almost zero knowledge of Russia, we get miserable numbers of Filipino tourists into Russia despite all its beauty and cultural heritage. In 2015 only 6 137 people came. A bit more – 7 043 came in 2016, and another 1 337 Filipinos visited Russia in the first quarter of year 2017[19]. So, I consider that to make it easier for the Filipino people to get to our country, it is best to follow with the same visa policy as they have for us; to create positive and attractive image of Russia among the Philippines, to share information and goods; getting to know each other will help more tourists visit Russia.

It is also fortunate that judging by the publications in the Philippines press[20], the Filipino people are eager to cooperate and to develop mutual tourism and are actually very much interested in any kind of beneficial relationships with Russia, including tourism. Throughout year 2017 the Philippines were making effort to enrich the Russians with the knowledge about the archipelago. Thus, Cebu-based Plantation Bay Resort and Spa made a historic move to promote the country as the next destination for Russian tourists. Plantation Bay brought 18 of its resort personnel, including their famous dancing staff, to show off the beauty of the Philippines and Cebu to key Russian travel specialists and tour operators[21]. Though Russian tourist agencies have really limited knowledge of the Philippines, it is a good effort, something to start with in the process of valuable cultural exchange[22]. Speaking of the extent of knowledge existing among both the Russian and the Filipino people about each other it is worth mentioning that Filipino websites aimed at tourists provide much more extensive information than Russian ones. For confirmation compare the following sources: http://www.visitmyphilippines.com/index.php (Filipino website in English language) and

---

[18] Visa to Russia from Philippines // *GoingRus.com*. URL: https://goingrus.com/info/en/get-russian-visa/visa-to-russia-from-philippines (last visited 15.01.2018).

[19] Выборочная статистическая информация, рассчитанная в соответствии с официальной статистической методологией оценки числа въездных и выездных туристических поездок // *Федеральное агентство по туризму. Министерство культуры Российской Федерации*. URL: https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/vyborochnaya-statisticheskaya-informatsiya-rasschitannaya-v-sootvetstvii-s-ofitsialnoy-statisticheskoy-metodologiey-otsenki-chisla-vezdnykh-i-vyezdnykh-turistskikh-poezdok/ (last visited 15.01.2018).

[20] Russians ready to invade PHL tourist spots // *Canadian Inquirer*. 30.01.2017. URL: http://www.canadianinquirer.net/2017/01/30/russians-ready-to-invade-phl-tourist-spots/ (last visited 15.01.2018); DOT expects tourism to bounce back after martial law // Cabato R. *CNN Philippines*. 01.06.2017. URL: http://cnnphilippines.com/news/2017/06/01/dot-tourism-martial-law.html (last visited 15.01.2018); PHL, Russia ink tourism deal // Bartolome J. *GMA News*. 25.05.2017. URL: http://www.gmanetwork.com/news/lifestyle/travel/612121/phl-russia-ink-tourism-deal/story/ (last visited 15.01.2018); PH sets sights on more Russian tourists // *ABS-CBN News*. 22.03.2017. URL: http://news.abs-cbn.com/news/03/22/17/ph-sets-sights-on-more-russian-tourists (last visited 15.01.2018).

[21] Plantation Bay wows Russia // Dagooc E. *The Philippine Star*. 25.06.2017. URL: http://www.philstar.com/travel-and-tourism/2017/06/25/1713283/plantation-bay-wows-russia (last visited 15.01.2018).

[22] In order to share more information about the Philippines with Russian people, we need to create either a mass media project to give information about the Philippines in an entertaining and easy way, or organize festivals, workshops, markets, lectures, and so on. It would also be helpful to found a cultural centre in Moscow and somewhere in the Far East dedicated to the Philippines and Filipino culture.

https://eng.russia.travel/ (Russian tourism website, also in English). Despite the obvious differences, both sites are probably aimed at a category of tourists who prefer to travel in groups, buying packed tours from a tourist agency. It leaves out another category of travelers, those who are fond of visiting other countries individually and plan and get ready for the tour all by themselves. For such people on both sides there would be very useful a website with information from other travelers, sharing their experience, as well as information on routs, accommodation, things to see. As an example of such website successfully helping tourists for over 5 years I can mention https://www.japan-guide.com/. Governmental organizations, such as the Department of Tourism are also willing to further strengthen Filipino-Russian travel relations. As Business Mirror reports, under the DOT's National Tourism Development Plan for 2016-2022 the agency is seeking an increase in Russian visitor arrivals from 25 000 in 2015 to 71 000 by 2022, the last year of Duterte's term of office.

Data from the United Nations World Tourism Organization in 2015 ranked Russia as the world's sixth-biggest outbound market in terms of expenditure, spending $35 billion in travels abroad. More than 28,000 Russians visited the Philippines in 2016, up 11.6 percent from 2015, despite the European Union trade sanctions that had an impact on Russian economy, the DOT chief said. Before the ruble crashed in 2014, visitor arrivals from Russia in the Philippines were growing by 30 percent annually, which earned it a place on the DOT's list of "high-growth target markets". An air-service agreement between Russia and the Philippines signed in July 2015 allows Philippine carriers to fly seven times a week between any point in the Philippines and three points in Russia – Moscow, Saint Petersburg and Vladivostok. However, there are still no direct scheduled flight services between both countries, due to the tepid demand from tourists going to Russia[23]. That would help greatly if a direct flight, at least one a day as to Japan, or better several flights a day as to China, were possible to make from Russia to the Philippines and the other way round.

Литература / References

Электронные ресурсы / Electronic sources

5 отзывов туристов о Филиппинах // *Тонкости туризма.* URL: https://tonkosti.ru/%D0%9E%D1%82%D0%B7%D1%8B%D0%B2%D1%8B_%D0%BE_%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BF%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%85 (last visited 15.01.2018).

10 причин не ехать на Филиппины // *Travelsecret.ru.* URL: http://travelsecret.ru/10-prichin-ne-exat-na-filippiny/ (last visited 15.01.2018)

Манила. Несколько дней на пути к пляжу // *100dorog.ru.* 23.04.2012. URL: https://100dorog.ru/club/stories/1712214/ (last visited 15.01.2018)

Путешествие в другой мир // *100dorog.ru.* 12.08.2005. URL: https://100dorog.ru/club/stories/21951/ (last visited 15.01.2018)

Путешествие на Филиппины: часть первая // *irk.ru.* 04.03. 2014. URL: https://www.irk.ru/tourism/blog/20140304/philippines/ (last visited 15.01.2018)

Федеральное агентство по туризму. Министерство культуры Российской Федерации. URL: https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/vyborochnaya-statisticheskaya-informatsiya-rasschitannaya-v-sootvetstvii-s-ofitsialnoy-statisticheskoy-metodologiey-otsenki-chisla-vezdnykh-i-vyezdnykh-turistskikh-poezdok/ (last visited 15.01.2018).

Филиппины – зачем туда ехать? // *100dorog.ru.* 16.05.2009. URL: https://100dorog.ru/club/stories/23995/ (last visited 15.01.2018)

[23] DOT targets tourists from Russia to reach 71 000 in five years // Arnaldo M. S. F. *Business Mirror.* 26.03.2017. URL: https://businessmirror.com.ph/dot-targets-tourists-from-russia-to-reach-71000-in-five-years/ (last visited 15.01.2018).

20 top visitor markets, including Russia which is last but one with 19 365 arrivals in January–June 2017. URL: http://web.tourism.gov.ph/industry_performance.aspx (last visited 10.07.2018).

2015 Visitor Receipt / Arrival Report / Department of Tourism. Tourism Research and Statistics Division // *Visit Me Philippines*. 22.01.2016. URL: http://www.visitmyphilippines.com/images/ads/7a50d2e970a8cc4875e545d95906d592.pdf (last visited 16.07.2018)

2015 Visitor Receipt / Arrival Report / Department of Tourism. Tourism Research and Statistics Division // *Visit Me Philippines*. 22.01.2016. URL: http://www.visitmyphilippines.com/images/ads/7a50d2e970a8cc4875e545d95906d592.pdf (last visited 16.07.2018).

Contribution of Tourism to the Economy is 12.2 Percent in 2017 // *Philippine Statistics Authority*. 07.06.2018. URL: https://psa.gov.ph/tourism-satellite-accounts-press-releases (last visited 16.07.2018)

DOT expects tourism to bounce back after martial law // Cabato R. *CNN Philippines*. 01.06.2017. URL: http://cnnphilippines.com/news/2017/06/01/dot-tourism-martial-law.html (last visited 15.01.2018)

DOT targets tourists from Russia to reach 71 000 in five years // Arnaldo M. S. F. *Business Mirror*. 26.03.2017. URL: https://businessmirror.com.ph/dot-targets-tourists-from-russia-to-reach-71000-in-five-years/ (last visited 15.01.2018).

DOT: Tourism arrivals reach all-time high at 6.6M // *Department of Tourism*. 31.01.2018. URL: http://web.tourism.gov.ph/news_features/dot_high.aspx (last visited 16.07.2018).

Industry Performance for Travel and tourism // *Department of Tourism*. URL: http://web.tourism.gov.ph/industry_performance.aspx (last visited 10.07.2018).

Natural Resources and Environment in the Philippines // *eTravelPilipinas*. URL: http://www.etravelpilipinas.com/about_philippines/philippine_natural_resources.htm (last visited 15.01.2018).

PH sets sights on more Russian tourists // *ABS-CBN News*. 22.03.2017. URL: http://news.abs-cbn.com/news/03/22/17/ph-sets-sights-on-more-russian-tourists (last visited 15.01.2018).

PHL, Russia ink tourism deal // Bartolome J. *GMA News*. 25.05.2017. URL: http://www.gmanetwork.com/news/lifestyle/travel/612121/phl-russia-ink-tourism-deal/story/ (last visited 15.01.2018)

Plantation Bay wows Russia // Dagooc E. *The Philippine Star*. 25.06.2017. URL: http://www.philstar.com/travel-and-tourism/2017/06/25/1713283/plantation-bay-wows-russia (last visited 15.01.2018).

Russian tourists choose Thailand // *Embassy of the Russian Federation to the Kingdom of Thailand*. 18.01.2017. URL: http://thailand.mid.ru/en/news/2066-russian-tourists-choose-thailand (last visited 08.07.2018).

Russians ready to invade PHL tourist spots // *Canadian Inquirer*. 30.01.2017. URL: http://www.canadianinquirer.net/2017/01/30/russians-ready-to-invade-phl-tourist-spots/ (last visited 15.01.2018)

South East Asia // *Russian Outbound Tourism: Where Next? October 2016 Report*. URL: http://arbinternational.es/ARCHIVO/documentos/ferias/145/1484651023_russia-outbound-tourism-report_oct_2016.pdf (last visited 15.01.2018).

Terrorism in the Philippines: Places You Should Avoid // Sylvester Ph. *World Nomads*. 20.12.2016. URL: https://www.worldnomads.com/travel-safety/southeast-asia/philippines/areas-to-avoid-in-the-philippines (last visited 15.01.2018).

The Philippines through the eyes of Russian travelers // Egorova K. *Russia Beyond*. 05.08.2015. URL: https://www.rbth.com/blogs/2015/08/05/the_philippines_through_the_eyes_of_russian_travelers_48249.html (last visited 15.01.2018).

Tourism Statistics // *Japan National Tourism Organization*. URL: https://www.jnto.go.jp/eng/ttp/sta/ (last visited 15.01.2018).

Tourist Arrivals to Thailand by Nationality 2002 and 2012 // *ThaiWebSites.com*. URL: http://www.thaiwebsites.com/tourists-nationalities-Thailand-2012.asp (last visited 08.07.2018).

Tourist Arrivals to Thailand by Nationality 2013 and 2014 // *ThaiWebSites.com*. URL: http://www.thaiwebsites.com/tourists-nationalities-Thailand-2014.asp (last visited 08.07.2018).

Tourist Arrivals to Thailand by Nationality 2014 and 2015 // *ThaiWebSites.com*. URL: http://www.thaiwebsites.com/tourists-nationalities-Thailand-2015.asp (last visited 08.07.2018).

Tourist Arrivals to Thailand by Nationality in 2016 // *ThaiWebSites.com*. URL: http://www.thaiwebsites.com/tourists-nationalities-Thailand.asp (last visited 08.07.2018)

Visa to Russia from Philippines // *GoingRus.com*. URL: https://goingrus.com/info/en/get-russian-visa/visa-to-russia-from-philippines (last visited 15.01.2018).

Visitor arrivals in 2016 fall short of govt's 6-M target // Arnaldo M. S. F. *Business Mirror*. 05.02.2017. URL: https://businessmirror.com.ph/visitor-arrivals-in-2016-fall-short-of-govts-6-m-target/ (last visited 16.07.2018)

Will the dribble of Russian tourists rise? // *Tripadvisor.com*. 31.10.2013. URL: https://www.tripadvisor.com.ph/ShowTopic-g294245-i3256-k6955692-Will_the_dribble_of_Russian_tourists_rise-Philippines.html (last visited 15.01.2018).

Wirudchawong N. Thailand // *Ritsumeikan University*. URL: http://www.ritsumei.ac.jp/acd/re/k-rsc/hss/book/pdf/vol04_02.pdf (last visited 9.10.2018).

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данной рубрике журнала «Вестник Института востоковедения РАН» собраны статьи, посвященные видному российскому лингвисту, заведующей Отделом языков народов Азии Института востоковедения РАН Зое Михайловне Шаляпиной.

Зоя Михайловна окончила в 1969 г. отделение машинного перевода Московского государственного педагогического института иностранных языков имени М. Тореза. Это, к сожалению, недолго просуществовавшее отделение было специально нацелено на подготовку специалистов по прикладной лингвистике. Соответствующее отделение теоретической (структурной) и прикладной лингвистики на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова также подготовило ряд таких специалистов, но там все-таки преобладал уклон в сторону теоретической лингвистики, не связанной непосредственно с прикладными задачами в том смысле, который тогда вкладывался в это понятие. Показательна судьба выпускников японской группы, созданной по инициативе заведующего кафедрой В. А. Звегинцева в 1963 г. Предполагалось, что они будут заниматься машинным переводом с японского языка и автоматической обработкой информации на этом языке, однако никто из них этот путь не выбрал: они стали либо специалистами по теоретической лингвистике, либо, если угодно, прикладниками высокой квалификации, но в иной сфере – преподавания японского языка и его методики, «обычного» перевода с этого языка. А З. М. Шаляпина, не изучавшая японский язык в студенческие годы, смогла стать именно таким специалистом, на которого рассчитывал В. А. Звегинцев.

Но к японскому языку Зоя Михайловна пришла не сразу. По окончании института она работала там же в области англо-русского автоматического перевода, заведовала группой англо-русского машинного словаря. Однако она никогда не ограничивалась чисто прикладными вопросами, с самого начала для нее были важны их теоретические основы, связанные с устройством человеческого языка. Этому были посвящены уже первые ее работы, прежде всего – подготовленная под руководством И. А. Мельчука и Н. Н. Леонтьевой кандидатская диссертация.

А затем произошла, казалось бы, резкая смена научных интересов. Зоя Михайловна, изучившая новый для нее японский язык на курсах иностранных языков, перешла от английского языка к языку совсем иного строя. В японистике, как правило, результатов добиваются лишь люди, изучавшие этот язык со студенческих лет; в нашей стране я, кроме Зои Михайловны, не знаю исключений из этого правила. Но оказалось, что теоретическая и практическая лингвистическая подготовка может оказаться здесь более важной. С 1977 г. З. М. Шаляпина переходит в Отдел языков Института востоковедения АН СССР (ныне РАН), где работает и сейчас. Вскоре она возглавила группу автоматического перевода с японского языка, а с 1995 г. заведует отделом.

В работе в Институте востоковедения проявились лучшие качества Зои Михайловны: огромная работоспособность, умение сочетать каждодневную черновую работу с высокой теоретичностью. Ее небольшой коллектив сумел создать реально работающую систему перевода научно-технических текстов с японского языка на русский, эта система продолжает развиваться и совершенствоваться. Ее формирование и развитие ставило и продолжает

ставить очень сложные теоретические проблемы, которые постоянно приходится решать. Поэтому у З. М. Шаляпиной имеется немало публикаций, посвященных как общелингвистическим вопросам, так и особенностям японского языка. Оригинальный теоретический подход был обобщен в фундаментальной книге «Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования. К общей теории лингвистических моделей», изданной в 2007 г.

Важна и административная деятельность Зои Михайловны. Приняв Отдел языков Института востоковедения в тяжелое для нашей науки время, она сумела сохранить и пополнить его научный коллектив, где продолжают работать ученые старшего и среднего поколения и заявляет о себе научная молодежь.

Это отражено здесь. Собраны публикации лингвистов, связанных с Зоей Михайловной в разные периоды ее деятельности. Некоторые из них (Н. Н. Леонтьева, Е. Г. Борисова) работали с ней еще до ее прихода в Институт востоковедения. Большинство статей принадлежит специалистам, трудящимся в Институте востоковедения или работавшим там ранее. Очень широк круг изучаемых здесь языков, прежде всего, восточных: японский, корейский, китайский, арабский, чадские, австроазиатские, дравидийские, восточнокавказские, тохарский, а также русский, английский, французский. Мы видим, насколько разнообразна тематика исследований возглавляемого З. М. Шаляпиной отдела. И в большинстве статей языковая конкретика связывается с теорией языка, с общелингвистическими проблемами. Надеемся, что эти статьи будут интересны читателю.

руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям,
член-корреспондент РАН,
доктор филологических наук,
профессор
В. М. АЛПАТОВ

О ЗОЕ ШАЛЯПИНОЙ

Ну, что можно сказать о человеке, который только работает и работает? И ты видишь лишь статьи, книги и другие формы публикаций, а ее саму крайне редко. Статьи и книги столь сложны, что понимать можешь, только если отбросишь все свое и погрузишься глубоко-глубоко, но до дна все равно не достанешь. Во-первых, нужно очень богатое воображение, чтобы увидеть внутренним оком все пространства, а в них ярусы, ярусы, ярусы, да еще оси, выходящие из одной точки, а на осях опять ярусы или еще что похлеще. В общем, сразу расхочется притворяться ученым – ведь надо сначала стать математиком, чтобы потом попробовать добраться до лингвистической сути. Ладно, пропустим пространства – и сразу к буквам, буквам, столь близким тебе и другим, кто мнит себя хотя бы прикладным (то есть немного ненастоящим) лингвистом. Нет, опять не получилось: буквы-то оказались японскими, да и не буквы это, а иероглифы. Ну, позовешь в гости: может, за чаем и десертом что-то приоткроется? – да ведь не придет она: слишком много дел, а точнее сказать, целый большой отдел ей подчиняется, и у каждого свои восточные иероглифы или совсем что-то непонятное для нас, простых работников.

И вдруг… соглашается прийти в гости, да так просто, даже с удовольствием. Она оказывается нормальным веселым человеком: и чай она пьет, и тебе много былей-небылиц из восточной мудрости расскажет… и твои первобытные знания о восточном гороскопе выпрямит (увы, только держатся эти новые и точные знания очень недолго; ну, по телефону еще доспросишь – сразу откликнется, как совсем свободный человек). И стихи из нее сыплются легко, когда идут к метро вместе с каким-то другим гостем, как мне потом передавали; то есть и тут все складно. Я-то всего один раз вызвала Зою на чтение уже своих стишков, вслед за собой, но жалко тратить время на забавы, о деле бы спросить: вдруг устно лучше пойму. Но и тут нет, заодно и объяснит почему. Оказывается, у меня совсем другая Модель: я-то Текст целый вижу, и как его препарировать и сжимать, а потом только переводить «понятое». А в ее модели умещается устройство всего языка (если не всех языков), и объяснит – да так быстро, как будто это простая азбука… Ну, где уж тут мне… я только прикладной лингвист. Но мои молодые друзья очень прислушиваются к ее жизненной и научной философии.

А ведь Зоя пришла к нам в Лабораторию машинного перевода (ЛМП) студенткой 3-го курса на практику, занималась моими доморощенными семантическими структурами, мы звали ее «Мельчуком-в-юбке» (понятно почему), потом возглавила группу англо-русского словаря. А темой диссертации взяла сначала проблемы морфологического анализа, по совету того же И. А. Мельчука, но потом все же перешла на семантические проблемы в своем понимании. Я как формальный научный руководитель (у нее цельное мировоззрение, не нуждающееся в руководстве) читала внимательно только раздел о морфологии. Иначе говоря, Зоя довольно поздно занялась японским языком, а вслед за этим и проблемой японско-русского машинного перевода в полном объеме, будучи уже зрелым специалистом в разных задачах. Но и на почве МП (машинного перевода) мы не смогли совместить наши понятия – снова из-за разных моделей: я была ближе к информатике и нацеливалась на сжатый перевод текста, она настаивала на собственно лингвистическом пути перевода отдельных предложений, в соответствии со своим видением теории языка. Здесь она была ближе к классическим подходам, подобно моделям академика Ю. А. Апресяна и

И. А. Мельчука, некоторые идеи она внесла даже с опережением. Я до сих пор считаю такой подход (пофразовый МП) далеким от практических реализаций; более того, считаю, что МП как прикладная наука должна иметь отдельную теорию, родственную, но не совпадающую с чисто лингвистической теорией. Это интересная дилемма, а поскольку ни та, ни другая точки зрения и модели не дошли пока до создания стабильно работающих систем МП промышленного масштаба, то будем с нетерпением ждать результатов от коллектива Зои Михайловны Шаляпиной. Мало кто решился бы так последовательно и в такой сложной задаче, как МП, да с такими бедными ресурсами идти заведомо сложной и грамотной дорогой, но отличной от стандартных, уже проложенных путей. Желаю Зое как можно больше здоровья и терпения, чтобы нам всем пощупать первые колосья ее новаторского подхода еще в этой жизни.

Профессор Российского Государственного Гуманитарного университета,
кандидат филологических наук,
доктор технических наук
Н. Н. ЛЕОНТЬЕВА

СТРУКТУРАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА

В. М. Алпатов*

Структурализм был ведущим направлением лингвистики в 1920–1950-х гг. Наиболее значительным было влияние идей Ф. де Соссюра. Лингвисты этой парадигмы пытались выявить общую систему языка, самой развитой областью лингвистики была фонология. Структурный период закончился с публикацией работ Н. Хомского, который поставил задачу построения моделей деятельности говорящего; центральной областью исследований стал синтаксис. Сейчас параллельно с генеративной лингвистикой развивается функциональная; она изучает функционирование языка в человеческом обществе, главная область исследований – семантика.

Ключевые слова: структурализм, Соссюр, фонология, генеративизм, Хомский, синтаксис, функционализм, семантика.

STRUCTURALISM AND CONTEMPORARY LINGUISTICS

Vladimir M. Alpatov

Structuralism was the leading trend in 1920s–1950s linguistics, and F. de Saussure's ideas particularly were the most influential. Linguists of this paradigm tried to reveal a general system underpinning languages; the most developed field of linguistics was phonology. The structural period came to a close with the publication of Chomsky's works. Chomsky posited the problem of building models based on a language user's activities; now syntax became the central field of researches. Today, functional linguistics is evolving simultaneously with his generative linguistics. It investigates the functioning of languages in the human society and predominantly addresses semantics.

Keywords: structuralism, Saussure, phonology, generative linguistics, Chomsky, syntax, functional linguistics, semantics.

В истории мировой лингвистики, безусловно, важное место занимал структурный период. Его временными границами чаще всего считаются 1916–1957 гг., от публикации «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра до появления «Синтаксических структур» Н. Хомского. Разумеется, не все лингвисты этого периода работали в рамках структурализма. Исторические и сравнительно-исторические исследования велись в XX в. и ведутся в XXI в. на основе теоретических представлений, сложившихся в XIX в. С другой стороны, идеи, сходные со структуралистскими, ученые высказывали и до Ф. де Соссюра; особенно надо отметить И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского. Впоследствии ученик Бодуэна Е. Д. Поливанов, познакомившийся с соссюровским «Курсом» уже сформировавшимся ученым, даже писал: «Посмертная книга F. de Saussure'а, которая многими была воспринята как некое откровение, не содержит в себе буквально ничего нового в постановке и разрешении общелингвистических проблем по сравнению с тем, что давным-давно уже было добыто у нас Бодуэном и бодуэновской школой» [Поливанов, 1968, с. 185].

Однако посмертный «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, безусловно, имел наибольшее влияние. Видный советский лингвист А. М. Сухотин, переводчик изданного в 1933 г. на русском языке «Курса», говорил студентам, сказавшим, что Соссюра они проходили в прошлом году: «Соссюр был в прошлом году! Соссюр есть в этом году! Соссюр будет и

* Владимир Михайлович АЛПАТОВ, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН; руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, Москва; v-alpatov@ivran.ru

Vladimir M. ALPATOV, DSc (Philology), Professor, Corresponding Member of RAS; head of the Research center for National and Language Relations of the Institute of Linguistics RAS, Moscow; v-alpatov@ivran.ru

в будущем году и еще потом – потом – потом! Соссюр – явление не сезонное!» [Панов, 2007, с. 785]. Но у Ф. де Соссюра отсутствовало четкое понятие фонемы; здесь опорой служили идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Между новой и старой научными парадигмами имелись значительные различия, которые не сводились лишь к тому, что основное внимание уделялось не истории языка, а синхронии. Ученые старой парадигмы ценили исключительно поиски и анализ самостоятельно добытых фактов, извлеченных из письменных источников или полученных в диалектологических экспедициях. Один из них, А. И. Томсон, в 1928 г. писал Б. М. Ляпунову: «Об общих вопросах имеет право рассуждать только тот, кто сам годами барахтался в разрешении частных вопросов и потому может говорить по опыту, не с чужих слов» [Робинсон, 2004, с. 153]. О Н. С. Трубецком и В. Дорошевском он писал тому же адресату в 1934 г.: «Что это все означает?.. По-моему, лишь одно: слабосилие. Не могут больше преодолевать подготовительной работы по изучению накопившихся данных по истории языков, особенно по сравнительному языковедению… Очевидно, силы истощены» [Робинсон, 2004, с. 175].

Лингвисты новой парадигмы смотрели на свои задачи по-иному. «Весь пафос нашей работы заключался в том, чтобы показать систему языка во всей полноте его реального функционирования» [Аванесов, 2004, с. 16]. Лингвисты Пражской школы или дескриптивисты не отказывались от самостоятельного поиска фактов (глоссематика скорее была исключением), но у них не было свойственного их предшественникам «преклонения перед фактом», по выражению В. Н. Волошинова. Как писал В. Брендаль, «новая точка зрения, известная уже под названием структурализма», исходит из того, что «реальное должно обладать в своем целом тесной связью, особенной структурой».

Идеи и методы структурной лингвистики в основном сложились за два межвоенных десятилетия. 1920–1930-е гг. в мировом языкознании были, прежде всего, периодом движения в направлении структурализма, пусть в разных странах несколько по-разному. В частности, хотя в СССР до конца 1950-х гг. не использовался термин «структурализм», многие лингвисты, особенно фонологи, работали в структурной парадигме.

С помощью структурных методов изучались многие языки, включая славянские (более всего чешский и русский). Для большинства структуралистов преобладающей областью исследований стала фонология. Сформировались методы анализа языкового материала, по строгости значительно превосходившие то, что было раньше. Эта строгость, кстати, позволила структурализму в отличие от традиционного исторического языкознания получить практическое применение. В США в годы войны дескриптивные методы применялись в дешифровке, а в СССР активно развивалось конструирование алфавитов для многих языков. Это конструирование было, по сути, прикладной фонологией. Традиционная фонетика не могла здесь помочь, а фонология создавала для такой работы научную базу; с другой стороны, разнообразные по фонологическому строю языки СССР давали обширный материал для исследований (этот материал активно использовал и Н. С. Трубецкой в «Основах фонологии»). Уже после войны, особенно с начала 1960-х гг. развернулись и прикладные исследования по автоматической обработке языковой информации и особенно тогда популярному машинному переводу; к тому времени уже стало ясно, что это не чисто технические задачи, и решаться они должны с участием лингвистов. Исследования по автоматической обработке информации и машинному переводу стимулировали структурные исследования, в частности, в СССР. К концу структурного этапа в лингвистике закономерно получила развитие принципиально новая сторона: математизация и формализация. Тогда считалось, что степень развития науки прямо пропорциональна степени ее математизации, а в лингвистике опыты применения «точных методов» оказались наиболее многочисленными по сравнению с другими гуманитарными науками.

При бесспорных успехах структурализм к началу второй половины XX в. показывал свою ограниченность, начали говорить о его кризисе. Установленные Ф. де Соссюром

строгие рамки изучения – язык, а не речь – на какое-то время были полезными, позволив сосредоточиться на углубленном исследовании ограниченного круга явлений. Но со временем они стали слишком тесными. На ограниченность структурных методов указывали их критики. Так В. И. Абаев в 1960 г. писал, что эти методы успешно применены в фонологии, дали лишь частичные результаты в морфологии и синтаксисе и потерпели неудачу в семантике [Абаев, 2006, с. 103]. Типология занимала определенное место у пражцев (В. Скаличка), однако в большинстве направлений классического структурализма от глоссематики до дескриптивизма интереса к ней не было.

В период восходящего развития структурализма оппозиционные к нему направления не занимали значительного места в мировой науке (неогумбольдтианство в Германии, В. Н. Волошинов – М. М. Бахтин в СССР). Однако ситуация стала меняться с конца 1950-х гг., когда начиная с «Синтаксических структур» (1957 г.) появились работы Н. Хомского. Он подверг идеи структурной лингвистики уничтожающей критике. В книге «Язык и мышление» (1968 г.) он назвал концепцию структурализма неадекватной в фундаментальном отношении.

Хомский осудил точку зрения Ф. де Соссюра, согласно которой «единственно правильными методами лингвистического анализа являются сегментация и классификация», поскольку «такой таксономический анализ не оставляет места для глубинной структуры в смысле философской грамматики» [Хомский, 1972, с. 30–31]. «Современная структурная и дескриптивная лингвистика… ограничивается анализом того, что я назвал поверхностной структурой, она ограничивается формальными свойствами, которые эксплицитно присутствуют в сигнале, составляющими или другими единицами, которые могут быть выведены из сигнала при помощи определенных методов сегментации и классификации» [Хомский, 1972, с. 30]. Кроме того, у Соссюра «процессы образования предложений вовсе не принадлежат системе языка», поэтому «за весь период развития структурной лингвистики в области синтаксиса сделано очень мало» [Хомский, 1972, с. 31].

«Убогой и совершено неадекватной концепции языка, выраженной Уитни и Соссюром» [Хомский, 1972, с. 32], Н. Хомский противопоставил идеи, ставшие основой новой, генеративной лингвистической парадигмы. Вместо задачи описания языка задача построения объяснительной науки о языке, вместо процедур открытия речевых регулярностей моделирование деятельности носителя языка. Вместо фонологии синтаксис. Снимался запрет на использование интуиции исследователя и интроспекции. Вместо охвата все большего количества языков сосредоточение на английском языке, наиболее пригодном для учета интуиции. При этом, однако, возникала опасность посчитать типологические особенности этого языка базовыми свойствами языка вообще. В то же время генеративизм унаследовал многие из черт структурализма, среди них построение формальных, математических моделей и недооценка семантики.

Генеративизм, прежде всего, нацелен на вечные, неизменные свойства языка, понимаемые как синтаксические свойства; типология и диахроническая лингвистика занимают в нем меньшее место, чем в функционализме.

С появлением генеративизма структурный период развития мировой лингвистики завершился, хотя в разных странах не одновременно: в СССР 1960-е гг. еще проходили под его знаком. Место структурализма заняли другие научные парадигмы: генеративная и функциональная. Генеративизм преобладает в США и ряде других стран; порождающие грамматики значительно продвинули вперед исследование синтаксиса, однако славянские языки охвачены ими довольно мало. Возможно, это связано с ориентацией генеративизма на особенности английского языка вроде жесткого порядка слов и слабого развития словоизменения. Однако в СССР или Японии генеративизм так и не стал ведущим направлением.

Функциональная парадигма, более распространенная в Европе, не составляет единства, ее направления (прагматика, теория речевых актов, дискурсивный анализ, лингвистика текста, картины мира, речевые жанры и др.) объединены тем, что выходят за

рамки изучения языка как системы знаков, исследуя его функционирование (что способствовало интересу к неожиданно ставшей актуальной книге В. Н. Волошинова).

Функционализм также считает недостаточным описательный подход к языку и ищет пути к объяснительному подходу, но делает это иначе. В отличие от генеративизма определяющей областью лингвистики признается не синтаксис, а семантика. Ее исследования в целом были малоуспешны и в «традиционной», и в структурной лингвистике и лишь здесь семантика оказывается в центре внимания. Функционализм интересуется не только общим, но и особенным в языках, поэтому в данной парадигме активно развиваются типологические исследования. В них «на смену безраздельного господства КАК–типологии приходит *объяснительная* ПОЧЕМУ–типология, призванная ответить не только на вопросы о существовании, но и о причинах существования / несуществования тех или иных явлений» [Кибрик, 1992, с. 29]. Степень формализации здесь много ниже, чем в структурализме и в генеративизме. Русский и другие славянские языки активно используются здесь в качестве материала, нередко и в качестве основы для теоретических построений.

В отличие от структурализма и генеративизма функционализм не налагает явных ограничений на свой предмет, включая в область исследований все, что связано с процессами говорения и слушания. Как писал А. Е. Кибрик, «то, что считается «не лингвистикой» на одном этапе, включается в нее на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным. В целом он направлен в сторону снятия априорно постулированных ограничений на право исследовать такие языковые феномены, которые до некоторой степени считаются недостаточно наблюдаемыми и формализуемыми и, следовательно, признаются непознаваемыми. И каждый раз снятие очередных ограничений дает новый толчок лингвистической теории, конкретным лингвистическим исследованиям. Обнаруживаются новые, не замечавшиеся ранее связи, обогащается и вместе с тем упрощается представление о языке». Вывод: «Все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Кибрик, 1992, с. 20].

Снимается принципиальное и в позднем структурализме, и в генеративизме требование построения формальных моделей того, что исследуется. «Далеко не все языковые явления поддаются описанию с помощью правил-предписаний… Все это заставляет усомниться в универсальности алгоритмического способа мышления и строить деятельностную модель языка на принципе *неполной детерминированности*» [Кибрик, 1992, с. 33]. Однако отказ от алгоритмов и формализмов может приводить к противоположному уклону: в сторону субъективности и непроверяемости построений. А расширение границ науки, безусловно, необходимое, может приводить к отказу от выделения границ вообще.

Классический структурализм во второй половине XX в. отошел на задний план, многие приоритеты изменились. Фонология в эпоху структурализма вырвалась далеко вперед по сравнению с другими лингвистическими дисциплинами, в которых проявлялся фонологический редукционизм, перенос, например, на область лексики фонологических методов (компонентный анализ, семантические множители и пр.). Фонологию полагалось строго отделять от фонетики, а «чистая» фонетика рассматривалась многими фонологами как отклонение от магистрального пути лингвистики. Но с 1960-х гг. фонология утеряла статус кузницы новых лингвистических методов, и еще недавно центральная для лингвистики дисциплина отошла на ее периферию. При этом изучение звуковой стороны языка в последние десятилетия стало очень активным, но не за счет развития фонологии, а за счет развития фонетики, а две, как казалось одно время, далеко разошедшиеся дисциплины явно стали сближаться. «В современную эпоху традиционные фонологические модели, ориентированные на классификационные задачи описательного языкознания, оказываются недостаточными. На первый план выдвигается моделирование реальных процессов производства и восприятия звуковой речи. Многие из них получают естественное переосмысление в прикладных разработках, связанных с компьютерной имитацией звуковых процессов, – синтезом и распознаванием речи» [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 15].

В функциональной лингвистике последних десятилетий снимается жесткое противопоставление языка и речи, что видно на примере фонетики. Снимается и дихотомия синхронии и диахронии в той жесткой форме, которую придал ей Ф. де Соссюр. Принимается постулат о том, что языковая форма всегда, в конечном итоге, мотивируется смыслом, но эта мотивация может быть стерта, и надо искать исходное состояние, обращаясь к диахронии. Для начала XX в. обе дихотомии были шагом вперед, позволяя упорядочить наблюдаемые явления, но в дальнейшем они стали ограничивать развитие науки о языке.

Но в то же время ряд идей структурной лингвистики продолжает развиваться. Сам термин «функционализм» указывает на родство с введенным Пражским кружком понятием функции. Пражцы подходили к лингвистическому анализу с функциональной точки зрения, рассматривая язык как систему средств выражения, служащую какой-либо определенной цели. Это уже был выход за пределы чисто структурного подхода, нашедший продолжение в современной лингвистике.

Эпоха структурализма закончилась, но это не значит, что структурные методы вышли из употребления. Многие их понятия (оппозиция, нейтрализация оппозиций и др.) используются авторами разных взглядов, особенно существенными оказываются идеи Пражского кружка и дескриптивизма. Методы структурного анализа языковой системы, более всего разработанные в дескриптивизме, позволяют получить сопоставимые описания различных языков, а теоретические идеи пражцев остаются актуальными. И не надо недооценивать прикладные применения структурных методов, некоторые из них перечислялись выше. То, что делается в Институте востоковедения РАН под руководством Зои Михайловны Шаляпиной – лучшее тому подтверждение.

Литература / References

Абаев В. И. *Статьи по теории и истории языкознания.* М., 2006 [Abaev V. I. *Stat'i po teorii i istorii iazykoznaniia.* Moscow, 2006].

Аванесов Р. И. Владимир Николаевич Сидоров // *Отцы и дети Московской лингвистической школы.* М., 2004 [Avanesov R. I. Vladimir Nikolaevich Sidorov // *Ottsy i deti Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly.* Moscow, 2004].

Кибрик А. Е. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания.* М., 1992 [Kibrik A. E. *Ocherki po obschim i prikladnym voprosam iazykoznaniia.* Moscow, 1992].

Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. *Общая фонетика.* М., 2001 [Kodzasov S. V., Krivnova O. F. *Obschaia fonetika.* Moscow, 2001].

Панов М. В. Воспоминания об Алексее Михайловиче Сухотине // Панов М. В. *Труды по общему языкознанию и русскому языку.* Т. 2. М., 2007 [Panov M. V. Vospominaniia ob Aleksee Mihailoviche Suhotine // Panov M. V. *Trudy po obschemu iazykoznaniju i russkomu iazyku.* T. 2. M., 2007].

Поливанов Е. Д. Круг очередных проблем современной лингвистики // Поливанов Е. Д. *Статьи по общему языкознанию.* М., 1968 [Polivanov E. D. Krug ocherednyh problem sovremennoi lingvistiki // Polivanov E. D. *Stat'i po obschemu iazykoznaniiu.* Moscow, 1968].

Робинсон М. А. *Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов).* М., 2004 [Robinson M. A. *Sud'by akademicheskoi 'elity: Otechestvennoe slavianovedenie (1917 – nachalo 1930-h godov).* Moscow, 2004].

Хомский Н. *Язык и мышление.* М., 1972. [Homskii N. *Iazyk i myshlenie.* Moscow, 1972].

АРАБСКИЙ ЯЗЫК КАК КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ ТЕРМИН

А. Г. Белова[*]

«Арабский язык – [язык],
на котором говорят арабы»
[Арабский энциклопедический словарь Al-Munǧidu, p. 495]

Литературно-письменная форма арабского языка, сложившаяся на основе древних арабских диалектов синтетического строя, сохраняет свою фонетико-фонологическую систему и синтетический строй до настоящего времени. Параллельное развитие разговорной формы языка на обширных территориях Ближнего Востока и Северной Африки приводит к формированию новых бесписьменных идиомов (чаще всего именуемых диалектами), которые характеризуются новыми фонетико-фонологическими системами и новым структурно-типологическим строем (приближающимся к аналитическому). Сравнительно-исторические, структурно-типологические и социолингвистические исследования XX–XXI вв. показывают, что традиционный термин «арабский язык» в научном контексте становится недостаточным как для определения литературно-письменной формы языка, так и для определения каждого из устно-разговорных идиомов, и требует дополнительного уточнения.

Ключевые слова: диалект, идиом, классический арабский, литературный арабский, разговорный, диахроническая классификация, структурно-типологическая классификация, «новоарабский» тип.

ARABIC LANGUAGE AS A CLASSIFYING TERM

Anna G. Belova

The linguistic situation in the Arab-speaking society today represents the coexistence of Literary/Standard Arabic language (LSA) and a number of colloquial idioms. These idioms differ from LSA in some phonetic and structural features. The article shows that the traditional term “Arabic (language)” as a classifier becomes insufficient in rigorous scientific methodology.

Keywords: dialect, idiom, Classical Arabic, Literary/Standard Arabic, Colloquial Arabic, diachronic classification, Neo-Arabic (type).

«Естественное» название языка по названию его носителей привычно употребляется как в обиходе, так и в научной сфере на протяжении двух тысячелетий. Судя по известным нам источникам, «естественное» название языка появляется в истории его носителей значительно позже, чем название народа. Первые упоминания обитателей степных и пустынных просторов Аравийского полуострова в формах *ʻrb/aribu/arubu* встречаются в письменных памятниках древних цивилизаций Передней Азии IX–VIII вв. до н. э. (в ассирийских хрониках, в библейских текстах, в южноаравийской эпиграфике), в библейском тексте – в формах *ʻarab/ʻarḇī* «арабы, бедуины пустыни» [Koehler, Baumgartner, 1958, p. 732–733].

Первое упоминание самого́ языка жителей Аравии к настоящему времени известно из источника III в. н. э. в тексте на древнееврейском языке в форме *lašon ʻaraḇī* «арабский язык»; в латинских текстах того же времени – как *arabica lingua*. Первое известное нам определение этого языка из уст его носителя относится к середине VII в. н. э.: …*hāḏā lisānun ʻarabiyyun mubīnun* [Крачковский, 1963, с. 16–103/105] «…это – язык арабский ясный» [Крачковский, 1963, с. 218]; в другом месте: …*wa hāḏā kitābun muʃaddiqun lisānan ʻarabiyyan* «…а это – писание,

[*] Анна Григорьевна БЕЛОВА, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; himyarit@yandex.ru
Anna G. BELOVA, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; himyarit@yandex.ru

подтверждающее истинность арабским языком» [Крачковский, 1963, с. 46–12]. В контекстах арабский язык противополагается здесь чужому (*aʻǧamiyy-*) языку.

Название языка *lisān-* совпадает с анатомическим термином органа речи; как лингвистический термин сохраняется в основном в традиционных арабских грамматических учениях. В современном арабском языкознании и в обиходе употребляется термин *luġ-at-* «язык, речь», который связан с понятием «звуковая речь» и с глаголом *lġw* «издавать звуки; болтать».

Как в узком кругу арабских филологов, так и в широком обиходе словосочетаний *al-luġatu-lʻarabiyyatu* функционирует в «усеченной» и самодостаточной форме *al-ʻarabiyya*.

Так, уже в хадисе (изречении, приписываемом Пророку) можно отметить «обратную» связь между языком и народом и новый термин: *man takallama bi* l-ʻarabiyya *yusammā* ʻarabiyyan «тот, кто говорит по-арабски, называется арабом» [Пиотровский, 1985, с. 68].

Во второй половине XX в. из общего историко-филологического направления («арабистика» – в отечественной науке [1]; нем. Arabistik; Arabischen Studien; англ. Arabic Studies), а затем – из «арабской филологии» (нем. – Arabische Philologie) окончательно выделяется самостоятельное направление «арабское языкознание» (Arabische Sprachwissenschaft/Arabic Linguistics). В свою очередь, арабское языкознание принимает все направления общего языкознания как науки о языке и речи.

Арабский язык – уже не только объект компаративистики: он становится объектом изучения в структурной типологии языков и в социолингвистике.

Генеалогическая классификация

До конца XX в. в перечислении семитских языков продолжается традиция ограничиваться единым термином «арабский язык» [Grundriss der Arabischen Philologie, 1982, S. 6; 12 и сл.; Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 41 [2]; The Semitic Languages, 1977, p. 5–6, 12–13].

Обращение семитологов-компаративистов к глоттохронологии, в частности, – к лексикостатистике, приводит к тому, что на древе распада (разделения) семитских языков арабский язык как некий идиом, единый до своего распада (на рубеже двух эр), далее, – к настоящему времени, представлен арабскими диалектами [Militarev, Kogan, 2000, XL–XLI][3].

В историко-географическом описании распределения семитских языков наравне с другими основными языками семитской семьи предлагается более специфическая формулировка: «классический арабский язык и близкие ему языковые формы» [Коган, 2009, с. 18]. В генеалогическую классификацию этой семьи наряду с классическим арабским языком в качестве «полноправных членов» включаются современные арабские диалекты, а также «близкородственные идиомы», известные из североаравийской эпиграфики [Коган, 2009, с. 22–23].

Культурно-историческая периодизация арабского языка и типология

Культурно-историческая периодизация арабского языка косвенным или некосвенным образом связана с изменениями его фонетико-фонологической системы и грамматического строя. Основное и общее направление грамматических изменений в терминах типологии: «от

[1] См. итоговую работу И. Ю. Крачковского «Очерки русской арабистики» (М.–Л., 1950), а также вузовские курсы лекций «Введение в арабскую филологию», «Введение в эфиопскую филологию», которые строились по принципу «арабистики», «эфиопистики» [Крачковский, 1955; Габучан, Лебедев, 1990; Белова, 2003].

[2] В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» описания языков строятся по одной схеме: генеалогическая принадлежность языка, далее – географическое расположение и функции; также: русский [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 429], немецкий [с. 329], французский [с. 562], китайский [с. 225]. Наиболее близкую языковую ситуацию к арабскому (хотя и не полностью) представляет китайский язык.

[3] Разработки автора этой схемы, А. Ю. Милитарева, в области лексикостатистической классификации семитских и афразийских языков продолжаются.

синтетического строя – к аналитическому».

Язык, сохраняющий основные признаки синтетического строя, имеет разные определения, опирающиеся на культурно-исторические периоды и функции.

Немецкая арабистическая традиция разработала несколько определений разных форм языка: по грамматическим и лексическим признакам – общее определение Schriftsprache «письменный/литературный» язык; в пределах этого определения на культурно-историческом основании выделяются Klassische Arabisch и Neu Hocharabisch (или: arabische Schriftsprache der Gegenwart[4].

При этом различие между «классическим» и «современным литературным» определяется, главным образом, модернизацией лексики и жанровых стилей. Оба исторических понятия и их названия относятся к единой и общей обоим структурно-типологической характеристике языка [Grundriss der Arabischen Philologie, 1982, S. 51–22, 58–81; The Semitic Languages, 1997, p. 187–189].

В арабской грамматической традиции арабский язык единого строя вне зависимости от исторических периодов имеет одно классификационное определение *al-ʻarabiyyatu l-fuṣḥā* «арабский (язык) самый ясный, правильный», позднее также – «классический, литературный».

На заре отечественного арабского языкознания этот язык также получает одно название – «литературный» [Юшманов, 1985 (1928), с. 23]. Несколько позже уже прослеживается историческая периодизация литературного арабского языка и дифференциация терминов «классический» и «современный» [Семенов, 1941, с. 3–5].

Арабские диалекты и социолингвистика

То, что наряду с «правильным» и единым арабским языком существует «ошибочная, неправильная» речь «*laḥnu l-ʻawāmm* «неправильная речь простонародья» было отмечено уже у самых первых арабских филологов VIII–IX вв. н. э. Как понятие и термин, «диалект (*lahǧat-*) входит в арабское национальное языкознание уже в конце XX в.

В западном и отечественном языкознании понятия «арабский язык» и «арабский диалект» (также: «наречие, говор» и т. п.) постепенно утверждаются в течение XIX в.

Термин «диалект» приобретает классифицирующую функцию типологического характера в отличие от таких спорадических названий, как «народный язык Сирии», Cairo Arabic, Iraq-Arabische Sprache и т. п. Но арабский язык («литературный») один, а диалектов – много; арабский литературный отличается от каждого, а диалекты различаются и между собой.

Новое направление арабского языкознания – арабская диалектология, начинается со всестороннего определения арабских диалектов: географического расположения (Западные /Восточные и подробнее), социальных характеристик (кочевые/оседлые и подробнее), конфессиональной характеристики (мусульманские, христианские, иудейские) и т. д. Такие экстралингвистические признаки вошли в обиход арабской диалектологии. В некоторой степени они совпадают с наиболее характерными внутренними, структурными признаками диалектных групп[5]. Однако поскольку все три «крупные» классификации проводятся на разных основаниях, структурные признаки не могут полностью совпадать с географическими и социально-культурными границами.

В пределах общего понятия «арабский язык» появляется понятие «арабские диалекты»[6].

[4] В англоязычной системе терминов и понятий – Classical Arabic; Modern Standard Arabic (MSA) [The Semitic Languages, 1997, p. 187–189 и сл.].

[5] Ср. классификацию современных арабских диалектов по различным параметрам [Теоретический курс арабского языка, 2004, с. 24–28; The Semitic Languages, 1997, p. 263 и сл.; Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics, 2006–2009, vol. I, p. 445–447; vol. II, p. 526–536; vol. III, p. 592]; по социолингвистическим принципам [Шарбатов, 1991, с. 250–331].

[6] Понятие и термин «диалект» условны: обычно каждый диалект, имеющий географическое название (как правило – одного из арабских государств) представляет местное койне, сложившееся на базе столичного

Многие наиболее доступные для изучения и определения уже получили адекватные фонетико-фонологические и грамматические описания. Эти описания позволяют не только сравнение каждого из них с литературным арабским[7], но и с другими, близкими или далекими, диалектами. Современные арабские диалекты по своим структурно-типологическим и фонетическим признакам все в равной степени «удалены» от литературного арабского. Из всех известных нам диалектов ни об одном нельзя сказать, что именно этот диалект «ближе всех» к литературному арабскому[8].

В то же время сравнительные структурно-типологические исследования современных диалектов позволяют установить не только различия, но и такие типологические черты (или – тенденции) системных изменений в парадигматике и синтагматике, которые являются общими для всех известных диалектов (в частности – в системе словоизменительной парадигмы, которая напрямую связана с синтаксическими структурами словосочетания и предложения). Синтетическому строю литературного языка теперь противостоит аналитический.

«Новоарабский»

Установление новых структурно-типологических особенностей, общих для всех современных диалектов, и их систематизация приводят некоторых арабистов к идее структурно-типологической периодизации арабского языкового материала. Вводятся новые понятия и соответствующие термины: *Neuarabisch* (В. Фишер [Grundriss der Arabischen Philologie, 1982, S. 83–140]) или – *Neo-Arabic* [Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics, 2006–2009, vol. I, p. 613–614; 616–617; vol. II, p. 265–266]. Равного ему «обратного» термина, например, – «староарабский», основанного именно на базе противопоставления двух типов, пока не встречается[9].

Сама по себе идея классификации языка и периодизации его истории по степени изменения его грамматического строя не нова. В отечественном языкознании первой половины XX в. известна теория стадиального развития языков [Алпатов, 1991, с. 36–40 и сл.]. Однако эта теория строилась на идее решающей роли экстралингвистических факторов.

Позднее в области сравнительно-исторического изучения афразийских (семито-хамитских) языков, а в пределах этой макросемьи – для семьи семитских языков И. М. Дьяконовым (по примеру индо-иранского языкознания) была разработана специальная модель «диахронической классификации» языков «по степени их структурного развития и этапам отхождения от типа первоначальной структуры» [Дьяконов, 1967, с. 180–189; Diakonoff, 1988, p. 18]. Эта классификация опиралась на языковой материал. Согласно этой модели все известные семитские языки (в соответствии со своим «состоянием», т. е. фонетическим и грамматическим строем) классифицируются по трем «ступеням/Stages»: а именно – древняя (Ancient), средняя (Middle) и новая (Late) [Дьяконов, 1967, с. 180–189; Diakonoff, 1988, p. 18]. Арабский язык (литературный классический и современный) относится к древней ступени; все современные арабские диалекты и мальтийский язык относятся к новой (или «поздней») ступени.

Таким образом, все современные арабские диалекты наравне с мальтийским языком, современными арамейскими языками, современным еврейским и живыми языками Эфиопии

диалекта, но наряду с ним в каждом районе функционируют более узкие «говоры, наречия» и т. п. См. также: (Э. Н. Мишкуров [Теоретический курс арабского языка, 2004, с. 14–18]).

[7] На основе сравнения со строем литературного языка построена характеристика основных особенностей современных диалектов в [Белова, 1999, пп. I.3–I.8; II.7; III.10; Теоретический курс арабского языка, 2004, с. 179–189; гл. IV].

[8] По субъективным оценкам носителей родного диалекта: каждый считает свой диалект самым близким к литературному языку.

[9] Известные и употребительные термины «древнеарабский/раннеарабский» и т. п. связаны с другой системой понятий.

оказываются в одном типологическом классе. С точки зрения структурной типологии языков такой социолингвистический термин как «диалект, -ы» нерелевантен. Однако языковая ситуация на Арабском Востоке не позволяет назвать эти диалекты «(ново-)арабскими языками» (по примеру ново-арамейских). Приведенная выше классификация имеет дело с реальными, древними или живыми, языками.

Напротив, термин и понятие das Neuarabische (или просто – Neuarabisch) представляют некий обобщенный абстрактный конструкт, который исторически представляет более позднюю ступень развития «арабского языка». Эта ступень характеризуется уже значительными изменениями и новациями в области фонетико-фонологической системы и в области грамматического строя по сравнению со структурным типом арабского языка классического и современного периодов [Grundriss der Arabischen Philologie, 1982, S. 83 и сл.]. Однако «новоарабский» не представляет какой-либо реальный язык, но скорее – схему изменений и новаций, собранных из разных современных бесписьменных диалектов. Теоретически «новоарабский» тип можно приложить к любому из современных арабских диалектов, однако каждый из таковых имеет свой «набор» особенностей. Реального, единого «новоарабского» языка не существует. Точнее было бы говорить «о вычленении определенной абстрактной модели диалектной инвариантной системы, которая отражает типологическую общность всей совокупности нелитературных идиомов арабоязычного ареала»… (Э. Н. Мишкуров [Теоретический курс арабского языка, 2004, с. 30–32]).

Если «новоарабский» как термин отражает структурно-типологическую характеристику абстрактного объекта, то первое обобщенное определение его в отечественной литературе как «народный язык» [Юшманов, 1985 (1928), с. 23] отражает скорее социально-культурную характеристику данного конструкта. Вместе с тем значение этого термина сразу же и раскрывается: «народный язык распадается на пять наречий» [Юшманов, 1985 (1928), с. 23][10].

В современной арабской языковедческой практике можно отметить два устойчивых термина для рассмотренных выше понятий:

1) (*al-luġatu*) *l-ʻāmmiyyatu-* «народный (<вульгарный) (язык)»[11]; этимологически связан с корневой основой *ʻmm* «быть всеобщим, быть распространенным»; *ʻāmm-* «всеобщий»;

2) (*al-luġatu) l-dāriǧatu-* «обиходный (язык)», этимологически связан с глагольным корнем *drǧ* «быть в ходу, быть в обращении». Ср. также *Umgangssprache/ Colloquial Arabic/Arabe vulgaire.*

«Арабский язык» – название адекватное или условное?

Компаративистика, структурно-типологические и социолингвистические исследования показывают, что «традиционный» классификационный термин в научном контексте оказывается недостаточным.

К концу XX в. в международной научной практике сложилась своя традиция: начинать определение термина «арабский язык» сразу с перечисления «всех форм его существования», куда также включаются его древние и современные диалекты и промежуточные функциональные формы: «койне», «среднеарабский», «наддиалектный» и т. п. [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 41; The Semitic Languages, 1997, p. 187, 263; Теоретический курс арабского языка, 2004, с. 5–6 и сл.; Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics, vol. I, p. 173].

Обычное представление о национальном языке как о некоем едином средстве общения с трудом может допустить, что этим наименованием в его классифицирующей функции можно назвать все его «формы и диалекты». Реальная действительность показывает,

[10] Обобщенное описание диалектной ситуации на Арабском Востоке: выделяются пять основных территориальных диалектных групп.

[11] В арабской практике определяемое слово «язык», как правило, опускается.

что по частотности употребления под «арабским языком» имеется в виду литературный арабский язык, а диалекты остаются «диалектами» только по экстралингвистическим причинам.

Литература / References

Алпатов В. М. *История одного мифа. Марр и марризм.* М., 1991 [Alpatov V. M. *Istoriia odnogo mifa. Marr i marrizm.* Moscow, 1991].

Баранов Х. К. *Арабско-русский словарь.* Изд. 5-ое. М., 1976 [Baranov H. K. *Arabsko-russkii slovar'.* Izd. 5. Moscow, 1976].

Белова А. Г. *Введение в арабскую филологию.* М., 2003 [Belova A. G. *Vvedenie v arabskuiu filologiiu.* Moscow, 2003].

Белова А. Г. *Очерки по истории арабского языка.* М., 1999 [Belova A. G. *Ocherki po istorii arabskogo iazyka.* Moscow, 1999].

Габучан Г. М., Лебедев В. В. Арабистика // *Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990. С. 37–39 [Gabuchan G. M., Lebedev V. V. Arabistika // *Lingvisticheskii 'entsiklopedicheskii slovar'.* Moscow, 1990. Pp. 37–39.]

Дьяконов И. М. *Языки Древней Передней Азии.* М., 1967 [D'iakonov I. M. *Iazyki Drevnei Perednei Azii.* Moscow, 1967].

Коган Л. Е. Семитские языки // *Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападные семитские языки.* М., 2009 [Kogan L. E. Semitskie iazyki // *Iazyki mira. Semitskie iazyki. Akkadskii iazyk. Severozapadnye semitskie iazyki.* Moscow, 2009].

Крачковский И. Ю. *Введение в эфиопскую филологию.* Л., 1955 [Krachkovskii I. Ju. *Vvedenie v efiopskuiu filologiiu.* Leningrad, 1955].

Крачковский И. Ю. *Коран. Пер. и комм.* М., 1963 [Krachkovskii I. Iu. *Koran. Per. i komm.* Moscow, 1963].

Крачковский И. Ю. *Очерки по истории русской арабистики.* М.–Л., 1950 [Krachkovskii I. Iu. *Ocherki po istorii russkoi arabistiki.* Moscow, Leningrad, 1950].

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 [*Lingvisticheskii,entsiklopedicheskii slovar'.* Moscow, 1990].

Пиотровский М. Б. *Южная Аравия в раннее средневековье.* М., 1985 [Piotrovskij M. B. *Iuzhnaia Araviia v rannee srednevekov'e.* Moscow, 1985].

Семенов Д. В. *Синтаксис современного арабского литературного языка.* М.–Л., 1941 [Semenov D. V. *Sintaksis sovremennogo arabskogo literaturnogo iazyka.* Moscow, Leningrad, 1941].

Семенов Д. В. *Хрестоматия разговорного арабского языка (сирийское наречие). Под ред. и с предисл. И. Ю. Крачковского.* Л., 1929 [Semenov D. V. *Hrestomatiia razgovornogo arabskogo iazyka (siriiskoe narechie). Pod red. i s predisl. I. Iu. Krachkovskogo.* Leningrad, 1929].

Теоретический курс арабского языка. Учебник. М., 2004 [*Teoreticheskii kurs arabskogo iazyka. Uchebnik.* Moscow, 2004].

Шарбатов Г. Ш. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки // *Языки Азии и Африки.* Т. IV, кн. 1. М., 1991. С. 250–331 [Sharbatov G. Sh. Arabskii literaturnyi iazyk, sovremennye arabskie dialekty i regional'nye obihodno-razgovornye iazyki // *Iazyki Azii i Afriki.* T. IV, kn. 1. Moscow, 1991. S. 250–331].

Юшманов Н. В. *Грамматика литературного арабского языка.* Изд. 3-е. Москва, 1985 (1-е – 1928 г.) [Yushmanov N. V. *Grammatika literaturnogo arabskogo iazyka.* Izd. 3-e. Moscow, 1985 (1st – 1928 g.)].

Al-Munğidu fi l-luġati wa l-'adab wa l-'ulūm (Арабский энциклопедический словарь по лексике и филологии). Изд. 18-е. Bayrūt, 1965.

Diakonoff I. M. *Afrasian Languages.* Moscow, 1988.

Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics. Gen. Ed. K. Versteegh. Vol. I–V. Leiden, Boston, 2006–2009.

Fück J. *Die Arabischen Studien in Europa.* Leipzig, 1955.

Grundriss der Arabischen Philologie. Bd. I: Sprachwissenschaft. Hrs. von Wolfdietrich Fischer. Wiesbaden, 1982.

Koehler L., Baumgartner W. *Lexicon in Veteris Testamenti Libros.* Leiden, 1958.

Militarev D., Kogan L. et all. *Semitic Etymological Dictionary.* V. I. Münster, 2000.

The Semitic Languages. Ed. by Robert Hetzron. London, New York, 1997.

НЕКСУС, ЮНКЦИЯ, РЕЛЯЦИЯ И ЧАСТИЦА *И*

Е. Г. Борисова*

Статья посвящена одному моменту в творчестве З. М. Шаляпиной, а именно, выявлению дополнительного (наряду с юнкцией и нексусом) способа выдвижения в позицию «хозяина» самого отношения между двумя членами словосочетания. З. М. Шаляпина назвала такой способ «реляцией». Обращается внимание на возможность экстраполяции идеи рекурсии при описании не только синтаксических, но и других фрагментов языковой системы.

Ключевые слова: синтаксические отношения, «хозяин», рекурсия, предикативность.

NEXUS, JUNCTION, RELATION AND PARTICLE *I*

Elena G. Borisova

The article is devoted to the research of Zoya M. Shalyapina, namely the description of the toolkit for revealing syntactic relations. Z. M. Shalyapina noted that besides notions of junction and nexus that differ in the role of a master, it is worth taking into consideration the possibility of making master of the relation itself. This recursion can be found in other situations, e. g. when expressing predicativity in Russian.

Keywords: syntactic relations, master, recursion, predicativeness.

О РЕКУРСИВНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ (И ИНЫХ) ОТНОШЕНИЙ

Мое знакомство с Зоей Михайловной Шаляпиной произошло на первой (и, кажется, единственной) на моей памяти всесоюзной конференции по теоретическому языкознанию в 1974 г. Юная Зоя, уже тогда руководившая группой машинного перевода, рассказывала о возможности дополнения известной классификации отношений нексус vs юнкция еще одним членом – реляцией. Идея состояла в том, что если при первых двух в позицию хозяина продвигается то один, то другой член пары, то тут хозяином объявлялось само отношение. При всей вычурности такое построение соответствовало многим наблюдаемым фактам. В частности, именно так можно было трактовать лексические функции, когда статус «слова» и «хозяина» получала пустая единица: *производить впечатление* (Oper1), *стоит задача* (Func0) и т. п.

Идея произвела на меня настолько сильное впечатление, что в моей душе вспыхнуло желание (Incep) работать под руководством столь блестящего лингвиста, что мне и удалось осуществить, и это во многом определило мою жизнь. Однако идея о реляции, как мне кажется, не получила должной поддержки в научном сообществе. А ведь в ней заложен нетривиальный взгляд на языковую систему как на незамкнутое образование, допускающее переход единиц одного уровня на другой: отношение между словами получает возможность превратиться в слово и в свою очередь вступать в нексусное или юнктивное отношение с другими словами.

Нечто похожее можно видеть в реализации идеи «утверждательности», которая частично реализуется в предложении (в сказуемом, т. е. в предикативном отношении), но может воплотиться на уровне тема-рематического членения: *Приехал друг.* И язык имеет средства, отражающие общность этих явлений. В частности, и то, и то явление трансформируется частицей ***и*** совершенно в одинаковом направлении.

---

* Елена Георгиевна БОРИСОВА, доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков (Московский городской педагогический университет), Москва; egbor@mail.ru

Elena G. BORISOVA, PhD, Professor of the Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow; egbor@mail.ru

ЧАСТИЦА *И:* ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Частица ***и*** была одним из предметов моей кандидатской диссертации. Описание усилительных частиц потребовало изменения общей лексикографической схемы [Борисова, 1982]. Наряду с функциями («назначениями») частиц, во многом совпадающих: усилить, подчеркнуть, выделить и т. п. – можно было обнаружить и собственно значения, позволяющие объяснить, почему в каких-то случаях «усиление» частицей ***же*** возможно, а ***-то*** – никак. При этом описания отдельных значений (лексико-семантических вариантов) частиц было удобно связывать с неким общим значением, так или иначе проявляющимся во всех употреблениях частиц. В частности, для частицы ***же*** таким общим значением можно считать «известно слушающему» (замечено В. С. Храковским), что позволяет употреблять эту частицу во фразе *Ты же кашляешь*, но не допускает ее в примере *Ты не знаешь, а на дворе же похолодало.*

Частица ***и*** (как, между прочим, и ***а***) имеет достаточно сложное общее значение, не позволяющее отделить его от общего значения соответствующего союза. Не вдаваясь в тонкости (что было сделано в диссертации и нескольких статьях к ней [Борисова, 1990]), можно признать, что общим является «присоединение ожидаемой или аналогичной информации». Это позволяет толковать ***и*** в примере:

(1) *Я нажал на выключатель, и свет зажегся*

как «произошло действие, обычное после первого события».

Частица/ союз ***а***, напротив, вводит новую информацию;

(1') *Я нажал на выключатель, а свет не зажегся.*

ЧАСТИЦА *И* КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СМЕЩЕНИЯ РЕМАТИЧНОСТИ

И ***и***, и ***а*** используются достаточно широко, особенно в роли частиц, и частные значения нередко отстоят далеко от приведенных выше, однако связь в общем случае проследить удается. Это относится и к употреблению в примере:

(2) *Долго обсуждали, куда поехать в отпуск. Кто-то предложил Белое море. Туда-то мы и отправились.*

В данном примере частица ***и*** практически обязательна (в отличие от ***-то***, которая помогает передать мысль, но может быть опущена). Без частицы ***и*** слово *отправились* должно сыграть роль ремы, однако в данном контексте это невозможно, т. к. основную информацию несет слово туда. Оно должно стать ремой. Но в то же время оно служит для связи высказываний, что характерно для темы. Этот конфликт разрешается тем, что слово *туда* получает частицу ***-то***, служащую для выделения «особых» тем, а слово *отправились* получает частицу ***и***, которую можно назвать «показателем смягчения рематичности».

Поскольку лексема ***и*** маркирует ожидаемую информацию, в данном случае в роли частицы она показывает, что сообщаемая информация не столь нова и неожиданна.

Заметим, что на месте «ослабленной темы» не обязательно должен быть глагол:

(3) *Фискал приходит по ночам, на то он и фискал* (С. Лукьяненко).

Однако позиция сказуемого – обычная, но не единственная для ремы – в высказываниях с частицей ***и*** обязательна.

ЧАСТИЦА *И* КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРЕДИКАТИВНОСТИ

Еще одно употребление частицы связано с глаголами, т. е. с носителями дефолтной (т. е. по умолчанию) предикативности. Однако семантика глагольного слова сложна и многослойна. И иногда возникают случаи, когда приходится выделять фрагмент значения, относящийся к модальной рамке высказывания (и глагольной лексемы в данном употреблении):

(4) *Было бы хорошо, если бы ты извинился. – Я и извинился.*

Частица ***и*** показывает, что в сообщаемом сказуемым содержании большая часть (диктум) повторяет известное. Новым оказывается только модусный фрагмент «имело место в

действительности». Таким образом, частица ***и*** в данном случае маркирует «ослабленное сказуемое», в котором новым оказывается относительно небольшой фрагмент смысла (и который, таким образом, оказывается выделяемым).

Употребление частицы ***и***, как и в предыдущем случае, оказывается ограниченным, но уже не синтаксическими ролями слова из сферы действия, а его морфологической характеристикой. Обычно здесь используется только глагол в личной форме. Если перед нами именное сказуемое в настоящем времени, требуется, чтобы был употреблен глагол *есть*:

(5) *А я хочу консомэ. – Да это и есть консомэ!*

Если сказуемым оказывается прилагательное, то в случае полной формы глагол *есть* практически обязателен:

(6) *Дай мне красный шарик – Он и есть красный* (ср. ? *он и красный*).

Для краткой формы прилагательных глагол-связка в настоящем времени не нужна:

(7) *А нельзя поспокойнее? – А я и спокоен.*

Эти особенности частей речи позволяют говорить о наличии «включенной» предикативности у некоторых форм. И в целом частица ***и*** показывает примерно то же, что и в случае с «ослабленной ремой», но приходится говорить о единицах другого уровня.

Вывод о рекурсивности системы языка

Таким образом, мы видим, что частица ***и*** используется для маркировки ослабления некоторого свойства единиц, связанных с понятием «утверждения»: ремы в одной случае, сказуемого в другом. Причем действие частицы в обоих случаях ограничено характеристиками единицы на другом уровне. В случае с «ослабленной ремой» необходимо, чтобы рему выражало сказуемое, а при «ослабленном сказуемом» – глагол или, по крайней мере, краткая форма прилагательного.

Такой параллелизм позволяет предположить, что существующая система языка построена на принципах, связанных с рекурсией: имеющиеся единицы, предназначенные для выполнения речевых задач, обладают способностью несколько трансформироваться, что образует новый уровень языка (от морфологического – к синтаксическому, от синтаксического – к коммуникативному), причем связь с предыдущим уровнем сохраняется. И такие единицы, как частицы, показывают эту связь.

Как кажется, отмеченная З. М. Шаляпиной способность языка превращать единицы одного уровня (в случае с реляцией – синтаксические отношения) в единицы другого (слова, их выражающие), может оказаться фундаментальным свойством языка, проливающего новый свет на его устройство и развитие. А пример с частицей ***и*** – одно из свидетельств того, что такая рекурсия может встретиться в разных языковых подсистемах.

Литература/ References

Борисова Е. Г. Частица *и* и некоторые функции усилительных частиц // *Семантика служебных слов.* Пермь, 1982 [Borisova E. G. Chastitsa ‘*i*’ i nekotorye funktsii usilitel’nyh chastits // *Semantika sluzhebnyh slov.* Perm’, 1982].

Борисова Е. Г. Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении // *Вопросы языкознания.* 1990. №2. Т. 48.4. С. 351–364 [Borisova E.G. Otrazhenie kommunikativnoi organizatsii vyskazyvaniia v leksicheskom znachenii // *Voprosy iazykoznaniia.* 1990. 2. T. 48.4. Pp. 351–364].

Мартемьянов Ю. С. *Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов.* Москва, 2004 [Martem’yanov Ju. S. *Logika situatsii. Stroenie teksta. Terminologichnost’ slov.* Moscow, 2004].

Шаляпина З. М. К проблеме коммуникативной организации текста и ее отражения в семантической записи // *Вычислительная лингвистика.* М., 1976. С. 53–80 [Shalyapina Z. M. K probleme kommunikativnoi organizatsii teksta i eio otrazheniya v semanticheskoi zapisi // *Vychislitel’naya lingvistika.* Moscow, 1976. Pp. 53–80].

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЗАВИСИМЫЕ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ И КОНФИГУРАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ)

П. В. Гращенков*

Работа посвящена описанию инвентаря участников группы прилагательного. Теоретическая проблема, исследуемая в статье, – сравнение конфигурационного подхода с подходом, основанным на понятии валентности. Результатом является вывод о том, что синтаксические зависимости прилагательных лучше описываются в терминах валентности. Другим результатом является таксономия адъективных зависимых русских прилагательных. Основным материалом исследования является русский, привлекаются также данные некоторых других языков.

Ключевые слова: прилагательные, управление, синтаксическая структура, семантические роли, валентности.

SYNTACTIC DEPENDENCIES: LEXICAL AND CONFIGURATIONAL APPROACHES (A VIEW FROM ADJECTIVES)

Pavel V. Grashchenkov

The paper deals with the description of the inventory of participants in the adjectival phrase. The theoretical problem posed in the paper is the comparison of the configurational approach with the approach based on the concept of valence. We came to the conclusion that the adjectival dependencies can be described better in terms of valence. Another result is the taxonomy of adjectival dependents in Russian. The main data for the study were taken from Russian, data from some other languages are involved as well.

Keywords: adjectives, government, syntactic structure, semantic roles, valences.

С точки зрения компьютерного моделирования естественного языка последовательное описание языковой синтагматики и парадигматики на базе понятий лингвистической сущности и ее валентностей отличается тем достоинством, что оно может быть полностью представлено в терминах переменных и ограничений на их значения [Шаляпина, 2007, с. 247]. «С точки зрения задач формализации и автоматизации переводческой деятельности сущностный подход является, по-видимому, более перспективным. Подтверждением тому служит, как представляется, и современная тенденция к отходу при разработке лингвистического обеспечения систем АП от аппарата порождающих грамматик в их классическом варианте и предпочтению формальных средств типа глубинных падежей, фреймов с имеющимися в них слотами, семантических сетей и т. п., обеспечивающих построение лингвистических описаний фактически сущностного (=валентностного) или смешанного характера» [Шаляпина, 2007, с. 379].

* Павел Валерьевич ГРАЩЕНКОВ, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; доцент Филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета, Москва; pavel.gra@gmail.com

Pavel V. GRASHCHENKOV, DSc (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Associate Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Senior Research Fellow, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University, Moscow; pavel.gra@gmail.com

ЛЕКСИЧЕСКИЙ И КОНФИГУРАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ

Способы отображения синтаксического подчинения в современных теориях различны. При лексическом подходе[1] набор актантов и сирконстантов задается для каждой лексемы индивидуально как модель управления. Модель управления связана с семантикой лексемы и оттого схожие лексемы в рамках некоторого семантического класса склонны иметь похожие наборы участников и часто – схожее их выражение.

При конфигурационном подходе, наиболее ярко представленном современной версией порождающей грамматики – минимализмом, за введение участников отвечают разные уровни проекции, которым соответствуют ассоциированные с ними актанты и адъюнкты. Так называемая Ларсонова структура [Larson, 1988] или Принцип Универсальности Присвоения Тета-Ролей, (Uniformity of Theta-Assignment Hypothesis, UTAH [Baker, 1988, p. 46]) регулируют, какая именно проекция какой грамматической функции соответствует.

При конфигурационном подходе к структуре группы глагола подлежащный участник задается обычно максимальной проекцией (vP) глагольной группы VP. Остальные участники, если они присутствуют, распределяются соответственно: более активный адресат/реципиент (или подобные ему роли) расположены выше, чем прямой объект и кодируемый им пациенс[2]. Важной особенностью конфигурационного подхода является «механическая» связь некоторого семантического участника и наличия определенной синтаксической проекции: если, например, отсутствует агентивная vP, то нет и агенса, а наиболее высокую позицию занимает пациенс – так получаются пассивные и неаккузативные структуры.

Нельзя, однако, не отметить, что у различных предикатов кодирование семантических участников организовано по-разному. У глаголов (почти) всегда есть участник-кандидат на роль подлежащего, реже – есть еще кандидат на роль прямого объекта и еще реже – участник, кодирующий адресат/реципиент. Конфигурационный подход, таким образом, хорошо описывает регулярные одно, двух и трех-местные глагольные диатезы, где подлежащему и прямому / косвенному объекту соответствуют элементы (обязательной) синтаксической структуры.

Один из случаев, когда конфигурационные модели начинают «пробуксовывать» – такие «экстравагантные» русские предикаты, как *тошнить*. Попытка примирить генеративную грамматику с такими глаголами, явно нарушающими UTAH, предпринята в [Babby, 2009]. Другой класс случаев, где конфигурационный подход оказывается бесполезен, – косвеннопадежные и предложно-падежные участники, оформление которых всегда связано с индивидуальными лексическими свойствами некоторого предиката.

Иное устройство демонстрирует, в частности, класс прилагательных. У прилагательных, как и в случае глаголов, всегда есть «носитель признака», условно тождественный подлежащему у глаголов – так называемая «обратная» или «контрвалентность» [Шаляпина, 2007, с. 155]. Остальные участники прилагательных, однако, организованы иначе – у прилагательных не наблюдается ничего похожего на прямой объект – соответственно, нет и способности самостоятельно приписывать аккузатив. Из-за отсутствия аналога переходности нет залоговых преобразований.

Таким образом, у прилагательных есть кандидат на роль субъекта (такой же, как у глаголов, или нет – отдельный вопрос), в то время как остальные участники прилагательных не могут быть описаны в конфигурационных терминах. Как мы покажем ниже, разнообразие семантических участников и способов их оформления у прилагательных не оставляет сомнений в том, что их возможности задавать различные типы ситуаций с характерным набором участников вполне сопоставимы с таковыми у глаголов.

---

[1] См.: [Кибрик, 1992, с. 102–123; Мельчук, 1995, с. 235–270; Шаляпина, 2007, с. 150–163].
[2] См., однако, [Bailyn, 2010].

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВАЛЕНТНОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Следующие примеры из английского, французского и багвалинского (нахско-дагестанская семья, аваро-андо-цезская ветвь) языков показывают сходство семантических участников прилагательных в разных языках мира:

(1) английский (интернет)
a. Breathing in secondhand smoke is particularly harmful for children.
‘Пассивное курение особенно вредно для детей.’
b. …segment B and segment A are equal in length…
‘отрезок А и отрезок В равны длиной’
b’. …the length of segment A is equal to the length of segment B…
‘длина отрезка А равна длине отрезка В’
c. That bag was heavy for me.
‘Сумка была тяжела для меня.’

(2) французский (интернет)

a. Une température trop chaude	est	nuisible	a	la	santé.
Слишком высокая температура	COP	вредный	для	ART	здоровье

‘Слишком высокая температура (воздуха) вредна для здоровья.’

b. …la	propriété	publique		et		
ART	собственность	общественная	и			
la	propriété	privée	sont	égales	en	droit…
ART	собственность	частная	COP	равный	в	право

‘общественная и частная собственность равноправны’

b’. …les	femmes	sont	égales	en	droit	aux	hommes …
ART	женщины	COP	равный	в	право	с	мужчинами

‘женщины равны в правах с мужчинами’

c. Nous primes cette route, car elle était	nouvelle	pour	nous.
Мы выбрали эту дорогу, т. к. она была	новый	для	нас

‘Мы выбрали эту дорогу, т. к. она была новой для нас.’

(3) багвалинский

a. o=j	hakuj	iła	zaralija=j	ek'̥a
этот=F	женщина	1PL.INCL.DAT	вредный=F	COP

‘Эта женщина нам вредна.’

b. anwar=la	patimati=la	w=at’as	ek'̥a
Анвар=AND	Патимат=AND	M=другой	COP

‘Анвар и Патимат разные.’

b’. anwar	w=at’as	ek'̥a	patimat-i-č
Анвар	M=другой	COP	Патимат-OBL-CONT

‘Анвар другой, чем Патимат.’

c. di-ha	ab	miq’	š’eralu=b	ek'̥a
я-DAT	этот	дорога	узкая=N	COP

‘Эта дорога для меня узкая.’

Приведенные примеры из трех языков вместе с их русским переводом демонстрируют сходство не только в отношении семантических участников, но и с точки зрения их оформления. Примеры (1-3.a) содержат прилагательное ‘вредный’, имеющее во всех языках малефактивную валентность. В примерах (1-3.b,b’) приведены примеры так называемых симметричных предикатов. Опять-таки, способы кодирования участников весьма схожи в разных языках – сочиненное (либо множественное) подлежащее (1-3.b), или подлежащее и именная группа в косвенном падеже (1-3.b’), см. также [Иомдин, 1981]. Наконец, пример

(1-3.c) демонстрирует универсальную способность прилагательных выражать субъект оценки, 'тяжелый, новый, узкий для кого-либо', который также достаточно последовательно в языках мира кодируется дативом (в русском языке есть синонимичное дативу выражение посредством *для* + GEN).

Прилагательные, чья способность задавать ситуации с богатым набором участников явно недооценена, обладают, тем не менее, регулярно повторяющимися моделями управления. Количество работ, посвященных моделям управления (аргументной структуре) прилагательных относительно невелико [3]. Семантические и синтаксические участники прилагательных становились объектом специального исследования и у отечественных лингвистов [4]. У Ю. Д. Апресяна находим: «У параметрических прилагательных в сравнительной степени насчитывается от трех до четырех валентностей (последнее – в предположении, что валентность аспекта является семантически самостоятельной...): у прилагательных типа *выше, ниже, толще, тоньше, горячее, холоднее, тяжелее, легче* и т. п., обозначающих специфическую величину, – субъектная, контрагента (что больше чего), количества (больше на два сантиметра...) и аспекта (больше по росту...). Первая (субъектная) валентность таких прилагательных (как, впрочем, и любых других) всегда невыразима – по той простой причине, что имя субъекта свойства, обычно – существительное, не подчиняется прилагательному, а подчиняет его» [Апресян, 1995, с. 147].

Ю. Д. Апресян выделяет два типа управления: семантическое и синтаксическое, каждый из которых может быть как сильным, так и слабым: «Будем различать семантическое управление (наличие у слова семантических валентностей) и синтаксическое управление (возможности их реализации в тексте). И семантическое, и синтаксическое управление может быть обязательным (сильным), факультативным (слабым) и нулевым» [Апресян, 1995, с. 155]. Согласно Апресяну, «[в]алентность i слова A называется синтаксически обязательной, если предложение, содержащее слово A с незамещенной i-ой валентностью, неправильно» [Апресян, 1995, с. 149].

Прилагательные иногда обладают синтаксически обязательной валентностью, в качестве немногочисленных примеров можно привести русские лексемы *вхожий, расположенный (к чему-либо), склонный, чреватый*, *кратный, похожий*.

(4) (из произведений А. и Б. Стругацких)

a. … *осенью 1941-го вел дело Амалии Михайловны Берман, соседки Красногорова по лестничной площадке, вхожей в их дом*.

a'. **вхожая соседка*

b. *Для меня Посещение – это прежде всего уникальное событие, чреватое возможностью перепрыгнуть фразу через несколько ступенек в процессе познания*.

b'. **чреватое событие*

c. …*не было ничего, кроме стола, за которым сидел, подперши подбородок кулаками, длинноволосый юнец, похожий кудрями и нежным длинным ликом на Александра Блока*…

c.' **похожий юнец*

Основная часть управляющих прилагательных, как представляется, обладает обязательной семантической и факультативной синтаксической валентностью. «Назовем i-ую валентность слова A синтаксически факультативной, если предложение, содержащее слово A с незамещенной i-ой валентностью, правильно» [Апресян, 1995, с. 149]. Под это определение подходят, например, участники, вводимые прилагательными *полезный, достойный, интересный* и проч.:

[3] См.: [Stowell, 1991; Bennis, 2004; Landau, 2006; Meltzer-Asscher, 2011] и приведенные там ссылки.

[4] См., например: [Вольф, 1978; Кустова, 2006].

(5) (из произведений А. и Б. Стругацких)
a. *Читал я твой трактат – полезная книга, но глупая.*
b. *Так чем я могу быть вам полезна, товарищ?*

(6) (из произведений А. и Б. Стругацких)
a. *Он был прав: уступить достойному противнику – это не позор.*
b. … *благородно отступить перед противником, достойным победы*…

(7) (из произведений А. и Б. Стругацких)
a. *Вы дали мне массу интересного материала.*
b. …*демонстрирует свое безразличие и даже презрение ко всем этим предметам, "не интересным его народу"*…

Похожий анализ предлагается, например, в [Landau, 2006] – участники ситуаций, задаваемых прилагательными, признаются синтаксическими адъюнктами. При таком подходе зависящие от прилагательных именные группы не заполняют синтаксических валентностей, но соответствуют определенным семантическим фреймам, связанным с теми или иными типами адъективных значений.

Управление отдельных семантических классов

Примерами прилагательных, чьи участники в той или иной степени однозначно определяются семантическим классом, могут служить классы прилагательных ТОЖДЕСТВА и ОТНОШЕНИЯ, а также ПРОСТРАНСТВЕННЫХ прилагательных.

1. Участники класса ТОЖДЕСТВО

В случае класса ТОЖДЕСТВА имеется два участника, находящихся в некотором симметричном отношении друг к другу (см. [Иомдин, 1981]). Адъективные лексемы данного класса относятся к разным онтологическим типам и могут вводить, например, как одушевленных (*Петя и Маша женаты*), так и неодушевленных участников (*Прямая и отрезок параллельны*). В [Вольф, 1978, с. 38] такие лексемы также выделяются в одну группу: «Имеются, однако, квалификативные структуры, не ориентированные на общую оценку ни по качеству (“хорошо/плохо”), ни по количеству (“много/мало”). Так, в частности, большие серии составляют П, которые соотносят предмет или событие с другими предметами или событиями по признаку сходства или несходства, ср. исп. *igual* ‘равный’, *semejante* ‘похожий’, *identico* ‘идентичный’, *diferente* ‘другой, не похожий’, *distinto* ‘другой’ и т. п.»

Общим свойством лексем класса ТОЖДЕСТВА является их способность к оформлению обоих своих участников сочиненной именной группой (8), или множественным числом (9):

(8) (интернет)
Зачастую можно увидеть пару, в которой мужчина и женщина похожи друг на друга[5] *как брат и сестра.*
Это родственники с разницей в возрасте более 200 лет, но они похожи как никто другой!

(9) (интернет)
…*если нейтрино и антинейтрино тождественны, рождаются 2 электрона*…
Все клетки организма тождественны по природе.

Прилагательные данного класса предицируют одинаковое отношение участников друг относительно друга: *X и Y (Z.Pl) находятся в отношении A* имеет значение ‘X (одна часть Z) находится в отношении A к Y и Y (другая часть Z) находится в отношении A к X (первой части Z)’. Наряду с таким способом кодирования возможно использование местоимения во

[5] Здесь и далее, в примерах, взятых из сети Интернет, сохранены оригинальная орфография и пунктуация.

множественном числе и комитативного предлога *с*: *Они с Петей похожи / женаты* и т. д. Для подобных семантических участников мы зарезервируем ярлык **контрагент** (подробнее см. ниже).

Альтернативный способ оформления – сохранять (атрибутивное или предикативное) согласование с одним из участников отношения тождества и задавать второго при помощи предложно-падежных конструкций:

(10) (интернет)
Чехертма похожа на пресный куриный бульон.

(11) (интернет)
Этот процесс тождественен многократно ускоренной природной очистке воды под воздействием солнечного света и кислорода.

Предложно-падежное маркирование второго контрагента различно для разных прилагательных данного класса, однако демонстрирует некоторые регулярные паттерны – например, большая часть прилагательных данного класса присоединяет второго участника в дативе: *тождественный / эквивалентный / равный / параллельный кому или чему-либо* и т. д.

Возможность сочинительного и предложно-падежного способов оформления участников, или иначе – наличие «несоподчинимых валентностей» [Апресян, 1995] [6], представляет собой различные способы кодирования одних и тех же семантических ролей. Синтаксические свойства участников, выраженных при помощи сочинения, и предложно-падежных групп при этом различны. Например, сочиненные именные группы не допускают выноса одного из участников (Coordinate structure constraint), в то время как предложно-падежное кодирование не исключает такой возможности:

(12) (интернет)
**Кто и Петя женаты?*
На ком женат Петя?

Поведение сочиненных участников прилагательных в целом схоже с таковым у реципрокальных глаголов типа *целоваться*.

Кроме описанных обязательных участников в классе прилагательных тождества возможно выражение **основания** – роли, уточняющей, на чем основано сходство, тождество и т. д.: *Клетки тождественны по природе; Люди равны в своих правах / своими правами / в отношении своих прав* и т. д. (подробнее об этом речь пойдет ниже).

2. Участники класса ОТНОШЕНИЕ

Прилагательные ОТНОШЕНИЯ имеют обязательный **адресат**, который чаще всего оформляется предлогом *к* и дативом (среди немногочисленных вариантов оформления адресата – *злой на кого-то*):

(13) (интернет)
Комиссар был очень вежлив к нам и разместил нас в бывших бараках иностранцев на фабрике.
Она вспоминала, как внимательна и заботлива к ней и отцу была мать.
Будьте добры к родителям, и к вам будут добры ваши дети…

---

6 «Факультативные валентности называются, вслед за Л. Н. Иорданской (1961), соподчинимыми, если они могут быть реализованы одновременно (ср. глагол арендовать). Если это невозможно, то валентности несоподчинимы» [Апресян, 1995, с. 61].

3. Участники класса ПРОСТРАНСТВЕННЫХ прилагательных

В семантическом классе ПРОСТРАНСТВЕННЫХ прилагательных присутствует участник, задающий **ориентир** (см. также [Кустова, 2006]). В случае прилагательных *близкий, ближний* такой участник кодируется предлогом *к* и дативной именной группой; с прилагательными *дальний, далекий* ориентир кодируется предлогом *от* и именной группой в генитиве.

(14) (из произведений А. и Б. Стругацких)
Вы тут далеки от источников информации, – он оглядел планетологов.
Эдик был близок к полной деморализации – появление Выбегаллы его доконало.

Возможно также и обратное оформление ориентира: *ближний от чего-либо, дальний к чему-либо.* Группы с предлогами *от* и *к,* опять-таки, задают одного и того же семантического участника и являются несоподчинимыми. В ряде случаев ориентир может быть не выражен и восстанавливается прагматически:

(15) (из произведений А. и Б. Стругацких)
Очень уж далекая планета.
Но директор «Джей-станции» не видел ни звезд, ни желто-зеленого сияния над близкими скалами.

Прилагательные данного класса могут также употребляться с обстоятельствами, ср. *далекая сегодня планета, близкие в тот момент скалы* и т. д.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ (ГИПЕР)РОЛИ И СИРКОНСТАНТЫ, УПОТРЕБЛЯЮЩИЕСЯ БОЛЕЕ ЧЕМ С ОДНИМ КЛАССОМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Ниже мы опишем случаи, когда один и тот же участник употребляется более чем с одним классом прилагательных.

1. Контрагент

Прилагательные ОТНОШЕНИЯ могут оформлять адресатную валентность посредством предлога *с* и именной группы в инструменталисе:

(16) (интернет)
Все сотрудники МКЖД будут одинаково вежливы с пассажирами.
Крайне внимательна и заботлива с детьми, склонна их опекать и защищать.
Цезарь серьезный и в тоже время ласковый и добрый со своими хозяевами…

Перифраз, содержащий предложную группу в инструменталисе с предлогом *с*, допустим едва ли не для всех прилагательных данного класса. Такое управление возможно и для участников класса прилагательных ТОЖДЕСТВА:

(17) (интернет)
Деми с Эштоном женаты уже 6 лет…
По природе своей философия как рациональное познание должна иметь одинаковый с наукой тип движения в истории…

Как представляется, и в случае адресата прилагательных ОТНОШЕНИЯ, и при кодировании второго участника прилагательных ТОЖДЕСТВА описываемое поверхностное маркирование соответствует роли контрагента. Роль контрагента, изначально предложенная Чарльзом Филмором, выглядит следующим образом в интерпретации Ю. Д. Апресяна «Мы будем называть контрагентом активного участника такой ситуации, в которой принимает участие еще и активный субъект, причем действия этих двух участников не совпадают: предикат описывает полностью только деятельность субъекта, но не деятельность

контрагента. Так, в ситуации займа субъект занимает деньги, а контрагент их одалживает; в ситуации защиты субъект защищается, а контрагент нападает и т. д.» [Апресян, 1995, с. 127].

2. Субъект оценки / экспериенцер / бенефактив

Ядро класса прилагательных в значительной части состоит из оценочных лексем. Оценочные лексемы отличаются тем, что могут принимать модификаторы степени проявления признака (*очень, слишком, совсем, немного, несколько и т. д.*). Иногда такими модификаторами выступают наречия от самих оценочных прилагательных (*жутко, страшно, удивительно*). Оценочными бывают не только прилагательные, но и глаголы (*уставать, радоваться*) или существительные (*негодяй, беда*) – они тоже сочетаются с перечисленными интенсификаторами (*очень радоваться, большая беда* и т. д.). Для прилагательных, тем не менее, эта функция представляется наиболее типичной: «Для П как класса слов характерно наличие субъективно-оценочных значений и соответствующих коннотаций. Таким образом, в самой семантике П оказываются связанными собственно семантический и прагматический планы высказывания» [Вольф, 1978, с. 8].

Вот как Е. М. Вольф описывает ситуацию оценки: «Типовая квалификативная структура включает четыре элемента: собственно квалификацию – само П, субъект квалификации, объект квалификации и основание квалификации» [Вольф, 1978, с. 35].

В формальной семантике принято связывать оценочные прилагательные с некоторым (конвенционализированным) уровнем проявления признака D (см. [Morzycki, 2015] и приведенные там ссылки. Порождая примеры типа *высокая девушка,* говорящий подразумевает, что рост девушки достигает некоторого значения D, превышающего эталон.

В ситуации оценки, таким образом, всегда имплицитно присутствует субъект оценки, производящий сравнение задаваемой прилагательным ситуации с некоторым эталоном. Логический субъект оценки соответствует семантической роли **экспериенцера**. В русском языке основным средством поверхностного выражения экспериенцера является генитивная группа с предлогом *для*, ср. ОБЩЕОЦЕНОЧНЫЕ прилагательные ниже:

(18) (из произведений А. и Б. Стругацких)
Ему казалось нечестным ввязываться в спор, безнадежный для противника.
Говорун был в бешенстве и, как всегда, находясь в возбужденном состоянии, испускал сильный, неприятный для непьющего Федора запах дорогого коньяка «Курвуазье».
Как будто каждый раз, когда он уходит в рейс, на Земле остается какое-то необычайно важное дело, самое важное для людей…

Наряду с самим экспериенцером такое оформление может получать именная группа, с которой он связан посессивным (и некоторым онтологическим) отношением:

(19) (из произведений А. и Б. Стругацких)
…а песенки, простенькие песенные мелодии, очень милые, вполне приемлемые для слуха землян…
Она испустила протяжный, неприятный для слуха визг и полоснула Харона ногтями по физиономии.
Все мало-мальски годные для обитания точки мы обследовали.

Здесь, очевидно, имеет место метонимический перенос: 'годный для X-а' = 'годный для обитания X-а' и т. д., подобное наблюдается во всех случаях, где допустим данный участник.

Кроме ОБЩЕОЦЕНОЧНЫХ прилагательных субъект оценки / экспериенцер может употребляться с прилагательными других классов, связанными с ментальной операцией оценки, например, – ВРЕМЕННЫМИ, ТОЖДЕСТВА, ТИПИЧНОСТИ и т. д.

(20) (интернет)
Как правильно перевести аквариумных рыб в новую для них воду?
Указать имя рабочей группы, идентичное для всех устройств в сети.
А как мелодично на своем родном языке звучит самый что ни на есть обыкновенный для нас помидор!

Наконец, участник с ролью, поверхностно похожей на экспериенцер, но более близкой к **бенефактиву** имеется у всех прилагательных БЕНЕФАКТИВНОГО класса:

(21) (из произведений А. и Б. Стругацких)
Через давление, опасное для психики и даже для самой жизни.
Указанный N_819360 есть скрытый коммунист и безусловно, вредный для порядка человек.
… в его временном жилище я не найду ничего для себя полезного.

Альтернативный способ кодирования субъекта оценки / экспериенцера / бенефактива – именная группа в дательном падеже:

(22) (интернет)
С самой лечебной смесью, не содержащей опасный нам фенилаланин ...
Слишком калорийная пища вредна не только детям, ...
Кому полезны пророщенные семена? Всем!

В ряде случаев дативное кодирование представляется единственно возможным, так ведет себя, например, класс прилагательных ИЗВЕСТНОСТИ (ср.: ??*известный* / ??*знакомый для кого-либо*):

(23) (интернет)
20 открыток о том, как появились известные всем слова.
…разноцветные мозаичные рисунки переплетаются в причудливые узоры, хорошо знакомые всем любителям искусства.

Выражение экспериенцера обладает еще одной интересной особенностью, проявляющейся на семантических классах, не обладающих способностью к управлению. Так, например, для прилагательных классов РАЗМЕР, ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА, ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА, которые обычно не выражают субъект оценки, такая возможность появляется при употреблении с ними интенсификатора (*слишком, очень, весьма* и т. д.):

(24)
??*умный для старшеклассника юноша*
??*вода в ванной горячая для малыша*
??*вход, узкий для коляски*

(25) (интернет)
Очень умный для старшеклассника Кэндзи Койсо пытается устранить вызванную его просвещенной глупостью проблему в глобальной сети.
Слышала (от врачей), что если водичка в ванной чересчур горячая для малыша…
Вход в заведение слишком узкий для коляски.

Влияние интенсификаторов на свойства зависимых прилагательных было также исследовано для английского языка [7]. Первым, кто сделал подобное наблюдение для английского языка, был Р. Джекендофф [Jackendoff, 1972], однако он, как и последующие исследователи английских прилагательных, больше говорил о зависимости (свойств) **целевых участников** (инфинитивов) от присутствия интенсификаторов:

[7] См. [Nissenbaum, Schwarz, 2011] и приведенные там ссылки.

(26) английский [Jackendoff, 1972], цитируется по [Flickinger, Nerbonne, 1992]
a. The mattress is thin.
'Матрац тонкий.'
b. *The mattress is thin to sleep on.
'*Матрац тонкий, чтобы на нем спать.'
c. The mattress is too thin to sleep on.
'Матрац слишком тонкий, чтобы на нем спать.'

(27) английский [Jackendoff, 1972], цитируется по [Flickinger, Nerbonne, 1992]
a. The football is soft.
'Мяч мягкий.'
b. *The football is soft to kick.
'*Мяч мягкий, чтобы ударить.'
c. The football is soft enough to kick.
'Мяч достаточно мягкий, чтобы ударить по нему.'

Как можно видеть по русским переводам, такая же зависимость целевых инфинитивов от интенсификаторов наблюдается и в русском языке.

3. Основание / содержание

Как утверждается в [Вольф, 1978, с. 35], «[е]ще один элемент квалификативной структуры – "т о ч к а о т с ч е т а" (критерий или основание квалификации) может быть обозначен непосредственно в тексте, в том числе самой семантикой П, но может подразумеваться на основе имеющегося у говорящего субъективного представления о данной ситуации (при собственно оценке) или о "нормативном", "усредненном" положении вещей». Такой участник соответствует роли **основания** оценки или **содержания** характерен для прилагательных СОДЕРЖАНИЯ, ОБЩЕОЦЕНОЧНОГО и БЕНЕФАКТИВНОГО класса, а также для части прилагательных класса ТОЖДЕСТВА и, спорадически, для некоторых других. Один из способов выражения – именная группа в инструменталисе:

(28) (интернет)
По сравнению с другими ягодами черника бедна витаминами, их даже в 20 раз больше в ее листьях, чем в плодах.
Книга, о которой пойдет речь, прежде всего интересна взглядом на современную русскую провинцию.
Хек полезен богатым набором витаминов, йода...
Изголовье кровати и диван, схожие своими плавными линиями, создают уютную расслабляющую атмосферу.

Альтернативно основание оценки может выражаться предложной группой с *по* / *в* и (факультативно) посессивным рефлексивом:

(29) (интернет)
Что бы и кто бы там ни говорил, а Роналду гениален в своей игре!
Все клетки организма тождественны по природе.
…многообразный по составу и уникальный в своей совокупности материал по истории отечественной этнографии и антропологии…

(30) (из произведений А. и Б. Стругацких)
Все-таки человек по своей природе неблагодарен и равнодушен…
Во всяком случае, если это и не ад, то нечто совершено неотличимое по своим проявлениям.
Он изложил Бромбергу в высшей степени загадочную и чертовски соблазнительную в своей загадочности легенду…

4. Сложные предлоги

Достаточно часто семантический участник прилагательных является синтаксически факультативным («слабым» в терминологии Апресяна) и не имеет фиксированного поверхностного средства выражения. В таких случаях часто употребляются сложные предлоги *в отношении кого-либо* (*в отношении к кому-либо*), *по отношении кого-либо* (*по отношению к кому-либо*). В примерах ниже они вводят участник, семантически близкий к адресату:

(31) (интернет)
Засоленность земель вела к снижению урожаев и постепенной замене пшеницы на более выносливый в отношении соли ячмень.

(32) (Л. Н. Андреев, «Тьма»)
«Мерзость какая!» – подумал пристав, хотя в отношении чистоты был человек нетребовательный…

Отметим, что прилагательные *выносливый* / *нетребовательный* обладают способностью присоединять участника в дативе с предлогом *к*, на которого распространялось бы задаваемое ими свойство:

(33) (интернет)
Искусственный материал — продукт технологичный и более выносливый ко всем природным воздействиям.
…*их и так хорошо знают новички в Linux, которым важен нетребовательный к ресурсам дистрибутив.*

Сложный предлог *в отношении* (*к*) может употребляться и с прилагательными, не имеющими валентности на предложную группу с *к* и дативом (ср.: **корректный* / **справедливый* / **беззаботный к чему-либо*):

(34) (интернет)
…*нужно не сбиваться и на восхваления, а также быть корректным в отношении соперников.*
Если нет, то шаг беспрецедентный и справедливый в отношении США.
Люди в нашей «несистемной оппозиции» очень беззаботны в отношении чужих жизней…

У таких прилагательных, скорее всего, отсутствует семантический участник с адресатной ролью, а предлоги *в отношении* / *по отношению к* задают сирконстант с подобной семантикой. Приведем также несколько примеров с предлогом *по отношению к*:

(35) (из произведений А. и Б. Стругацких)
Дополнительным по отношению к этому закону является закон непрерывного воспроизводства разума.
– Извини, конечно, но это не совсем честно по отношению к другим.

(36) (А. И. Солженицын, «Бодался теленок с дубом»)
…*мое письмо, такое грубое по отношению к священной классовой борьбе*…

Отметим, что сложный предлог *по отношению к* почти не встречается в форме без *к*, в тогда как *в отношении* употребляется в современном языке более часто, чем *по отношению к*. В русском языке предыдущих эпох, скорее всего, *в отношении к* было более частотно:

(37) (Д. В. Григорович, «Переселенцы»)
Надо думать, однако ж, не все так беззаботны в отношении к добру своему…

(38) (В. Г. Белинский, «Разделение поэзии на роды и виды»)
Эпическая поэзия есть по преимуществу поэзия объективная, внешняя, как в отношении к самой себе, так и к поэту и его читателю.

Оба предлога, скорее всего, проходят процесс грамматикализации, связанного с фонологической редукцией. Возможно, это будет сопровождаться изменением управления

некоторых семантических классов прилагательных – задаваемые такими предлогами участники из факультативных станут обязательными.

5. Сирконстанты

Еще одно подтверждение тому, что прилагательные могут самостоятельно задавать ситуации, их участников и условия их протекания, – способность прилагательных употребляться с обстоятельствами времени (39), места (40) и действия:

(39) (интернет)
Особенно неприятны морщины, появившиеся между бровей, они придают их обладателям постоянно недовольный и нахмуренный вид.
В результате пожара 1810 года были уничтожены значительная часть города и главный в то время храм – церковь Ильи Пророка…
…тихий городок, все так же, как столетие назад, лениво-пыльный в летние дни, грязный в осеннюю и весеннюю распутицу…

(40) (интернет)
Тем временем в северную столицу для расследования необычного убийства прибывает Юрий Федра, известный в своем городе детектив.
Названа самая популярная среди туристов страна.
Вы не будете сталкиваться с такой проблемой, как пропеченный снаружи, но сырой внутри пирог.

Очевидно, что семантические классы также в той или иной степени определяют сочетаемость с сирконстантами. Так, эмоциональные состояния, описываемые классом ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА (*постоянно недовольный*), меняются со временем; как следствие, такие прилагательные часто сочетаются с обстоятельствами времени. То же присуще и прилагательным класса ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА (*грязный в распутицу*), для которых также релевантно место проявления признака (*сырой внутри*). Для прилагательных класса ИЗВЕСТНОСТИ также характерно указание «пространства», в котором распространяется знание об объекте, поэтому они регулярно употребляются с предложно-падежными группами, возглавляемыми предлогами *среди, в* и т. д. (*популярная среди туристов, известный в своем городе*).

СМЕНА СЕМАНТИЧЕСКОГО КЛАССА ЗА СЧЕТ ВВЕДЕНИЯ НОВОГО УЧАСТНИКА

При обсуждении сложных предлогов мы уже сталкивались с явлением, когда присоединение нового участника переводит прилагательное из одного семантического класса в другой. Добавление предложной группы с *в отношении* к прилагательным *корректный* (ОБЩЕОЦЕНОЧНЫЕ) и *беззаботный* (ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА) ставит данные прилагательные в один ряд с такими адъективными лексемами, содержащими адресатную валентность, т. е. прилагательными класса ОТНОШЕНИЕ. Базовое лексическое значение *корректный* соответствует 'верный, правильный', а у *беззаботный* – 'не обремененный заботой, переживаниями'. При добавлении предложной группы с *в отношении* значение *корректный* меняется на 'справедливый по отношению к X' (*корректный в отношении соперников*), а у *беззаботный* – на 'безразличный к X' (*беззаботны в отношении чужих жизней*).

Аналогичные примеры наблюдаются и в других классах. Так, при добавлении дативного экспериенцера к прилагательному *близкий*, последнее переходит в ОБЩЕОЦЕНОЧНЫЙ класс:

(41) (из произведений А. и Б. Стругацких)
Он единственный близкий мне человек.

Похожая ситуация с прилагательным *дорогой*, которое уже на этапе древнерусского языка наряду со значением 'стоящий дорого' имело значение 'тот, которым дорожат, который

любят' [Срезневский, 1893, с. 720]. Приобретение такого нового значения обязательно сопровождается (а точнее – имплицируется) появлением факультативного семантического участника с ролью экспериенцера (*дорог кому*).

Лексические валентности и семантика прилагательных: результаты

Подводя итоги обсуждению проблемы семантических участников и способу их выражения, скажем следующее. Во-первых, как мы постарались показать, семантика (точнее – принадлежность к некоторому семантическому классу) прилагательного определяет набор его участников и способов их выражения. Во-вторых, существуют участники, характерные для прилагательных как класса стативных предикатов в целом, в первую очередь – экспериенцер (и, возможно, некоторые другие). В-третьих, прилагательным, как и глагольным предикатам, свойственно выражение сирконстантов.

Несмотря на то что отдельные прилагательные зачастую выбиваются из стройных семантических классов, имеющих похожее управление (ср., например, идиосинкратичность дативного участника и т. п.), в целом можно сказать, что возможность предсказания семантических ролей прилагательного определяется скорее его семантикой, чем структурой.

Литература / References

Апресян Ю. Д. *Избранные труды*. Том I. *Лексическая семантика*. М., 1995 [Apres'an Ju. D. *Izbrannye trudy*. Tom I. *Leksicheskaia semantika*. Moscow, 1995].

Бейлин Дж. Ф. Краткая история генеративной грамматики // Кибрик А. А., Кобозева И. М., Секерина И. А. (ред.). *Современная американская лингвистика: фундаментальные направления*. Издание 3-е. М., 2006 [Beilin D. F. Kratkaia istoriia generativnoi grammatiki // Kibrik A. A., Kobozeva I. M., Sekerina I. A. (eds.). *Sovremennaia amerikanskaia lingvistika: fundamental'nye napravleniia*. Izdanie 3-e. Moscow, 2006].

Бэбби Л. Глубинная структура прилагательных и причастий в русском языке // *Новое в зарубежной лингвистике*. 1985. Вып. XV [Bebbi L. Glubinnaia struktura prilagatel'nyh i prichastii v russkom iazyke // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. 1985. Vol. XV].

Вольф Е. М. *Грамматика и семантика прилагательного: На материале иберо-романских языков*. М., 1978 [Vol'f E. M. *Grammatika i semantika prilagatel'nogo: Na materiale ibero-romanskih iazykov*. M., 1978].

Иомдин Л. Л. Симметричные предикаты в русском языке // *Проблемы структурной лингвистики 1979*. М., 1981. С. 89–104 [Iomdin L. L. Simmetrichnye predikaty v russkom jazyke // *Problemy strukturnoi lingvistiki 1979*. Moscow, 1981. Pp. 89–104].

Кибрик А. Е. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. М., 1992 [Kibrik A. E. *Ocherki po obschim i prikladnym voprosam iazykoznaniia*. Moscow, 1992].

Кустова Г. И. Валентности и конструкции прилагательных // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2006»*. М, 2006. С. 323–328. [Kustova G. I. Valentnosti i konstruktsii prilagatel'nyh // *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog-2006"*. Moscow, 2006. Pp. 323–328].

Мельчук И. А. *Русский язык в модели смысл – текст*. Москва, Вена, 1995 [Mel'chuk I. A. *Russkii iazyk v modeli smysl – tekst*. Moscow, Vienna, 1995].

Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 1–3. СПб., 1893 [Sreznevskij I. I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam*. T. 1–3. Saint-Petersburg, 1893].

Харитончик З. А. Имя прилагательное: проблемы классификации // Березин Ф. М., Кубрякова Е. С. (ред.). *Теория грамматики: лексико-грамматические классы и разряды слов*. М., 1990 [Haritonchik Z. A. Imia prilagatel'noe: problemy klassifikatsii // Berezin F. M., Kubryakva E. S. (eds.). *Teoriia grammatiki: leksiko-grammaticheskie klassy i razriady slov*. Moscow, 1990].

Шаляпина З. М. *Трёхмерная стратификационная модель языка и его функционирования: к общей теории лингвистических моделей*. М., 2007 [Shaliapina Z. M. *Trehmernaia stratifikatsionnaia model' iazyka i ego funktsionirovaniya: k obschei teorii lingvisticheskih modelei*. Moscow, 2007].

Шрамм А. Н. *Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале современного русского языка*. Л., 1979 [Shramm A. N. *Ocherki po semantike kachestvennyh prilagatel'nyh: na materiale sovremennogo russkogo yazyka*. Leningrad, 1979].

Babby L. *The syntax of argument structure*. Cambridge, 2009.
Bailyn J. F. What's inside VP? New (and old) evidence from Russian // Browne W., Cooper A., Fisher A., Kesici E., Predolac N., Zec D. (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics 18: The Second Cornell Meeting 2009*. Ann Arbor, 2010. Pp. 21–37.
Baker M. C. *Incorporation: A theory of grammatical function changing*. Chicago, 1988.
Bennis H. Unergative Adjectives and Psych Verbs // Artemis A., Anagnostopoulou E., Everaert M. (eds.). *The Unaccusativity Puzzle: Studies on the Syntax-Lexicon Interface*. Oxford, 2004.
Bernstein J. *Adjectives and their complements*. Paper presented at the 1995 LSA Annual Meeting. Philadelphia, 1995.
Bolinger D. Adjectives in English: Attribution and Predication // *Lingua*. 1967. 18. Pp. 1–34.
Dixon R. M. W. Where have all the adjectives gone? // *Studies in language*. 1977. 1. Pp. 19–80.
Flickinger D., Nerbonne J. Inheritance and Complementation: A Case Study of Easy Adjectives and Related Nouns // *Computational Linguistics*. 1992. 18(3). Pp. 269–310.
Givon T. Notes on the Semantic structure of English Adjectives // Language. 1970. 46.4. Pp. 816–837.
Jackendoff R. *Semantic Interpretation in Generative Grammar*. Cambridge, 1972.
Landau I. *Ways of Being Rude*. Ben Gurion University, 2006. URL: http://www.bgu.ac.il/~idanl/files/Rude%20Adjectives%20July06.pdf (дата обращения 30.09.2018).
Larson R. On the Double Object Construction // *Linguistic Inquiry*. 1988. 19. Pp. 335– 392.
Meltzer-Asscher A. *Adjectives and Argument Structure*. Thesis submitted for the degree "Doctor of philosophy". Tel-Aviv University. Tel-Aviv, 2011.
Morzycki M. *Modification*. Cambridge, 2015.
Nissenbaum J., Schwarz B. Parasitic degree phrases // *Natural Language Semantics*. 2011. 19.1. Pp. 1–38.
Radford A. *Minimalist syntax. Exploring the structure of English*. Cambridge, 2004.
Rakosi G. *Dative experiencer predicates in Hungarian*. PhD, Utrecht University. Utrecht, 2006.
Stowell T. The Alignment of Arguments in Adjective Phrases // Rothstein S. (ed.). *Perspectives on Phrase Structure: Heads and Licensing, Syntax and Semantics*. 1991. 25. Pp. 105–135.

РЕДУПЛИЦИРОВАННЫЕ ПРИЧАСТИЯ НА -*O*: ОШИБКИ ПИСЦОВ ИЛИ «ПОЗДНЕВОСТОЧНОТОХАРСКАЯ» МОРФОЛОГИЯ?

И. Б. Иткин*

В статье рассматриваются нерегулярные (с конечным *-o* вместо ожидаемого *-u*) редуплицированные формы причастий прошедшего времени, представленные в нескольких тохарских А рукописях. Показано, что объяснения, ранее предлагавшиеся для некоторых из этих форм, не подходят для других и что их возникновение, по-видимому, обусловлено не случайными ошибками писцов, а единым грамматическим процессом. Поскольку формы с *-o* встречаются только в рукописях, написанных курсивом и обычно рассматриваемых как поздние, выдвигается предположение, что замена форм на *-u* формами на *-o* представляет собой элемент гипотетической «поздневосточнотохарской» морфологии.

Ключевые слова: тохарский А, морфология, причастия, нерегулярные формы, «поздневосточнотохарский».

THE REDUPLICATED PARTICIPLES ENDING IN -*O*: THE SCRIBES' MISTAKE OR THE "LATE EASTERN TOCHARIAN" MORPHOLOGY?

Ilya B. Itkin

The article regards irregular (ending in *-o* instead of the expected *-u*) reduplicated past participle forms, which are found in several Tocharian A manuscripts. We show that the earlier explanations of some of them are not suitable for the others and that these forms are presumably not the casual scribes' mistakes but the result of a common grammatical process. As the *-o* forms can be found only in the manuscripts written in italic and usually regarded as the late ones, we suppose that the change of *-o* forms into *-u* forms is an element of the hypothetical "late Eastern Tocharian" morphology.

Keywords: Tocharian A, morphology, participle, irregular forms, "late Eastern Tocharian".

Небольшой листок, хранящийся в Берлинском собрании рукописей из Турфана и ныне известный под номером THT 1524 (лицевая сторона) + SHT 6731 (оборотная сторона), в последнее десятилетие привлек к себе пристальное внимание исследователей [Peyrot, 2010, p. 135–136; Schaefer, 2013, S. 331–333; Ogihara, 2014, p. 108–109]. Такой интерес к маленькому фрагменту, который основатели тохаристики Э. Зиг и В. Зиглинг некогда сочли не заслуживающим публикации, определяется его уникальным трехъязычным характером: строка THT 1524 a1 написана (целиком или почти целиком) на тохарском А, строки THT 1524 a2-4 представляют собой тохарское В благопожелание царю Индрарджуне[1], а оборотная сторона содержит начало буддийского сочинения на санскрите. Соответственно, рассматриваемый фрагмент дает основания для различных гипотез о социолингвистической ситуации, обусловившей его появление, в частности, о том, был ли тохарский А периода письменной фиксации живым языком или языком сугубо богослужебным. Данный вопрос подробно обсуждается в работах [Peyrot, 2010] и [Ogihara, 2014], причем Х. Огихара отстаивает первую точку зрения, тогда

* Илья Борисович ИТКИН, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент НИУ Высшая школа экономики; ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Ilya B. ITKIN, PhD, Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Senior Lecturer, National Research University "Higher School of Economics"; ilya.borisovich.itkin@gmail.com

[1] Как справедливо отмечено в [Peyrot, 2010, p. 136], "The contents of the Tocharian B text do not have a special connection with the Tocharian A text". При этом, однако, трудно отделаться от мысли, что наличие в тох. А части текста формы *indrisyo* «чувствами» (см. далее), а в тох. В части – упоминания царя по имени *īndrārjune* не является простой случайностью.

как М. Перо скорее склоняется ко второй. Хотя мнение Х. Огихары представляется нам в целом более убедительным, настоящая заметка не содержит, по крайней мере, напрямую, какой-либо дополнительной аргументации по данному вопросу. Наша цель состоит в рассмотрении одной чисто лингвистической особенности тох. А текста фрагмента THT 1524 в сравнении с некоторыми другими тох. А рукописями.

Строка THT 1524 a1 выглядит так: [*sä*]*k indrisyo kaknoṣ tākimäs sū* ‘Да будем мы наделены шестью чувствами!’[2]. При этом форма *kaknoṣ* – N Pl m от PP от глагола *kän-* ‘осуществляться, происходить’ (причастие прошедшего времени от этого глагола лексикализовано и имеет значение ‘≈ наделенный (чем-либо)’) – образована неверно: по правилам тох. А морфологии эта форма должна выглядеть как *kaknuṣ*. Именно в виде *kaknuṣ* она засвидетельствована в тох. А текстах по крайней мере семь раз, см.: 256 a8, 345 b2, 354 b5, YQ-34[N.1] a1, b4, THT 2054 a2 [Carling, 2009, p. 130] (к сожалению, пример из строки THT 1524 a1 тоже приведен в словаре Г. Карлинг в виде *kaknuṣ*), а также THT 1592 fgm. e, a1. Этот примечательный факт отмечен лишь в статье К. Шефер; ни М. Перо, ни Х. Огихара, судя по всему, не обратили на него внимания. Появление *o* на месте *u* в форме *kaknoṣ* можно было бы счесть опиской или результатом влияния тох. В, где соответствующая форма имеет вид *kekenoṣ* (именно эти две возможности обсуждаются в [Schaefer, 2013, S. 332]), однако при более тщательном рассмотрении тох. А материала данный пример оказывается не единственным.

История обнаружения еще одной подобной формы не лишена даже некоторого научного драматизма. В 1931 г. авторы “Tocharische Grammatik” включили в указатель глаголов лексему *plā-* с неизвестным значением, представленную формами 3 Pl Pr M *plānträ* (359, 28) и PP *pāplo* (359, 20) [Sieg, Siegling, Schulze, 1931, S. 453–454]. Четверть века спустя В. Куврёр предположил, что форма *plānträ* в действительности является синкопированным вариантом формы *pällānträ* – 3 Pl Pr M от глагола *päl-* ‘хвалить’ [Couvreur, 1956, p. 80]. На протяжении многих десятилетий это предположение оставалось недоказанным, и лишь недавно М. Перо, основываясь на работах Фумио Эномото, посвященных китайскому переводу санскритского буддийского сочинения “Saṃyuktāgama” (см., прежде всего, [Enomoto, 1997, p. 94–95]), не только подтвердил правоту В. Куврёра, но и показал, что PP *pāplo* с высокой вероятностью представляет собой форму того же глагола *päl-* [Peyrot, 2012, p. 91–92].

Для появления формы *pāplo* вместо регулярного *pāplu* (представленного, например, в 60 a1) М. Перо предлагает следующий сценарий [Peyrot, 2012, p. 92]. Глагол *päl-* образует формы Pr по классу 6 – с тематической морфемой *-nā-* и ассимиляцией *ln* → *ll*. Синкопированные формы типа *plānträ* могут переосмысляться как спрягающиеся по классу 5 и содержащие корень *plā-*. Поскольку от глаголов со структурой корня *C*(*C*)*ā-* причастия прош. вр. образуются по модели *Cā*(*C*)*Co* (ср., например, *klā-* ‘падать’ – PP *kāklo*, *āk-* (основа прош. вр. *wā-*) ‘вести, везти’ – PP *wāwo*), форма *pāplo* оказывается регулярным производным от нововозникшего корня *plā-*.

На наш взгляд, такой сценарий должен быть признан в высшей степени маловероятным. Главное возражение против него заключается в том, что причастие прош. вр. образуется не от основы Pr, а от основы Pt, тогда как соотношение между основами Pr и Pt может быть по большому счету любым (вплоть до супплетивизма, как у приведенного выше глагола *āk-*). Основа Pt глагола *päl-* выглядит как *pāl-* (ср., например, 3 Pl Pt M *pālant*), что однозначно предполагает PP *pāplu* (не *pāplo*). Более того: само по себе переосмысление форм типа *plānträ* как принадлежащих к Pr класса 5 никоим образом не имплицирует морфологическое членение *plā-nträ*. Из глаголов этого класса подобное членение может быть

[2] Чтение [*sä*]*k* ‘шесть’ [Ogihara, 2014, p. 108] кажется более предпочтительным, чем предложенное в [Peyrot, 2010, p. 135] чтение [*śä*]*k* ‘десять’. Фрагмент *sū*, возможно, относится уже к тох. В части текста, ср. тох. В местоимение *su* ~ *sū* ‘этот, он’. Во всяком случае, транслитерация *tāki<u>ma</u>ssū* [Peyrot, 2010, p. 135], позволяющая рассматривать *sū* как часть предшествующей словоформы, – необъяснимая ошибка М. Перо вместо правильного *tāki<u>ma</u>s\ sū* (с раздельным написанием).

принято только для глагола *śwā-* 'есть', тогда как у всех остальных таких глаголов (сейчас их известно не менее 10) *ā* представляет собой тематическую морфему. Соответственно, соотношение '3 Pl Pr M *plānträ* – PP *pāplo*' не находит себе никакого аналога (у глагола *śwā-*, как и у глагола *āk-*, основа Pt образуется супплетивно – *tāp-*, ср. PP *tāppu* (YQ-37[N.4] b2; < **tātpu*)), тогда как для соотношения '3 Pl Pr M *plānträ* – PP *pāplu*' можно указать по крайней мере одну точную параллель: *räp-* 'копать; играть на музыкальных инструментах'[3], Inf *rpātsi* – PP *rārpu*.

Третий пример «незаконного» -*o*, напротив, был выявлен очень давно, но никогда не рассматривался как лингвистически значимый. Речь идет о форме *raritwo* (364, 3) – PP K от *ritw-* 'быть соединенным' [Sieg, Siegling, Schulze, 1931, S. 463]. Поскольку регулярный вариант *raritwu* встречается в различных формах не менее 10 раз, авторы "Tocharische Grammatik" рассматривают написание *raritwo* как «случайное» ("gelegentliches") и объясняют его появление влиянием некаузативной формы *ritwo* [Sieg, Siegling, Schulze, 1931, S. 347].

Критически важный момент, однако, состоит в том, что тексты № 359 и № 364 принадлежат к одной и той же рукописи – санскритско-тохарской билингве, включающей в себя тексты №№ 359–365. Это обстоятельство делает крайне маловероятной трактовку форм *pāplo* и *raritwo* как описок или случайных ошибок и заставляет не искать для каждой из них отдельное объяснение ad hoc (характерно, что объяснение, предложенное М. Перо для формы *pāplo*, неприменимо для формы *raritwo*, а объяснение, предложенное Э. Зигом, В. Зиглингом и В. Шульце для формы *raritwo*, столь же неприложимо к форме *pāplo*), а рассматривать их как проявления некоего единого морфологического феномена.

Наконец, имеется и четвертый пример замены -*u* на -*o*: *sātsrä*[*ry*]*o̥ṣ* (355 b2; sic!). Уже в [Sieg, Siegling, 1921, S. 197, Fußnote 9] было отмечено, что эта диковинная форма может быть с уверенностью интерпретирована как Abs от глагола *säry-* 'сеять', поскольку в строке 372 a3, частично содержащей тот же текст, что и строка 355 b2, на соответствующем месте стоит форма *sāsräyuräṣ*. На первый взгляд форма *sātsrä*[*ry*]*o̥ṣ* представляется просто нагромождением нелепостей и свидетельством абсолютной безграмотности писца; на самом же деле ее облик весьма примечателен.

Развитие *s* > *ts* при наличии слева еще одного согласного *s*, а справа – согласного *r* находит себе параллель в некоторых написаниях заимствованного из санскрита существительного *saṃsār* 'сансара (круг перерождений)' и образованного от него прилагательного *saṃsār-ṣi*, ср. Loc *saṃtsāraṃ* (THT 2066 b1), Abl *seṃtsāräṣ* (385 b5; вместо *s*<*a*>*ṃtsāräṣ*), Acc Pl f *satsār-ṣināṣ* (THT 3988 fgm. a, b3; вместо *sa*<*ṃ*>*tsārṣināṣ*).

Написание *rär* как следствие неуверенности пишущего при выборе между вариантами *är* и *rä* отмечено еще по крайней мере в двух случаях: *kākrärpu* (353 a4) PP от *kärp-* 'спускаться', *mānträr-ṣināṣ* (381, 3) Acc Pl f (с неясным первым *ā*) от *mantär-ṣi** прил. от *manträ* 'мантра'.

Наконец, пропуск слога *rä* перед *ṣ* может объясняться тем, что в рассматриваемой форме уже и так присутствует «нужное количество» *r* (два).

При всей условности такого рода реконструкций, можно думать, что в сознании переписчика текста № 355 форма Abs от глагола *säry-* выглядела как *sātsräyoräṣ** (или *sātsäryoräṣ**), что с необходимостью предполагает существование PP *sātsräyo** (ср. в 64 a4 регулярное *sāsäryu*).

Едва ли случаен тот факт, что все документы, в которых встретились PP с «незаконным» -*o*, – и THT 1524 (в отличие от санскритского сочинения на обороте!), и рукопись №№ 359–365, и текст № 355 – написаны курсивом. Что касается их лингвистических особенностей, то строка THT 1524 a1, разумеется, не дает никакой дополнительной информации на этот счет в силу своей краткости. Для рукописи №№ 359–365 характерно "the large number of linguistic peculiarities and oddities" [Peyrot, 2012, p. 92]: ср., например, *tsopots* (359, 19 bis) 'большой' вместо обычного *tsopats*, (*p*)*erāk$_u$neyo* (359, 32) Instr от

[3] Вопреки общепринятому мнению (см., например, [Malzahn, 2010, p. 818]), мы полагаем, что 'копать' и 'играть на музыкальных инструментах' – не два омонимичных глагола вида *räp-*, а два значения единой тох. A лексемы.

perākune ‘истина, вера’ с «вписанным *u*» в прозе и, наоборот, *sukac* (359, 39) All от *suk* ‘счастье’ (со строчным *u*) вместо обычного *s*$_u$*kac*, *āśand* (361, 6), *ẹṣsand* (361, 12) PPA от *āk*- ‘вести, везти’ и *e*- ‘давать’ с *d* (вообще невозможным в собственно-тохарских словах) вместо *t*, *sne-ñāseyumināṃ* (363, 5) Acc Sg f от *sne-ñātseyum** ‘безопасный’ с упрощением *ts* > *s* в интервокальном положении (ср. *ñātse* ‘опасность’). По мнению М. Перо, “this irregular language <...> may be of a lower register if it is not a more advanced stage of Tocharian A than the standard language” [Peyrot, 2012, p. 92]. Но то же самое верно и относительно текста № 355, особенно его оборотной стороны, где, собственно, и обнаруживается форма *sātsrä*[*ry*]*ọs*, ср., например, *cmoläntw*[*ä*]*c* (355 a2) All Pl от *cmol* ‘рождение’ с *ä* вместо *a*, *swā-ṣi* (355 a4) вместо *wsā-ṣi* ‘золотой’, *kotne*[*c*] (355 b1) 3 Pl Pr A от *kot*- ‘раскалывать’ вместо правильного *kotneñc**, *wniṣ* (355 b2) 3 Sg Pr A от *winās*- ‘почитать’ вместо правильного *wināṣ* или, возможно, предписываемого требованиями метра *w*$_i$*nāṣ** [Sieg, Siegling, 1921, S. 197, Fußnote 8], *puttirśśapar-ṣiṃ* (355 b3-4) Acc Sg m от *puttiśpar-ṣi* ‘относящийся к достоинству Будды’ (ср. правильное *puttiśpar-ṣiṃ* в 355 a3), *ākālo* (355 b4) Instr от *ākāl* ‘желание’ вместо правильного *ākālyo*.

Таким образом, у нас есть основания полагать, что в «поздний» (или, если угодно, «курсивный») период существования тох. А языка в нем наблюдалась экспансия причастного суффикса -*o*, характерного для нередуплицированных причастий и немногочисленных редуплицированных причастий от основ вида (*C*)*Cā*-, в основную группу редуплицированных причастий, нормально образующихся с помощью суффикса -*u*. В дошедших до нас текстах это явление не было ни частотным (иначе оно было бы замечено существенно раньше), ни регулярным, ср. *ṣaṣärku* (355 a2) PP K от *ṣärk*- (глагол имеет только каузативные формы) ‘превосходить’ и многочисленные примеры с -*u* в рукописи №№ 359–365: *lyalyītku* (359, 9) PP K от *litk*- (~ *lätk*-) ‘удалять, устранять’, *lālätkuṣ* (359, 27) N Pl m от PP K от *lātk*- ‘отрезать’, *śaśätkusāṃ* (360, 8) Acc Sg f от PP от *kätk*- ‘переходить’, *papräku* (365, 1, 4; NB! *rä*) PP от *pärk*- ‘просить, спрашивать’ и т. д. вплоть до *raritwund* (359, 24; sic!) N-Acc Pl f от PP K от *ritw*- ‘быть соединенным’ наряду с *raritwo*. Тем не менее, если все четыре примера, рассмотренные выше, действительно представляют собой отражение одного и того же грамматического процесса, перед нами одно из пока еще совсем немногочисленных свидетельств существования особой «поздневосточнотохарской» морфологии, отличной от той, которая представлена в большинстве тохарских А текстов.

Сокращения и условные обозначения / Abbreviations and conventions

A – активный залог
Abs – абсолютив (деепричастие предшествования)
Acc – аккузатив
All – аллатив
f – женский род
Inf – инфинитив
Instr – инструменталис
K – каузатив
Loc – локатив
m – мужской род
M – медиальный залог
N – номинатив
Pl – множественное число
PP – причастие прошедшего времени
PPA – активное причастие настоящего времени
Pr – презенс
Pt – претерит
Sg – единственное число

Литература / References

Carling G. *Dictionary and thesaurus of Tocharian A*. Vol. 1: *A-J*. Compiled by G. Carling in collaboration with G.-J. Pinault and W. Winter. Wiesbaden, 2009.

Couvreur W. (Bemerkungen zu Pouchas P.). Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A // *La Nouvelle Clio*. 1955–1956. 7–8. Pp. 67–98.

Enomoto F. Sanskrit fragments from the *Saṃgītanipāta of the Saṃyuktāgama // Kieffer-Pülz P., Hartmann J.-U. (eds.). *Bauddhavidyāsudhākaraḥ, Studies in honour of Heinz Bechert on the occasion of his 65th birthday* (Indica et Tibetica 30). Swisttal, Odendorf, 1997. Pp. 91–106.

Malzahn M. *The Tocharian verbal system*. Leiden, Boston, 2010.

Ogihara H. Fragments of secular documents in Tocharian A // *Tocharian and Indo-European studies*. 2014. 15. Pp. 103–129.

Peyrot M. Proto-Tocharian syntax and the status of Tocharian A // *Journal of Indo-European Studies*. 2010. 38. Pp. 132–146.

Peyrot M. Tocharian 'eat' and the strong imperfect in Tocharian A // Hackstein O., Kim R. I. (eds.). *Linguistic developments along the Silkroad: Archaism and innovation in Tocharian* (Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse 834.) Wien, 2012. Pp. 85–119.

Schaefer Ch. Zur Katalogisierung der tocharischen Handschriften der Berliner Turfansammlung // Kasai Y., Yakup A., Durkin-Meisterernst D. (Hrsg.). *Die Erforschung des Tocharischen und die alttürkische Maitrisimit*. Turnhout, 2013. S. 325–348.

Sieg E., Siegling W. *Tocharische Sprachreste*. Bd. 1. *Die Texte*. Berlin, Leipzig, 1921.

Sieg E., Siegling W. *Tocharische Grammatik*. Göttingen, 1931.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТЕОРИИ «УМСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ» В КИТАЕВЕДНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРУДАХ О. ИАКИНФА (БИЧУРИНА)

К. А. Кожа*

В статье рассматривается оригинальная теория *умственного изменения*, разработанная в отношении грамматических свойств китайского языка выдающимся русским востоковедом первой половины XIX в. Н. Я. Бичуриным, оставшаяся «за кадром» истории китайского языкознания как в отечественной, так и в зарубежной синологии.

Ключевые слова: умственное изменение; китайская грамматика; семантические падежи; несинтаксическая морфология.

A FEW WORDS ABOUT *MENTAL INFLECTION* IN THE CHINESE LANGUAGE AS PRESENTED IN WORKS BY FATHER HYACINTH (NIKITA BICHURIN)

Ksenia A. Kozha

The article deals with the characteristic idea of *mental inflection* in Chinese, put forward by a prominent Russian sinologist of the 19th century Nikita (Hyacinth) Bichurin in a number of his language-related works. The concept of *mental inflection* refers to internal features of the Chinese morphology, compensating for absence of common grammatical inflection in Chinese a century before transformational grammar made appearance on the linguistic stage.

Keywords: mental inflection, Chinese grammar, deep and surface structures, non-syntactic morphology.

О «Китайской грамматике» о. Иакинфа (Бичурина; 1777–1853) в отечественной китаеведной литературе сказано немало. Наиболее полным критическим ее обзором до сих пор остается пространная рецензия Н. Полевого, опубликованная в журнале «Сын отечества» вскоре после выхода в свет самой «Грамматики» [Полевой, 1838]. Полевой подробно рассмотрел сочинение монаха Иакинфа с точки зрения его научной и практической значимости и дал оценку этой работе в контексте общего состояния европейской синологии того времени. Однако сам автор обзора ни в малейшей степени не был востоковедом, поэтому теоретическое наполнение этого замечательного труда остается в значительной степени не раскрытым и потому – недооцененным.

Менее известна другая языковедческая работа Бичурина, оставшаяся в рукописи, – «Голосовая система китайской письменности Каллери. Перевод и замечания, написанные для Академии наук в 1842 г.»[1] Это перевод и последовательный критический разбор новаторского для своего времени труда французского синолога Дж. Каллери (1820–1862) “Systema Phoneticum Scripturae Sinicae” (Макао, 1841 г.). Ценность, а точнее, бесценность этой рукописи – в критическом характере ее текста. О. Иакинф не только выполнил полный перевод труда Каллери, но и снабдил его подробными замечаниями и комментариями, в полной мере раскрывающими языковедческие воззрения комментатора и ключевые

* Ксения Анатольевна КОЖА, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН; ksenia.kozha@gmail.com
Ksenia A. KOZHA, PhD (Philology), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; ksenia.kozha@gmail.com

[1] ЦГА РТ. Фонд 847, оп. 5, д. 10, л. 1–95.

расхождения в его взглядах с ведущими европейскими синологами того времени относительно природы, фонетического и грамматического строя, письменности китайского языка, а также принципов его описания [Кожа, 2014, с. 521–532]. Краткие сведения о китайском языке даны и в ряде других работ Бичурина, где они представлены, главным образом, в виде синопсиса, однако и их значимость не стоит умалять.

В числе оригинальных теоретических постулатов, выдвинутых Бичуриным, — уникальная концепция *умственного словоизменения,* присущего, в понимании о. Иакинфа, китайскому языковому мышлению и обусловливающего принципиальную невозможность трактовки свойств китайского языка средствами европейского грамматического инструментария. Впервые мысль об *умственных изменениях* была сформулирована им в «Китайской грамматике»:

«Китайский язык вместо словоизменения в окончаниях по склонениям и спряжениям, по родам и числам имеет изменение умственное, не подходящее под правила грамматик всех прочих языков, и сим только умственным изменением оттеняются в нём качество, действие, состояние, взаимное отношение предметов и связь суждений».

Там же: «умственное изменение китайских слов состоит в изменении самого смысла их так, что соответствует переменам в окончаниях, введенным в прочих языках для означения качеств действия, состояния, взаимного отношения предметов и связи между суждениями» [Бичурин, 1835, II, с. 57].

Стараясь, таким образом, избегать излишне навязчивых грамматико-категориальных ассоциаций, Бичурин создает свою оригинальную теорию, к которой будет неоднократно возвращаться в последующих работах. Так, спустя несколько лет, о. Иакинф снова повторит эти мысли в книге «Китай. Его жители, нравы, обычаи и просвещение» [Бичурин, 1840, I]:

«Китайский язык совершенно отличен от всех известных и древних и новейших языков, и отличен изумляющею странностию в том, что нет в нем ни словопроизводства от корней, ни изменения слов по окончаниям; даже, если можно так сказать, нет в нем и слов, а Китайцы говорят звуками, которые без связи с другими звуками не могут представлять определительных понятий; потому что число всех звуков не простирается выше 446, и каждый из них заключает в себе множество различных понятий; а если случится выразить что-нибудь одним звуком не в связи с другими звуками; то нужно бывает присовокуплять к оному другой звук, составляющий с ним известное выражение, или сказать условный знак (букву) произнесенного звука. <...> Столь странные свойства и языка и письма Китайского представляют иностранцу их изучение очень трудным: но сия трудность скоро и легко уравнивается при внимательном рассматривании состава их.

В китайском языке есть умственное изменение, которое оттеняет в нем качества, действие, состояние, взаимное отношение предметов и связь суждений и таким образом вполне заменяет употребляемое для сего во всех других языках словоизменение в окончаниях по склонениям и спряжениям, по родам и числам. Умственное изменение в китайских звуках заключается в изменении самого смысла их и есть двоякое: словопроизводное, определяющее разряды слов, и грамматическое, которое показывает изменение в окончаниях сообразно словосочинению того языка, на который делается переложение с китайского. Словопроизводное изменение состоит в том, что одно и то же слово принимает качества разных частей речи по одному отношению к месту, которое занимает оно в связи с прочими словами, составляющими речь. По правилам же грамматического изменения имена существительные и прилагательные умственно изменяются в окончаниях соответственно своему значению в речи и тем словам, с которыми они в связи; таким же образом и глаголы изменяются в окончании сообразно обстоятельствам речи. Вместе с китайскими звуками и таким же точно образом изменяются и условные знаки – неизменяемые в начертании».

Дальнейшее развитие эта идея получила в вышедшей несколькими годами позже объемной работе «Статистическое описание китайской империи», где в разделе «Язык» автор писал:

«Китайский язык совершенно отличен от всех известных до ныне и мертвых и живых языков. Китайцы говорят не словами, а звуками, которых в их языке считается 446. Сии звуки не изменяются в окончаниях и сами по себе отдельно ничего не выражают, а между тем каждый звук принимает известные значения и качества частей речи, употреблением ему усвоенные в связи с другими звуками.

Вместо словоизменения в окончаниях, употребляемого более или менее в других языках, китайцы ввели изменение умственное, которое ясно оттеняет качества, действие, состояние и взаимное отношение предметов и связь суждений. Сие умственное изменение состоит в изменении самого значения звуков, и вполне заменяет перемены в окончаниях, введенные в других языках для оттенки смысла речи. Оно так же, как и в прочих языках буквальное изменение, есть двоякое: словопроизводное и грамматическое. В отношении к словопроизводному изменению один и тот же звук принимает качества разных частей речи по месту, которое занимает он в связи с другими звуками. В отношении к грамматическому изменению звуки, означающие имена, умственно изменяются в окончаниях соответственно своему значению в речи и тем звукам, с которыми они в связи поставлены; а глаголы таким же образом изменяются в окончаниях соответственно обстоятельствам речи. Таков есть механизм китайского языка. С первого взгляда сколь он ни труден для нас по своим необыкновенным оборотам, но когда вникнем в состав его без малейшего предубеждения со стороны правил собственного языка, то он скоро становится в самом нашем понятии правильным, стройным, удобопонятным» [Бичурин, 2002, I].

Эти формулировки позволяют увидеть всю глубину и независимость научно-философского мышления автора, который сумел опередить развитие науки о языке, интуитивно приблизившись к пониманию природы семантико-синтаксических отношений и внутренней сущности изоляции синтаксических форм за более чем столетие до того, как их будут описывать в терминах функционального синтаксиса, синтаксической семантики, в частности, и теории изолирующих языков, в целом[2].

Бичуринская концепция *умственных изменений* уже включала в себя понимание того, что отношения грамматической семантики и синтаксиса не всегда выражаются императивно в словоизменении по моделям аналитических языков. Говоря о *словопроизводном* умственном изменении, русский синолог совершенно точно указал на возможность функциональных транспозиций (синтаксической и конверсионной), широко распространенных в китайском языке[3]. В то время как разработка понятия *грамматического* умственного изменения позволила говорить о наличии в китайском языке парадигм числа, склонения имен или глагольно-временных отношений в отвлечении от привычной их выраженности в формах слов в языках флективного типа. По сути о. Иакинф приблизился к пониманию глубинных семантико-синтаксических связей за более чем столетие до их описания в работах Ч. Филлмора [Fillmore, 1968]. В движении мысли русского синолога явно прослеживается попытка описания языкового материала в направлении от глубинных структур, или семантики, к поверхностным, или морфологическим, средствам[4]. Таким образом, у*мственные изменения* в теории Бичурина явились одним из первых проектов «моста», по которому в будущем произойдет переход от лингвистики описательной (дескриптивной) к новым ее формам, сложившимся более столетие спустя.

Кроме того, *умственное изменение* и его свойство «оттенять качества, действие, состояние, взаимное отношение предметов и связь суждений» позволило обосновать полноценность и

[2] О «несинтаксической морфологии» в изолирующих языках см.: [Солнцев, 1995, с. 10].
[3] См., например: [Коротков, 1968, с. 397; Горелов, 1984, с. 92–97].
[4] О наследовании и развитии идеи глубинных падежей см., в частности: [Шаляпина, 2009, с. 15–16].

предельную развитость китайского языка в эволюционном ключе. Этот фактор, окажись он замечен и развит языковедной наукой, позволил бы заметно скорректировать положение китайского языка в рамках морфологических классификаций последующих десятилетий, неизменно отводивших ему роль аморфного или корневого.

Почему, как и откуда могла проникнуть эта своеобразная теория в лингвистические рассуждения русского синолога? Известно, что Бичурин своевременно знакомился со всеми значимыми трудами своих предшественников и современников: через миссионерские контакты в Пекине он имел доступ к библиотекам отцов-иезуитов, впоследствии, уже в Петербурге, к нему на рецензию поступали многие синологические работы европейских авторов. В начале его «Китайской грамматики» содержится критический обзор всех основных китайских грамматик, изданных ранее европейцами. Критика нацелена, главным образом, на устойчивую, но практически неэффективную тенденцию толковать правила китайского языка следуя механизму европейских грамматик на латинской основе. В рамках этого подхода Бичурин более всего выделил работу Жозефа Анри Премара (J. H. M. de Prémare, 1666–1736) *Notitia Linguae Sinicae*, который «много занимался Китайским языком в самом Китае, совершенно постиг свойства сего языка, и с большою точностию показал оные в своей Грамматике, не привязываясь к грамматическому порядку Европейских языков, как не имеющих никакого сходства с Китайским языком» [Бичурин, 1908, с. IX], а также грамматику Ж.-П. Абель Ремюзы [Abel Rémusat, 1822], структуру которой он во многом позаимствовал. Однако ни в одном из предшествующих текстов о природе и свойствах китайского языка нельзя напасть на след идей, сколько-нибудь близких бичуринской теории *умственных изменений*.

В замечательной рецензии М. Броссе на «Китайскую грамматику» содержатся довольно глубокие наблюдения о методических принципах, положенных в основу этого сочинения, о различиях в подходах автора и его предшественников, дана высокая оценка сочинению монаха Иакинфа в целом. Однако Броссе, хотя и рассматривает причины затруднений в переложении китайской грамматики для европейского учащегося, не касается теории *умственных изменений*, никак не комментирует эту теоретическую «находку» о. Иакинфа. Сам он пишет следующее:

«Может ли быть пространная грамматика в этом языке, в котором нет ни чисел, ни родов, ни падежей в именах; ни лиц, ни времени, ни изменений в глаголах? Но в таком случае как же понимать смысл? Вот мой ответ: взаимное положение слов определяет существительные, прилагательные, глаголы, наречия; местоимения и предлоги известны сами собою» [Броссе, 1839].

Эти строки позволяют судить о степени теоретического осмысления академиком Броссе китайской языковой проблематики. Тот факт, что именно его пригласили в качестве рецензента работы, выдвинутой на соискание Демидовской премии, подтверждает вполне его компетенцию (в которой, впрочем, сам Бичурин, судя по частным письмам, имел основания сомневаться). Автор рецензии обнаружил значительную осведомленность о состоянии европейской синологии того времени, как востоковед-практик он верно отметил положительные стороны бичуринской методики, однако теория *умственных изменений* ничем не привлекла внимания комментатора. Возможно, это связано с тем, что «Разбор» был предназначен для широкой, не востоковедной аудитории. О каких-либо других комментариях Броссе относительно «Китайской грамматики» нам ничего не известно.

Безусловно, теоретические предпосылки, выдвинутые Бичуриным, носят интуитивный характер, вместе с тем они свидетельствуют о постоянном стремлении о. Иакинфа выйти за рамки сложившегося к тому времени теоретического стереотипа, представить китайский язык уникальным, полным своеобразия и не лишенным способности выражать грамматические категории и «качества разных частей речи» в полном соответствии с речевыми потребностями его носителей.

Вместе с тем представляется очевидным, что никто из современников Бичурина не приблизился к пониманию сути идей, озвученных им во всех основных работах о китайском языке. В этой связи стоит привести замечание Дж. Нидэма, одного из авторов замечательного синологического проекта *Science and Civilisation in China*:

«Только десять лет спустя после Elémens Абель-Ремюзы русский миссионер Н. Я. Бичурин издал свою «Китайскую грамматику» (Пекин, 1832), в которой он развивает оригинальную идею умственного словоизменения (mental inflection). Эта работа заслуживает внимательного сопоставления с работами западно-европейских современников автора и была печально проигнорирована западными синологами» [Needham, 1998] (– перевод *К. К.*).

Остается лишь выразить надежду на более пристальное внимание исследователей к достижениям русского синолога на ниве теории китайской словесности в общем контексте эволюции европейского востоковедного и лингвистического знания.

Литература/ References

Бичурин И. *Хань-вынь ци-мын. Китайская грамматика.* Пекин, 1908 [Bichurin I. *Han'-vyn' tsi-myn. Kitaiskaia grammatika.* Pekin, 1908].

Бичурин Н. *Статистическое описание Китайской империи (в двух частях).* Москва, 2002 [Bichurin N. *Statisticheskoe opisanie Kitaiskoi imperii.* Moscow, 2002].

Бичурин Н. 漢文啓蒙 *Хань-вынь-ци Мын. Китайская Грамматика, сочиненная монахом Иакинфом. Напечатанная по Высочайшему повелению.* СПб, 1835 [Bichurin N. Han'-vyn' tsi Myn 漢文啓蒙. *Kitaiskaia grammatika.* Saint-Petersburg, 1835].

Бичурин Н. *Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение.* Санкт-Петербург, 1840 [Bichurin N. *Kitai, ego zhiteli, nravy, obychai, prosveschenie.* Saint-Petersburg, 1840].

Броссе М. Разбор Китайской грамматики монаха Иакинфа // *Восьмое присуждение учрежденных Демидовым наград.* СПб., 1839. С. 33–44 [Brosse M. Razbor Kitaiskoi grammatiki monaha Iakinfa // *Vos'moe prisuzhdenie uchrezhdennyh Demidovym nagrad.* Saint-Petersburg, 1839].

Горелов В. И. *Лексикология китайского языка. Учебное пособие.* М., 1984 [Gorelov V. I. *Leksikologiia kitaiskogo iazyka. Uchebnoe posobie.* Moscow, 1984].

Кожа К. У истоков традиции критического лингвистического анализа: «Фонетическая система китайской письменности» Дж. Каллери в прочтении И. Бичурина (по рукописным материалам первой половины XIX в. // *Материалы II Съезда молодых востоковедов стран СНГ.* Москва, Баку, 2014. С. 521–532 [Kozha K. U istokov traditsii kriticheskogo lingvisticheskogo analiza: "Foneticheskaia sistema kitaiskoi pis'mennosti" Dzh. Kalleri v prochtenii I. Bichurina (po rukopisnym materialam pervoi poloviny XIX v. // *Materialy II S"ezda molodyh vostokovedov stran SNG.* Moscow, Baku, 2014. Pp. 521–532].

Коротков Н. Н. *Основные особенности морфологического строя китайского языка (Грамматическая природа слова).* М., 1968 [Korotkov N. N. *Osnovnye osobennosti morfologicheskogo stroia kitaiskogo iazyka (Grammaticheskaia priroda slova).* Moscow, 1968].

Полевой Н. Рецензия на сочинение И. Бичурина «Китайская грамматика». СПб., 1838 // *Сын отечества.* Т. IV, отд. IV. Санкт-Петербург, 1838. С. 1–36 [Polevoi N. Retsenziya na sochinenie I. Bichurina "Kitaiskaia grammatika". Spb., 1838 // *Syn otechestva.* Vol. IV, Sec. IV. Saint-Petersburg, 1838. Pp. 1–36].

Солнцев В. М. *Введение в теорию изолирующих языков (В связи с общими особенностями человеческого языка).* М., 1995 [Solntsev V. M. *Vvedenie v teoriiu izoliruiuschih iazykov (V sviazi s obschimi osobennostiami chelovecheskogo iazyka).* Moscow, 1995].

Шаляпина З. М. Об одной пионерской статье, или принципы формализации семантики в 1961 году // *К 50-летию создания Лаборатории машинного перевода 1-го МГПИИЯ.* М., 2009. С. 9–27 [Shaliapina Z. M. Ob odnoi pionerskoi stat'e, ili printsipy formalizatsii semantiki v 1961 godu // *K 50-letiiu sozdaniia Laboratorii mashinnogo perevoda 1-go MGPIIYa.* Moscow, 2009. Pp. 9–27].

Abel Rémusat J.-P. Élémens de la grammaire chinoise, ou principes généraux du Kou-wen ou style antique, et du Kouan-hoa, c'est-à-dire, de la langue commune généralement usitée dans l'empire chinois. Paris, 1822.

Needham J., Harbsmeier Ch. Language and Logic in Traditional China // *Science and Civilisation in China*. Vol. 7. *The Social Background*. Part 1. Cambridge, 1998.
Phillmore Ch. *The Case for Case*. New York, 1968.

Архивные документы

Бичурин И. *Голосовая система китайской письменности Каллери. Перевод и замечания, написанные для Академии наук в 1842 г.* Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА РТ). Фонд. 847, оп. 5, д. 10, л. 1–95. [Bichurin I. *Golosovaia sistema kitaiskoi pis'mennosti Kalleri. Perevod i zamechaniia, napisannye dlia Akademii nauk v 1842.* Clerk's hand. No cover, no front sheet. National Archive of Tatarstan Republic. Cat. 847.5.10, 1–95].

НАСКОЛЬКО НЕЗАВИСИМЫМ МОЖЕТ БЫТЬ ЗАВИСИМОСТНОЕ МАРКИРОВАНИЕ?

Ю. А. Ландер, А. С. Вьюнова[*]

Падежные показатели, маркеры нефинитных глагольных форм и адлоги нередко представляются в качестве маркеров синтаксической зависимости. В статье на материале кабардино-черкесского языка демонстрируется, что подобные показатели вовсе не всегда маркируют синтаксические отношения, поскольку обозначаемые ими группы могут сами выступать в качестве сказуемого. При этом, по-видимому, возможность таких конструкций коррелирует с тем, насколько для группы естественно выступать в качестве семантического сирконстанта.

Ключевые слова: зависимостное маркирование, падежное маркирование, адлоги, конвербы, псевдоклефты, актанты, сирконстанты.

HOW INDEPENDENT CAN DEPENDENT MARKING BE?

Yury Lander, Anastasia S. Vyunova

This paper argues that cases, adpositions, and converbal markers need not function as markers of syntactic dependency. It is shown that in Kabardian (West Caucasian), the constituents headed by converbs and postpositions as well as case-marked NPs can appear as independent syntactic predicates, although this may correlate with the degree to which they function as semantic adjuncts: the more adjunct-like a phrase is, the easier it may constitute a syntactic predicate.

Keywords: dependent marking, case marking, adpositions, converbs, pseudoclefts, argument-adjunct distinction.

INTRODUCTION[1]

Most syntactic theories rely upon the idea of asymmetric syntactic relations which can be expressed by dedicated morphosyntactic means, applied usually on either the syntactic head (head marking) or on its dependent (dependent marking) [Nichols, 1986; 1992]. Yet, the apparent marking of syntactic relations sometimes appears to be an epiphenomenon of other functions. For example, argument indexing on the predicate, which is often described as head marking, may directly refer to semantic arguments rather than express relations with external syntactic arguments among others [Kibrik, 2011, p. 98ff]. In this paper, we show that the apparent dependent marking does not always mark syntactic relations either.

The synthetic means of dependent marking which we consider include, for example, case marking and converbal marking of clausal subordination. The same functions, however, may be

* Юрий Александрович ЛАНДЕР, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент НИУ «Высшая школа экономики», Москва; yulander@yandex.ru

Yury LANDER, PhD (Philology), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Docent, National Research University Higher School of Economics, Moscow; yulander@yandex.ru

Анастасия Сергеевна ВЬЮНОВА, НИУ «Высшая школа экономики», Нижний Новгород; anastasia.vyunova@gmail.com

Anastasia S. VYUNOVA, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod; anastasia.vyunova@gmail.com

[1] We are grateful to our Kuban Kabardian consultants from the village of Khodz (Adygea, Russian Federation) for their help and patience, to participants of the Northwest Caucasian linguistic expeditions for useful discussions, and to Paul Phelan for his comments on an earlier draft of the paper. The research on the topic of the paper is supported by the grant from Russian Science Foundation – project No. 17-18-01184, with Vera Podlesskaya (Russian State University for Humanities) as the principal reseacher. Both authors are responsible for the data (AV – data on postpositions, YuL – other data), the analysis is YuL's. The first author listed is happy to devote this paper to Zoya Shalyapina, with much appreciation of the inspiring discussions.

encoded analytically. For example, adpositions often behave similar to case markers and in some languages even constitute paradigms described as case marking [Blake, 2001, p. 9–12]: one of the most well-known examples of such languages is Japanese [Shalyapina, 1986]. Since adpositions constitute separate syntactic nodes, describing them as means of dependent marking is debatable, but it may be justified under the assumption of the phrasal nature of dependents (see, e.g., [Gladkij, 1982]), with markers potentially adjoining to phrases rather than words. Indeed, in recent typological literature, we find the term 'flagging', which is used to cover both case marking and adpositions (see [Haspelmath, in print] for a discussion of this concept). Note, however, that if we take the alleged dependent marking to characterize not only nominal dependents but also, for example, clausal subordination, we need a concept broader than flagging. Hence below we will speak simply of 'dependent marking' but assume that it includes both synthetic and analytical means (and probably also various intermediate categories).

Most data discussed below come from Kabardian, a language which together with West Circassian (also known as Adyghe) constitutes the Circassian branch of the West (or Northwest) Caucasian family. We primarily use data from the Kuban dialect of Kabardian. This dialect, which is briefly described in [Kumakhov, 1969], differs from Standard Kabardian (for the latter, see [Abitov et al., 1957; Bagov et al., 1970; Colarusso, 1992; 2006; Kumakhov, 2006]). Yet we do not claim that Standard Kabardian is not the same as concerns the aspects discussed here. Our choice is motivated exclusively by the fact that we carried out more field work on Kuban Kabardian than on the dialects closer to Standard Kabardian.

The structure of this paper is as follows. Section 1 presents information on the basic kinds of marking (cross-reference, cases, and postpositions) in Kabardian. Sections 2 and 3 discuss postpositions and case markers in Kabardian respectively. The last section contains conclusions and discussion of the Kabardian facts against general background.

1. MARKING CLAUSAL ARGUMENTS AND NPS IN KABARDIAN

Kabardian is an ergative polysynthetic language which expresses arguments within the predicate by means of cross-reference, as in (1):[2]

(1) daska-m sə-q̇ə-Ø-d-jə-š'-a
blackboard-OBL 1SG.ABS-DIR-3SG.IO-LOC-3SG.ERG-lead-PST
'He led me to the blackboard.'

Cross-reference involves not only the absolutive and ergative arguments but also indirect objects. The latter are introduced by means of applicative markers, including benefactive, malefactive, comitative, possessive and plenty of locative preverbs. In (1), for example, the locative preverb introduces the (null) 3rd person singular indirect object cross-reference (the same participant is described by the oblique NP). Note, further, that all kinds of cross-reference markers can appear on non-verbal predicates, and this suggests that no null copula should be postulated for Kabardian.

NPs in Kabardian can be marked for case. Most descriptions assume that there are four cases, namely:[3]

- absolutive, which marks NPs describing intransitive subjects and transitive undergoers;
- oblique, which marks NPs cross-referenced elsewhere, including transitive actors, indirect objects, possessors and postpositional objects, but also NPs referring to the location and time, which need not – but coud – be cross-referenced;
- instrumental;
- adverbial/predicative.

The adverbial and instrumental cases differ from the core cases in many respects. In particular, they also mark clausal subordination, which makes the case status of these affixes

[2] All the examples are from the Kuban dialect unless stated otherwise.

[3] The descriptions of Kabardian differ in labelling the cases. The labels given here are used, for example, in [Colarusso, 1992; 2006], with the exception of the adverbial case, which is called 'predicative' in these grammars.

somewhat doubtful. The following example demonstrates the use of the core cases (absolutive and oblique) in a transitive clause:

(2)	**a-bə.m**	**haṣ̂e-xe-r**	jə-ʁe-š'xe-ne
	that-OBL	guest-PL-ABS	3SG.ERG-CAUS-eat-FUT

‘S/he will feed the guests.’

The markers of the core cases almost never appear on pronouns, typically do not appear on proper names and often do not appear on possessed NPs and on non-specific NPs (cf. [Kumakhov, Vamling, Kumakhova, 1996; Kumakhov, Vamling, 2009] *inter alia*).

The participants of a situation can also be described by NPs introduced by postpositions. In such patterns the NP either is marked by the oblique case and occasionally cross-referenced on the postposition or remains unmarked. Some examples are given in (3) and (4).

(3)	djekanə-m	**dje**	sə-k̥ʷ-a
	dean-OBL	at	1SG.ABS-go-PST

‘I went to the dean.’

(4)	š'ə-ʔe-q̇əm	s-jə-bze	**ja-pe**	z-ʁe-k̥ʷe-n.
	LOC-be-NEG	1SG.IO-POSS-language	3PL.IO+POSS-before	1SG.ERG-CAUS-go-MOD

‘There is nothing that I would place (lit. let go) before my language.’

In the following sections we will first discuss marking by postpositions and then turn to case marking.

2. Postpositional phrases used independently

While grammars of Kabardian normally distinguish a single class of postpositions, as we did above, this class is heterogeneous. We distinguish between (at least) two types of postpositions.

Type A postpositions can head postpositional phrases. They are used as predicates and hence cannot be considered a means of dependent marking proper. An example of such use is given in (5) (note the tense suffix on the postposition):

(5)	a	txəλə-r	we	**ŝha.č̣'e-t**
	that	book-ABS	you.SG	for-IPF

‘That book was for you.’

Phrases headed by Type B postpositions at first seem reluctant to serve as predicates and normally demand a verb (6). One could suggest that these postpositions indeed mark syntactic dependency and hence require the presence of a head.

(6)	a.	d-jə-meq̇ʷə-r	nav'es	bəde-m	**jə-ṣ̂aʁə-m**	ṣ̂-e-λ
		1PL.IO-POSS-hay-ABS	canopy	solid-OBL	POSS-under-OBL	LOC-DYN-lie
	b.	*d-jə-meq̇ʷə-r	nav'es	bəde-m	**jə-ṣ̂aʁ**	
		1PL.IO-POSS-hay-ABS	canopy	solid-OBL	POSS-under	

‘Our hay is under the solid canopy.’

On a closer inspection we find that Type B postpositions show much nominal behavior. Words belonging to this class may take case markers and possessive morphology (7). Phrases headed by some Type B postpositions can be further modified relative clauses (8). All of this is impossible for Type A postpositions.

(7)	**wəne**	**ʔʷəpe-m**	roze-xe-r	q̇ə-ŝ-ew-č̣'
	house	in.front-OBL	rose-PL-ABS	DIR-LOC-DYN-grow
	jə-ṣ̂əbaʁ	məʔerəse	ž'əɡ-xe-r	q̇ə-ŝ-ew-č̣'
	POSS-behind	apple	tree-PL-ABS	DIR-LOC-DYN-grow

‘Roses grow in front of the house, and apple trees grow behind it.’

(8) aχš’e ŝə-d-ʁe.ṗṣ̂ḳʷ š’xəʔen
money LOC-1PL.ERG-hide blanket
ṣ̂aʁə-m konvjertə-r ṣ̂e-λ.he
under-OBL envelope-ABS LOC-put(IMP)
‘Put the envelope under the blanket where we hide money.’

There is, however, a feature that distinguishes Type B postpositions from nouns. In Kabardian, an unmarked common noun is normally non-specific, both at the clause level and within an NP[4]. When an unmarked nominal is found with a postposition, however, it can be specific. This can be illustrated by the ability of an NP to serve as the antecedent for anaphora, as in (7) above, where a null object of the postposition *jəṣ̂əbaʁ* ‘behind it’ serves as anaphor, while *wəne* ‘house’ serves as its antecedent.

The examples just given suggest that Type B postpositions have reference to some spatial domain and do not establish a syntactic relation between a verbal head and its relation. In fact, in both (7) and (8) the relevant spatial domains appear as indirect objects introduced by locative applicatives in the verb, and it is these indirect objects that appear as phrases headed by Type B postpositions. Yet, if such phrases describe spatial domains and not just individuals whose location is specified, their use as predicates should be felicitous with subjects which also refer to location. This prediction is borne out, as demonstrated in (9), where the subject is represented by a headless relative clause referring to the location of a situation:

(9) d-jə-meq̇ʷə-r z-də-q̇ʷe-λə-r nav’es bəde-m **jə-ṣ̂aʁ**
1PL.IO-POSS-hay-ABS REL.IO-LOC-LOC-lie-ABS canopy solid-OBL POSS-under
‘The hay is under a solid canopy.’

Thus, we find that neither type of postposition can be considered a marker of syntactic dependency, even though some of them require very specific contexts to function as predicates themselves. [5]

3. CASE-MARKED NPS USED INDEPENDENTLY

Example, provided (9) above, represents a construction, which allows almost any part of the proposition to be conveyed by the syntactic predicate of the clause. If speakers focus on something, they may construct a pseudocleft, i.e. a non-verbal predication, where the focused part constitutes the matrix predicate and the subject is represented by a (normally headless) subordinate clause, describing the event and relativizing on the focused argument.[6]

There are two patterns of this kind. If the focused part is specific, as in (10), it takes the absolutive case (if needed) and the copula-like element, which usually appears as *=ra*.[7] Otherwise, no copula appears, as in (11)–(12). In what follows, we will be mainly interested in the second pattern.

(10) [thamad-əw x-a-ʒ-a-r] [mwe ç̣əxʷə-r.a]$_{\text{FOC}}$
leader-ADV LOC-3PL.ERG-throw-PST-ABS this person-ABS+COP
‘Who was elected the chair is this person.’

---

[4] In West Circassian a noun and most of its modifiers including non-specific nominals constitute the so-called nominal complex, which has many properties of a single word (see [Lander, 2017] for details). In Kabardian nominal complexes arguably have been demorphologicised and lost many such properties, although they still retain some traces of this pattern.

[5] Some descriptions of Kabardian (e.g., [Bagov, 1970, p. 201]) distinguish between postpositions that function exclusively as grammatical markers and postpositions that have not yet lost their derivational relations to other parts of speech (most commonly to nouns and verbs), thus representing an interim category. Although related, this classification is still different from ours, because the second class also includes postpositions that originate from verbs and hence can function as predicates.

[6] Kabardian allows relativization not only of the core arguments, but also of various peripheral participants as well as relativization based on more abstract parameters such as time, manner, reason, etc.

[7] The full form of this element is *ara*, where the initial pronominal *a-* ‘that’ (usually used in anaphoric contexts). Moreover, there is evidence that the final *-a* in *=ra* may formally behave as the past suffix; see [Arkadiev, 2017].

(11) [mə ʁʷembə-m jə-sə-r] [məŝe-š’xʷe]$_{\text{FOC}}$
this burrow-OBL LOC-sit-ABS bear-AUG
‘In this burrow, there is a bear.’ (Lit., ‘Who is in this burrow is a bear.’)

(12) [mə txəλə-r zə-tx-a-r] [a-bə.m jə-q̇ʷeš’]$_{\text{FOC}}$
this book-ABS REL.ERG-write-PST-ABS that-OBL POSS-brother
‘Who wrote this book was a brother of his.’

As demonstrated by (11)–(12), if the focused argument is ergative or absolutive, the focused part does not bear any case marker in this construction. The predicate in this construction may also be constituted by an adverbial clause, however, such as by a conditional clause (13) or a purpose clause (14), or even by a simple adverbial (15). We are not aware of any evidence for a null (copula) predicate in such examples. Hence it seems that the conditional and the adverbial suffixes in this pattern do not signal the dependency relation between a constituent and some higher element. Rather they only indicate the semantic contribution of the expression in the proposition. The same holds for NPs marked with the instrumental and adverbial “cases” (16)–(17), which suggests that they need not mark the syntactic dependency.

(13) [se sə-q̇ə-ŝə-b-de-ḳʷe-ne-r] [labe ʒ’abe-m de-ž’-je-me]$_{\text{FOC}}$
I 1SG.ABS-DIR-LOC-2SG.IO-COM-go-FUT-ABS Laba mountain-OBL LOC-start-UP-COND
Lit., ‘When I will marry you is if (the river) Laba will start flowing up the mountain.’

(14) [se sə-zə-xʷ-je-te-r] [krasnodar mjedə-m
I 1SG.ABS-REL.IO-BEN-want-IPF-ABS Krasnodar medical.institute-OBL
sə-ḳʷe-n-əw]$_{\text{FOC}}$
1SG.ABS-go-MOD-ADV
‘What I wanted was to enter the medical institute.’

(15) [se sə-ze-rə-ž’e-r] [psənč̣e-ʔje-we]$_{\text{FOC}}$, [a-r ze-rə-ž’e-r]
I 1SG.ABS-REL.IO-MNR-run-ABS fast-INT-ADV that-ABS REL.IO-MNR-run-ABS
[xʷem-əw]$_{\text{FOC}}$
slow-ADV
‘I drive fast, he drives slowly.’
Lit., ‘The way I drive is fast, the way he drives is slow.’

(16) [mew tjetradə-m wə-ze-rə-de-txe-n xʷ-je-r]
this exercise.book-OBL 2SG.ABS-REL.IO-INSTR-LOC-write-MOD BEN-must-ABS
[ruč’ke ŝχʷanṭe-m-č̣’e]$_{\text{FOC}}$
pen blue-OBL-INS
‘You must write with the blue pen in this exercise-book.’
Lit., ‘With what you must write in this exercise-book is with the blue pen.’

(17) [kamjenš’jək-əw]$_{\text{FOC}}$ [ze-rə-laẑe-r]
mason-ADV REL.IO-MNR-work-ABS
‘He works as a mason.’
Lit., ‘As a mason is what he works as.’

The core cases demonstrate a more complex picture. If a focused NP is overtly marked by the absolutive suffix, it is treated as specific and hence requires the copula. However, oblique NPs may occasionally function as predicates without the copula. We will show this by examples of the indirect object, introduced by the applicative prefix *ŝə-* within the verb. The principal function of *ŝə-* is the introduction of a location (without specifying the details of the spatial relation). It may also introduce arguments of some verbs and in the relative clause construction it may make the temporal location (‘when’) an argument of the verb.

In (18) and (19) what is relativized within the first part of the pseudocleft are the location and the time, introduced by this prefix, and the predicate is an oblique NP. Yet, in (20) where the relativized argument introduced by *ŝə-* is the indirect object of the verb 'be a part of', an oblique-marked NP can not serve as the predicate.

(18) [futbol də-z-ŝ-je-pλə-r] [ṣ̂əbə-m]$_{\text{FOC}}$
football 1PL.ABS-REL.IO-LOC-DAT-look-ABS outdoors-OBL
Lit. 'Where we are watching football is outdoors.'

(19) [zə-ŝə-s-š'e-ne-r] [vtornikə-m]$_{\text{FOC}}$
REL.IO-LOC-1SG.ERG-carry-FUT-ABS Tuesday-OBL
Lit. 'When I will carry (him) is on Tuesday.'

(20) *[a-r zə-ŝə-ŝə-r] [xʷeʒ de-s-xe-m]$_{\text{FOC}}$
that-ABS REL.IO-LOC-be.part-ABS Khodz LOC-sit-PL-OBL
Expected: 'Of whom he is one of is of the inhabitants lit., those who sit in) of Khodz.'

We propose that whether a phrase may function as the predicate of a pseudocleft construction depends on how adjunct-like it is: more adjunct-like elements such as expressions of location, time and manner appear as predicates more easily.[8] Even then, we need to explain the appearance of phrases with the alleged dependent marking in the predicate position.

The most natural explanation is related to the fact that adjuncts are more autonomous, as their semantic contribution is normally determined by themselves rather than by the modified element. Presumably, it is for this reason that expressions which usually serve as adjuncts may function as autonomous focused predicates. Yet this would suggest that the morphosyntactic marking of adjuncts need not reflect the syntactic structure but only the semantic composition.

Discussion

To sum up, we have seen that in Kabardian many phrases, traditionally regarded as bearing dependent marking, can appear as independent predicates. Moreover, this may correlate to the degree to which they can contribute to the semantics of the clause autonomously: more adjunct-like phrases serve as clausal predicates more easily. But then, why can we not say that in other syntactic patterns the alleged dependent marking has the same semantic function rather than reflecting syntactic dependencies?[9]

The idea that the main function of case marking may be not syntactic but semantic was in fact proposed for early Indo-European, as discussed by S. Luraghi [Luraghi, 2010, p. 221], who also cites A. Meillet and J. Vendryes's suggestion [Meillet, Vendryes, 1924, p. 522] that the Proto-Indo-European case was not governed by the verb but was determined semantically. Curiously, when discussing these matters these authors were concerned with the expression of the core participants, i.e. the phrases which are expected to be less adjunct-like and hence more associated with the verb. Their proposal seemingly was that even for the patient the accusative case served as a marker of a patientive semantic role and not of any grammatical relation. At first glance, this seems to be true for modern languages as well. Consider the Russian example (21), where in the bolded phrases the

---

[8] Since they can appear as arguments of the predicate (at least in the relative construction where the predicate should contain a relativizer), we cannot simply consider them adjuncts as opposed to arguments. The distinction between arguments and adjuncts may be gradual, however (cf. [Vater, 1978; Somers, 1984; Forker, 2014] for general considerations and [Lander, 2015] for specific considerations concerning West Circassian). Alternatively, it may be that cross-reference on a predicate need not necessarily reflect its argument structure, which may find typological parallels in the opposition between registration and promotion of adjunct participants in some languages of Mesoamerica [Hernández-Green, 2016]. Then the most adjunct-like participants can still be considered adjuncts, but we will have to distinguish between registering and promoting uses of "applicative" prefixes like *ŝə-*.

[9] This may hold not only for constructions where a marker specifies the semantic function, but also for constructions where the semantic function is default for a given phrase (as is the case for location and time). In other words, theoretically, a marker may merely indicate that the speaker assigns a given phrase a default semantic function.

specific verbs need not be reconstructed, as the meaning is clear from the context, so it seems that the semantics of the situation of hitting is conveyed exclusively by case marking here.

(21) (…) *70 % фраз будут следующего содержания: "**А я его**…", "**А он меня**…", "**А мы его**…", "А он промазал…", "**А я ему прямо в ногу**…"*

Lit., 'Seventy percent of expressions will have the following content: "**I … him**", "**He… me**", "**We … him**", "He missed…', "**I … him straight in his foot**."

Still, it is by no means obvious that such case-marked phrases are necessarily interpreted similarly to adjuncts. The problem is that taken independently of the context they do not have any default meaning. Rather it seems that the default semantics (if any) could be provided here by a *combination* of factors, which presumably suggests a situation which can be described as highly transitive in P. J. Hopper and S. A. Thompson's terms [Hopper, Thompson, 1980]. Even then, since these expressions cannot be described as resulting from ellipsis of the predicate, the core cases (nominative and accusative) cannot be considered dependent-marking means here.

We conclude that what is usually described as dependent marking does not necessarily function as such, though there may be different reasons for this: primary function of a marker may be the expression of the semantic contribution of a phrase, or a marker may just participate as one of many elements that mark a given construction. Yet this does not imply that we should reject case markers, adpositions, and similar means to have a strictly syntactic function of marking a kind of syntactic dependency. The presence of such a syntactic function may depend on the extent to which a given construction has been grammaticalized. Nevertheless, we definitely need a theoretical approach which will be able to take into account various uses of the alleged means of dependent marking, including those where their primary function is not syntactic at all.

Abbreviations used in glosses

ABS – absolutive
ADV – adverbial
AUG – augmentative
BEN – benefactive
CAUS – causative
COP – copula
DIR – directive
DYN – dynamic
ERG – ergative
FOC – focus
FUT – future
IMP – imperfect
INS – instrumental case
INSTR – instrumental applicative
IO – indirect object
IPF – imperfective
LOC – locative
MNR – manner applicative
MOD – modal
NEG – negation
OBL – oblique
POSS – possessive
PL – plural
PST – past
REL – relative
SG – singular

Литература / References

Abitov M. L., Balkarov B. H., Desheriev Ju. D., Rogava G. V., Èl'berdov H. U., Kardanov B. M., Kuasheva T. H. (eds.). *Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo iazyka*. Moscow, 1957 [Абитов М. Л., Балкаров Б. Х., Дешериев Ю. Д., Рогава Г. В., Эльбердов Х. У., Карданов Б. М., Куашева Т. Х. (ред.). *Грамматика кабардино-черкесского литературного языка*. М., 1957].

Arkadiev P. M. Morfosintaksis fokusnoi sviazki v besleneevskom dialekte kabardino-cherkesskogo iazyka // *Vestnik RGGU. Ser. "Istoriia. Filologiia. Kul'turologiia. Vostokovedenie"*. 2017. 11(32). Pp. 9–23 [Аркадьев П. М. Морфосинтаксис фокусной связки в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2017. № 11(32). С. 9–23].

Bagov P. M., Balkarov B. H., Kuasheva T. H., Kumakhov M. A., Rogava G. V. (eds.). *Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo iazyka*. Moscow, 1970 [Багов П. М., Балкаров Б. Х., Куашева Т. Х., Кумахов М. А., Рогава Г. В. (ред.). *Грамматика кабардино-черкесского литературного языка*. М., 1970].

Blake B. J. *Case*. 2nd edition. Cambridge, 2001.

Colarusso J. *A Grammar of the Kabardian Language*. Calgary, 1992.

Colarusso J. *Kabardian (East Circassian)*. München, 2006.

Forker D. A canonical approach to the argument/adjunct distinction // *Linguistic Discovery*. 2014. 12(2). Pp. 27–40.

Gladkij A. V. *Sintaksicheskie struktury estestvennogo iazyka v avtomatizirovannyx strukturax obscheniia*. Moscow, 1982. [Гладкий А. В. *Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных структурах общения*. М., 1982].

Haspelmath M. Indexing and flagging, and head and dependent marking // *Te Reo* (in print).

Hernández-Green N. Registration versus applicative constructions in Acazulco Otomi // *International Journal of American Linguistics*. 2016. 82(3). Pp. 353–383.

Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. 56.2. Pp. 251–299.

Kibrik A. A. *Reference in Discourse*. Oxford, 2011.

Kumakhov M. A. (ed.) *Kabardino-cherkesskii iazyk*. 2 vols. Nalchik, 2006. [Кумахов М. А. (ред.) *Кабардино-черкесский язык*. 2 т. Нальчик, 2006.]

Kumakhov M. A. Kubanskij dialekt // Kumakhov M. A. (ed.). *Ocherki kabardino-cherkesskoj dialektologii*. Nalchik, 1969. Pp. 190–248 [Кумахов М. А. Кубанский диалект // Кумахов М. А. (ред.) *Очерки кабардино-черкесской диалектологии*. Нальчик, 1969. С. 190–248].

Kumakhov M., Vamling K. *Circassian Clause Structure*. Malmö, 2009.

Kumakhov M., Vamling K., Kumakhova Z. Ergative case in the Circassian languages // *Lund University, Dept. of Linguistics Working Papers*. 1996. 45. Pp. 93–111.

Lander Yu. Nominal complex in West Circassian: between morphology and syntax // *Studies in Language*. 2017. 41(1). Pp. 76–98.

Lander Yu. A. Aktanty i sirkonstanty v morfologii i v sintaksise adygejskogo jazyka // *Vestnik RGGU. Ser. "Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie"*. 2015. 1. Pp. 7–31 [Ландер Ю. А. Актанты и сирконстанты в морфологии и в синтаксисе адыгейского языка // *Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2015. № 1. С. 7–31].

Luraghi S. The rise (and possible downfall) of configurationality // Luraghi S., Bubenik V. (eds.). *The Continuum Companion to Historical Linguistics*. London, 2010. Pp. 212–229.

Meillet A., Vendryes J. *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. Paris, 1924.

Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*. 1986. 62(1). Pp. 56–119.

Nichols J. *Linguistic Diversity in Space and Time*. Chicago, 1992.

Shalyapina Z. M. O morfologo-sintaksicheskom statuse nekotoryh iaponskih edinits (v sviazi s obschimi problemami razgranicheniia morfologii i sintaksisa v estestvennom iazyke) // Vardul' I. F. (ed.). *Aktual'nye problemy iaponskogo iazykoznaniia*. Moscow, 1986. Pp. 69–103 [Шаляпина З. М. О морфолого-синтаксическом статусе некоторых японских единиц (в связи с общими проблемами разграничения морфологии и синтаксиса в естественном языке) // Вардуль И. Ф. (ред.). *Актуальные проблемы японского языкознания*. М., 1986. С. 69–103].

Somers H. L. On the validity of the complement–adjunct distinction in valency grammar // *Linguistics*. 1984. 22(4). Pp. 507–530.

Vater H. On the possibility of distinguishing between complements and adjuncts // Abraham W. (ed.). *Valence, semantic case and grammatical relations*. Vol. 1. Amsterdam, 1978. Pp. 21–45.

НЕКОТОРЫЕ ОШИБКИ НЕОПЫТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА С ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

А. С. Панина*

В предлагаемой статье сравниваются ошибки в двух русских переводах японского комикса, выполненных непрофессионалами с разным уровнем подготовки. Менее профессиональный переводчик чаще избегает структурных преобразований (не всегда восстанавливает эллипсис местоимений, склонен сохранять исходный порядок слов в ущерб актуальному членению), а при конкретизации грамматических форм предпочитает варианты по умолчанию (настоящее время для японских форм настояще-будущего времени, единственное число для существительных). Эти данные подтверждают интуитивное предположение о том, что опыт переводчика во многом заключается в способности к нетривиальному межъязыковому перефразированию.

Ключевые слова: японско-русский перевод, ошибки перевода, непрофессиональный перевод, японские комиксы.

SOME MISTAKES IN AMATEUR JAPANESE-RUSSIAN TRANSLATIONS

Anna S. Panina

The paper examines mistakes in two Russian translations of a Japanese graphic novel done by amateurs with a difference in skills. The less experienced translator was found to avoid structural transformations (she does not always supply omitted pronouns and may preserve the original word order at the cost of obscuring the given/new information structure). When translating ambiguous grammatical forms she likewise favors the default variant (present rather than future tense for verbs, singular rather than plural for nouns). These data may be taken in support of the intuitive claim that non-trivial choices and transformations make a prominent part of a translator's skill and experience.

Keywords: Japanese-Russian translation, mistranslation, fan translation, Japanese comics.

Методика, достаточно распространенная в исследованиях перевода, состоит в том, чтобы сравнивать несколько профессиональных переводов одного и того же исходного текста. Такое сравнение позволяет выявить личные стратегии переводчиков, дает представление о диапазоне возможностей, в рамках которого они действуют, и вообще представляет большой интерес. Однако, как кажется, по-своему небесполезным может стать и анализ работы «наивного» переводчика.

Наряду с пониманием исходного текста и построением текста перевода неотъемлемую часть переводческого процесса составляют межъязыковые преобразования: «поиск, выбор и формирование для единиц входного текста их переводных эквивалентов» [Шаляпина 2007, с. 341], в том числе межъязыковое перефразирование – использование нетривиальных эквивалентов с отходом от структуры оригинала. У неопытного переводчика этот этап, разумеется, сформирован слабо. Можно предположить, что сбои в его тексте придутся на области, в которых переход между языками нетривиален, подобно тому, как ошибки ребенка или иностранного учащегося выявляют осваиваемые им явления.

Материалом для данной статьи послужили два любительских перевода на русский язык части японского комикса, научно-фантастического детектива «Kanshikan Kougami Shin'ya» («Инспектор Синъя Когами»). Оригинал публиковался в открытом доступе в 2015 г. на сайте издательства Mag Garden (http://comic.mag-garden.co.jp/psychokogami/), переводы

* Анна Сергеевна ПАНИНА, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; panina-anna@yandex.ru

Anna S. PANINA, PhD (Philology), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; panina-anna@yandex.ru

были выполнены в частном порядке для группы поклонников цикла, в состав которого входит этот комикс. Автор первой версии перевода (П1) не имел большого опыта работы с японским языком, затем тот же текст был переведен заново на уровне, близком к профессиональному (версия П2). Используя преимущественно версию П1 с привлечением П2 как контрольного варианта, мы коротко рассмотрим выбор числа при переводе существительных; времени при переводе форм настояще-будущего времени; передачу актуального членения с помощью порядка слов; и восстановление элидированных местоимений.

Число

Категория числа у японских существительных отсутствует, а для русских обязательна, так что при переводе число существительных, как правило, приходится устанавливать по контексту. В комиксе видеоряд эксплицитно содержит большую часть контекста, что, казалось бы, не оставляет места для ошибок, однако несколько таких сбоев все же обнаружилось. За единственным исключением в них использовано единственное число вместо множественного, например:

(1) *Akai* ***hana*** *jiken*

П1 **Дело о красном* ***цветке***

П2 *Дело о красных* ***цветах*** (по сюжету оно касается всех видов красных цветов на городских клумбах).

(2) *...Haiki kukaku ni haitta jiten de* ***kanja no hara*** *kassabaite-ru hazu da.*

П1 **...Он должен был бы сразу разрезать* ***пациенту живот****, как только тот попал в заброшенный район.*

П2 *...Он бы вспорол* ***всем животы*** *еще на входе в дикий квартал.*

Даже у более квалифицированного переводчика П2 есть одно неверное употребление числа, и тоже единственного вместо множественного:

(3) ***Shitai*** *to issho-ni nekasarete-ta kurai de zenbu haiki nante mottainai desu yo ne.*

П1 *Так расточительно – уничтожать все только из-за того, что они полежали вместе с* ***трупами****.*

П2 **Глупо было браковать всю партию из-за того, что там* ***труп*** *лежал!*

Эта же тенденция сохраняется и для тех фраз, где имя использовано в родовом референциальном статусе. Родовой статус позволяет использовать любое число, и менее опытный переводчик П1 чаще употребляет единственное:

(4) *Gino wa akai* ***hana*** *da to itte-ita.*

П1 *Гино говорил, что этот* ***цветок*** *красный.*

П2 *Гино говорил, что эти* ***цветы*** *красные* (речь о растении ликорис как о виде).

(5) ***Kanshikan*** *to* ***shikkōkan*** *no aida de sonna koto ga atcha ikan no da ga ne.*

П1 *Но между* ***следователем*** *и* ***патрульным*** *этого быть не должно.*

П2 *Хотя* ***патрульным*** *с* ***инспекторами*** *так друг к другу относиться не положено.*

Сюда же, вероятно, относится пример, где вместо множественного числа требуется собирательное наименование: переводчик П1 переводит *daichō* как *толстая кишка*; эквивалент формально верен, но контекст в данном случае – специализация больницы, так что, скорее, имеется в виду вся соответствующая система организма, *толстый кишечник*.

Время

В употреблении видо-временных форм в двух переводах наблюдается значительный разброс, но однотипных ошибок у каждого слишком мало, чтобы судить об их причинах. Так, у переводчика П2 можно найти спорадические употребления прошедшего времени вместо настоящего, и наоборот:

(6) *Sono teido no jōhō sura* ***kaiji-shite-konai*** *tte ue wa dōiu tsumori na n desu ka ne.*
П1 *Да что они там думают в руководстве, если* ***не разглашают*** *даже такую информацию.*
П2 **О чем думают наверху, если даже этого нам* ***не сказали****?*

(7) *Itai o kasō-sezu dokoka ni* ***yokonagashi-shite-ta*** *n nara hokan ni wa saiteki no basho ka.*
П1 *Если тело, не кремируя, куда-то нелегально* ***выносили****, то это самое подходящее место для его хранения.*
П2 **Удобно прятать трупы, если ты их* ***сплавляешь*** *налево вместо кремации.*

Однако некоторая тенденция видна в передаче форм настояще-будущего времени, не стоящих в длительном виде. Эти формы могут обозначать как настоящее, так и будущее время, и переводчик П1 не всегда, но достаточно регулярно делает выбор в пользу настоящего:

(8) *Ea-shawā ga* ***sadō-shimasu*** *n de.*
П1 ***Включается*** *обдувочный шлюз.*
П2 *Сейчас* ***включится*** *воздушный шлюз.*

(9) *Ore-tachi ga* ***ukeru*** *kara, <...> shisetsu o risuto-ka-shite moraenai ka.*
П1 **Раз нам* ***передали*** *это дело, можно получить список объектов, вышедших из строя?*
П2 *Наш отдел* ***возьмется****. Составьте мне список пострадавших объектов.*

Есть и примеры неточной передачи других временных форм – переводчик П1, по-видимому, не был знаком со способностью форм прошедшего времени обозначать новизну информации, но это скорее относится к анализу исходного текста, чем к межъязыковым преобразованиям:

(10) *Shiki mo jinkō zōki* ***datta*** *no ka.*
П1 **У Шики тоже* ***были*** *искусственные органы?*
П2 *У Сики тоже искусственные органы?*

Актуальное членение

Русский язык выражает значительную часть тема-рематической информации, вынося рему в конец предложения; японский меньше варьирует порядок слов, зато располагает показателем топика – коммуникативной частицей *wa*, и это несовпадение в типе средств влечет за собой переводческие преобразования: частица *wa* обычно переводится «не отдельным словом, а в рамках всего строения предложения» [Головнин, 1986, с. 259].

В рамках данной статьи мы рассмотрим только те случаи, где переводчики по-разному интерпретировали актуальное членение исходной фразы (при этом не обязательно один из них ошибался, но и такие примеры есть), и где в исходном тексте имеется либо показатель топика *wa*, либо его значимое отсутствие – подлежащее, когда оно есть, оформлено не *wa*, а номинативной частицей *ga*.

Во всех примерах с *wa*, где не совпали интерпретации переводчиков, топиком оказалась группа косвенного дополнения. Переводов, где порядок слов сильно изменен, примерно столько же, сколько тех, где он сохраняется; переводчик П1 иногда выносит соответствующую группу в конец предложения, как в примере (11), в том числе ошибочно, как в (12), но иногда и сохраняет порядок, близкий к исходному, как в (13):

(11) *Toriaezu DNA no kaiseki ni **wa** mō sukoshi jikan o kure.*
П1 *Разумеется, мне потребуется еще немного времени на анализ ДНК.*
П2 *На проверку ДНК мне еще нужно время.*

(12) *Koko ni **wa** Katō ga iru.*
П1 **Като здесь.*
П2 *В этом районе живет Като.*

(13) *Kakunin ga erareru made **wa** ikotsu no koto wa fusete-oite-kudasai.*
П1 *До получения прямых доказательств прошу удержать от огласки это дело с останками.*
П2 *Я вас прошу не афишировать историю с прахом, пока мы не разберемся.*

Для предложений, где нет группы, оформленной частицей *wa*, приходится при переводе решать вопрос, является ли ремой все предложение или только его часть. Нередко допустимы оба прочтения; но перевод становится неточным, если группа подлежащего в нем подается как топик. Аналогично предыдущим примерам, в нашем материале оказалось чуть меньше фраз со структурной перестройкой, чем без нее; иногда переводчик П1 придерживается исходного порядка слов, как в (14), причем в нескольких случаях ошибочно превращает однозначно рематическое подлежащее, оформленное номинативом *ga*, в топик, как в (15). Но есть и примеры с перестановкой, как (16).

(14) *Nishū mae wa shukka **ga** atte,* <...>
П1 *Две недели назад отправка груза была.*
П2 *Две недели назад была поставка.*

(15) *Reitō sōko kara kaishu-shita subete no itai no jinzō kara yakiin **ga** mitsukatta.*
П1 **Клеймо было обнаружено на почках всех останков, изъятых на холодильном складе.*
П2 *Почки всех тел, найденных на холодильном складе, оказались с клеймом.*

(16) *Saki **ga** tanoshimi da.*
П1 *Развлечение впереди.*
П2 *Будет интересно.*

Показатель топика *wa* употребляется только в главном предложении. Внутри придаточных их актуальное членение неочевидно; так, во фразе (17) только контекст не позволяет трактовать подлежащее *doku* «яд» как рематическое – персонаж, произносящий эту реплику, знает, что произошло именно отравление, поэтому перевод П1 неточен:

(17) *Dango ka ocha ni doku **ga** haitte-ta tte n nara wakariyasukatta n da ga na.*
П1 **Если бы в данго или в чае содержался яд, то понять это было бы просто.*
П2 *Если бы яд был в чае или в сладостях, было бы более понятно.*

В трактовке подлежащих придаточных оказалось больше всего несовпадений между двумя переводами, и здесь обозначилась более надежная тенденция: переводчик П1 предпочитает оставлять исходный порядок слов, как в примере (18) и многих других.

(18) *Tashika ni totsan ya Amari **ga** katte deru koto ga ooi ga.*
П1 *Конечно, Папаша и Амари часто сами вызываются, но…*
П2 *Ну да, обычно вызываются папаша или Амари.*

Местоимения

Языки различаются тем, насколько допустимым в них является эллипсис, и для японского он чрезвычайно характерен [Басс, 2005]. В частности, личные местоимения часто опускаются, особенно в устной речи и в текстах, имитирующих ее. При переводе на русский язык их нередко приходится восстанавливать, то есть требуется межъязыковое преобразование, нетривиальное в двух отношениях: переводчик должен, во-первых,

определить, необходимо ли оно для данной фразы, во-вторых, самостоятельно выбрать местоимение.

В нашем материале переводчик П1 склонен сохранять эллипсис:

(19) *Shain meibo kara shukkin jōkyō o _ _*[1] *okutta node.*
П1 *Я _ отправила данные из реестра работников <...> компании об обстоятельствах их выхода на работу.*
П2 *Я вам выслала для всех сотрудников этого агентства табель посещаемости.*

Иногда это решение сопряжено с переводом предиката, от которого зависит местоимение; например, в следующей фразе переводчик П1 использует существительное, а П2 – глагол, для которого стилистически хуже оставить валентность незаполненной:

(20) _ _***Tsukawareta*** *keiseki ga nai.*
П1 *Здесь нет следов* ***использования _*** .
П2 *Непохоже, чтобы здесь кто-то* ***был***.

В ряде случаев незаполненная валентность ставит текст перевода на грань приемлемости:

(21) _ *Hetta na.*
П1 * _ *Сократилось.*
П2 *Выборка стала меньше.*

(22) *Hone ga _ aru tte koto sa.*
П1 **Это значит, что _ есть хребет.*
П2 *Иначе говоря, устойчивая психика.*

Выбор местоимений происходит между личными и указательными. Переводчик П1 широко использует местоимение *это*, П2 его избегает, либо выбирает личное местоимение, иногда с существенной перестройкой фразы, как в (20), либо сохраняет эллипсис, как в (21):

(23) _ *Saiga sensei no rinshō shinrigaku no kōgi da to omoe.*
П1 *Представь себе, что это лекция Сайги-сенсея по клинической психологии.*
П2 *Представь, что ты на лекции Сайги по клинической психологии.*

(24) _ _ *Motte kaette mo ii desu ka?!*
П1 *Можно мы это с собой захватим?*
П2 *Можно я _ себе возьму?*

Для следующей реплики варианты имеют разный смысл (*они* – сами противники, *это* – их поведение), но контекст допускает обе интерпретации:

(25) _ *Kyōi hantei nashi!*
П1 *Это не считается угрозой!*
П2 *Они не считаются угрозой.*

В двух случаях указательное местоимение используется и вовсе неоправданно:

(26) *Ore wa _ kutte-nai!*
П1 **Я это не ел!*
П2 *Я их не ел!* (в этой сцене объекты поедания физически не присутствуют).

(27) *Omae wa kono heya o mite dō omotta? – Kane ga _ kakatte-iru.*
П1 * Что ты подумал, когда увидел эту комнату? – На это ушло немало денег.
П2 Что ты думаешь про эту комнату? – Обстановка дорогая.

[1] Здесь и далее таким способом обозначены опущенные местоимения.

Не все ошибки в местоимениях происходят на этапе межъязыковых преобразований, много и случаев, когда исходный текст неверно проанализирован. Так, в следующем примере переводчик П1 не заметил показатель каузатива и из-за этого, восстанавливая элидированное местоимение первого лица, поместил его не на ту актантную роль глагола:

(28) *Kojinteki ni wa _ _ engei purogurami to* ***ukesasetai*** *kurai datta.*
П1 **Мне даже захотелось* ***пройти*** *курс по садоводству.*
П2 *Я бы их на курсы ландшафтного дизайна* ***отправил***.

Интересен также следующий пример и несколько аналогичных ему:

(29) *Masaoka-san ni kakushigoto wa dekimasen ne.*
П1 **От Масаоки-сана ничего не утаить.*
П2 *Масаока, вас не обманешь.*

Ошибка здесь вызвана разницей в речевом этикете. В японском языке «местоимения почти не употребляются в ситуациях, требующих этикетной вежливости» [Алпатов и др., 2008, с. 486], о собеседнике говорится в третьем лице. Переводчик П1, не учитывая эту возможность, неправильно устанавливает адресата реплики (в разговоре в соответствующих сценах участвуют больше двух человек). Если же провести анализ правильно, такие фразы требуют нетривиального преобразования: при переводе на русский язык туда необходимо вводить местоимения второго лица.

Изложенный выше материал при всей своей разрозненности позволяет, как нам кажется, усмотреть за предпочтениями «наивного» переводчика влияние лингвистических факторов.

Первый из них действует при конкретизации грамматических категорий – при выборе числа и времени. Форма единственного числа для русских существительных является словарной; аналогично, для японской формы настояще-будущего времени словарным эквивалентом является настоящее, а не будущее. Используя единственное число и настоящее время, переводчик П1 отдает предпочтение вариантам по умолчанию перед более маркированными.

Перевод тема-рематических показателей и восстановление опущенных местоимений демонстрируют вторую тенденцию: П1 чаще сохраняет эллипсис и реже в придаточных переставляет группу, соответствующую реме, в конец предложения, то есть держится несколько ближе к исходной структуре. Что касается склонности переводчика П1, восстанавливая эллипсис, использовать местоимение *это*, она может объясняться тем, что данное местоимение для него выступает как вариант по умолчанию; необходимо расширить материал, чтобы установить, личное ли это предпочтение или более широко распространенное.

Конкретные действия, которые требуются от переводчика в рассмотренных ситуациях, различны: заметить и снять неоднозначность грамматической формы, изменить порядок следования текстовых единиц или добавить единицу, отсутствовавшую в исходной структуре. Однако избегание этих действий – а нам представляется, что не только боязнь отступить от структуры оригинала, но и выбор первого, менее маркированного, переводного эквивалента является избеганием, – по-видимому, обусловлено одной и той же робостью перед преобразованиями как таковыми.

Если провести аналогичные исследования на более широком материале, скорее всего, удастся подкрепить формализованными свидетельствами факт, эмпирически знакомый теоретикам и практикам перевода: «знание и использование межъязыковых перифраз является... одной из важнейших составляющих переводческого опыта» [Шаляпина, 2007, с. 342].

Литература / References

Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. *Теоретическая грамматика японского языка*. М., 2008 [Alpatov V. M., Arkad'ev P. M., Podlesskaia V. I. *Teoreticheskaia grammatika iaponskogo iazyka*. Moscow, 2008].

Басс И. И. Из истории изучения эллипсиса в японском языке // *Актуальные вопросы общего и японского языкознания*. М., 2005. С. 65–77 [Bass I. I. Iz istorii izucheniia 'ellipsisa v iaponskom iazyke. // *Aktual'nye voprosy obschego i iaponskogo iazykoznaniia*. Moscow, 2005. Pp. 65–77].

Головнин И. В. *Грамматика современного японского языка*. М., 1986 [Golovnin I. V. *Grammatika sovremennogo iaponskogo iazyka*. Moscow, 1986].

Шаляпина З. М. *Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования. К общей теории лингвистических моделей*. М., 2007 [Shalyapina Z. M. *Trehmernaia stratifikatsionnaia model' iazyka i ego funktsionirovaniia: k obschei teorii lingvisticheskih modelei*. Moscow, 2007].

ЛЕКСИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В ЯЗЫКЕ МА

Т. Г. Погибенко*

Статья посвящена исследованию лексических комплексов в австроазиатском языке ма на материале представительного корпуса, собранного российско-вьетнамской экспедицией по изучению языков Вьетнама. Анализируя факты АА языков, автор приходит к выводу, что лексические комплексы существовали в праязыке и что особенности их функционирования в синхронии и специфические пути развития в диахронии могут пролить свет на такие спорные явления, как парадокс «длинной» и «короткой» форм слова в австроазиатских языках и «эхо» форм в языках мунда.

Ключевые слова: австроазиатские языки, лексические комплексы, полевые исследования, сравнительно-исторические исследования.

LEXICAL COMPLEX IN THE MA LANGUAGE

Tamara G. Pogibenko

The article gives a description of lexical complexes in the Austroasiatic language Ma. The analysis is made using field data collected during a joint Russian-Vietnamese expedition exploring minority languages of Vietnam. Comparative analysis of Austroasiatic data brings the author to the conclusion that lexical complexes were as early as proto-Austroasiatic, and their specific functional properties and the pathways of development can explain the controversial phenomena of Austroasiatic "short" and "long" forms and the so-called "echo" forms in Munda languages.

Keywords: Austroasiatic languages, lexical complexes, fieldwork, comparative studies.

Данная статья посвящена описанию лексических комплексов (ЛК) в языке ма – одном из языков малых народностей Вьетнама, входящем в южнобахнарическую подгруппу бахнарической группы мон-кхмерской ветви (МК) австроазиатской семьи языков (АА). Представители народности ма проживают на юге Вьетнама в провинциях Ламдонг, Даклак и Донгнай, их численность – 25 тыс. человек. Материалы были собраны в советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1981 г. Корпус насчитывает 1366 предложений. Категория ЛК в языке ма рассматривается в контексте проблематики сравнительно-исторических исследований австроазиатской семьи языков, тех аспектов, которые связаны со спецификой функционирования и развития ЛК в диахронии.

Лексический комплекс (ЛК) занимает важное место в системе единиц номинации изолирующих языков Восточной и Юго-Восточной Азии. Эта единица представляет собой последовательность из двух и более слов и выражает комплекс семантических компонентов, объединенных в одну семантическую структуру. ЛК не является словосочетанием с фиксированным типом синтаксической или семантической связи. Исключение составляют результативные ЛК, а также небольшое количество менее частотных типов ЛК в которых тип семантической связи фиксирован. Например, ЛК с глаголом «воровать», которые отмечаются в некоторых языках и выражают действие, совершаемое украдкой, или ЛК с глаголом «помогать», обозначающие действие, совершаемое с пользой для другого участника ситуации. ЛК не является сложным словом в силу парадигматической и синтагматической неустойчивости его состава – возможности синонимической замены компонентов и редукции комплекса в речи. ЛК нельзя отнести и к разряду идиоматических словосочетаний,

* Тамара Григорьевна ПОГИБЕНКО, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; t.pogibenko@mail.ru

Tamara G. POGIBENKO, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; t.pogibenko@mail.ru

поскольку он не обладает свойством идиоматичности в той степени, в какой им обладают идиомы[1]. Мы рассматриваем данную категорию единиц номинации как способ словообразования, поскольку у производных слов и лексических комплексов одна функция – семантическая деривация, порождение новых смыслов.

Хотя у сложных слов и ЛК свойства разные, тем не менее типы ЛК, которые мы будем рассматривать, в грамматических описаниях изолирующих языков данного ареала принято относить к разряду сложных слов [Язык рук, 2001, с. 60]. Другой подход к классификации комплексных номинаций изолирующих языков ареала Восточной и Юго-Восточной Азии, изложен в грамматике кхмерского языка Д. И. Еловкова, где все комплексные единицы объединяются в класс лексических комплексов [Еловков, 1992]. И в том и в другом случае в одном классе оказываются единицы с разными свойствами.

Казус «длинной» и «короткой» форм слова в истории австроазиатских языков

Лексический комплекс играет важную роль для сравнительно-исторических и типологических исследований АА языков и, прежде всего, для типологической реконструкции прото-АА языка. Сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что эта единица номинации существовала в праязыке. В одних АА языках она оставила только лишь разного рода рефлексы, в других отмечается с разной степенью частотности и продуктивности. Специфический характер развития плана выражения и плана содержания этих комплексных номинаций создает большие проблемы для сравнительно-исторических и этимологических исследований. В результате изменения фонологического статуса первого компонента, который утрачивает свойство ударного сильного слога и становится слабым предударным слогом – пресиллабом – происходит стяжение ЛК в одно слово. Пресиллаб подвергается опрощению, утрачивает статус слога и превращается в элемент кластера. Кроме того существует возможность синонимического варьирования компонентов ЛК в начале этой шкалы преобразований. В результате возникают непреодолимые трудности для установления этимологий.

Нетривиальным результатом подобного развития ЛК в диахронии является сосуществование в АА языках так называемых «длинной» и «короткой» форм слова. Поскольку на разных уровнях реконструкции длинные формы невозможно возвести к одной праформе, возник миф о том, что большая часть слов в АА языках, как имен, так и предикатов, в процессе своего развития по непонятным причинам подвергалась удлинению за счет использования разного рода формантов. Число этих формантов велико, а их функции не поддаются определению. Такое положение дел можно назвать «парадоксом длинной и короткой форм АА слова». Это явление особенно широко распространено в языках мунда – одной из ветвей АА семьи языков. Выдвигались разные точки зрения на происхождение этого явления в АА языках.

Известный американский ученый С. Староста, анализируя длинные и короткие формы имен в языке сора, пришел к парадоксальному, на наш взгляд, выводу. Он считает, что толчком для образования длинных форм от коротких (использующихся при инкорпорации и в словосложении), послужило то, что моносиллабический прото-мунда оказался в окружении полисиллабических языков Индостана. Поскольку языковых драйверов этого процесса ученый указать не смог, он дал ему образное название: «скрытый заговор к образованию полисиллабических форм от моносиллабических» (a conspiracy to derive polysyllabic forms from monosyllabic) [Starosta, 1992, p. 88]. А. Зайд, как и С. Староста, считала этот процесс необъяснимым, но полагала, что он шел в противоположном направлении: короткие формы образовывались от длинных [Zide, 1986, p. 1259]. Продолжая эту мифологему С. Староста пишет: «это мог быть заговор, замышленный теми самыми

[1] Имеется в виду, прежде всего, свойство непрозрачности, т. е. невыводимости значения комплекса из значений его составляющих [Баранов, Добровольский, 2008, с. 30].

внешними зловещими анти-мунда силами, которые привели к типологическим различиям в синтаксисе, отличающим языки мунда от родственных языков, таких, как кхмерский язык» (“this conspiracy would probably have been an external anti-Munda plot hatched by the same sinister forces that brought about the differences in syntactic typology that distinguish Munda languages from cousin languages such as Khmer”) [Starosta, 1992, p. 88].

В языке сора, как отмечает С. Староста, каждое имя, использующееся в инкорпорации, имеет длинный свободный коррелят. Поскольку в этих длинных формах выступают разные, не этимологизируемые форманты, ученый называет это явление псевдосложением – термин, который еще раньше использовал Ф. Хафман для обозначения кхмерских двусложных слов с не этимологизируемым предударным слогом [Huffman, 1970, p. 329]. С. Староста считает, что похожее развитие от моносиллабического слова к полисиллабическому имело место в кхмерском языке [Starosta, 1992, p. 89].

Американские ученые Г. Андерсон и Н. Зайд предложили другое объяснение парадокса длинных и коротких форм в мунда. По их мнению, длинные формы в прото-мунда и прото-АА возникали в связи с действовавшим ограничением на длину свободных форм: она не могла быть меньше двух мор [Anderson, Zide, 2002]. В своей статье ученые пытаются продемонстрировать тот разнообразный арсенал средств, который использовался для деривации длинной формы – префиксы, инфиксы, редупликация, словосложение, суффиксация. Префиксы использовались чаще других средств. Ученые признают, что у всех этих формантов не выделяется никой другой функции кроме как служить «строительным материалом» для наращивания мор. При этом форманты, использующиеся для образования двусложной формы от одной и той же односложной, по языкам в значительной степени не совпадают. Ученые это объясняют следующим образом: «данный конкретный язык мунда мог выбрать для образования свободной формы имени тот или иной формант просто за неимением других; например, как кажется, в языке гта таким единственно доступным элементом стал носовой силлабический префикс» («a given Munda language may assign a particular noun-formative element as the default in the derivation of free forms of nouns; for example, the default derivational element in Gtaʔ appears to be prefixed syllabic nasal») [Anderson, Zide, 2002, p. 56]. Только в некоторых случаях, отмечают авторы, можно вывести семантическую закономерность. Например, в языке гутоб префикс *kV-* чаще отмечается с именами животных. Это имеет место и в других АА языках. В языке кхариа префикс *kon-* используется с именами детенышей и мелких представителей животного мира. Авторы справедливо предполагают, что этот префикс, возможно, восходит к АА слову «ребенок» и его следует сравнивать с вьетнамским классификатором *con*.

На самом деле, значительная часть тех многочисленных примеров соответствий/несоответствий по языкам длинных форм, которые приводятся в указанной статье, хорошо подтверждают наше собственное предположение: длинные формы – это во многих случаях не что иное, как рефлексы опрощенных комплексных номинаций – сложных слов или лексических комплексов. Последние будут рассмотрены ниже на материале языка ма. Если так, то не было ни внешнего влияния, ни влияния со стороны количественной просодики слова, а было нормальное, обусловленное внутренними языковыми факторами развитие комплексной единицы в диахронии, как по линии плана выражения, так и по линии плана содержания.

Примечательно, что приведенные в указанной статье соответствия длинной и короткой форм имен далеко не всегда являются фонологической формой одного имени. Иногда это грамматические формы, иногда – разные лексемы. В первом случае длинная форма – это не что иное, как референтная форма имени. Именно поэтому длинные формы не используются в инкорпорации и при словосложении, там выступают односложные короткие формы, имеющие предикатный статус. В МК языках длинные формы не используется в тех случаях, когда имя выполняет функцию сирконстанта или модификатора. В некоторых МК языках способ образования референтной формы при помощи

классификатора остается продуктивным, например, во вьетнамском языке. Ср. употребление референтной с классификатором *con* и нереферентной форм слова «нож» в следующих вьетнамских предложениях.

(1)	*con*	*dao*	*ở*	*cạnh*	*đống*	*củi*	
	CLF	нож	находиться	сторона	куча	дрова	

‘Нож лежит возле кучи дров’ (Язык ксингмул, ПРВ IV-7)

(1a)	*con*	*bò*	*này*	*bị*	*đâm*	*bằng*	*dao*
	CLF	бык	этот	PASS	колоть	INSTR	нож

‘Этот бык был заколот ножом’ (Язык ксингмул, ПРВ III-16)

Разными лексемами длинная и короткая формы являются, когда первая происходит от именного лексического комплекса, либо сложного слова, в этих случаях производная номинация имеет другой денотат. Например, для слова «рука» в указанной статье для никобарских языков даются следующие длинные формы: центральный диалект *kane-tai*, кар *el-ti:*, шомпе *noai-ti:*, тересса *mòh-ti:* [Anderson, Zide, 2002, p. 63]. Авторы ошибаются: эти слова – не длинные формы АА слова **ti:* ‘рука’, образованные при помощи разных формантов. На самом деле, все они суть комплексные номинации с разными первыми компонентами и, как можно догадываться, разными значениями. Например, кар *el-ti:*, букв. ‘внутренняя часть – рука’ имеет значение ‘ладонь’ или ‘внутренняя часть ладони’ [Whitehead, 1993, p. 31], ср. нанкаури *oal-tai* ‘ладонь’; тересса *mòh-ti:*, букв. ‘кончик, выступ, нос – рука’, по-видимому, также имеет значение ‘ладонь’. В этих случаях говорить об удлинении слова неправомерно.

С другой стороны, правомерно сравнивать слово языка шинман (палаунгическая группа) *kənpun* ‘женщина’ [Anderson, Zide, 2002, p. 62] с кхмерским *prɒpuən* ‘жена’, принимая во внимание то, что эти слова могут происходить от комплексных номинаций с разными первыми компонентами.

Д. И. Еловков, автор грамматики кхмерского языка, также придерживается той точки зрения, что в кхмерском языке в диахронии шел процесс удлинения слова: однослоги превращались в двуслоги, или однослоги со стечением согласных в инициали [Еловков, 2006, с. 47]. В качестве одного из примеров приводится слово кхмер. *crɒmuh* ‘нос’, которое в древнекхмерском пре-ангкорского периода отмечается как однослог *muh* ‘нос, хобот, клюв’, ‘передняя часть, выступ’, а в текстах ангкорского периода – уже как двуслог *cramuḥ* ‘нос’. На самом деле, эффект удлинения слова возникает оттого, что простое слово и рефлекс ЛК, содержавшего это слово, рассматриваются как одна единица в диахронии. Такое происходит, когда односложное слово вытесняется двухсложным ЛК, в состав которого оно входило, и двусложная номинация подвергается стяжению в одно фонетическое слово. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим длинные и короткие формы слова «нос» в АА языках. В этих примерах, действительно, длинные формы выступают с разными пресиллабами[2].

(2)	ДКМ (пре-ангк.)	*muḥ*	‘нос; хобот, клюв’, ‘передняя часть, выступ, мыс, point’
	ДКМ (ангк.)	*muḥ*	(то же)
	ДКМ (ангк.)	*χραμυḥ*	(отмечается один раз, в топониме *Raṅgau Cramuḥ* K.760)
	кхмер.	*crɒmuh*	‘нос’
	няхкур	*ημ□⇔η*	‘нос’
	мон	*χη↔μ□⇔η*, *χηρυ⇔N μ□⇔η*	‘ноздря’ (букв. ‘дыра – нос’)
	стиенг	*τ↔ρμοη*	‘нос’
	кхаси	*khmut*	‘нос’
	кар	*elmeh*	‘нос’ (букв. ‘внутренняя часть – нос’)

[2] Примеры из древнекхмерского даются в транслитерации.

кхариа	*ρομοN*	‘нос’
джуанг	*μοτεφ*	‘нос’

Если признавать существование стратегии удлинения слова в диахронии, трудно объяснить, почему в данном случае для получения дисиллаба использовались разные префиксы и даже суффиксы, как в языке джуанг. Формы языков кар и мон однозначно указывают на то, что длинные варианты происходят от сложных номинаций, состоявших из двух полнозначных корней, где первым компонентом было слово, обозначающее отверстие. В джуанг слово с однотипным значением могло выступать во второй позиции, что связано с тем, что в языках мунда изменился порядок слов. Наконец, прямое подтверждение нашему предположению находим в работе [Diffloth, 1984]. Там для прото-монского реконструируется форма с пресиллабом **[c↔]-m□h* ‘нос’, т. к. пресиллаб спорадически отмечается у носителей языка няхкур и мон (*ημ□⇔η, χη↔μ□⇔η*). Ж. Дифлот тоже считает, что это остаток от компонента сложной номинации (сложного слова). Некоторые из его информантов восстанавливали форму *χηρυ⇔N μ□⇔η* ‘ноздря’ букв. ‘дыра – нос’. Однако Ж. Дифлот почему-то отвергает возможность того, что эта двусложная номинация могла существовать ранее («which does not appear to be historical» [Diffloth, 1984, p. 108]).

Наконец, то, что эффект удлинения кхмерской номинации возникал в результате процесса семантической деривации путем образования сложной единицы, подтверждается тем, что слово *χρ□μυη* ‘нос’ в современном кхмерском языке, в свою очередь, становится мишенью аналогичной семантической деривации: *ρ□ντηE↔? χρ□μυη* ‘ноздри’, где выступает санскритское заимствование *randhra* ‘отверстие’, которое в кхмерском приобрело значение ‘нора’, ‘пещера’.

В кхмерском языке благодаря тому, что существуют письменные памятники с начала VII в., в некоторых случаях можно делать более достоверные предположения относительно того, к какому слову восходит пресиллаб в предполагаемом рефлексе лексического комплекса. Например, в случае кхмер. *cɒmʔiək* ‘медлительный, неповоротливый’, можно предположить, что сильный слог восходит к ДКМ *ᵃyak* ‘отдыхать, ничего не делая’, а пресиллаб восходит к слову *cam* ‘ждать’.

Современные АА языки типологически очень разные. Языки мунда – агглютинирующие с элементами полисинтетизма, с богатой морфологической системой, с преобладанием суффиксации над префиксацией. В никобарских языках в равной степени представлена и изоляция, и агглютинация, это языки с богатой морфологией, в них есть префиксы, инфиксы и, хотя и в меньшей степени, суффиксы. Мон-кхмерские языки изолирующие, в некоторых из них остаются рудименты морфологии синтетического типа – префиксы и инфиксы, некоторые языки, как, например, вьетнамский, последовательно моносиллабические, изолирующие. В современных АА языках стратегия семантической деривации при помощи лексических комплексов используется в разной степени. В языках мунда и никобарских – ограниченно, в МК – широко. С другой стороны, в полисиллабических мунда и никобарских языках находим много фоссилизованных рефлексов лексических комплексов предшествующих периодов.

Мунда

Языки мунда сохранили, хотя и в ограниченном виде, стратегию семантической деривации при помощи глагольных ЛК. Помимо этого в них отмечаются три типа рефлексов элементов ЛК, восходящих на прото-АА уровень. Они представляют собой разные стадии их грамматикализации: суффиксы, вспомогательные глаголы и так называемые «эхо» формы (echo forms). «Эхо» формами в языках мунда называют асемантичные слова, которые выступают при глагольной лексеме, образуя с ней своего рода коллокацию; к «эхо» формам присоединяются личные, аспектуальные, темпоральные и модальные аффиксы [Anderson, 2007, p. 264].

Сравним глагольные ЛК в языках мунда и мон-кхмерских языках: кхариа *de-goj* ‘зарезать’, букв. ‘резать – убивать’ [Grierson, 1906, p. 202] – ма *srəp chət* ‘заколоть’, букв. ‘колоть – умирать’ [Язык ма, ПРП 95]; кхариа *to’te* ‘затем, потом’, букв. ‘асем. – асем.’ [Grierson, 1906, p. 201] – кхмер. *tɒ: tɯw* ‘далее’, букв. ‘продолжать – идти’.

Многим суффиксам в мунда можно поставить в соответствие полнозначные глаголы в МК. Часто соответствия – только по функции. Это говорит о том, что распад семьи пришелся на тот период, когда грамматикализация компонентов ЛК в языках мунда только началась, и в тот период существовали ЛК с разными синонимичными компонентами. Примеры: сора *dʒum-a:dʒ* ‘съесть’, букв. ‘есть – COMPL’ [Anderson, 2007, p. 240] – кхмер. *ɲam ba:j ruəc* ‘поесть’, букв. ‘есть – рис – заканчивать’.

Некоторым вспомогательным глаголам в мунда можно поставить в соответствие полнозначные глаголы или служебные слова в МК языках. Например: ремо *bəba den* ‘ударять’, букв. ‘ударить – PROG’ [Anderson, 2007, p. 233] – вьет. *đang ngủ* ‘спать’, букв. ‘DUR – спать’.

Эти примеры, демонстрирующие соответствия суффиксов и вспомогательных глаголов мунда полнозначным или служебным глаголам в МК языках опровергают утверждение Г. Андерсона о том, что вспомогательные глаголы в языках мунда, к которым восходят суффиксы – это влияние дравидийских языков [Anderson, 2007, p. 249].

Третьему типу рефлексов в мунда – «эхо» формам – также можно поставить в соответствие полнозначные глаголы в МК языках. Например: гта *bagweʔ-dʒog n-talig* ‘убить и выбросить’, букв. ‘убивать-брать – 1SG-ECHO’ [Anderson, 2007, p. 264], здесь *dʒog* является когнатом кхмер. *jɔ:k* ‘брать’, а асемантичное «эхо» слово *talig* является когнатом кхмер. *tleək* ‘падать’ (*tumleək* ‘бросать’). Однако в кхмерском языке в ЛК со значением ‘выбрасывать’ будет употребляться глагол *caol* ‘выбрасывать’, например: *bɒh caol* ‘выбрасывать’, букв. ‘бросать – выбрасывать’.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В ЯЗЫКЕ МА

1. Именные лексические комплексы

Характерным типом именного ЛК в АА языках является комплекс имя+имя, где первое имя актуализирует одну из сторон значения второго имени. Например: *rùp ʔùr dit* букв. ‘форма – девочка’ в *cì dùl cənaw rùp ʔùr dit* ‘нарисовать девочку’ (букв. ‘писать – один – картина – форма – девочка’ [Язык ма, КЛФ 70]. На ЛК подобного рода обратил внимание Д. И. Еловков в своей грамматике кхмерского языка, определяя их следующим образом:

«В этих ЛК первый компонент называет ту или иную часть, тот или иной аспект предмета-явления, выделяя, таким образом, ту часть, тот аспект предмета-явления, которые “участвуют” в данной конкретной ситуации» [Еловков, 2006, с. 114].

В изолирующих языках Восточной и Юго-Восточной Азии в сочетаниях «есть рыбу», «прыгнуть в реку», как правило, будут употребляться не слова «рыба» и «река», а ЛК «мясо – рыба», «вода – река». Функциональное объяснение такому явлению находим в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, с. 38]. Там, в частности, говорится:

«Слово-лексема еще не является синтаксической единицей, слово – единица лексики, а в разных его формах могут реализоваться или актуализироваться разные стороны его общего значения, разные семы, предопределяющие различие в синтаксическом употреблении. Так, например, в локативных формах *в лесу*, *за лесом*, *над лесом*, *из леса*, *из-за леса*, *возле леса* актуализируется значение места, пространства (занятого множеством деревьев), в творительном пути движения – *лесом* значение протяженности пространства, в объектных приглагольных формах *рубить лес*, *губить лес*, *сажать лес*, *любоваться лесом* актуализируется предметное значение (множества д е р е в ь е в), в сочетаниях типа *лес рук*, *лес флагов* – количественное значение (м н о ж е с т в а деревьев)».

В кхмерском, ма и других языках близкой типологии существует аналогичная потребность различения слова, принадлежащего лексической системе – лексемы, и слова,

конституирующего синтаксическую структуру – синтаксемы. Различие только в средствах: в изолирующих языках используется лексический комплекс, в котором та конкретная сторона общего значения лексемы, которая актуализируется, выражается лексически в первом компоненте ЛК. Вот почему в следующем предложении на языке ма используется не слово *geʔ* ‘стул’, а лексический комплекс *tà*^{3} *geʔ* ‘стул’, букв. ‘место – стул’:

(3)	*ʔɒ̀ʔ*	*gè*	*tə̀s*	*dìŋ*	*tà*^{3}	*geʔ*	*ŋùj*
	NEG	иметь	забивать	гвоздь	место	стул	сидеть

‘Нельзя забивать гвоздь в стул’ (Язык ма, СКД 172)

2. Глагольно-именные лексические комплексы

Глагольно-именные ЛК имеют две разновидности. Первый тип – это глагольно-объектные ЛК. Это характерные для изолирующих языков ареала Восточной и Юго-Восточной Азии единицы номинации со структурой «глагол + имя», где имя обозначает участника ситуации, который не является аргументом, т. е. не имеет синтаксической роли. В [Падучева, 2004] такой участник ситуации называется инкорпорированным актантом. Однако в отличие от русского языка, где инкорпорированный актант не имеет выражения в поверхностной структуре предложения, в языках типа ма такой актант может быть экскорпорирован, т. е. вынесен на поверхностный уровень в составе ЛК. Например: *hìr dàʔ* ‘хотеть пить’, букв. ‘хотеть пить – вода’ [Язык ма, РЕЧ 139]; *səm sənəm* ‘лечиться’, букв. ‘лечиться – лекарство’ [Язык ма, РЕЧ 56]; *lɒ̀t gùŋ* ‘уезжать’, букв. ‘идти – дорога’ [Язык ма, РЕЧ 143]; *bə̀bər naw* ‘рассказывать’, ‘букв. рассказывать – рассказ’ [Язык ма, РЕЧ 173]; *sram sraʔ* ‘учиться’, букв. ‘учиться – бумага’ [Язык ма, КЛФ 74]; *ʔɒ̀r sre* ‘пахать’, букв. ‘пахать – поле’ [Язык ма, КЛФ 79].

Другой тип глагольно-именных ЛК – это такие, в которых имя указывает на «сферу действия» признака, названного в глаголе. Например: *chə̀ bùʔ tùr* ‘веселый’, букв. ‘веселый – характер’ (*bùʔ tùr* ‘характер’)’ [Язык ма, РЕЧ 172]. Д. И. Еловков отмечает аналогичный структурно-семантический тип ЛК в кхмерском языке, в котором выступает существительное *cət* ‘сердце, душа’ [Еловков, 2006, с. 124], например: *sɒpba:j cət* ‘радоваться’, букв. ‘веселый – сердце’.

3. Глагольные лексические комплексы

Среди ЛК разных типов самым распространенным является глагольный ЛК. Этот тип языковых единиц в лингвистической традиции исследования изолирующих языков Восточной и Юго-Восточной Азии относят к сложным словам, образованным по копулятивной модели. Однако термин «копулятивный» не отражает тип связи между компонентами комплекса. Между компонентами глагольных ЛК синтаксическая связь отсутствует, а семантическая связь сводится к тому, что каждый из них вносит свой вклад в семантическую структуру всего комплекса, обеспечивая пути семантической деривации исходной монокомпонентной номинации. В рамках глагольного лексического комплекса решается задача создания насколько можно более полной и адекватной концептуализации описываемой ситуации[3]. Некоторые типы семантической связи между компонентами комплекса отмечаются с той или иной степенью регулярности. Это имеет место в результативных ЛК, которые распространены в изолирующих языках Азии, или агентивных ЛК, которые отмечаются в языке ма. При этом результативные ЛК могут не быть регулярными в плане выражения, когда в позиции результативного компонента выступают

---

[3] О концептуализации ситуации, которая осуществляется при помощи глагольной лексемы, говорится в [Падучева, 2004, с. 52]: «Глагольная лексема, будучи употреблена в высказывании, описывает некую ситуацию. Тем самым лексема (или говорящий с помощью данной лексемы) концептуализирует определенный фрагмент внеязыковой действительности, сопоставляя ему нечто, что можно назвать “концепт ситуации”, и этот концепт включает определенный набор участников».

разные глаголы[4]. В агентивных ЛК языка ма выступает один глагол – *lə̀* ‘делать’[5]. Примеры глагольных ЛК:

par ləʔ lə̀n ‘кружиться, парить’ (букв. ‘летать – проноситься – асем.’) [Язык ма, РЕЧ 38], в качестве компонентов ЛК в данном случае выступают *par* и повтор *ləʔ lə̀n*; *də̀s chòʔ* ‘петь’ (букв. ‘говорить – петь’) [Язык ма, КЛФ 55]; *tam hɒ̀n* ‘выращивать’ (букв. ‘сажать – подниматься’) [Язык ма, РЕЧ 163]; *cheŋ ri* ‘приносить’ (букв. ‘нести – возвращаться’) [Язык ма, КЛФ 131]; *khəm ŋɒ* ‘темнеть’ (букв. ‘близится – темный’) [Язык ма, СКД 47]; *drà waʔ* ‘приятный (о голосе)’ (букв. ‘легкий – слушать’); *gɒʔ dal dal* ‘знакомый’ (букв. ‘видеть – знакомый – знакомый’) [Язык ма, РЕЧ 166].

ЛК могут быть как единицами устойчивыми, воспроизводимыми, так и легко порождаться в речи. Благодаря специфическим свойствам этой единицы, в первую очередь, таким, как отсутствие фиксированного типа синтаксической или семантической связи и парадигматическая и синтагматическая неустойчивость, ЛК могут переходить в разряд многосложных слов и идиоматических словосочетаний.

Калькирование ЛК вьетнамского языка. В некоторых случаях можно предполагать, что ЛК калькируется с вьетнамского языка. Примеры: ма *kà rəngal gù* ‘прийти в себя’, букв. ‘просыпаться – просыпаться – вставать’ [Язык ма, СЛЖ 10] – вьет. *hồi tỉnh được*, букв. ‘возвращаться к жизни – пробудиться, очнуться – REZ’; ма *dəŋ kɒl* ‘помогать’, букв. ‘помогать – помогать, поддерживать (служить опорой’ [Язык ма, СЛЖ 9] – вьет. *giúp đỡ*, букв. ‘помогать’, букв. ‘помогать – помогать, поддерживать, подпирать’; ма *ŋac məhar* ‘быстро’, букв. ‘быстро – быстро, скоро’ [Язык ма, СКД 8] – вьет. *nhanh chóng* ‘быстро’, букв. ‘быстрый – быстро, скоро’.

Калькирование с вьетнамского языка не является чисто механическим. Например, в предложении ‘*Они быстро поднялись на холм и еще быстрее спустились с него*’ [Язык ма, СКД 8] во вьетнамском предложении, чтобы избежать повтора ЛК со значением ‘быстро’, используется техника редукции комплекса: *nhanh chóng* → *nhanh* ‘быстро’, а в языке ма – техника перестановки компонентов комплекса: *ŋac məhar* → *məhar ŋac*.

Редукция ЛК. В речи многие типы ЛК регулярно подвергаются редукции. Это часто связано с коммуникативной структурой предложения. Сравним предложения:

(4)	*kɒ̀n*	*mèw*	*lè*	***gè***	***cì***	***tuj***
	CLF	кошка	PRF	иметь+	хватать= захватить	получать(ся); REZ
	kɒ̀n	*dej*				
	CLF	мышь				

‘Кошка поймала мышь’, вьет. ‘Con mèo **vồ được** con chuột’ [Язык ма, ПРП 86]

(4a)	*kɒ̀n*	*dej*	*lè*	*di*	*kɒ̀n*	*mèw*	***cì***
	CLF	мышь	PRF	подвергаться; PASS	CLF	кошка	хватать

‘Мышь была поймана кошкой’; вьет. ‘Con chuột bị con mèo **vồ**’ [Язык ма, ПРП 87]

В ПРП 87 и во вьетнамском предложении, и в предложении на языке ма ЛК подвергается редукции, т. к. с изменением диатезы изменяется коммуникативная структура. Устраняются результативные компоненты и компонент, выражающий обладание: вьет. *vồ được* (букв. ‘ловить – получать; REZ’) → *vồ*, ма *gè ci tuj* → *ci*. Возможность редукции лексических комплексов – это их важное свойство. В данном случае редукция происходит потому, что фокус смещается на субъектную составляющую, и смысловые компоненты «результат» и «обладание» переходят в разряд презумптивных.

[4] Такая ситуация имеет место в языке ксингмул, где в результативных комплексах со значением завершенности выступают разные глаголы. Все они выражают значение результата действия, но каждый по-своему конкретизирует способ его достижения. Информанты часто при повторе одного и того же предложения заменяют один результативный глагол на другой [Погибенко, Буй Кхань Тхе, 1990, с. 34].

[5] О семантической деривации агентивации и деагентивации, например, говорится в [Падучева, 2004, с. 249, 32].

В следующем примере результативные компоненты лексических комплексов подвергаются редукции, по причине того, что фокус сдвигается со сказуемого на ИГ$_{\text{ИНСТР}}$, и смысловой компонент «результат» становится презумпцией.

(5)	*kɒ̀n*	*ndrùʔ*	*dam*	*lè*	*di*	***srəp***	***chət***	*ŋaj*	*bɒ̀r*
	CLF	бык, корова	MSC	PRF	PASS	колоть	умирать	день	вчера

‘Этот бык был заколот вчера’ [Язык ма, ПРП 95]

(5a)	*kɒ̀n*	*ndrùʔ*	*dam*	*lè*	*di*	***srəp***	*ʔaj*	*pìs*
	CLF	бык, корова	MSC	PRF	PASS	колоть	брать; INSTR	нож

‘Этот бык был заколот ножом’ (Язык ма, ПРП 96)

Редукция ЛК в речи, равно как и отсутствие редукции, может служить весьма тонким инструментом нюансировки смыслов высказывания, инструментом, который говорящий использует для решения конкретных коммуникативных задач, возникающих в конкретной речевой ситуации и соотносящихся с миром говорящего. Чтобы убедиться в этом, сравним предикаты в предложениях СКД 74 и СКД 75.

(6)

СКД 74

Она велела им вымыть посуду, а они ***разбили*** *две миски*

вьет.

đánh	*vỡ*	*mất*
бить	бить(ся)	пропадать; REZ

ма

lə	*cà*
делать; CAUS	разбиваться

СКД 75

Две миски ***разбились*** *из-за них*

вьет.

bị	*vỡ*
PASS	биться

ма

cà	*rəlɒt*
разбиваться	пропадать; REZ

В этих предложениях состав ЛК подвергается редукции, но эти изменения во вьетнамском и ма асимметричны. Вьетнамские предложения правильно и стандартно отражают фокусировку: в СКД 74 результат в фокусе, в СКД 75 – фокус смещается на агенса. В предложении на языке ма в СКД 75 информант концептуализирует ситуацию таким образом, что результат остается в фокусе. Видимо, в его иерархии ценностей разбитая чашка важнее, нежели ответ на вопрос, кто ее разбил.

В ЛК перемещения в пространстве редукции может подвергаться компонент, обозначающий способ передвижения. В предложении ПРП 117а вьетнамскому ЛК *đi vào* ‘входить’ (букв. ‘идти – входить’) в ма соответствует *lɒ̀t mut*, где первый компонент факультативен. В ПРП 117а, Т ЛК редуцируется за счет устранения компонента, выражающего способ передвижения:

(7)	*məj*	**[*lɒ̀t*]**	***mut***	*cəlduʔ*	*ti*	*cèɲ*	*kùm*	*piəŋ*
	мать	идти	входить	комната	рука	держать	пиала	рис

‘В комнату вошла женщина, держа в руках пиалу с рисом’, вьет. ‘Mẹ **đi vào** phòng tay bưng bát cơm’ [Язык ма, ПРП 117а]

(7a)	*cəlduʔ*	***mut***	*dul*	*naʔ*	*caw*	*ʔur*
	комната	входить	один	CLF	CLF	женщина

‘В комнату вошла женщина’ [Язык ма, ПРП 117а, Т]

Последнее предложение получено как трансформация предыдущего посредством выноса ИГ$_{\text{ЛОК}}$ в начало. При этом информант счел необходимым сделать существенные изменения. Во-первых, он изменил референциальные свойства ИГ$_{\text{СУБ}}$, он считает, что в случае выноса ИГ$_{\text{ЛОК}}$ в начало невозможно использовать ИГ$_{\text{СУБ}}$ «мать». Во-вторых, он

редуцировал ЛК *lòt mut → mut*. В третьих, информант считает, что зависимая предикация *ti cèɲ kùm piəŋ* не может быть сохранена. Можно предполагать, что все эти изменения связаны с изменением коммуникативной структуры. В предложении с $\text{ИГ}_{\text{ЛОК}}$ в начале субъектная составляющая находится в реме, поэтому здесь востребована интродуктивная форма $\text{ИГ}_{\text{СУБ}}$ – с числительным «один» и классификатором. Редукция ЛК также связана с изменением в коммуникативной структуре – рематическим сдвигом на $\text{ИГ}_{\text{СУБ}}$, который, с одной стороны, требует оформления $\text{ИГ}_{\text{СУБ}}$ как интродуктивной составляющей, а, с другой – вызывает редукцию состава сказуемого, выраженного ЛК. С изменением в коммуникативной структуре связано и преобразование по линии зависимой предикации: оно ликвидирует вторую рему. Как видно на этом предложении, требования, предъявляемые в языке ма к хорошей оформленности предложения со стороны коммуникативной структуры, однозначные и логичные.

4. Результативные лексические комплексы

Результативный ЛК допускает инкорпорацию $\text{ИГ}_{\text{ОБ}}$ и модификатора ЛК. В следующем предложении в результативный ЛК *lə̀ gə̀s* 'выполнить' инкорпорирована $\text{ИГ}_{\text{ОБ}}$ *brwaʔ* и модификатор *gə̀ɲ*:

(8)	*ndaŋ*	*ràʔ*	*caw*	*ndaŋ*	***lə̀***	*brwaʔ*
	более	многочисленный	человек	более	делать	работа
	gə̀ɲ	***gə̀s***				
	быстрый	заканчивать; REZ				

'Чем больше людей, тем скорее можно будет выполнить работу' [Язык ма, СЛЖ 32]

В качестве результативного компонента могут выступать разные глаголы. Каждый из них имеет свой оттенок значения. Например, *ɟəʔ* 'кончаться' выражает результат как исчерпанность.

(9)	*təl*	*lòŋ*	*lè*	*gə*	***sà***[3]
	все	дрова	PRF	3SG INACT +	есть = сгорать
	ɟəʔ		*gam*	*bù*	*ləm*
	кончаться; REZ		оставаться	пепел	только

'Все дрова сгорели, осталась зола' [Язык ма, СКД 25]

blò выражает результат как достижение, он выступает в конце клаузы.

(10)	*ʔùj*	*ʔòʔ*	*sù*	*[lè]*	*gə*	*ndraɲ*	*[blò]*
	одеяло	NEG	мокрый	PRF	3SG	сухой	REZ

'Одеяло не мокрое, оно уже совсем сухое' [Язык ма, СКД 40]

В языке ма, как и в других МК языках, распространены результативные ЛК со вторыми компонентами, обозначающими уничтожение, исчезновение и т. д. Примеры: *par riət* 'улететь', букв. 'лететь – исчезать, пропадать' [Язык ма, ПРП 143б]; *ʔaj ɟəʔ (bùʔ tùr)* 'отдать (жизнь)', букв. 'давать – кончаться – голова – уши') [Язык ма, СЛЖ 38].

В языке мы есть и другие типы глагольных ЛК, например, ЛК движения и перемещения, ЛК иррационального действия, синонимические ЛК.

Сокращения и условные обозначения / Abbreviations and conventions

АА	австроазиатские (языки)
анг.	ангкорский
вьет.	вьетнамский
ДКМ	древнекхмерский
K	корпус пронумерованных надписей Камбоджи (Inscriptions du Cambodge, vol. II–VIII. Hanoi, Paris, 1942–1966)
кхмер.	кхмерский
ЛК	лексический комплекс
КЛФ	анкета «Классификаторы»
ПРВ	анкета «Первичная»
пре-ангк.	пре-ангкорский
ПРП	анкета «Простое предложение»
РЕЧ	анкета «Части речи»
СКД	анкета «Сказуемое – дополнение»
СЛЖ	анкета «Сложное предложение»
МК	мон-кхмерские (языки)
ANT	предшествование
asem.	асемантичный
CAUS	каузатив
COMPL	комплетив
DUR	дуратив
ECHO	«эхо» форма
FIN	финитность
FREQ	фреквентатив
IMP(ER)	императив
INSTR	инструмент
ITR	интранзитив
MSC	мужской пол
NPST	непрошедшее время
PASS	пассив
PL	множественное число
PRF	перфектив
PROG	прогрессив
PST	прошедшее время
REZ	результатив
SG	единственное число
TAM	показатели времени, вида, модальности
TR	транзитив
< >	пропуск в тексте
–	(«тире») граница переводных компонентов при глоссировании
-	(«дефис») морфемная граница при глоссировании
=	граница клитики при глоссировании
.	пробел между словами при глоссировании одного компонента

Литература / References

Арутюнова Н. Д. *Предложение и его смысл.* М., 2007 [Arutiunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl.* Moscow, 2007].

Еловков Д. И. *Структура кхмерского языка. Фонетика. Фонология. Грамматика. Лексика. Семантика.* СПб., 2006 [Elovkov D. I. *Struktura khmerskogo iazyka. Fonetika. Fonologiia. Grammatika. Leksika. Semantika.* Saint-Petersburg, 2006].

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. *Аспекты теории фразеологии.* М., 2008 [Baranov A. N., Dobrovolski D. O. *Aspekty teorii frazeologii.* Moscow, 2008].

Золотова Г. А, Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка.* М., 1998 [Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka.* Moscow, 1998].

КРС – Горгониев Ю. А. *Кхмерско-русский словарь.* М., 1984 [Gorgoniev Yu. A. *Khmersko-russkii slovar'.* Moscow, 1984].

НОСС – *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.* М., Вена, 2004 [*Novyi ob'iasnitelnyi slovar' sinonimov russkogo iazyka.* Moscow, Vienna, 2004].

Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики.* М., 2004 [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki.* Moscow, 2004].

Плунгян В. А. Общая морфология. М., 2000 [Plungian V. A. *Obschaia morfologiia.* Moscow, 2000].

Погибенко Т. Г., Буй Кхань Тхе. Язык ксингмул. Лингвистический очерк // *Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года.* М., 1990 [Pogibenko T. G., Bui Khan' The. Iazyk Ksingmul. Lingvisticheskii ocherk // *Materialy sovetsko-v'etnamskoi lingvisticheskoi 'ekspeditsii 1979 goda.* Moscow, 1990].

Язык ксингмул – *Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года.* М., 1990 [*Materialy sovetsko-v'etnamskoi lingvisticheskoi ekspeditsii 1979 goda. Iazyk Ksingmul.* Moscow, 1990].

Язык ма – Погибенко Т. Г., Ефимов А. Ю. *Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Язык ма.* (Рукопись) [Pogibenko T. G., Efimov A. Yu. *Materialy sovetsko-v'etnamskoi lingvisticheskoi 'ekspeditsii. Iazyk Ma.* (Manuscript)].

Язык рук – *Материалы российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Язык рук.* М., 2001 [*Materialy rossiisko-v'etnamskoi lingvisticheskoi 'ekspeditsii. Iazyk Ruk.* Moscow, 2001].

Anderson Gr., Zide N. Issues in proto-Munda and proto-Austroasiatic nominal derivation: the bimoraic constraint // Marlys F. Macken (ed.). *Papers from the 10th Annual Meeting of the Southeast Asian Linguistics Society.* Arizona, 2002. Pp. 55–74.

Anderson Gr. *The Munda verb.* Berlin, New York, 2007.

Diffloth G. *The Dvaravati Old Mon and Nyah Kur.* Chulalongkorn, 1984.

Grierson, G. *Linguistic Survey of India. Vol. IV: Munda and Dravidian.* Calcutta, 1906.

Huffman Fr. *Modern Spoken Cambodian.* New Haven, 1970.

Starosta S. Sora combining forms and pseudo-compounding // *Mon-Khmer Studies XVIII–XIX.* Mahidol University, 1992. Pp. 78–105.

Zide A. Nominal combining forms in Sora and Gorum // Jenner P., Thompson L. Starosta S. (eds.). *Austroasiatic studies.* Honolulu, 1976. Pp. 1259–1294.

Whitehead G. *Dictionary of the Car-Nicobarese language.* New Delhi, Madras, 1993.

МОРФОСИНТАКСИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ СИНО-КОРЕЙСКОЙ ЛЕКСИКИ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Е. Л. Рудницкая, С.-Г. Хван*

В данной статье рассматриваются два ряда числительных в корейском языке – исконно корейские и сино-корейские. Анализируются морфологические свойства обоих типов числительных, а также возможность употребления сино-корейских числительных в разных числовых конструкциях корейского языка. Особое внимание уделяется выражению аппроксимативности (приблизительности) в конструкциях с исконно корейскими и сино-корейскими числительными и формальному представлению конструкций с семантикой аппроксимативности с учетом морфологических различий между этими двумя типами числительных.

Ключевые слова: числительное, числовая конструкция, категория аппроксимативности, корейский язык, исконно корейские и сино-корейские числительные, формальное представление конструкции.

MORPHOLOGICAL AND SYNTACTIC ADAPTATION OF SINO-KOREAN WORDS IN KOREAN WITH SPECIAL REFERENCE TO NUMERALS

Elena L. Rudnitskaya, Seo-Kyoung Hwang

We consider two rows of numerals in Korean – Native Korean and Sino-Korean numerals. Morphological properties of both types of numerals are compared; restrictions on the use of Sino-Korean numerals in various numeral constructions in Korean are outlined. We focus on numeral constructions with the meaning of approximate quantity (‘approximately’, ‘around’) in numeral expressions with Native Korean vs. Sino-Korean numerals, and on the formal representation of approximate numeral constructions taking into account morphological distinction between Native Korean and Sino-Korean numerals.

Keywords: numeral, numeral construction, the category of approximation, Korean, Native Korean and Sino-Korean numerals, formal representation of a construction.

В лексике корейского языка много заимствованных слов, причем основная доля заимствований, особенно до XIX в., происходит из китайского языка. Особенно много китайских заимствований – существительных [Ли и др., 2005, с. 179]. Китаизмы, которые чаще обозначаются термином «сино-корейская лексика», используются не только в письменной, но и в устной речи, хотя они проникли в корейский язык в основном через письменную речь [Ли и др., 2005, с. 181–182]. К сино-корейской лексике относятся слова, связанные с материальной и духовной культурой, такие как *mek* ‘тушь’, *sangchwu* ‘листовой салат’, *tongnyang* ‘сбор подаяния (буддийским монахом)’, *puche* ‘Будда’, а также многие самые употребительные слова, такие как *kongpu* ‘учеба, занятия’, *chayk* ‘книга’,

* Елена Леонидовна РУДНИЦКАЯ, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; erudnitskaya@gmail.com
Elena L. RUDNITSKAYA, DSc (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; erudnitskaya@gmail.com
Соген ХВАН, PhD, преподаватель Отделения русского языка и литературы, университет Ёнсе, Сеул, Корея; yellosk@gmail.com
Seo-Kyoung HWANG, PhD, teacher at the Department of Russian Language and Literature, Yonsei University, Korea, yellosk@gmail.com
** Данная статья основана на докладе 23 марта 2016 г. в Отделе языков народов Азии и Африки (ИВ РАН, Москва). Выражаем благодарность З. М. Шаляпиной и другим участникам семинара: Ю. А. Ландеру и Е. С. Логуновой за полезные комментарии, а также М. Б. Рукодельниковой и Ли Тао за предоставленные китайские примеры.

cimsung 'звери, животные', *kental* 'лодырь, бродяга'. В связи с фонетическими изменениями при заимствовании, происхождение некоторых слов не до конца установлено – возможно, они являются китаизмами, но это окончательно не доказано.

Как и в японском языке, в корейском есть два ряда числительных – исконно корейские (NK) и сино-корейские (SK) числительные (*табл. 1*).

Табл. 1. Два ряда числительных (исконно корейские и сино-корейские) (по материалам грамматики [Martin, 1992, p. 176–179], на основе таблицы из работы [Рудницкая, Хван, 2010])

Происхождение числительных	*Исконно корейские [NK]*	*Сино-корейские [SK]*
Морфологические типы числительных/ типы наречий		
Простые / количественные 'ENUM' (или «предметная форма», по [Холодович, 1954, с. 70])	***hana*** 'один', ***twul*** 'два', ***seys*** 'три', ***neys*** 'четыре'... *sumul* 'двадцать'… (только до ста, далее во всех случаях используются сино-корейские числительные)	*il* 'один', *i* / *yang* 'два', *sam* 'три'... *sip* 'десять'… *payk* 'сто'
«Адноминальные 'ADN' числительные», по [Nam, Ko, 2004]	***han*** 'один', ***twu*** 'два', ***sey*** 'три', **ney** 'четыре'…, ***sumul*** 'двадцать' (для числительных от одного до четырех и для двадцати образуется от количественных усечением последнего звука (*-a*, *-s*, *-l*); у остальных обе формы совпадают)	—
Аппроксимативные 'APPR'	(1) *twue(s)* 'примерно два', 'около двух', *nete(s)* 'примерно четыре-пять', 'около четырех или пяти' (непродуктивная модель, только от числительных до десяти) (2) *han-twu* 'один-два', *sey-ney* 'три-четыре', *twu-se-ne* 'два-три-четыре'… (та же модель, что у сино-корейских числительных, только до десяти)	*il-i* 'один или два', *i-sam* 'два или три' *isip-samsip* '20-30'
Аппроксимативно-избыточные 'Excess'	*ye-namun* 'немногим более десяти', *sumu-namun* 'немногим больше двадцати' (модель сильно лексикализована; *yenamun* (*ye-namun*) употребляется активно, *sumunamun* и другие формы от тридцати, сорока и более употребляются редко; они встречаются преимущественно в письменных текстах. Поскольку формы на *-namun* образуются не от всех числительных, обозначающих десятки, и сильно лексикализованы, есть достаточные основания считать аффикс *-namum* словообразовательным)	*sip-ye* 'десять с небольшим'/ 'более десяти'; *payk-ye* 'сто с небольшим'/ 'более ста' (образуются начиная с десяти, обычно от больших и круглых чисел)
Порядковые 'ORD'	*seys-ccay* 'третий', *ilkop-ccay* 'седьмой'	*cey-isip* 'двадцатый'

Из *табл. 1* видны важные сходства и отличия между исконно корейскими числительными и сино-корейскими числительными. С одной стороны, типы числительных в основном совпадают в обоих рядах: простые, аппроксимативные, аппроксимативно-избыточные, порядковые. С другой, морфологические характеристики исконно корейских и сино-корейских числительных не совпадают. Так, у исконно корейских числительных есть две формы – простая («предметная» 'ENUM') и адноминальная (атрибутивная 'ADN'). Первая,

в отличие от второй, может употребляться изолированно, подвергаться словоизменению и словообразованию.

В примерах (1а-б) показана невозможность присоединения падежного показателя к адноминальной форме и возможность его присоединения к классификатору. Из примера (1в) видно, что форма порядкового числительного образуется от простой («предметной»), а не адноминальной формы исконно корейского числительного. В примере (1г) показано, что простая («предметная») форма употребляется без сопровождающего существительного или классификатора, может присоединять падежные показатели и приблизительно соответствует русскому собирательному числительному.

(1) а. *sey-lul haksayng // myeng
три.ADN[NK]-ACC студент // CLF
«Трех студентов»

б. √[**sey** haksayng // myeng]-ul
три.ADN[NK] студент // CLF-ACC
«Трех студентов»

в. √**seys**-ccay // *sey-ccay
три.ENUM[NK]-ORD // три.ADN[NK]-ORD
«Третий»

г. √**seys**-ul (*haksayng // myeng)
три.ENUM[NK]-ACC студент // CLF
«Трех» // «Троих из них» (ср. (3г))

Числительные сино-корейского происхождения употребляются вместе с показателями падежей при математических расчетах (пример (2)), и они возможны в конструкции с классификатором, как и исконно корейские, см. ниже (3а-б) и (4а-б). Их нельзя использовать при счете предметов без классификатора в моделях (3в-г) – ср. (4в-г). Такой результат кажется естественным, потому что при счете числительных в китайском языке используются классификаторы [Simpson, 2005] (хотя китайская конструкция с классификатором устроена немного по-другому).

(2) sam-ey sa-lul kaha-myen
три[SK]-LOC четыре[SK]-ACC прибавить-CVB.COND
tap-i chil-i-o
ответ-NOM семь[SK]-быть-POL
«Если прибавить к трем четыре, получится семь» [Холодович, 1954, с. 71].

Сино-корейские [SK] числительные могут присоединять словообразовательные суффиксы и префиксы при образовании аппроксимативно-избыточной формы и порядковой формы, а для исконно-корейских (NK) числительных возможен только суффиксальный способ образования, причем только для полных («предметных») но не для адноминальных (см. *табл. 1* и (1в)). Таким образом, нельзя говорить о морфологической ассимиляции сино-корейских числительных, но можно предположить, что произошла частичная ассимиляция сино-корейских числительных к корейским числовым конструкциям с классификатором.

Согласно [Ли и др., 2005, с. 131–132], при счете небольшого количества предметов используются исконно корейские числительные, а при упоминании большого количества объектов – сино-корейские. При математических расчетах чаще употребляются сино-корейские числительные (см. (2)), хотя может употребляться и простая 'ENUM' («предметная») форма исконно корейских числительных (*табл. 1*). В практической грамматике корейского языка [Yeon, Brown, 2011, p. 89–92] содержатся сложные правила использования исконно корейских и сино-корейских числительных для указания на время (месяц, неделя, день, год, дата, возраст), так что в одних случаях предпочтительно

употребление сино-корейских числительных, а в других – исконно корейских. Можно предположить, что сино-корейские числительные хотя бы в определенных сферах употребления ассимилировалась в корейском языке.

И.-С. Ли, С.-О. Ли и В. Чхэ делают похожий вывод исходя из того, что при счете в конструкции с классификатором исконно корейские числительные сочетаются с классификаторами китайского происхождения [Ли и др., 2005, с. 132]. Многие самые часто употребляемые классификаторы, которые возможны с обоими типами числительных, такие как *myeng* ‘человек.CLF’, *kay* ‘штука.CLF’, *kwen* ‘том.CLF’ – китайского происхождения. Однако сочетаемость напрямую не связана с морфосинтаксисом.

Далее будет показано, что сино-корейские числительные практически полностью сохраняют собственные морфологические свойства, только частично ассимилируясь при употреблении в конструкции с классификатором, и это оказывает серьезное влияние на синтаксис числовых конструкций.

Сино-корейские числительные в корейских числовых конструкциях

В данном пункте рассматриваются основные четыре модели, в которых употребляются корейские числительные при счете предметов. Наиболее нейтральная из этих конструкций – (3б). Конструкция (3а) свойственна в большей степени письменной речи, и у имени, подвергающемся квантификации, допустим только определенный денотативный статус. Как видно из (3в-г), исконно корейские адноминальные (3в) и простые («предметные») (3г) числительные могут употребляться для счета предметов без классификатора[1].

Сино-корейские числительные употребляются только в конструкциях с классификатором (4а-б), хотя сочетаются не со всеми классификаторами (сочетаемость классификатора с числительным индивидуальна).

(3) а. [**sey** **kwen**]-uy chayk(-ul)
три.ADN[NK] CLF-GEN книга(-ACC)

«Три книги»

б. chayk [**sey** **kwen**](-ul)
книга три.ADN[NK] CLF(-ACC)

«Три книги»

в. [**sey** haksayng] (***myeng**)
три.ADN[NK] студент (*CLF)
«Три студента»

г. haksayng **seys**(-ul) (***myeng**)
студент три.ENUM[NK](-ACC) (*CLF)
«Троих (из) студентов» (партитивная интерпретация не обязательна)

(4) а. [**isip** **myeng**]-uy haksayng(-ul)
двадцать[SK] CLF-GEN студент(-ACC)
«Двадцать студентов»

б. haksayng [**isip** **myeng**](-ul)
студент двадцать[SK] CLF(-ACC)
«Двадцать студентов»

---

[1] Как замечают авторы грамматик [Sohn, 1999; Ли и др., 2005], эти две модели имеют определенные ограничения. Модель (3в) несколько устарела и в современном языке возможна только с закрытым классом имен. Возможно, это одна из причин того, что она не употребляется с сино-корейскими числительными (см. сноску 8). Модель (3г) употребляется регулярно, но в основном в письменном тексте (как и (3а)), и кроме того, допускает только партитивную интерпретацию (см. перевод).

в.	*[*]* **isip**	haksayng
	двадцать[SK]	студент

подр.: «Двадцать студентов»

г.	*haksayng	**isip**(-ul)
	студент	двадцать[SK](-ACC)

подр.: «Двадцать из студентов»

Некоторые языки с классификаторами, например, китайский [Rullmann, You, 2003; Simpson, 2005] или бенгальский [Chacón 2011], допускают сочетание классификатора с существительным без числительного (то есть с опущением числительного ‘один’):

(5)	а.	Zuotian	wo	mai	le	**shu**
		вчера	я	купить	ASP	книга

«Вчера я купил (одну или более) книгу» [Rullmann, You, 2003].

б.	Zuotian	wo	mai	le	[**(yi)**	[**ben**	**shu**]]
	вчера	я	купить	ASP	(один)	CLF	книга

«Вчера я купил (одну) книгу» [индивидуализирующая функция CLF] [Rullmann, You, 2003].

В корейском (и японском) языке группа числительного и классификатора в (3а-б) и (4а-б) в поверхностном синтаксисе – [Num+CLF] – одно целое, ее нельзя разорвать [Watanabe, 2010, p. 42; Nomoto, 2013, p. 150] и др. Ср. аффикс *-uy* (GEN) в (3а) или *-ul* (ACC) в (3б), которые, присоединяясь к CLF (*kwen*), являются фразовыми (или групповой флексией) и синтаксически относятся к составляющим, а не к отдельным словам: [Num+CLF] /[*sey kwen*]. В (6а) видно, что ненулевое NP_{LEX} (смысловое существительное) нельзя вставить между Num и CLF, а в (6б) – что нельзя удалить Num.

В (6в) показано, что NP_{LEX} может опускаться; *maykcwu* ‘пиво’ в (6г) может топикализоваться. Эти примеры говорят о большей независимости NP_{LEX} от группы [Num + CLF] в модели (3б), чем в модели (3а)[2].

(6)	а.	*Sey	**chayk**	kwen
		три.ADN[NK]	книга	CLF

«Три книги»

б.	***Chayk**	kwen	//	*kwen	**chayk**
	книга	CLF	//	CLF	книга

«Одна книга» // «Книга» [+DEF]

в.	√[Sampayk	myeng]-i	moi-ess-ta
	триста[SK]	CLF-NOM	собраться-PST-DECL

«Триста (человек) собрались» [на концерте]

---

[2]Можно также привести примеры (i-а) и (i-б). Из них видно, что наречия // атрибутивные слова, обозначающие приблизительность, могут стоять после NP_{LEX} в модели (3б), в то время как в (3а) [Num+CLF(+GEN)+NP_{LEX}] не разрывается.

(i)	а.	**(√taylyak**	**//**	**√yak)**	[yel
		приблизительно.ADV	//	приблизительно.ADN	десять[NK]

(*taylyak/*yak)	(*taylyak/*yak)	kwen-uy
прибл.ADV/прибл.ADN	прибл.ADV/прибл.ADN	CLF-GEN
(*taylyak/*yak)	chayk]	(*taylyak/*yak)
прибл.ADV/прибл.ADN	книга	прибл.ADV/прибл.ADN

«Приблизительно десять книг» [модель (3а)]

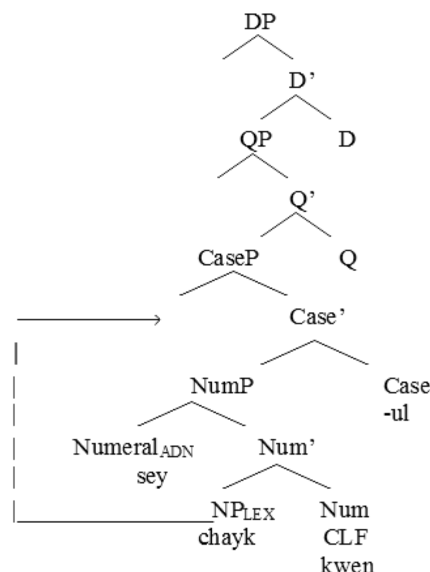
б.	**(√taylyak**	**//**	**√yak)**	[chayk	**(√taylyak**	**//**	**√yak)**
	приблизительно.ADV		приблизительно.ADN	книга	прибл.ADV		прибл.ADN
	yel	kwen]					
	десять[NK]	CLF					

«Приблизительно десять книг» [модель (3б)]

г. **Maykcwu-lul**$_1$ Con-i [t$_1$ **sey**
пиво-ACC Иван-NOM три.ADN[NK]
pyeng-ul] masi-ess-ta
CLF-ACC пить-PST-DECL
«Пива Иван выпил три бутылки[3]» [Ko, 2005, p. 32]

Формальный анализ для конструкций (3а-б) строится с учетом их перечисленных характеристик. Этот анализ (7) основан на работах [Simpson, 2005, p. 821–822; Watanabe, 2010, p. 42; Nomoto, 2013, p. 151]. Также предлагается анализ (9) для (3г).

(7) (для (3а-б))

В схеме (7) представлена конструкция с классификатором. Поскольку в этой конструкции исконно корейское числительное стоит в адноминальной форме (Numeral$_{ADN}$, *sey*), с фиксированной позицией перед классификатором (который является служебным именем), основными морфологическими признаками, связанными со словоизменением, обладает классификатор CLF. В соответствии с предложением [Nomoto, 2013, p. 151], в вершине фразовой категории NumP стоит классификатор, а само числительное находится в позиции спецификатора SpecNumP. Если исходить из примеров типа (8а-б), кажется, что в этой же позиции может стоять и сино-корейское числительное, ср. (4а-б) и (8а-б).

(8) а. [sumu cang-uy] // [isip cang-uy] congi
двадцать[NK] CLF-GEN // двадцать[SK] CLF-GEN бумага
«Двадцать листов бумаги» [модель (3а)]
б. congi sumu cang // congi isip cang
бумага двадцать[NK] CLF // бумага двадцать[SK] CLF
«Двадцать листов бумаги» [Ли и др., 2005, с. 132] [модель (3б)]

В корейском и японском языках группа с классификатором и без числительного невозможна (ср. (6б)), так что NP$_{LEX}$ в (7) (*chayk*), хотя и порождается как комплемент числительного (Num)[4], поскольку у NP$_{LEX}$ есть признак падежа, в обязательном порядке

[3] Слово *pyeng* в корейском – существительное меры («бутылка, кувшин»), которое может функционировать как классификатор в конструкции с классификатором (см. статью Korean count word // *Wikipedia.* URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Korean_count_word (дата обращения 6.10ю2018) или [Martin, 1992, p. 183]).

[4] Изначальная позиция NP$_{LEX}$ как комплемента Num – это идея A. Watanabe [Watanabe, 2010, p. 42], которая отражает семантическую структуру числового выражения: независимо от того, содержит ли такое выражение классификатор, квантификации подвергается не классификатор, а смысловое существительное. Поэтому смысловое существительное и числительное должны порождаться как одна составляющая. Функцией классификатора является индивидуализация исчисляемых объектов, или деление на дискретные совокупности (*литры молока, мешки соли* и т. д., существительные меры) – для неисчисляемых объектов.

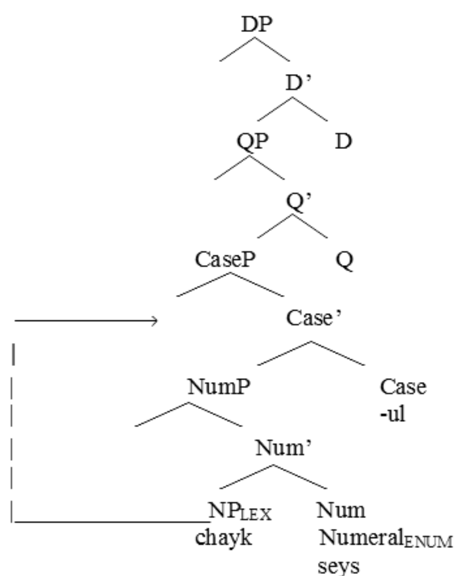
передвигается в спецификатор группы падежа (SpecCaseP[5]), и тогда между Num и CLF нет ненулевых синтаксических узлов; это соответствует структуре числового выражения с классификатором в (3а-б) – [Num_{ADN}+CLF] NP_{LEX} или NP_{LEX} [Num_{ADN}+CLF].

Структура (7) предполагается базовой, но не окончательной для (3а-б). Формальная деривация для (3а-б) следующая [Watanabe, 2010, p. 42–43]. Чтобы получить порядок слов в (3а) ([Num_{ADN}+CLF] NP_{LEX}) из (7), NumP перемещается в SpecQP, таким образом, группа [Num_{ADN}+CLF] предшествует NP_{LEX} (находящейся в SpecCaseP): [$_{SpecQP}$ [Num_{ADN}+CLF] [$_{SpecCaseP}$ NP_{LEX}]]. -*Uy*, хоть мы и глоссируем его как GEN, считается A. Watanabe не падежным показателем, а семантически пустой связкой типа английского *of*, которая при определенных условиях вставляется в поверхностную структуру для связи модификатора и модифицируемого слова, не будучи привязана ни к какой функциональной проекции [Watanabe, 2010, p. 76–77]: [$_{SpecQP}$ [Num_{ADN}+CLF]-uy [$_{SpecCaseP}$$NP_{LEX}$]].

Для получения порядка слов в (3б) схема [$_{SpecQP}$ [Num_{ADN}+CLF] [$_{SpecCaseP}$$NP_{LEX}$]] для (3а) берется как исходная, и CaseP передвигается в SpecDP, а [Num_{ADN}+CLF] остается в SpecQP: [$_{SpecDP}$ [$_{SpecCaseP}$ NP_{LEX}] [$_{SpecQP}$ [Num_{ADN}+CLF]]].

Схема (9) для (3г) отражает морфологические свойства полного («предметного») числительного, которое может подвергаться словообразованию и сочетаться со словоизменительными (падежными) аффиксами. В (9) числительное (Num_{ENUM}, *seys*) стоит в вершине группы числительного без классификатора.

(9) (для (3г))

Если для исконно корейских числительных обе схемы (7) и (9) правильно описывают их морфосинтаксические свойства, то для сино-корейских числительных схема (7) адекватно описывает синтаксическую позицию числительного, но не полностью адекватно его морфологические свойства. Употребляясь в моделях (4а-б), сино-корейское числительное не может сочетаться с падежным аффиксом – см. (15а) ниже, но может сочетаться со словообразовательным аффиксом -*ye* с аппроксимативно-избыточным значением (см. ниже). Оно не может стоять в позиции простого («предметного») исконно корейского числительного перед падежным показателем в конструкции типа (3г) – ср. (4г). Как видно из примера (2), сино-корейское числительное сочетается с падежными окончаниями, как и исконно корейское простое («предметное») числительное. Таким образом, сино-корейское числительное не приобретает ни свойства исконно корейской адноминальной формы, ни свойства простого («предметного») числительного: ему нельзя присвоить ни индекс ADN, ни ENUM. Поэтому использовать схему (7) для конструкции с сино-корейским числительным (которое бы стояло в позиции $Numeral_{ADN}$) не совсем корректно – см. ниже.

[5] Мы используем нотацию CaseP, а не KP, вслед за [Watanabe, 2010; Nomoto, 2013].

Сино-корейские числительные в аппроксимативной числовой конструкции

В работе [Рудницкая, Хван, 2010] подробно рассматриваются слова, частицы, аффиксы, послелоги, которые выражают аппроксимативность (приблизительность) в корейском. Это, во-первых, *yak*, *taylyak*, *han* ‘примерно’ (наречия // атрибутивы), которые выступают в адноминальной функции и могут стоять только перед адноминальным числительным (за исключением конструкции (3б); этот вопрос подробно не рассматривается в рамках данной статьи, см. сноску 1). Во-вторых, используется *-ccum* — частица, которая присоединяется морфологически к классификатору, а синтаксически – к составляющей [Num_{ADN}+CLF] (это фразовая частица, типа *бы* в [*пошел и сказал*] *бы*). Кроме того, используется несколько квази-синонимичных послелогов со значением приблизительности (*cengto*, *namcis*, *kalyang*); по своим морфосинтаксическим свойствам эти послелоги сходны с *-ccum* и подробно рассматриваться не будут. В примерах (10)–(11) показаны контексты употребления *-ccum*. В (10а-г) показана возможность присоединения *-ccum* к конструкциям с числительными по моделям (3а-г) (и (4а-б)), а в (11а-б) – употребление *-ccum* в контекстах, не связанных с числовыми конструкциями[6].

(10) а. [sumu sal-**ccum**-uy]
двадцать.ADN[NK] возраст.CLF[NK]-APPR.PTCL-GEN
nai(*-**ccum**)-ey
возраст-APPR.PTCL-LOC
«Примерно в двадцатилетнем возрасте» [модель (3а)]

а’. [sipo senthi-**ccum**-uy] kongkan(*-**ccum**)
пятнадцать[SK] сантиметр.CLF-APPR.PTCL-GEN пространство-APPR.PTCL
«Пространство (площадью) примерно пятнадцати сантиметров» [модель (3а)]

б. haksayng [sumu // isip myeng]-**ccum-**i
студент двадцать.ADN[NK] // двадцать[SK] CLF[SK]-APPR.PTCL-NOM
«Около двадцати студентов» (сделали домашнее задание) [модель (3б)]

в. *[yel // sip haksayng]-**ccum**
десять.ADN[NK] // десять[SK] студент-APPR.PTCL
подр. «Примерно десять студентов» [модель (3в) невозможна]

г. pongthwu [seys]-**ccum** // *sip-**ccum**
конверт три.ENUM[NK]-APPR.PTCL // три[SK]-APPR.PTCL
«Конвертов приблизительно три штуки» [только с числительными [NK]] [модель (3г)]

(11) а. nayil-**ccum** б. cwungkan-**ccum**
завтра-APPR.PTCL середина-APPR.PTCL
(11а) «Приблизительно завтра» [*nayil* - существительное]; (11б) «Приблизительно в середине»

Сопоставим частицу *-ccum* с сино-корейским аффиксом *-ye*, который образует аппроксимативно-избыточную форму сино-корейского числительного (*табл. 1*). Аффикс *-ye* относится некоторыми грамматиками к словообразовательным [Sohn, 1999, p. 222] (ср. (12а), (12г)), однако это не совсем точно, потому что в сочетаниях, обозначающих промежуток времени, *-ye* может присоединяться не только к числительному (Num-*ye*), но и к названию промежутка времени: [Num+CLF]-*ye*.

В грамматике [Martin, 1992, p. 178–179] и других работах по корейскому языку слова со значением промежутка времени считаются классификаторами особого типа, которые

[6] Как видно из (11а-б), -ccum может присоединяться к некоторым существительным вне числовой конструкции, но не присоединяется к NP_{LEX} *haksayng* ‘студент’ в числовой конструкции без классификатора в (10в). Мы не рассматриваем эту проблему подробно и считаем, что такие ограничения связаны с семантикой *nayil* ‘завтра’ и *cwungkan* ‘середина’, с одной стороны, и *haksayng* ‘студент’ – с другой.

употребляются без NP_{LEX} – параметрического существительного, такого как *nai* 'возраст' и *kongkan* 'пространство' в (10а-а'). Мы рассмотрим последствия этой точки зрения для синтаксического анализа числовых конструкций, а затем коснемся и противоположного мнения: что слова со значением промежутка времени – полнозначные существительные.

С аппроксимативно-избыточной конструкцией возникает несколько проблем. Прежде всего, если придерживаться схемы (7) с неизменяемой адноминальной формой исконно корейского числительного в спецификаторе группы числительного (SpecNumP) и считать, что сино-корейское числительное со словообразовательным аффиксом *-ye* (см. (12а), (12г)) также может стоять в позиции SpecNumP, это числительное, состоящее из двух морфем, нельзя считать адноминальной формой (см. раздел «Сино-корейские числительные в корейских числовых конструкциях» данной статьи). Таким образом, схема (7) должна быть модифицирована для сочетаний с классификатором и сино-корейским числительным по крайней мере в контексте аппроксимативно-избыточной конструкции: сино-корейское числительное должно быть вершиной (Num_1) и образовывать проекцию Num_1P – см. ниже. Кроме того, при схеме [Num+CLF]-*ye* (см. (12б-в)) аффикс *-ye* структурно сходен с некоторыми словообразовательными аффиксами, которые употребляются как фразовые в работе [Yoon, 2010], e. g. *-tap* [N → V] 'подходить, быть похожим на, быть достойным чего-л.'[7]. Согласно [Yoon, 2010], фразовый аффикс порождается в лексиконе как вершина и, в отличие от словообразовательных и словоизменительных аффиксов, присоединяется не к вершине, а к составляющей – ср. определение групповой флексии (другого термина для того же явления) в работе [Плунгян, 1994]. Фразовое употребление *-ye* возможно только в сочетаниях, обозначающих период времени, и *-ye* не может присоединяться к остальным классификаторам (см. (12г))[8]. С моделями (3в-г) *-ye* не сочетается, ср. (12д-е)[9].

---

[7] Ср. пример (i), (переводы -tap взяты из грамматик [Sohn, 1999, p. 229; Yeon, Brown, 2011, p. 438]). Трактовка -ye в (12б-в) как разновидности фразового аффикса коррелирует с тем, что ни -ccum, ни -ye не сочетаются с NPLEX в модели (3в) [Num+NPLEX] – ср. (10в) и (12д). Это значит, что присоединение -ccum или -ye к CLF возможно благодаря тому, что CLF и Num не просто образуют одну синтаксическую составляющую, но входят в одну проекцию NumP и образуют единый семантико-синтаксический комплекс. И -ccum, и -ye присоединяются ко всей составляющей [Num+CLF] как фразовая частица или аффикс.

(i) [Hwullyungha-n / hakca]-tap-key / yenkwu-lul
выдающийся-REL / ученый-быть_как-COMP / исследование-ACC
swi-ci / anh-nun-ta
останавливаться-CVB.NEG / NEG-PRS-DECL

«(Он) продолжает (свои) исследования, как это свойственно (его) репутации выдающегося ученого»

[Yoon, 2010, пример (9а)]

[8] Это ограничение связано с тем, что конструкция с *-ye* – китаизм. Аффикс *-ye*, образующий аппроксимативную форму сино-корейского числительного, – очень давнее заимствование из китайского языка: он имеется уже в словаре средне-корейского языка, с тем же значением, что и в современном языке – информация предоставлена Е. С. Логуновой. Можно предположить, что происхождение *-ye* связано с китайским наречием (*dà*)***yuē*** 'приблизительно'. В аналогичной конструкции из китайского употребляется *duō* как эквивалент *-ye*, *duō* обычно стоит после числительного (i), а в сочетаниях, обозначающих периоды времени – или после слова, обозначающего период времени (ii), или после числительного (iii) – примеры составлены М. Б. Рукодельниковой и Ли Тао.

(i) sānshí **duō** gōnglǐ
тридцать DUŌ километр.CLF

«Больше тридцати километров»

(ii) wǔ nián **duō**
пять год.CLF DUŌ

«Больше пяти лет»

(iii) sānshí **duō** ge yuè
тридцать DUŌ CLF месяц

«Больше тридцати месяцев»

[9] Некоторые носители признают (12д) и даже (4в) маргинально возможными. Это связано с тем, что модель (3в) устарела. В начале XX в. она употреблялась более регулярно, и тогда (4в) и (12д), вероятно, были бы возможны. Однако с тех пор эта модель почти лексикализовалась.

(12) а. [***yel**-**ye** // $^{\surd}$**sip**-**ye** kwen-uy] chayk(-ul)
десять.ADN[NK]-APPR // десять[SK]-APPR том.CLF-GEN книга(-ACC)
«Около десяти книг или немного более» [модель (3а)]

б. $^{\surd}$**isip-ye** pun // $^{\surd}$isip
двадцать[SK]-APPR минута.CLF[SK] // двадцать[SK]
pun-ye
минута.CLF[SK]-APPR
«Около десяти минут или немного более»

в. ***han-ye** sikan // $^{\surd}$han **sikan-ye**
один.ADN[NK]-APPR час.CLF[SK] // один.ADN[NK] час.CLF[SK]-APPR
«Около [одного] часа или немного более»

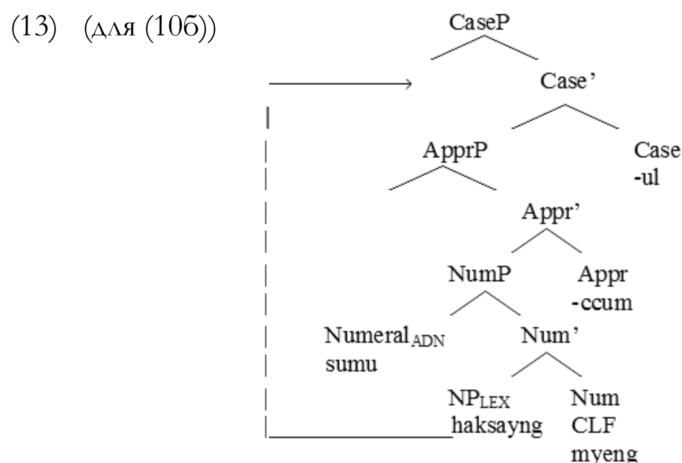
г. $^{\surd}$oleynci **payk-ye** kay **//** oleynci payk **kay**(***-ye**)
апельсин сто[SK]-APPR CLF[SK] // апельсин сто[SK] штука.CLF[SK]-APPR
«Около ста апельсинов или немного более» [модель (3б)]

д. *sip(-**ye)** haksayng(-**ye**)
десять[SK]-APPR студент-APPR
подр.: «Около десяти студентов или немного более» [модель (3в)]

е. *haksayng(-**ye**) sumul(-**ye**)-ul
студент-APPR двадцать.ENUM[NK]-APPR-ACC
подр.: «Около двадцати студентов или немного более» [модель (3г)]

Если учитывать рассмотренный материал, формальная модель типа (7) для числовых конструкций с аппроксимацией требует доработки. Частица *-ccum* проявляет более регулярные свойства, чем *-ye*, всегда присоединяясь к классификатору (или простому («предметному») числительному, ср. (10г)). Поэтому для формального представления конструкции с *-ccum*, по крайней мере, для (10а-б), можно предложить схему (13). В (13) *-ccum* – вершина проекции ApprP, которая доминирует над NumP:

(13) (для (10б))

В схеме для аппроксимативно-избыточной конструкции с *-ye*, в связи с указанными выше соображениями, *-ye* нельзя трактовать как словообразовательный аффикс, и нельзя рассматривать как частицу, аналогичную *-ccum*. Кроме того, *-ye* и *-ccum* могут сочетаться в пределах одной конструкции (14а-б). Когда и *-ye*, и *-ccum* присоединяются к классификатору (примеры (14б), (15г)), грамматичность примера понижается:

(14) а. isip-**ye** pun**-ccum**
двадцать[SK]-APPR минута.CLF-APPR.PTCL
«Около двадцати минут или немного более»

б. ??isip pun-**ye-ccum**
двадцать[SK] минута.CLF-APPR-APPR.PTCL
«Около двадцати минут или немного более»

Чтобы получить скорректированную схему с учетом аппроксимативно-избыточного аффикса *-ye*, в схему (13) следует внести такие изменения: (i) отдельно выделить CLFP и NumP; в вершине NumP будет стоять сино-корейское числительное; (ii) группа CLFP должна быть иерархически выше, чем NumP, поскольку сино-корейское числительное, независимо от его формы, в конструкции с классификатором не может присоединять падежное окончание (см. (15а-г)); (iii) ввести группу ExcessP, вершиной которой будет Excess (*-ye*), и которая доминирует над NumP и является комплементом CLFP.

(15) а. Haksayng isip(*-**ul**) myeng-ul manna-ss-ta
студент двадцать[SK]-ACC CLF-ACC встречать-PST-DECL
«(Я) встретил двадцать студентов»

б. Haksayng isip-ye(*-**lul**) myeng-ul manna-ss-ta
студент двадцать[SK]-APPR-ACC CLF-ACC встречать-PST-DECL
«(Я) встретил примерно двадцать студентов или немного более»

в. isip-**ye(*-lul)** pun**-(ccum)-ul** ca-ss-ta
двадцать[SK]-APPR-ACC минута.CLF-APPR.PTCL-ACC спать-PST-DECL
«(Я) проспал примерно двадцать минут или немного более»

г. ??isip pun**-ye(*lul)-ccum-ul** ca-ss-ta
двадцать[SK] минута.CLF-APPR-ACC-APPR.PTCL-ACC спать-PST-DECL
«(Я) проспал примерно двадцать минут или немного более»

Одна из возможных схем, которая описывает аппроксимативные конструкции с *-ye*, показана в (16). Эта схема точно описывает пример (14а), но она применима и к другим сочетаниям, обозначающим приблизительный отрезок времени. Так, эту схему можно использовать для (12б), если вершина Appr в ней нулевая. Чтобы получить (14б), необходимо несколько дополнительных преобразований (передвижений вершин), на которых мы подробно не останавливаемся. Общими требованиями к (16) является то, что сино-корейское числительное образует вершину Num проекции NumP, и что вершина CLF добавленной проекции CLFP обладает признаком [+DUR].

(16) (для (14а))

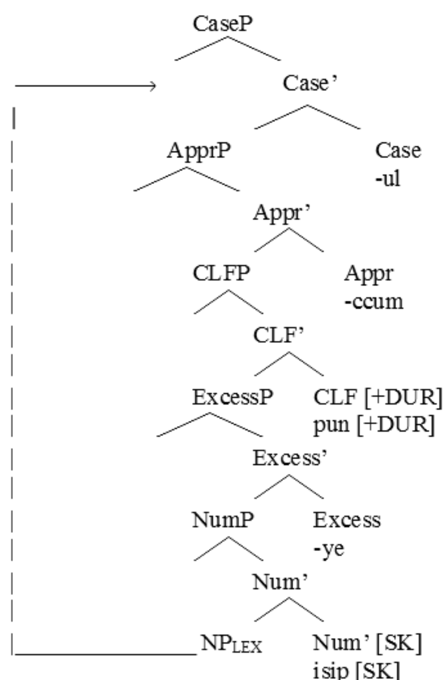
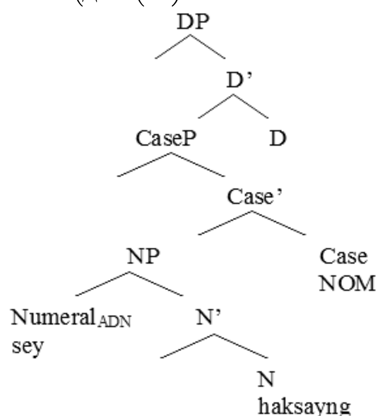

Схема (16) вводится только для сочетаний классификаторов, обозначающих промежуток времени [+DUR], с сино-корейскими числительными. Сочетание из (12в) ****han-ye*** *sikan* 'один.ADN[NK]-APPR час.CLF[SK]' // √*han* ***sikan-ye*** 'один.ADN[NK] час.CLF[SK]-APPR' с исконно-корейским числительным *han* 'один.ADN[NK]' не укладывается в схему (16). Исконно-корейское числительное не может присоединять *-ye* (Excess) и в адноминальной форме не может быть вершиной NumP (ср. (7) с $\text{Numeral}_{\text{ADN}}$ в SpecNumP). Если модифицировать схему (7), *han* 'один_{ADN}', не будучи вершиной NumP, не сможет соединиться с вершиной Excess (*-ye*), и единственным вариантом будет присоединение *-ye* к *sikan* 'час.CLF', что соответствует (12в) – см. также (17б).

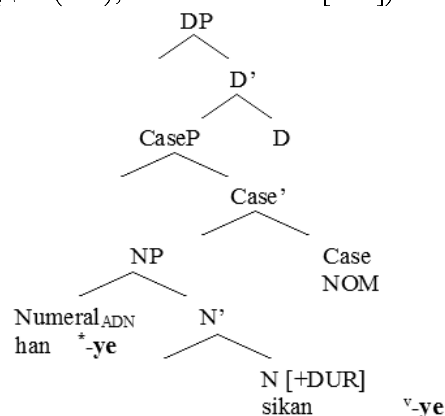
Очевидно, что схема (16) сильно отклоняется от (7) и от (13) и перегружена фразовыми проекциями, над которыми доминирует CaseP и которые подчиняют NumP (ApprP, CLFP, ExcessP). Также странно, что у классификатора как служебного слова есть признак [+DUR] (временной промежуток). Чтобы получить правильный порядок слов в (14б), нужны дополнительные преобразования (передвижения). В работе [Watanabe, 2010, p. 61, 66–69] предлагается, что существительные, обозначающие промежуток времени, не классификаторы, полноценные существительные N, образующие группу NP.

Наш материал с *-ye* свидетельствует в пользу этого решения. У полнозначного (а не служебного) существительного может быть признак [+DUR]; кроме того, в сочетаниях с CLF – промежутком времени никогда не бывает NP_{LEX}. Тогда сочетание с именем-промежутком времени (12б-в) описывается простой схемой [NumP+NP], похожей на схему для (3в) с адноминальной формой исконно-корейского числительного с дополнительными модификациями[10]. Ср. (17а) для (3в), (17б) для (12в), а также (17в) для (12б). В этих схемах считается, что *-ye* – фразовый аффикс, а не вершина Excess, как в (16).

(17) а. (для (3в) числительное [NK])

б. (для (12в), числительное [NK])

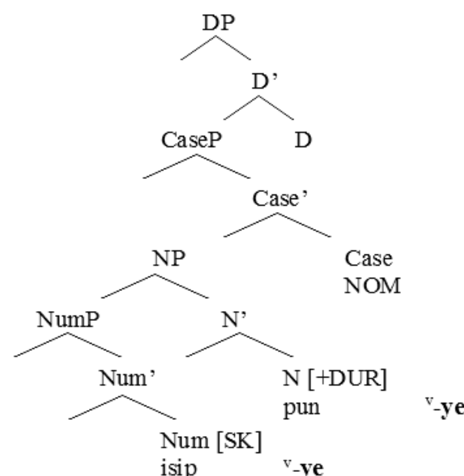

В отличие от (3в), вершина проекции NP (N) обладает признаком [+DUR] и поэтому может присоединять *-ye*. В то же *-ye* можно рассматривать не как словообразовательный, а как фразовый аффикс/групповую флексию (см. выше). Тогда *-ye* – вершина, которая не может образовывать собственной максимальной проекции, или группы (ExcessP в (16)), а наподобие частиц [Matushansky, 2011, p. 541–542], представлена в синтаксисе вершиной, относящейся не к вершинам (как словообразовательные и словоизменительные аффиксы), а к составляющим. Вершина N образует составляющую NP, а числительное *han* ($\text{Numreral}_{\text{ADN}}$) не образует отдельной составляющей NumP. Поэтому *-ye* не присоединяется к *han*. Сино-корейское числительное может сочетаться только с именем [+DUR], ср. грамматически неправильные примеры (4в) и (12д) по модели (3в) и грамматически правильный пример (12б). В (12б), *-ye*

[10] Важно заметить, что большинство корейских имен со значением промежутка времени, кроме *sikan* 'час[SK]' (*pun* 'минута[SK]', *il* 'день[SK]' *cwuil* 'неделя[SK]', *tal* 'месяц[NK]', *wel* 'месяц[SK]', *nyen* 'год[SK]') являются связанными, употребляясь только в контексте числительных. Однако это не является аргументом в пользу того, что эти слова должны считаться именно классификаторами.

присоединяется и к *isip* (Num), и к *pun* (N, [+DUR]), поскольку обе вершины образуют составляющие NP и NumP:

(17) в. (для (12б), числительное [SK])

Если же классификатор конструкции не обозначает промежуток времени (ср. (12а) и (12г)), схема (16) совсем не подходит. Если принять, что *-ye* как фразовый аффикс не является вершиной проекции, *-ye* может присоединяться только к сино-корейскому числительному, или к проекции Num_1P с вершиной Num_1 [SK], так же, как это показано в (17в). Присоединение *-ye* к CLF (например, *kwen* 'том.CLF' в (12а)) блокируется, поскольку у *kwen* нет признака [+DUR].

Поэтому для (12а) и (12г) с сино-корейским числительным оптимально использовать схему (7), а для (14а-б), в которых есть и аппроксимативно-избыточный аффикс *-ye*, и *-ccum*) – схему (13). В обоих случаях в позиции SpecNumP[11] вместо $Numeral_{ADN}$ стоит еще одна составляющая Num_1P, вершиной которой является сино-корейское числительное, к которой присоединяется (как к составляющей) *-ye*. Учитывая данные по конструкции с *-ye*, нельзя допустить, что сино-корейское числительное (*o* 'три[SK]' вместо *sey* 'три.ADN[NK]' в (7) или *isip* 'двадцать[SK]' вместо *sumu* 'двадцать.$_{ADN}$[NK]' в (13)) поступает из лексикона в позицию SpecNumP (спецификатор группы числительного) как изолированная единица. В схеме (13) сино-корейское числительное, как и в (7), должно образовывать отдельную проекцию Num_1P – ср. (14а-б), В принципе можно говорить о некотором параллелизме при анализе *-ccum* как фразовой частицы (см. выше) и *-ye* как фразового аффикса, однако эта проблема в нашей статье не обсуждается.

Выводы

Мы показали, что происходящие от китайских корейские числительные (сино-корейские) морфологически не адаптировались к корейскому языку. В частности, у них нет двух морфологически различных форм: адноминальной и простой («предметной»), и по своим морфологическим свойствам сино-корейские числительные не похожи ни на простую («предметную»), ни на адноминальную форму исконно корейских числительных. Сино-корейские числительные употребляются так же, как исконно корейские, только в конструкциях с классификатором: в той же «адноминальной» позиции, что и исконно корейские, и в этой конструкции они не могут присоединять падежные окончания (15а). В конструкции с классификатором сино-корейские числительные подвергаются частичной морфосинтаксической адаптации.

Однако сино-корейские числительные не могут входить в конструкции с числительным без классификатора, что говорит о том, что они не подвергаются полной

[11] При этом NumP скорее является CLFP – и сино-корейское числительное, и классификатор образуют самостоятельную группу.

синтаксической адаптации. Кроме того, аппроксимативно-избыточную форму сино-корейского числительного, которая широко используется в аппроксимативных конструкциях, нельзя описывать ни в рамках схемы (7), ни в рамках аппроксимативной схемы (13) аналогично исконно-корейским, а приходится признать, что сино-корейское числительное в этих схемах является вершиной и образует отдельную проекцию, к которой *-ye* может присоединяться как фразовый аффикс. Чтобы учесть морфосинтаксические особенности сино-корейского аппроксимативно-избыточного аффикса *-ye* и классификатора, обозначающего промежуток времени, типа *pun* 'минута', принимается точка зрения A. Watanabe, что данные слова в корейском языке – не классификаторы, а полнозначные существительные. Почти для каждой конструкции с числительными (с классификатором или без классификатора) структура с сино-корейским числительным чем-то отличается от структуры с исконно корейским числительным.

Таким образом, мы видим на примере числительных, что определенные группы заимствований из китайского языка, а именно сино-корейские числительные, могут сохранять свою морфологическую структуру и образовывать особые синтаксические конструкции, не адаптируясь к морфосинтаксическим моделям корейского языка. Можно предполагать, что подобные случаи есть и среди заимствованной лексики из других сфер.

Глоссы и сокращения

ACC – аккузатив
ADN – адноминальный // атрибутивный
APPR – аппроксимативный
ApprP – группа аппросимации
ASP – аспектуальный показатель
CaseP – группа падежа
CLF – классификатор
CLFP – группа классификатора
COMP – комплементайзер // союзный аффикс
COND – условный (конверб)
CVB – конверб
DECL – изъявительный
DP – группа детерминатора
ENUM – простое («предметное») (числителное)
ExcessP – аппроксимативно-избыточная группа
GEN – генитив
LEX – лексический // смысловой
LOC – локатив
NEG – отрицание
NegP – группа отрицания
NK – исконно корейский
NOM – номинатив
NP – именная группа
Num – числительное
ORD – порядковый
POL – частица вежливости
PRS – настоящее время
PST – прошедшее время
PTCL – частица
REL – релятивный аффикс (причастия)
SK – сино-корейский
VP – глагольная группа

Литература / References

Ли И.-С., Ли С.-О., Чхэ В. *Корейский язык. История и современное состояние.* Пер. с кор. В. Аткнина. М., 2005 [Li I.-S., Li S.-O., Chè V. *Koreiskii iazyk. Istoriia i sovremennoe sostoianie* Per. s kor. V. Atknina. Moscow, 2005].

Плунгян В. А. Грамматичность и отношения между морфемами (к вопросу о групповой флексии) // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 1994. № 3(53). С. 26–55 [Plungyan V. A. Grammatichnost' i otnosheniia mezhdu morfemami (k voprosu o gruppovoi fleksii) // *Izvestiia RAN. Seriia literatury i iazyka.* 1994. 3(53). Pp. 26–55].

Рудницкая Е. Л., Хван С.-Г. Конструкции с классификатором и аппроксимативные конструкции в корейском языке: грамматические свойства и семантические характеристики // *Вопросы филологии: Сер. Урало-алтайские исследования.* 2010. № 2(3). С. 54–71 [Rudnitskaia E. L., Hvan S.-G. Konstruktsii s klassifikatorom i approksimativnye konstruktsii v koreiskom iazyke: grammaticheskie svoistva i semanticheskie harakteristiki // V*oprosy filologii: Ser. Uralo-altaiskie issledovaniia.* 2010. 2(3). Pp. 54–71].

Холодович А. А. *Очерк грамматики корейского языка*. М., 1954. [Holodovich A. A. *Ocherk grammatiki koreiskogo iazyka*. Moscow, 1954].
Chacón D. A. Head movement in the Bangla DP // *Journal of South Asian Linguistics*. 2011. 4. Pp. 3–25.
Ko H.-J. *Syntactic edges and linearization*. PhD Dissertation. Cambridge, 2005.
Martin S. E. *A reference grammar of Korean. A complete guide to the grammar and history of the Korean language*. Rutlend, Tokyo, 1992.
Matushansky O. Review of "Ian Roberts, Agreement and head movement: Clitics, incorporation, and defective goals (Linguistic Inquiry Monographs 59). Cambridge, MA: MIT Press, 2010" // *Journal of linguistics*. 2011. 47. Pp. 538–545.
Nam K.-S., Ko Y.-G. *Phyocwun kwuke mwunpeplon* (на корейском) [*Стандартная корейская грамматика*. Переизд. 1985 г.]. Seoul, 2004.
Nomoto H. *Number in classifier languages*. PhD Dissertation. Univ. of Minessota. Minessota, 2013.
Simpson A. Classifiers and DP structure in Southeast Asia // Cinque G., Kayne R. S. (eds.). *The Oxford Handbook of Comparative Syntax*. Oxford, 2005. Pp. 806–838.
Sohn H.-M. *The Korean language*. Cambridge, 1999.
Watanabe A. Vague Quantity, Numerals, and Natural Numbers // *Syntax*. 2010. 1(13). Pp. 37–77.
Yeon J., Brown L. *Korean. A comprehensive grammar*. London, New York, 2011.

Электронные ресурсы

Rullmann H., You A. General number and the semantics and pragmatics of indefinite bare nouns in Mandarin Chinese: paper presented at the Workshop "Where semantics meets pragmatics" // *The Linguistic Institute, Michigan State University, 2003*. URL: http://www.semanticsarchive.net/Archive/jhlZTY3Y/ Rullmann&You2003.pdf (дата обращения 6.10.2018).
Yoon J. H.-S. Two types of denominal predicates in Korean and theories of morphology-syntax interface // Kiaer J., Yeon J. (eds.). *Selected Papers from the Second European Conference on Korean Linguistics*. Munich, 2010. URL: http://faculty.las.illinois.edu/jyoon/Papers/Eckl2008_proceedinfs_footnote.pdf (дата обращения 6.10.2018).

СЕМАНТИКА ТЕРМИНОЛОГИИ РОДСТВА В ЯЗЫКЕ МАЛТО

А. А. Смирнитская*

В статье рассматривается структура системы терминов родства в языке малто подгруппы северо-восточных дравидийских языков в сопоставлении с родственной терминологией тамильского языка из южно-дравидийской подгруппы. Теоретическим основанием работы является теория семантических переходов Анны Зализняк, позволяющая сопоставить не только семантику, но и семантическую эволюцию лексики. Реляционная лексика в малто демонстрирует значительные отличия от тамильской. Особенностью системы малто являются диады 'отец и сын', 'дядя и племянник', не встречающиеся в южно-дравидийских языках.

Ключевые слова: семантика, семантический переход, малто, тамильский, дравидийские языки, семантическая эволюция, семантическая типология.

KINSHIP TERMS IN MALTO: SEMANTICS AND SEMANTIC SHIFTS

Anna A. Smirnitskaya

The article considers the semantics of kinship terms in Malto, a minor Northeastern Dravidian language, in comparison with semantics of this lexical field in Tamil, South Dravidian. The method of "semantic shifts" being developed by Anna A. Zalizniak allows to compare semantic derivation of lexical meanings. The Malto kinship terms show considerable difference from Tamil. Peculiar to Malto kinship system are dyads 'father and son', 'uncle and nephew' not attested in South Dravidian.

Keywords: semantic, semantic derivation, semantic typology, Malto, Tamil, Dravidian languages, semantic shift.

Семантика языка малто, относящегося к северной группе дравидийских языков, к настоящему времени мало изучена. Существуют работы, посвященные морфологии и синтаксису этого языка, например, [Steever, 1998; Андронов, 2008; Kobayashi, 2012], и словари. В недавно вышедшем томе «Дравидийские языки» серии «Языки мира» опубликована статья, обобщающая известные на данный момент сведения о способах выражения грамматических значений, о фонологической системе, синтаксисе и диалектах этого языка [Мельникова, 2013]. Однако его лексическая семантика до настоящего времени остается малоисследованной. В данной работе мы постараемся затронуть эту тему.

Название языка малто (англ. Malto), как и прилагательное *malto* 'человеческий', образовано от существительного *maler* 'люди', которое является самоназванием народа. Этимологически *maler* связано с дравидийским корнем 'гора' (например, в тамильском *malai*, каннада *male* и др.), и первоначально означало 'люди гор' [Мельникова, 2013, с. 506]. Другое название племени на бенгали – *paharya* 'живущие в горах'. На языке малто говорят на Раджмахальской возвышенности на крайнем северо-востоке индийского штата Джаркханд, носители проживают также в Западной Бенгалии, штатах Трипура и Орисса. На настоящее время насчитывается около 100 тыс. носителей малто, что для масштабов Индии очень мало. Многие из них владеют также бенгальским языком (индоевропейская группа) или сантали (относится к языкам мунда). Носители языка занимаются преимущественно собирательством и плужным земледелием [Андронов, 2008].

В данной работе мы постараемся сопоставить семантику терминологии родства в малто и в тамильском языке, одном из основных представителей южной группы

* Анна Александровна СМИРНИТСКАЯ – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nyushas@gmail.com
Anna A. SMIRNITSKAYA – Junior Research Fellow, Institute of Oriental studies RAS, Moscow; nyushas@gmail.com

дравидийских языков. Родственные связи этих языков достаточно отдаленные. Примерное время вычленения из прадравидийского языка северной группы языков, по Г. С. Старостину, произошло в начале II тыс. до н.э. [Старостин, 2000, с. 15].

Из трех диалектов малто (саурия-пахария, кумар-пахария, малпахария) наиболее полно описан первый, и поэтому приводимые дальше сведения будут, если не указано особо, относиться к нему. Основным лексикографическим источником для нас является наиболее ранний доступный малто-английский словарь [Droese, 1884], посвященный диалекту саурия. Второй из существующих словарей [Mahapatra, 1987] существенно отличается от первого как временным промежутком (в сто лет), так и описанным диалектом (малпахария), но мы будем приводить из него некоторые данные. Для соответствия подхода среди доступных лексикографических описаний тамильского языка мы будем ориентироваться, в первую очередь, на наиболее полный словарь [Tamil Lexicon, 1924–1936], с уточнением по современному [Cre-A, 2018].

Терминология родства как замкнутая лексико-семантическая группа представляет собой интересный объект для изучения с помощью методов семантической типологии. Функция лексики родства, как и другой реляционной лексики, состоит в том, «чтобы указывать на какие-либо объекты (референты) через их отношения к другим, уже известным слушающему, объектам (коррелятам)» [Ландер, 2000, с. 2], а в данном случае – через соотношение референта и Эго. Соотношение референтов терминологии родства имеет давнюю традицию изучения в антропологии. Сведения о терминах родства, полученные с помощью методов семантической типологии, могут дополнить представление как о синхронной структуре этих значений по отдельности и в системе, так и о динамической стороне значений в их развитии.

В данной работе мы будем использовать метод «типологии семантических переходов», впервые предложенный Анной А. Зализняк в работе [Зализняк, 2001], и развитый, в том числе, в работах [Зализняк, 2013; Zalizniak et al., 2012]. Под семантическим переходом мы понимаем наличие «концептуальной смежности между двумя языковыми значениями, проявляющейся в совмещении этих значений в пределах одного “слова в широком смысле”» [Зализняк, 2013, с. 37]. Совмещения эти могут быть реализованы одним из следующих типов: синхронная полисемия (ведущий тип реализации), диахроническая семантическая эволюция, морфологическая деривация, когнаты и заимствования [Зализняк, 2013, с. 37]. В настоящее время идеи Анны А. Зализняк нашли отражение в Каталоге семантических переходов в языках мира DatSemShift [DatSemShift, 2018], в котором сейчас собрано более 3000 подтвержденных семантических переходов. Так например, семантический переход **breathing → animal** (ID 1701 по Каталогу DatSemShift) реализован семантической деривацией в случае латинского *anima* ‘дышать’ → *animal, -ālis* ‘животное’ и санскритского *prāṇa-* ‘дыхание’ → *prāṇin-* ‘живое существо’, а также когнатами – старо-славянским *дыхати* – и готским *dius* ‘животное’. К тому же индоевропейскому корню относятся др.-исл. *dȳr*, др.-англ. *dēor*, др.-верх.-нем. *tior*, дат. *dyr*, нидер. *dier* и др. [Руссо, 2011, с. 15]. Значение этого слова в английском языке позднее сузилось до значения ‘олень’. При этом реализация типа «когнаты» в языках-потомках зачастую соответствует реализации типа «полисемия» в языке-предке, которая и является основным видом реализации семантического перехода. Таким образом, например, реализация типа «когнаты», представленная парой слов франц. *espérer* ‘надеяться’ и исп. *esperar* ‘ждать’, соотносится с реализацией типа «полисемия» у латинского глагола *spero*, имевшего оба значения [Зализняк, 2013, с. 34].

Мы рассмотрим значения из нуклеарной (*mother, father, son, daughter, parents, child, sister, brother*) и расширенной семьи (*uncle, aunt, cousin, grandmother, grandfather, granddaughter, grandson*). Для обозначения значений будем использовать английские «ярлыки», как это принято в методологии семантико-типологической базы данных DatSemShift. Тамильские значения будут приведены в кратком описании (см. ниже), более подробно они описаны в статье [Смирнитская, 2016a].

Значение **mother** в языке малто выражается по-разному, в зависимости от того, чья это мать – моя, твоя или его: *ayya* ‘моя мать’, *ijjo* ‘твоя или ваша мать’ и *teho* ‘его или их мать’ [Droese, 1884]. Эту систему словообразовательных формантов («префиксов») мы еще рассмотрим ниже в связи со значениями ‘дочь’ и ‘сын’. В тамильском языке значение **mother** выражается с помощью двух основных лексем – *ammā* и *tāy,* из которых референтным является корень *tāy*, а апеллятивным – *ammā.* Также для выражения этого значения используются лексемы *mātā* ‘мать’; *ammāḷ* ‘мать’, ‘госпожа, хозяйка’; *ammai* ‘мать’, ‘госпожа, сударыня’; *ammaṉai* ‘мать’ и *tāttiri* ‘земля’, ‘мать’. В тамильском языке, как мы видим, не выражается, чья это мать с точки зрения говорящего – его или другого лица. Семантические переходы для этого значения, реализованные в тамильском языке: *mother → main, mother → queen (bee), mother → original; earth → mother; mother → native.* Имеющиеся лексикографические сведения из малто не настолько подробны и не позволяют говорить о семантических переходах в этом случае.

Значение **father** в малто выражается лексемами *abba* ‘мой отец’ и *mánqaler*, которая может обозначать как ‘отец’, так и ‘сын’ (‘a term denoting father and son together’, [Droese, 1884]). Надо сказать, что это не единственный случай такого совмещения наименований субъектов родства в малто. В более позднем словаре [Mahapatra, 1987] встречаются также лексемы *manqler* ‘родители с детьми’, *mamqler* ‘дядя и племянник’, *maqota:ni* ‘мать с ребенком’. К сожалению, у нас нет данных для уточнения, является ли это обозначением ‘отца’ и ‘сына’ совместно, в совокупности, или по-отдельности каждого из них. Вероятно, опрос носителей мог бы это прояснить, но пока это остается задачей будущего. Лексема *abba* относится к редким существительным, которые употребляются в номинативе с конечным показателем не-мужского рода *-th (-ð)*: abba-ð ‘мой отец’, что выражает уважение, по мнению E. Droese. В тамильском языке значение **father** выражается следующими лексемами: *takappaṉ(ar)* и *tantai*, имеющим референтное употребление, и аппелятивной лексемой *appā.* Также это значение выражают лексемы *attaṉ* ‘отец’, ‘лицо, старшее по возрасту или положению’, ‘Бог’; *aṇṇā* ‘отец’ (также аппелятив), ‘старший брат’; *tantavaṉ* ‘отец’. Для тамильского языка семантических переходов не обнаружено, в малто можно сделать предположение о переходе **father – son,** с неизвестным на данный момент направлением отношения.

Значение **son** в малто выражается лексемами: *maqe* ‘мальчик’, ‘сын’, *taṉgade* ‘ее, его или их сын’, *niṉgade* ‘твой или ваш сын’, *eṉgade* ‘мой или наш сын’, *mégro* ‘старший (или самый старший) сын’, ‘первый муж’, *pós-maqe* ‘приемный сын’ и *mánqaler* ‘отец и сын вместе’. В тамильском языке значение **son** выражается следующими лексемами: *makan, maintaṉ, putalvaṉ* (семантический дериват от *putal* ‘новый’), а также *kumāraṉ, mūttappiḷḷai* (‘сын’, ‘жених’)*, cakōtaṉ, puttiraṉ, koḷḷi*, *māntaṉ* (‘сын’, ‘недозрелый’, ср. ‘недозрелый банан’). Здесь опять мы встречаемся с совместным обозначением двух человек из системы родства в одной лексеме (*mánqaler* ‘отец и сын вместе’), хотя и не можем сказать по имеющимся данным, это обозначение каждого из них как «человека из данной совокупности», или обозначение обоих, когда они вместе. В тамильском языке мы встречаем реализацию семантических переходов **son → courage; new → son; unripe → son; son → groom;** в языке малто мы можем предположить семантические переходы **boy – son** (реализован полисемией *maqe*), **son – husband** (реализован полисемией *mégro*)**, son –father** (реализован полисемией *mánqaler*).

Значение **daughter** обозначается в языке малто лексемами *taṉgadi* ‘его, ее или их дочь’, *niṉgadi* ‘твоя или ваша дочь’, *eṉgadi* ‘моя или наша дочь’, *mégri* ‘(самая) старшая дочь’, ‘первая среди нынешних жен’; *nuni* ‘ласкательное обращение к дочери или младшей сестре’, *pós-maqi* ‘приемная дочь’. В тамильском языке значение **daughter** выражается следующими лексемами: *makaḷ, putalvi* (также семантический дериват от *putal* ‘новый’), *kumāri, kumāratti, puttiri, puttirikai.* Здесь мы видим повторение «префиксальной» системы, связанной с системой личных местоимений: *ēn, eṅg-* ‘я’; *nīn, niṅg-* ‘ты’; возвратное *tāni, taṅg-* ‘он сам’ [Мельникова, 2013, с. 509]. В тамильском языке встречаются семантические переходы с этим значением: **girl → daughter, child → daughter**; в языке малто можно предполагать наличие

семантических переходов **daughter – wife** (реализован полисемией *mégri*), **daughter – sister** (реализован полисемией *nuni*).

В целом система словообразовательных формантов – «префиксов» в языке с преимущественной суффиксацией, выраженная в некоторых терминах родства, представляет собой крайне интересное явление. В дравидийских языках распространена система указательных частиц – формантов, выражающих пространственную ориентацию, но обычно она состоит из трех элементов, как например, *iṅku* 'здесь', *aṅku* 'там', *eṅku* 'где'. Подобное языку малто противопоставление мы находим в цейлонском диалекте тамильского языка. В нем термины родства, начинающиеся на *a-/ā-,* противопоставлены терминам родства, начинающимся с *ko-/kō-* со значением 'родные собеседника': *ayya/apu* 'отец' – *koyyā/kopu* 'ваш отец', *ammā/āci* 'мать' – *kommā/kōci/kōcci* 'ваша мать', *aṇṇaṉ* 'старший брат' – *koṇṇaṉ* 'ваш старший брат', *akkā* 'старшая сестра' – *kokā* 'ваша старшая сестра' и др. [Смирнитская, 2013, с. 167]. Также в некоторых диалектах тамильского языка в округе Раманадхапурам есть формы *ṅoppan* 'ваш отец', *ṅommā* 'ваша мать', *ṅokkā* 'ваша старшая сестра', *ṅoṇṇān* 'ваш старший брат' и др., которые, возможно, происходят из сочетания с притяжательным местоимением *uṅkaḷ* 'ваш': *uṅkaḷammā* 'ваша мама' > *uṅkammā* > *ṅkammā* > *ṅommā* [Смирнитская, 2013, с. 167].

Значение **parents** в языке малто выражается лексемами *iIjjo-abbor* 'твои или ваши отец и мать', *teho-tamba-kor* 'его или их отец и мать'. В тамильском языке значение **parents** выражается лексемами *peṟṟorkaḷ, tāytantaiyar* (которое образовано как сложное слово от корней *tāy* 'мать' и *tantai* 'отец'). В обоих случаях семантических переходов, соответствующих принятым критериям, не наблюдается.

Язык малто для выражения значения **child** использует лексемы *maqu* 'ребенок', 'детеныш', *poṇḍer* 'потомок, ребенок', *qés-maqe* 'собственный ребенок'. В тамильском языке значение **child** выражается лексемами *piḷḷai* (ср. *māppiḷḷai* 'жених'); также грамматикализуется в суффикс со значением «молодой детеныш животного или молодое растение»), *kuḻantai,* а также менее употребительными лексемами *puru, iḷampiḷḷai*, *mākkaḷ* ('дети', 'народ'), *māntar* ('ребенок', 'человек'), *māntaṉ.* Таким образом, в тамильском языке можно говорить о семантических переходах: **<young animal> → child,** а также **child – bridegroom**, **child – man** и **child – people**. В языке малто информации о семантических переходах для этого значения мы не нашли.

Значение **brother** в языке малто выражается следующими лексемами: *baya* 'старший брат', *ḍo* 'младший брат или сестра', и соответственно, возможны лексемы *taṉgḍo* 'его или ее младший брат или сестра', *niṉgḍo* 'твой младший брат или сестра' и *eṉgḍo* 'мой младший брат или сестра'; *unḍgle* 'брат от тех же родителей', *nuna* 'нежное название сына или младшего брата', *dúbáy* 'сестры и братья от тех же родителей'. В тамильском языке для выражения значения **brother** могут использоваться следующие лексемы: *cakōtaraṉ (cakōtarar), uṭaṉpiṟantavaṉ* (букв. 'вместе рожденный'). А также с выражением старшинства: *aṇṇaṉ*, *mūttavaṉ* – 'старший брат' и *tampi, iḷaval, iḷaiñaṉ, iḷaiyavaṉ* 'младший брат'. Обращает на себя внимание совмещение в языке малто значений 'брат' и 'сестра' (переход **(younger) sister – (younger) brother)**, если эти сиблинги – младшие. Других семантических переходов, помимо этого, для значений в обоих языках обнаружено не было.

Подобным образом в языке малто для выражения значения **sister** используются лексемы: *báyi* 'старшая сестра', *ḍo* 'младший брат или сестра', и, соответственно, *eṉgḍo* 'мой младший брат или сестра', *niṉgḍo* 'твой младший брат или сестра', *taṉgḍo* 'его или ее младший брат или сестра', *unḍglni* 'сестра от тех же родителей', *dúbáy* 'братья или сестры от одних родителей', *nuni* 'нежное название младшей сестры или дочери'. Значение **sister** в тамильском языке выражают лексемы *cakōtari, uṭaṉpiṟantavaḷ;* при выражении более точного относительного возраста употребляются лексемы *akkā(l)* 'старшая сестра' и *taṅkai (taṅkacci)* 'младшая сестра'. Помимо семантического перехода **sister – brother** (сравни английское *sibling*), для этих языков переходов не было обнаружено.

К этим значениям примыкает значение **cousin**, которое в системах родства разного типа концептуализируется по-разному: либо отдельно от братьев и сестер (как в линейных системах родства, например, в английском), либо совместно с каким-то подмножеством сообщества братьев и сестер (в бифуркативных системах родства). Например, в тамильском языке часть кузенов («параллельные» кузены) приравнивается к родным братьям и сестрам и соответственно выражается. А остальные кузены («кросс-кузены») имеют специальное выражение.

Более того, в тамильском сообществе кросс-кузены могут становиться партнерами по браку, и семантика терминов родства это отражает: *maittuṉi* 'дочь брата матери или сестры отца', 'сестра жены', 'жена брата'; *ammaṅkāḷ* 'дочь дяди по матери' (брахм.), а также *maccāṉ* 'сын сестры отца или брата матери', 'брат жены', 'муж сестры'; *maittuṉaṉ* 'сын дяди по матери или тети по отцу', 'муж сестры', 'брат жены или мужа', 'сын сестры', 'кузен'. Ни в одном из словарей языка малто подобной лексики обнаружено не было. Параллельные кузены в тамильском языке и в малто выражаются так же, как и родные братья и сестры (см. выше).

Значение **uncle** в языке малто выражается с помощью лексем *moma* 'дядя по материнской линии', *mama* 'брат матери', 'муж тети'; *pípo* 'старший брат отца', *dada* 'младший брат отца', 'муж тети'. В тамильском языке значение **uncle** может быть выражено *māmaṉ (māmā)* 'брат матери', 'муж сестры отца' (используется как обращение к любому знакомому мужчине, если он старше по возрасту), *ammāṉ, tāymāmaṉ* 'дядя со стороны матери', *ammāñci* 'дядя со стороны матери', 'сын одного из дядьев со стороны матери'. А также *periyappaṉ* 'старший брат отца', *ciṟṟappaṉ* 'младший брат отца', *appacci* 'дядя, младший брат отца', *nallappaṉ* 'дядя с отцовской стороны'. В тамильском языке можно говорить о семантических переходах, в зависимости от линии родства (JHP=joint held property = отцовская линия и PS= possible spouse= материнская линия, см. подробнее в [Смирнитская, 2016б]): *uncle* (JHP) – *ancestors* (JHP); *uncle* (JHP) – *good*; *uncle* (JHP) – *grandfather; elder relative* JHP (uncle, grandfather) – *great, large.* А также *uncle* (PS) – *father-in-law; uncle* (PS) – *cousin* (PS, male); *uncle* (PS) – *miser*. Для малто, ввиду недостаточности данных, таких заключений сделать пока нельзя. По-видимому, система родства малто не противопоставляет две линии родства, или это противопоставление выражается другими, не лексическими средствами. И потому подобные семантические переходы отсутствуют.

Значение **aunt** в языке малто выражается лексемами *peni* 'старшая сестра матери', *qali* 'сестра матери, тетя по материнской линии', *momi* 'тетя по материнской линии', *chácho* 'тетя, сестра отца'. В тамильском языке значение **aunt** выражается лексемами *periyammā(l)* 'старшая сестра матери', 'жена старшего брата отца', также 'уважительное обращение к хозяйке дома', *ciṉṉammā* 'младшая сестра матери', 'жена младшего брата отца' (также используется для уважительного обращения, которое используют не члены семьи по отношению к любой женщине в семье, кроме хозяйки дома), *nallammāḷ* 'тетя, сестра матери', *nallāycci* 'сестра матери или жена брата отца', *pēravvai* 'старшая тетя с материнской стороны'. В зависимости от линии родства, как и для значения *uncle,* в тамильском языке можно говорить о семантических переходах: *aunt* (JHP) – *step-mother; aunt* (JHP, elder) – *a polite term of addressing the hostess of the house; aunt* (JHP, younger) – *a polite term of addressing any other woman in family except the hostess of the house.* Также *aunt* (PS) – *mother-in-law; aunt* (PS) – *elder woman.* Сведения из языка малто не дают нам в настоящее время такой информации.

Значение **grandfather** в языке малто выражается лексемами *múṛu* 'дедушка', *beḍo-abba* 'мой или наш дедушка', *beḍwo* 'дедушка', вероятно, родственное *bēḍoh* 'большой, великий'. В тамильском языке **grandfather** выражается лексемами *pāṭṭaṉ(ār), tāttā* 'дед' (*уважит.*), 'старый человек', *ammappā* 'дедушка с материнской стороны', *appappā* 'дедушка с отцовской стороны' (последние две лексемы встречаются только в современных источниках, лексема *appappā* может также использоваться как междометие, обозначающее избыток чувств) и *mūtātai* ('дед' от корня *mūtu* 'старость, древность'). В малто наблюдаются случаи полисемии, реализующей

семантическое отношение **large, great → grandfather** (это отношение не является семантическим переходом, согласно указанным выше критериям). Наблюдается деривация **old → grandfather** (также не соответствующая критериям семантического перехода).

Для выражения значения **grandmothe**r в языке малто используются лексемы *beḍḍi* 'бабушка' (возможно, семантический дериват от *beḍo* 'large, great'), *beḍo-ayya* 'моя или наша бабушка', *múrya и beḍyo* 'бабушка'. В тамильском языке значение **grandmother** выражают лексемы *pāṭṭi* 'бабушка' (используется так же, как обращение к старой женщине) и *mūtāy* 'бабка', 'старая женщина' (от корня *mūtu* 'старость', 'древность', 'зрелость'). Различение отцовской и материнской линий отражено в значениях лексем: *ammāyi (ammāy), ammammā* 'бабушка с материнской стороны', *appāyi, appammā* 'бабушка с отцовской стороны'. В языке малто, как мы видим, есть случаи деривации, не являющейся семантическим переходом: **large, great → grandmother**, в тамильском языке: **old → grandmother**.

Лексика, выражающая значения **grandson** и **granddaughter** в языке малто: *nati* 'внук', *natni* 'внучка' [Mahapatra, 1987], а также *nati* 'дети дочери' (ср. *nati-jáli* 'поколение'). В тамильских источниках указывается выражение значения **grandson** лексемами *pēraṉ* 'внук' (от *pēru* 'получать'), *pērappillai, pauttiraṉ* ('сын сына'), *taukittiraṉ* 'внук', ('сын дочери'). Значение **granddaugther** выражают лексемы *pētti* 'внучка'; *taukittiri* 'дочь дочери'; *pauttiri* 'внучка, дочь сына'. Семантических переходов для этого значения в изучаемом материале выявлено не было.

* * *

Итак, мы рассмотрели семантику терминологии родства в языке малто в сравнении с тамильским языком. При сопоставлении мы видим, что лексика, выражающая данные значения, обнаруживает отдельные элементы сходства. Так, например, схожи выражения значения 'дядя с материнской стороны, брат матери' в тамильском языке (*māmā*) и в языке малто (*moma, mama*), восходящие к одному прадравидийскому корню *mām- [1]. А также выражение значения 'мать' – тамильское *tāy* и малто *ayya* 'моя мать', при внешнем несходстве возводимые к одному прадравидийскому корню **aj-* 'мать'[2].

Однако лексем, относящихся к общим корням, сравнительно мало, меньше, чем могло бы ожидаться от родственных языков. Возможное этому объяснение – давнее отделение северодравидийской группы от прадравидийского языка, а также большой процент заимствований в малто, в том числе даже в стословном списке [Старостин, 2000, с. 15].

Устройство системы в целом при этом обнаруживает некоторые сходства. Так, в системах обоих языков находит выражение параметр «относительный возраст внутри поколения», который реализуется как в поколении Эго для братьев и сестер, так и в поколении родителей и их сиблингов.

Мы не нашли в данных по малто информации относительно такой явной черты системы родства, как разграничение (в тамильском) отцовской и материнской линий. Конечно, исключать наличие лексики, реализующей подобную черту, полностью невозможно, потому что существующие словари могут быть не полны. Однако в общеупотребительной лексике такая важная черта системы родства не выражена. И потому систему терминов родства малто можно отнести к бифуркативно-коллатеральному типу (различающему 'брата отца' и 'брата матери') в отличие от бифуркативно-сливающей тамильской системы (в которой лексическое выражение значения 'брат отца' образовано от лексемы 'отец'). Семантические переходы в поле «терминология родства» в тамильском языке и малто существенно различаются. Семантические связи в малто значительно беднее, однако этот факт можно отнести к отсутствию надежных и полных источников по семантике малто.

---

[1] *STARLING:* Старостин С. А. *База данных по эволюции языка.* URL: http://starling.rinet.ru/ (дата обращения: 12.03.2018).

[2] *STARLING:* Старостин С. А. *База данных по эволюции языка.* URL: http://starling.rinet.ru/ (дата обращения: 12.03.2018).

Помимо этого система терминов родства малто имеет ряд своеобразных черт. Прежде всего, это оппозиция **мой – твой – его**, выраженная префиксально в некоторых терминах родства (мать, отец, сын, дочь, родители). Также в языке малто обнаруживаются совмещение в одной лексеме обозначения двух субъектов родства (например, ‘отец и сын’, ‘дядя и племянник’) – особенность, которой нет в тамильском языке, и которую, конечно, необходимо исследовать подробнее.

В целом можно сказать, что изучение дравидийской терминологии родства как цельной закрытой системы, со своими внутренними и внешними семантическими связями, требует подключения данных других родственных языков.

Литература / References

Андронов М. С. *Язык малто* (LINCOM EUROPA. Studies in Asian Linguistics, 74). Мюнхен, 2008 [Andronov M. S. *Iazyk malto* (LINCOM EUROPA. Studies in Asian Linguistics, 74). München, 2008].

Гуров Н. В., Климина Е. М. Телугу язык // *Языки мира: Дравидийские языки.* М., 2013. С. 313–362 [Gurov N. V., Klimina E. M. Telugu iazyk // *Iazyki mira: Dravidiiskie iazyki.* Moscow, 2013. Pp. 313–362].

Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // *Вопросы языкознания.* 2001. № 2. С. 13–25 [Zaliznyak Anna A. Semanticheskaia derivatsiia v sinhronii i diahronii: pro'ekt “Kataloga semanticheskih perehodov” // *Voprosy iazykoznaniia.* 2001. 2. Pp. 13–25].

Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // *Вопросы языкознания.* 2013. № 2. [Zaliznyak Anna A. Semanticheskii perehod kak ob’ekt tipologii // *Voprosy iazykoznaniia.* 2013. 2].

Ландер Ю. А. *К типологии реляционных имен.* Рукопись. М., 2000 [Lander Iu. A. *K tipologii reliatsionnyh imen.* Rukopis’. Moscow, 2000].

Мельникова К. А. Малто язык // *Языки мира: Дравидийские языки.* М., 2013. С. 506–517 [Mel’nikova K. A. Malto iazyk // *Iazyki mira: Dravidiiskie iazyki.* Moscow, 2013. Pp. 506–527].

Русско-тамильский словарь. Сост. М. С. Андронов, А. Ш. Ибрагимов, Н. Н. Юганова, Е.И. Коновалов. М., 1989 [*Russko-tamil’skii slovar’.* Sost. M. S. Andronov, A. Sh. Ibragimov, N. N. Iuganova, E. I. Konovalov. Moscow, 1989].

Руссо М. М. Лексические источники названий «народных царств» // *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков.* Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. Выпуск 3. М., 2011. С. 242–274 [Russo M. M. Leksicheskie istochniki nazvanii “narodnyh tsarstv” // *Lingvistika i metodika prepodavaniia inostrannyh iazykov.* Periodicheskii sbornik nauchnyh statei. 'Elektronnoe nauchnoe izdanie. Vol. 3. Moscow, 2011. Pp. 242–274].

Смирнитская А. А. Семантика терминов родства в тамильском языке с точки зрения типологии семантических переходов // *Вестник РУДН. Серия «Лингвистика».* 2016a. № 2. С.112–127 (2016a) [Smirnitskaia A. A. Semantika terminov rodstva v tamil’skom iazyke s tochki zreniia tipologii semanticheskih perehodov // *Vestnik RUDN. Seriia “Lingvistika”.* 2016a. 2. Pp. 112–127].

Смирнитская А. А. Семантические переходы в дравидийских терминах коллатерального родства // Смирнов И. С. (ред.). *Tamil̠ tanta paricu: Сборник статей в честь Александра Михайловича Дубянского.* М., 2016b. С. 337–357 [Smirnitskaia A. A. Semanticheskie perehody v dravidiiskih terminah kollateral’nogo rodstva // Smirnov I. S. (ed.). *Tamil̠ tanta paricu: Sbornik statei v chest’ Aleksandra Mihailovicha Dubianskogo.* Moscow, 2016b. Pp. 337–357].

Смирнитская А. А. Цейлонский диалект тамильского языка. // *Языки мира: Дравидийские языки.* М., 2013. С. 163–173 [Smirnitskaia A. A. Tseilonskii dialekt tamil’skogo iazyka // *Iazyki mira: Dravidiiskie iazyki.* Moscow, 2013. Pp. 163–173].

Старостин Г. С. *Реконструкция фонологической системы прадравидийского языка.* Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2000 [Starostin G. S. *Rekonstruktsiia fonologicheskoi sistemy pradravidiiskogo iazyka.* Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskih nauk. Moscow, 2000].

Тамильско-русский словарь. Сомасундарам П. М. (ред.). М., 1960 [*Tamil’sko-russkii slovar’.* Somasundaram P. (ed.). Moscow, 1960].

Droese E. *Introduction to the Malto Language.* Agra, 1884.

Kobayashi M. *Texts and Grammar of Malto.* Vizianagaram, 2012.
Mahapatra B. P. *Malto-Hindi-English Dictionary* (Hindi gloss by L. Handoo, R. Sharma). Central Institute of Indian Languages Dictionary Series. 5. Mysore, 1987.
Steever S. B. Malto // *The Dravidian Languages*. London, 1998.
Tamil Lexicon. Madras, 1924–1936.
Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology // *Linguistics*. 2012. 50(3). Pp. 634–670.

Электронные ресурсы

Cre-A: Online Tamil Language Repository. URL: http://www.crea.in/dictionary.php (дата обращения 11.03.2018).
DatSemShift: *Database of semantic shifts in the languages of the world.* Zalizniak Anna A., M. Bulakh, D. Ganenkov, I.Gruntov, T.Maisak, M. Rousseau. URL: http://datsemshift.ru/ (дата обращения 12.03.2018).
STARLING: Старостин С. А. *База данных по эволюции языка.* URL: http://starling.rinet.ru/ (дата обращения: 12.03.2018).

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЛЕКСИКА В ЧАДСКИХ ЯЗЫКАХ (РЕКОНСТРУКЦИЯ И ВНЕШНИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)

О. В. Столбова*

В статье представлена реконструированная прачадская лексика, связанная с обработкой земли и переработкой зерна. Внешние параллели – в семитских, египетском, кушитских и омотских языках – свидетельствуют о том, что все предложенные термины являются праафразийскими. Существенно, что аккадские параллели к чадским этимологиям не помечены в словарях как шумерские заимствования (в отличие от подавляющего большинства аккадской сельскохозяйственной лексики). Представленные в статье этимологии свидетельствуют о перспективности дальнейших исследований афразийской сельскохозяйственной лексики в сравнительно-историческом плане.

Ключевые слова: чадские и афразийские языки, лексическая реконструкция, этимология, когнаты, сельскохозяйственная лексика.

PROTO-CHADIC FARMING LEXICON IN AFRASIAN CONTEXT (RECONSTRUCTION AND EXTERNAL PARALLELS)

Olga V. Stolbova

The aim of the paper is to prove the Proto-Afrasian origin of Chadic terms of cultivating and processing of grain by presenting cognates in other branches of the phylum. External parallels include Egyptian, Cushitic, Omotic and Semitic terms. Notably, Akkadian glosses cognate to Chadic roots (contrary to the greater part of Akkadian farming terms) are not labelled in corresponding dictionaries as Sumerian loans. The etymologies under discussion make a promising base for further comparative study of Afrasian vocabulary of agriculture.

Keywords: Chadic and Afro-Asiatic languages, lexical reconstruction, etymology, cognates, farming lexicon.

Лексика, связанная с возделыванием земли, сбором и переработкой урожая, занимает значительную часть словарного фонда языков чадской ветви афразийской макросемьи[1], поскольку основным занятием носителей чадских языков в Нигерии, Чаде, Камеруне и Нигере является именно земледелие. На прачадском уровне реконструируется лексика с семантикой «поле», «обрабатывать землю/мотыжить/пахать», «полоть», «мотыга», «собирать урожай», «молоть, толочь зерно», «жернов», «ступа».

На афразийском уровне сельскохозяйственная лексика еще недостаточно исследована. Несколько этимологий можно найти в сравнительных словарях [2], более тридцати афразийских терминов, связанных с земледелием, представлены в специальной работе А. Ю. Милитарева [Militarev, 2009]. Однако во всех случаях основой исследования являлся материал семитских языков. Поэтому в поле зрения ученых попадали в основном потенциальные когнаты семитских корней, а не весь релевантный материал в остальных ветвях макросемьи.

* Ольга Валерьевна СТОЛБОВА, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; Stolbova.O@yandex.ru

Olga V. STOLBOVA, DSc (Philology), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; Stolbova.O@yandex.ru

[1] Кроме чадских, в афразийскую (семито-хамитскую) макросемью входят семитские, египетский, кушитские, омотские и берберские языки.

[2] См., например: [Diakonoff et al., 1995].

В статье предлагаются афразийские этимологии, дополняющие корпус лексики, представленной в [Militarev, 2009]. На этот раз отправной точкой был материал чадских языков (с учетом как многочисленных публикаций, появившихся за последние годы, так и материалов, размещенных на интернет-сайтах). Впервые достаточно полно представлена афразийская лексика, связанная с обработкой зерна.

Каждая этимология начинается с реконструированной прачадской формы под звездочкой и ее предполагаемого значения. Далее приводятся формы в отдельных языках и их значения[3]. Названия языков даются в латинице. Чадская (Чад.) лексика дается в следующем порядке: западная ветвь (Зап.), центральная (Центр.), восточная (Вост.). Вторую часть этимологии (после знака //) образуют когнаты в других афразийских языках (Егип. – Египетский, Куш. – Кушитские, Ом. – Омотские, Сем. – Семитские) с обязательной ссылкой на источник.

1. Чад. **bVr-* ‘поле’: Центр. Gude *bà-bábá* ‘open field, farm’, Muyang *bùbùr* ‘tilled field’, Вост. Kwan *kō-ɓārā* ‘field’, Sokoro *bər-sù* ‘field’, Dangla *bûr-dà* ‘champ d’arachides ou de pois de terre’, Migama *bâr-če* ‘jachère’.

От основного корня образован глагол с семантикой ‘обрабатывать землю, мотыжить’: Зап. Duwai *bərùs-čùwo* ‘hoe up’; Центр. Mada *óbbòr* ‘biner devant de semer’, Mbara *búrsì* ‘to hoe’; Вост. *beret* ‘sarcler, biner’. Уже от глагола образованы имена с семантикой объекта (а) и инструмента (б):

а. **bVr-/*bVwVr-* ‘борозда’: Зап. Karekare *booro*, Bolewa *booro*; Центр. Daba *bàrày*;

б. **bVr-m-* ‘мотыга’: Центр. Merey *bàràm*, Masa *bòrom*, Gidar *bár-daw*.

//Егип. *bꜣ* ‘hacken, zerhacken’ AR [Erman, Grapow, 1971, I, S. 415), Куш. Somali *beer* ‘to farm, sow, cultivate, plant’, *beer* ‘farm, garden’, *beero* ‘farms, plantations’ [Luling, 1987, p. 42], Burji *bóyr-a* ‘two-handed hoe’, Konso *payr-aa* ‘two-tipped digging stick’; Gidole *pawr-a* ‘two-bladed digging stick’, Dobase *payr-e* ‘two-pronged hoe’ [Sasse, 1982, p. 41]; Hamir *baruw* ‘auflockern die Erde mit einem Karst’ [Reinisch, 1884, S. 350]; Alagwa *burabura* ‘cultivated ground’ [Ehret, 1987, p. 387]. Единственная обнаруженная семитская параллель это: Geez *baʕara* ‘dig, plough, break clods’, *mabʕər* ‘one who ploughs, plough, instrument for digging’, *məbʕār* ‘instrument for digging’ [Leslau, 1987, p. 84]. Айн в позиции C_2 можно рассматривать как фонетический расширитель двухсогласной ячейки.

2. Чад. **tVr-* ‘(обработанная) земля, поле’: Зап. Karekare *taràa*, Dera *tórór* ‘farm’, Monguna *tuúr* ‘cultivated ground’; Вост. Gabri *terā* ‘Erde’.

Производный глагол: Зап. Daffo *tor* ‘cultivate, till’; Центр. Mofu *-tərh*^{w}*-* ‘gratter le sol, fouiller dans la terre, labourer’, Mbara *tor* ‘sarcler’.

Производное имя: **tV(ʔV)r-* ‘мотыга’: Зап. Kupto *tèerò,* Siri *taʔari*, Paa *táari*.

//Ом. Shinasha *tarà* ‘bebautes Feld’ [Lamberti, 1983, S. 390], Nao *turu* ‘ground’, Sheko *tuuru* ‘earth, soil’, Hamer *tore* ‘country’ [Bender, 2003, p. 347], Егип. *tꜣ* AR ‘earth, ground, land’ [Erman, Grapow, 1971, V, S. 212]. Заслуживает внимания изолированная форма в одном из Южно-аравийских семитских языков: Soqotri *ter* ‘champ’ [Leslau, 1938, p. 446].

3. Чад. **gVr-* ‘мотыжить, обрабатывать землю, копать’: Зап. Boewa *gùuraa, wùura* ‘dig by scooping up earth, dig away, hoe up, harvest by digging up, clean up a well’, Karekare *gùr-zu* ‘dig out of the ground, hoe up’, Polci *ngə́rəγə́* ‘to hoe, till, weed’; Центр. Fali Kiriya *ngə̀rə́* ‘to plough, make ridges’, Lamang *gar-m-* ‘ploughing’, Logone *gura-wun* ‘cultiver’, Munjuk *guri* ‘sarcler’. В восточной ветви произошел семантический сдвиг: ‘мотыжить, копать’ > ‘сажать, пересаживать’: Kera *géré* ‘(um)pflanzen’, Mobu *gare* ‘transplanter’, Ngam *gár* ‘planter’.

Производное имя: **gVr-* ‘поле’: Зап. Hausa *gárgárìi* ‘red clayey soil used for farming’, *gárǯì* ‘piece of land that has been manured by a herd of oxen’; Центр. Gude *gər* ‘field of...’, *g*^{w}*àrínə* ‘mound

---

[3] Как оно дается в источнике, список источников по чадским языкам см. в [Stolbova, 2009, p. 15–22].

of earth with seeds planted in it', Mafa *gáráy* 'butte de terre où l'on sème des arachides quand le mil est déjà haut'; Вост. Dangla *gérò* 'terre à sel, grise'.

Производное имя (имя инструмента): Зап. Hausa *gárà* 'the curved bar which joins the tops of the upright bars of a large hoe', (диалект Katsina) 'the whole hoe'; Центр. Higi Futu *ŋguri,* Fali Gili *ŋ̀g*^{w}*ur* 'hoe' (префикс *n-* в именах обычно маркирует единичность).

Имя инструмента с суфф. *-n-/-m-*: Зап. Hausa *gar-ma* 'hoe', Kirfi *gar-ma* 'plough'; Центр. Bura *nggara-n* 'a hoe', Fali Kiriya *gàr-mà* 'a large hoe', *ngúr-mə́* 'hoe'.

К этому же «этимологическому гнезду» относятся и следующие формы: Центр. Makari *gere* pl. 'agriculture', *msi gere* 'farmer' (*msi* 'man'), *tin gere* 'cultivated ground' (*tin* 'ground)', Logone *gura* 'agriculture', *bila e gura* 'farmer' (*bila* 'man').

//Сем. Geez *grh* 'to plough', *garhāt, garh* 'field, arable land, farm, estate', Tigre *gärhat* 'field', Tigrinya *gərat*. Из эфиосемитских языков эта форма была заимствована в кушитский язык Beja, а именно: *gárha* 'field' [Leslau, 1987, p. 202]. Заслуживает внимания также Sabaic *ngr* 'cultivated land, or land prepared for cultivation' [Beeston et al., 1982, p. 93]. Начальный *n-* в семитских глаголах также может быть фонетическим расширителем.

4. Чад. **kVwVs-* > **k*^{w}*as-* 'мотыжить, вскапывать': Зап. Ngas *k*^{w}*os* 'first weeding and clearing the farm after planting'*tàr k*^{w}*òs* 'the time of hoeing' (*tar* 'moon'); Центр. Daba *kús* 'débrousser', Muyang *ák*^{w}*ás* 'dig up, harvest (food plants)', Ouldem *k*^{w}*às* 'déterrer, chercher, fouiller', Mada *ókk*^{w}*as* 'fouiller, déterrer en fouillant'.

Производное имя: **k*^{w}*as-/kas-* 'мотыга': Зап. Hausa *k*^{w}*ásáa* 'small hoe for women', *k*^{w}*àašee* 'a reaping, harvesting implement', *k*^{w}*ášán* 'small triangular hoe', Tangale *k*^{w}*as* 'hoe', Tsagu *kaase* 'hoe', Warji *kasai* 'large hoe'.

//Куш. Sidamo, Kambatta, Hadiya, Geleba *kaas-* 'to plant', Alagwa *kaas-* 'to cultivate' [Hudson, 1989, p. 114].

5. Чад. **hVb-* 'обрабатывать землю': Центр. Gude *h*^{w}*àɓá* 'second cultivating after planting', Lamang *hva* 'to do farmwork, harvest, hoe, clear, plant, cultivate (field)', Hdi *həvay* 'to cultivate', *həva* 'cultivation', Hitkalanci *xəv-* 'to cultivate'; Daba *hùv* 'tracer des silons'; Mofu *´-həv-,* Chv *mɛ́hɛ̀vɛ̀y* 'cultiver, houer'.

Производное имя: **hVb-* 'мотыга': Зап. Hausa *háuyáa* (< *habya*); Bokos *hùɓeŋ*; Центр. Bura *hibu*; Lamang *hva*.

//Егип. *hb* AR 'Pflug, плуг', *hb* 'make furrows' [Erman, Grapow, 1971, II, S. 485–486], Сем. Akkadian *abu* OAkk 'part of the seed plow' [Gelb a_1, p. 67, 73].

6. Чад. **[h]Vm-* 'собирать урожай': Зап. Richa *hom*, Karfa *hə̂m,* Monguna *hôm* 'to harvest', Bokos *hom* 'cut with a sickle, harvest (acca, etc.)'.

Производное имя: Daffo *h*^{w}*amán* 'Ernte', Sha *homàn* 'Erntezeit für Acha-Hirse', Karfa *hə̂m* 'harvest', Bokos *homan* 'harvesting'.

//Куш. **ḥaam-* 'to harvest': Oromo *haam-,* Gollango *ḥaam-* 'to harvest', Oromo *haam-tuu* 'reaper' [Sasse, 1982, p. 91], Сем. Akkadian *ḫamāmu* OB 'to pluck and gather' (said of barley and referring to a primitive technique of harvesting without the use of a sickle), *ḫāmimu* OB 'harvester' (lit.: 'plucker of ears') [Gelb ḫ, p. 66].

7. Чад. **hiya, *huhyi* 'вид зерна; сорго': Зап. Ngas *he* 'corn', *ʔè, ŋʔè* 'corn, guinea corn', grain (general name for millet and sorghum)', Tangale *ai* 'millet', Ngamo *hài* 'guinea corn, grain' (general name for millet and sorghum), Fyer *hay* 'guinea corn, millet', Bokos *hay* 'late millet (general), early millet, bulrush-millet'; Центр. Margi *ùhyì* 'guinea corn', Bura *uhi,* Chibak *wuhi,* Kilba *uhi* 'guinea corn', Higi Nkafa, Hya, Higi Baza *xà* 'guinea corn', Fali Kiriya *hà* 'guinea corn, sorghum', Bana *xá* 'mil' (general); Malgwa *híye* 'corn, sorgho', Dghwede *xiyá,* Chinene *xaya,* Wandala *xiya* 'guinea corn', Glavda *xíyà* 'guinea corn, millet', Lmn *híyá* 'sorghum, guinea corn', Hdi *hiya* 'sorgho, le mil', Moloko *hay,* Muyang *xāy* 'millet', Mada *aha* 'mil, sorgho' (general), Ouldem *hāy*, Sakun *hux*^{w}*i* 'kind of sorghum (erect, loose headed, for beer)', Gulfei *waye* (< **hwaye*) 'Korn', Gidar *háya* 'mil'.

Егип. *ỉhj* AR 'Art Getreide' [Erman, Grapow, 1971, I, S. 118:10].

8. Чад. **lVʔ/wVd-* '(хорошая) почва': Зап. Bolewa *líidó* 'vertisol, black cotton soil', Kupto *lìidó* 'clayish soil, laterit', Tangale *líido* 'black soil (farming)' (долгий гласный появился в результате стяжения после утраты гортанной смычки: **lVʔVd- > lVVd-*); Вост. Lele *lūdū* 'terre fine', Jegu *lóod* 'fields (farm)'.

//Сем. Akkadian *ludû* OB 'eine Art Saatfeld', (administrative designation of a field) [Gelb l, p. 238], Arabic *ladīd-at-* 'jardin couvert de verdure et de fleurs' [Biberstein, 1960, II, p. 982], Егип. *ỉ3d* MR 'Art Feld' [Erman, Grapow, 1971, I, S. 35:19].

9. Чад. **čVk-* 'толочь (зерно)': Зап. Ngas *čùk* 'beat, pound, thrash with a stick', Goemai *šiak* 'to beat, crush to make soft'; Центр. Musey *čák* (Imperfect) 'pound', Dzepaw *cók* 'pound'; Вост. Kera *čéké* 'ein zweites Mal die Hirse stampfen', *čóké* 'herunterdrücken'.

Производный глагол: Зап. Bade *ə̀čkù-du* 'thresh grain from chaff in mortar'.

//Егип. *sk* Med 'mahlen', *skj* 'Mehl' [Erman, Grapow, 1971, III, S. 314].

10. Чад. **rVHVd-* 'молоть зерно': Зап. Hausa *rèedaa* 'grind to flour', Gwandara **rd* 'grind'; Вост. Kwang *érdē* 'grind', Dangla *orde* 'halb zermahlmen'.

Производное имя: Центр. Muyang *mà-rdu-kʷ* 'flour from groundnuts'.

Как метатезу, возникшую под влиянием закона «повышающейся сонорности», можно рассматривать следующие формы: Зап. Warja, Kariya, Mburku *dər-,* Cagu *dàr,* Jimbin *dira* 'to grind'.

//Сем. Hebrew *rdd* 'stamp, make flat' [Köhler, 1958, S. 874], Arabic *rhd* 'frotter, fractionner' [Biberstein, 1860, I, p. 936], Akkadian *rīdu (ridû)* MB (a type of flour) [Gelb r. p. 325].

11. Чад. **hVr-* 'молоть (грубо)': Зап. Miya *həra* 'grind with water'; Центр. Bura *hyira* 'to grind or crush (beans or peanuts)', Ouldem *-hʷōró* 'écraser', Munjuk *hiri* 'moudre gros', Mbara *hàr* 'écraser, moudre gros'; Вост. Lele *hīr* 'écraser (farine)', *hīrē* 'grinding', Kaba *hə̀rə́* 'to grind'.

Производный глагол: Центр. Mada *áhra-d* 'écraser'. Производное имя: Центр. Hdi *ma-hərdu* 'la gratteuse'.

//Куш. Oromo *hurr-* 'become fine, poudery', Burji *hurd-* 'to pound' [Sasse, 1982, p. 102].

12. Чад. **lVt-* 'молоть': Зап. Richa *lòt* 'stampfen'; Центр. Gizey, Masa, Ham, Musey, Lew, Marba *lút* 'moudre', Masa *lùt* 'moudre, broyer à l'aide d'une meule'.

Производное имя: Зап. Geji *luusi* (< **luuti*) 'pestle'.

//Сем. Arabic *ltt* 'broyer, écraser en petits morceaux en frottant' [Biberstein, 1960, II, p. 963), Куш. Hadiya *liit-* 'grind' [Hudson, 1989, p. 74].

13. Чад. **gVn-* 'молоть (грубо)': Зап. Hausa *gán-ǯàraa* 'grind corn coarsely when intending to grind finely', *gàn-ǯàree* 'coarsely ground flour'; Центр. Mbuko *gān* 'écraser (le mil)'.

Производное имя: **gVn-* 'ступа': Зап. Saya *kun* (< **k-gun*); Вост. Tumak *gə̀n,* Somrai *gìné,* Ndam *gə́nâ,* Barein (dialects) *gónó, gono, gónò,* Dangla *ìt-gìnà.*

//Сем. Arabic *wgn* 'battre avec un battoir, avec un battant' [Biberstein, 1860, II, p. 1494], Егип. *ḏn* Med 'mahlen' [Erman, Grapow, 1971, V, S. 575].

14. Чад. **tVʔ-* 'толочь, молотить (зерно)': Зап. Mwaghavul *tù* 'stampfen (Gras, Hirse)', Goemai *tù* 'pound grains', Mushere *tû,* (pl.) *twá* 'pound'; Центр. Sakun *ta* 'to grind', Buduma *ttɛ* (*wuttɛ̂*) 'dreschen'; Вост. Kera *téʔé* 'battre fort, battre le mil'.

Производное имя: Центр. Logone *tai* 'pestle'.

//Егип. *tj* Pyr 'zerstampfen, niedertreten' [Erman, Grapow, 1971, V, S. 237]; Куш. Asa *tuʔ-* 'to smash' [Ehret, 1980, p. 172], Iraqw *tuuʔ* 'to pound', Gorowa *tuuʔ* 'to pound, smash' [Kiessling, 2003, p. 271].

15. Чад. **tič-* 'молоть, толочь': Зап. Hausa *tísà* 'grind on millstone', Pero *túččò* 'pound', Bokkos *tis* 'pressen, quetschen'; Вост. Dangla *tìčē* 'marteler pour casser une amande'.

//Егип. *tjšs* AR 'mahlen (Früchte auf dem Mühlstein)' [Erman, Grapow, 1971, V, S. 243:17].

16. Чад. **ẓVh-* 'толочь (в ступе), молотить': Зап. Warji *ẓawai* 'threshing of grain'; Центр. Bachama *súwò* 'pound in a mortar', Podoko *ẓaha* 'to grind well', Mulwi *ẓùwó* 'repiler (le mil)', Dzepaw *ẓùʔù* 'piler', Mesme *ẓúʔú* 'pound'.

Производное имя: Центр. **ẓuʔ-* 'ступа': Bachama *súwè,* Masa *ẓu, ẓùu*, Dzəpaw *ẓùʔù*, Musey *ẓùẓú-nā*, Marba *ẓuẓo-da,* Peve *ẓuʔ,* Heɗe *ẓuʔu*, Gizey *ẓùw,* Ham *ẓùu,* Lew *ẓùẓú.*

//Сем. Arabic *ẓhw* (u) 'frapper, battre (d'un bâton)/бить, колотить (палкой)' [Biberstein, 1860, I, p. 1023], Ongota[4] *ẓahe* 'to grind' [Savà, 2000, p. 128].

17. Чад. **ẓVk-* 'молотить, толочь': Зап. Miya *ẓəkə* 'thresh (on ground or in mortar)'; Центр. Zina *ẓákə́* 'frapper, tuer', Dzəpaw *ʒòkò* (*ʒo-* < **ẓo-*) 'piler à petits coups'.

Производное имя: Зап. Ngas *ga-ẓak* 'roughly ground flour'.

//Сем. Arabic *ẓhk* 'broyer entre deux pierres' [Biberstein, 1860, I, p. 1022].

Еще два афразийских корня той же семантики хорошо известны (см. [Djakonoff et al., 1995, p. 16]). Однако нам удалось существенно пополнить чадскую лексику благодаря многочисленным словарям, опубликованным в последние годы, и распределить ее между двумя корневыми вариантам (с простым и эмфатическим велярными согласными).

18. Чад. **d[a]k-* 'толочь, раздавливать': Зап. Hausa *dákà* 'to pound in mortar', Bolewa *daku* 'pound in mortar', Kupto *dàkery* 'to pound', Kirfi *dàkkéy* 'pound, stamp', Warji *dakama* 'pound it!'; Центр. Bura *də̀kà* 'to beat', *dika, diga* 'to pound with a club; to thresh guinea corn', Daba *dàk* '(com) presser', Mbedam *dak* 'piétiner', *má-dák* 'bien damé', Mada *ddak* (< **ʔaddak*) 'bien tassé', Gizey *dèk,* Masa *dàk* 'damer'.

Производные глаголы: Зап. Ngamo *dàkà-tô* pound in mortar'; Центр. Daba *n-dèk* 'presser'.

Как и в семитских языках (см. ниже), в чадских представлен вариант с расширением двухсогласного корня за счет *mediae waw*: **dVwVk- > du/ok-> dukʷ-/duk-* 'бить, молотить, толочь': Зап. Hausa *dòokaa (<*dwk)* 'strike person, animal or thing', Dera *dúšè* 'to pound' (< **duke*), Tangale *tuge* 'to pound, to thrash, to thresh', Monguna *dúk* 'pound, thresh', Karfa *dûk* 'thresh'; Центр. Ouldem *-dùkʷ* 'frapper'.

Производный глагол: Центр. Bana *n-də̀kʷə̀* 'piler'.

Производное имя: Центр. Muyang *àdūkʷ* 'wooden hammer, club'.

//Сем. Akkadian *dakāku* 'to crush', *madakku* 'pestle', Arabic *dkk* 'concasser, piler, broyer, battre', *dwk* 'broyer', Ugaritic *dk(k)* 'to be pounded, ground', Aramaic *dkʔ, dkk* 'to crush', Hebrew *dwk, dkk, dkʔ* 'to pound' [Olmo Lete, Sammartín, 2014, p. 267], Куш. Oromo *daaka* 'grind', *daakuu* 'flour', Sidamo *daak-* 'grind' [Hudson, 1989, p. 74].

19. Чад. **dVḳ-* 'толочь' (> *ɗVk-,* регулярная метатеза эмфазы в тех чадских языках, которые не сохранили первичные эмфатические согласные *ḳ,ṭ,ṣ*): Зап. Hausa *dán-dàḳaa* 'pound thing on log, stone', Polchi *ɗok* 'pound', Ngizim *ɗə̀kú* 'thresh chaff from grain by pounding in mortar or on ground', Mangar *ɗuk* 'pound, stamp, beat' (general); Центр. Dari *ɗúk* 'to pound' (cf. *ɗák-təm* 'flour, powder'); Вост. Mawa *ɗuku-ŋ* 'frapper (une personne), battre (mil)', Ubi *ɗokìn* 'frapper', Bidiya *ɗòok* 'battre, frapper'.

Производный глагол: Зап. Dott *ɗuk-ti*, Geji *čok-ti* 'thresh'.

Производное имя 'ток': Центр. Gisey, Masa, Ham *mú-ɗák*, Musey *mù-ɗák,* Marba *ʔàmbì-ɗák*, Lew *ʔàmbí-ɗák* 'aire de battage'; Вост. Mawa *ɗukuŋ* 'aire de battage'.

//Сем. Akkadian *duqququ* NA 'crush', Arabic *dqq* 'être fin, pilé, broyé, fin; (con)casser, battre, frapper', Sabaic *dqq* 'flour', Hebrew *daq* (*dqq*) 'crush', Aramaic *dqq* 'reduce to powder, crush', Geez *daqaqa, daqqaqa* 'crush, pound, grind, powder', *madqaq* 'mortar for grinding, grinding slab',

---

[4] Вопрос о генетической принадлежность языка онгота (афразийский (кушитский/омотский) или нило-сахарский) находится в процессе дискуссии.

Soqotri, Mehri *daqq* ‘pound’, Gurage *däqäqe* ‘be ground fine’ [Leslau, 1987, p. 140]; Куш. Arbore *ḍekḳat* ‘grindstone’ [Hayward, 1984, p. 422], Somali *duqee* ‘to pound’ [Lulig, 1987, p. 164], Dahalo *d’uk’-* ‘to be broken’ [Tosco, 1991, p. 154], Егип. *dḳw* Med ‘Pulver, Mehl’ [Erman, Grapow, 1971, V, S. 494].

Основываясь на приведенных выше этимологиях, можно высказать следующие соображения:

1. Чадская сельскохозяйственная лексика явно восходит к праафразийскому уровню – об этом свидетельствуют многочисленные когнаты в семитских, египетском, кушитских и омотских языках. За исключением двух последних этимологий, семитский материал был представлен не общесемитскими корнями, а лишь отдельными формами в аккадском, сабейском и эфиосемитских языках. Интересно, что именно носители этих языков являлись земледельцами. Логично, что именно они сохранили архаичную лексику, в то время как в языках кочевых народов (например, в арабском) она была утрачена.

2. В афразийских языках представлены многочисленные и хорошо документированные термины, связанные с обработкой зерна. Обилие подобной лексики характерно и для отдельных чадских языков, разумеется, если они хорошо описаны. Так, словарь языка Хауса (Hausa) [Bargery, 1934] включает девять глаголов с вышеназванной семантикой: *nîḳà* ‘grind to small particles or powder on millstone’, *bárẓà* ‘grind flour coarsely’, *gárɓà* ‘intentionally grind coarsely’, *rèedaa* ‘grind to flour’, *tísà* ‘grind on millstone’; *dákà* ‘pound in mortar’, *kírɓà* ‘pound moist things’, *dán-dàḳaa* ‘pound thing on log, stone’, *gánʒàraa* ‘grind corn coarsely when intending to grind finely’[5].

3. Следует еще упомянуть, что земледельческая лексика аккадского языка (например, *marru* ‘spade, shovel’, *ganû* ‘field’, *ikkaru* ‘ploughman’, и др.) в традиционной семитологии трактуется как заимствования из шумерского. Затем, уже из аккадского, заимствованная лексика могла попасть и в другие семитские языки. Важно отметить, что в нашем случае ни один из аккадских когнатов не помечен в словаре как заимствование – это повышает надежность этимологий. Кроме того, показано, что в аккадском языке существовал и пласт оригинальной лексики. Этот факт ставит под сомнение традиционное представление о тотальном заимствовании аккадской земледельческой лексики из шумерского языка.

Условные обозначения лингвистических периодов

Аккадских язык:
OB – старо-вавилонский
MB – средне-вавилонский
NA – ново-ассирийский
OA – старо-аккадский

Египетский язык:
AR – Древнее царство
MK – Среднее царство
Med – медицинские тексты
NK – Новое царство
Pyr – «Тексты пирамид»

[5] В этот список не включены глаголы с синхронной полисемией «бить, молоть».

Литература / References

Bargery G. P. *A Hausa-English Dictionary*. London, 1934.

Beeston A. F. L., Ghul M. A., Müller W. W., Ryckmans J. *Sabaic Dictionary.* Louvain-la-Neuve, 1982.

Bender L. M. *Proto-Omotic Phonology and Lexicon.* Carbondale, 2003.

Biberstein-Kazimirski A. de. *Dictionnaire arabe-français.* Paris, 1860.

Diakonoff I., Belova A., Militarev A., Porkhomovsky V. Historical Comparative Vocabulary of Afrasian. Issue 3 // *St-Petersburg Journal of African Studies.* 1995. 4. Pp. 7–38.

Ehret Ch. Proto-Cushitic Reconstruction // *Sprache und Geschichte in Afrika*. 1987. 8. Pp. 7–180.

Erman A., Grapow H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache.* Bd. I–VI. Berlin, 1971.

Gelb I. J. (ed.). *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago.* Glückstadt, 1956–1999.

Hayward R. J. *The Arbore Language*. Hamburg, 1984.

Hudson G. *Highland East Cushitic Dictionary.* Hamburg, 1989.

Kiessling R., Mous M. *The Lexical Reconstruction of West-Rift Southern Cushitic.* Köln, 2003.

Köhler L., Baumgartner W. *Wörterbuch zum hebräischen alten Testament.* Leiden, 1958.

Lamberti M. *Die Shinasha-Sprache.* Heidelberg, 1983.

Leslau W. *Comparative Dictionary of Ge'ez.* Wiesbaden, 1987.

Leslau W. *Lexique Soqoṭri.* Paris, 1938.

Luling U. *Somali-Ebglish Dictionary.* Wheaton, 1987.

Militarev A. The Proto-Afrasian Farming Lexicon // *Examing the farming language dispersal hypothesis.* Cambridge, 2009. Pp. 135–150.

Olmo Lete G. del, Sammartín J. *A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition.* Vol. 1. Leiden, Boston, 2014.

Reinish L. *Die Chamirsprache in Abessinien*. Wien, 1884.

Sasse H.-J. *Etymological Dictionary of Burji.* Hamburg, 1982.

Savà G., Tosco M. A Sketch on Ongotta // *Stidies in Arican Linguistics*. 2000. 29(2). Pp. 59–135

Stolbova O. *Chadic Lexical Database.* Issue III. URL: https://chadicnewsletter.wordpress.com/download/ (дата обращения 7.10.2018).

Tosco M. *A Grammatical Sketch of Dahalo.* Hamburg, 1991.

Подписано в печать 22.10.2018. Формат 60х84/8
Бумага офсетная 80 г/м2. Печать цифровая
Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond
Объем 21,7 печ.л.
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел: 8 (495) 322 38 31
www.t8print.ru